



ISSN 2077-1770

СОВРЕМЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ

Modern Studies of Social Issues

WWW.SOC-JOURNAL.RU

Том 12, № 5
2020

СОВРЕМЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ

Периодическое научное издание

Основано в 2009 г.

Том 12, № 5, 2020

Главный редактор – **Т.А. Магсумов**

Зам. главного редактора – **Н.П. Копцева, И.В. Корнилова, Ф.Х. Тарасова**

Шеф-редактор – **Максимов Я.А.**

Выпускающие редакторы – **Доценко Д.В., Максимова Н.А.**

Корректор – **Зливко С.Д.**

Компьютерная верстка, дизайн – **Орлов Р.В.**

Технический редактор, администратор сайта – **Бяков Ю.В.**

MODERN STUDIES OF SOCIAL ISSUES

Printed Scientific Periodical Edition

Founded in 2009

Volume 12, Number 5, 2020

Editor-in-Chief – **T.A. Magsumov**

Deputy Editors – **N.P. Koptseva, I.V. Kornilova, F.H. Tarasova**

Chief Editor – **Ya.A. Maksimov**

Managing Editors – **D.V. Dotsenko, N.A. Maksimova**

Language Editor – **S.D. Zlivko**

Design and Layout – **R.V. Orlov**

Support Contact – **Yu.V. Byakov**

Красноярск, 2020

Научно-Инновационный Центр

Красноярск, 2020

Science and Innovation Center Publishing House

12+

Современные исследования социальных проблем, Том 12, № 5, 2020, 396 с.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) (свидетельство ПИ № ФС 77-39176 от 17.03.2010) и Международным центром ISSN (ISSN 2077-1770).

Журнал выходит четыре раза в год

На основании заключения Президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки России журнал включен в Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются. За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы публикаций. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов. При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Журнал представлен в полнотекстовом формате в Научной электронной библиотеке в целях создания Российского индекса научного цитирования (РИНЦ). ИФ РИНЦ 2016 = 0,601.

Адрес редакции, издателя и для корреспонденции:

660127, г. Красноярск, ул. 9 Мая, 5 к. 192

E-mail: sisp@nkras.ru

www.soc-journal.ru

Подписной индекс в каталогах «Пресса России» – 94088, «СИБ-Пресса» – 94088

Учредитель и издатель:

Издательство ООО «Научно-инновационный центр»

Science and Innovation Center Publishing House

Modern Studies of Social Issues, Volume 12, Number 5, 2020, 396 p.

The edition is registered (certificate of registry PE № FS 77-39176) by the Federal Service of Intercommunication and Mass Media Control and by the International center ISSN (ISSN 2077-1770).

The journal is published 4 times per year

All manuscripts submitted are subject to double-blind review.

The journal is included in the Reviewing journal and Data base of the RISATI RAS. Information about the journal issues is presented in the RISATI RAS catalogue and accessible online on the Electronic Scientific Library site in full format, in order to create Russian Science Citation Index (RSCI). The journal has got a RSCI impact-factor (IF RSCI). IF RSCI 2016 = 0,601.

Address for correspondence:

9 Maya St., 5/192, Krasnoyarsk, 660127, Russian Federation

E-mail: sisp@nkras.ru

www.soc-journal.ru

Subscription index in the General catalog «The Russian Press» – 94088,

«SIB-Press» – 94088

Published by Science and Innovation Center Publishing House

Свободная цена

© Научно-инновационный центр, 2020

Члены редакционной коллегии

Gian Luca Bonora – Archaeologist, Director of the Italian Archaeological Expedition in Kazakhstan, Professor of Central and Middle Archaeology, International Association of Mediterranean and Oriental Studies (Rome, Italy); Professor, Professor of Cultural Anthropology, Pontifical University Antonianum (Rome, Italy)

Абрамов Валерий Петрович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка как иностранного, заслуженный деятель науки РФ, Кубанский государственный университет (Краснодар, Российская Федерация)

Абросимов Виктор Николаевич – кандидат педагогических наук, ректор и профессор ПОО-ЧУ «Высшая школа социальных отношений» (Минусинск, Российская Федерация)

Алефиренко Николай Федорович – доктор филологических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, Почетный работник профессионального образования РФ, Белгородский государственный национальный исследовательский университет (Белгород, Российская Федерация)

Алферов Александр Владимирович – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры французской филологии и межкультурной коммуникации, Пятигорский государственный университет (Пятигорск, Российская Федерация)

Балашова Любовь Викторовна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского (Саратов, Российская Федерация)

Беляева Лариса Николаевна – доктор филологических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, профессор кафедры образовательных технологий в филологии, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Богданович Галина Юрьевна – доктор филологических наук, профессор, декан факультета славянской филологии и журналистики, зав. кафедрой межкультурных коммуникаций и журналистики, Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского (Таврическая академия) (Симферополь, Российская Федерация)

Бочкова Ольга Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры «Иностранные языки и профессиональная коммуникация», ФГБОУ ВО «Саратов-

ский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А.» (Саратов, Российская Федерация)

Валеев Наиль Мансурович – доктор филологических наук, профессор, академик Академии наук Республики Татарстан (АН РТ), Академик-секретарь Отделения гуманитарных наук ГНБУ «Академия наук Республики Татарстан» (Казань, Российская Федерация)

Воркачев Сергей Григорьевич – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры иностранных языков, Кубанский государственный технологический университет (Краснодар, Российская Федерация)

Галиева Фарида Габдулхаевна – доктор филологических наук, кандидат исторических наук, заведующий отделом этнографии ФГБУН «Институт этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева» Уфимского научного центра РАН, доцент Филиала МГПУ им. М.А. Шолохова в г. Уфе (Уфа, Российская Федерация)

Гапоненков Алексей Алексеевич, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского (Саратов, Российская Федерация)

Гасанов Магомед Магомедович – доктор исторических наук, профессор, проректор по учебной работе, заведующий кафедрой истории России с древнейших времен до конца XIX в., Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Дагестанский государственный университет» (Махачкала, Российская Федерация)

Готовцева Анастасия Геннадьевна – доктор филологических наук, доцент, доцент кафедры литературной критики факультета журналистики Института масс-медиа, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный гуманитарный университет» (Москва, Российская Федерация)

Григорьева Татьяна Михайловна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка, литературы и речевой коммуникации, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Сибирский федеральный университет» (Красноярск, Российская Федерация)

Гриценко Галина Дмитриевна – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник, Федеральное государственное бюджетное учреждение

науки Южный научный центр Российской академии наук (Ростов-на-Дону, Российская Федерация)

Доценко Дмитрий Васильевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных и русского языков, Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М.А.Бонч-Бруевича (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Зубова Яна Валерьевна – доктор социологических наук, профессор, заместитель директора по учебной работе, Филиал ФГБОУ ВО «Ухтинский государственный технический университет» в г. Усинске (Усинск, Российская Федерация)

Зуляр Юрий Анатольевич – доктор исторических наук, доцент, декан исторического факультета, заведующий кафедрой политологии, истории и регионоведения ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет» (Иркутск, Российская Федерация)

Иванова Елизавета Васильевна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английской филологии и перевода, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Иванюшина Ирина Юрьевна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского (Саратов, Российская Федерация)

Катермина Вероника Викторовна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английской филологии, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» (Краснодар, Российская Федерация)

Колмогорова Анастасия Владимировна – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой романских языков и прикладной лингвистики, профессор кафедры, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Сибирский федеральный университет» (Красноярск, Российская Федерация)

Корниенко Алла Алексеевна – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой французской филологии и межкультурной коммуникации ИРГЯИИГТ Пятигорский государственный университет (Пятигорск, Российская Федерация)

Куприева Ирина Анатольевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации, Белгородский государственный национальный исследовательский университет (Белгород, Российская Федерация)

Литвин Александр Алтерович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной истории Высшей школы исторических наук и всемирного культурного наследия Института международных отношений, истории и востоковедения, ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет» (Казань, Российская Федерация)

Марусенко Михаил Александрович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой романской филологии, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Матвеева Галина Григорьевна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры «Мировые языки и культуры», Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донской государственный технический университет» (Ростов-на-Дону, Российская Федерация)

Мацневский Герман Олегович – доктор исторических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Краснодарский государственный институт культуры» (Краснодар, Российская Федерация)

Минченко Татьяна Петровна – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии и социальных наук, Томский государственный педагогический университет (Томск, Российская Федерация)

Мостицкая Наталья Дмитриевна – кандидат культурологии, доцент, заведующая аспирантурой, Государственный институт искусствознания (Москва, Российская Федерация)

Наумов Владимир Викторович – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Патюкова Регина Валерьевна – доктор филологических наук, профессор, и.о. зав.кафедрой рекламы и связей с общественностью, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» (Краснодар, Российская Федерация)

Покришук Дмитрий Владимирович – кандидат политических наук, преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный гуманитарный университет» (Москва, Российская Федерация)

Поповкин Андрей Владимирович – кандидат философских наук, заведующий кафедрой философии ДВО РАН ФГБУН Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук (Владивосток, Российская Федерация)

Поповкина Галина Сергеевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела этнографии, этнологии и антропологии ДВО РАН ФГБУН Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук (Владивосток, Российская Федерация)

Прозоров Валерий Владимирович – доктор филологических наук, профессор, научный руководитель Института филологии и журналистики, заведующий кафедрой общего литературоведения и журналистики, Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского (Саратов, Российская Федерация)

Пулькин Максим Викторович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора истории ФГБУН Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра Российской академии наук (Петрозаводск, Российская Федерация)

Рядчикова Елена Николаевна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры общего и славяно-русского языкознания, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» (Краснодар, Российская Федерация)

Саенко Наталья Ряфиковна – доктор философских наук, кандидат филологических наук, профессор, профессор кафедры «Центр гуманитарного образования», федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский политехнический университет» (Москва, Российская Федерация)

Серов Николай Викторович – доктор культурологии, профессор, Оптическое общество имени Д.С. Рождественского (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Склярова Наталья Геннадиевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры теории и практики английского языка, ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет» (Ростов-на Дону, Российская Федерация)

Страусов Виктор Никитович – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры лингвокоммуникативистики и прикладных иностранных языков, Пятигорский государственный университет (Пятигорск, Российская Федерация)

Судовиков Михаил Сергеевич – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры отечественной истории и этнологии, Федеральное государствен-

ное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Вятский государственный университет», директор Кировского областного государственного бюджетного учреждения культуры «Кировский областной краеведческий музей», руководитель научно-исследовательского Центра регионоведения Кировского областного государственного бюджетного учреждения культуры «Кировская орден Почета государственная универсальная областная научная библиотека имени А.И. Герцена» (Киров, Российская Федерация)

Султангалиева Гульмира Салимжановна – доктор исторических наук, профессор кафедры истории, Казахский национальный университет имени Аль-Фараби (Алматы, Республика Казахстан)

Темирболат Алуа Берикбайкызы – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой казахской литературы и теории литературы, Казахский национальный университет имени Аль-Фараби (Алматы, Республика Казахстан)

Тетюев Леонид Иванович – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры этики и эстетики философского факультета, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского (Саратов, Российская Федерация)

Филимонова Ольга Федоровна – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры «Философия», Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А. (Саратов, Российская Федерация)

Фриауф Василий Александрович – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры теологии и религиоведения, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского (Саратов, Российская Федерация)

Хошимова Хуршеда Абдумановна – кандидат филологических наук, научный секретарь, Институт языка и литературы им. Рудаки Академии наук Республики Таджикистан (Душанбе, Республика Таджикистан)

Шалекенов Мурат Уахитович – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры археологии, этнологии и музеелогии, Казахский национальный университет имени Аль-Фараби (Алматы, Республика Казахстан)

Широкалова Галина Сергеевна – доктор социологических наук, кандидат философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии, социологии и политологии ФГБОУ ВО «Нижегородская государственная сельскохозяйственная академия» (Нижний Новгород, Российская Федерация)

Editorial Board Members

Gian Luca Bonora – Archaeologist, Director of the Italian Archaeological Expedition in Kazakhstan, Professor of Central and Middle Archaeology, International Association of Mediterranean and Oriental Studies (Rome, Italy); Professor, Professor of Cultural Anthropology, Pontifical University Antonianum (Rome, Italy)

Valery P. Abramov – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Russian as a Foreign Language, Honored Scientist of the Russian Federation, Kuban State University (Krasnodar, Russian Federation)

Viktor N. Abrosimov – Candidate of Pedagogy (Ph.D. in Pedagogy), Rector and Professor of the PEO-PI “Higher school of social relationships” (Minusinsk, Russian Federation)

Nikolay F. Alefirenko – Doctor of Philology, Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation, Honored Worker of Professional Education of the Russian Federation, Belgorod State National Research University (Belgorod, Russian Federation)

Alexander V. Alferov – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of French Philology and Intercultural Communication, Pyatigorsk State University (Pyatigorsk, Russian Federation)

Lyubov V. Balashova – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Theory, History of Language and Applied Linguistics, Saratov National Research University named after N.G. Chernyshevsky (Saratov, Russian Federation)

Larisa N. Belyaeva – Doctor of Philology, Professor, Honored Scientist of Russia, Professor of the Department of Educational Technology in Philology, Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen (St. Petersburg, Russian Federation)

Galina Yu. Bogdanovich – Doctor of Philology, Professor, Dean of the Faculty of Slavic Philology and Journalism, Head of the Inter-Language Communications and Journalism Department, Vernadsky Crimean Federal University (Tavrisheskaya Academy) (Simferopol, Russian Federation)

Olga S. Bochkova – Candidate of Philology, Associate Professor of the Department “Foreign Languages and Professional Communication”, Saratov State Technical University named after Gagarin Y.A. (Saratov, Russian Federation)

Nail M. Valeev – Doctor of Philology, Professor, Academician of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Academician-Secretary of the Department

of Humanitarian Sciences, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (Kazan, Russian Federation)

Sergey G. Vorkachev – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Foreign Languages, Kuban State Technological University (Krasnodar, Russian Federation)

Farida G. Galiyeva – Doctor of Philology, Candidate of Historical Sciences, Head of the Department of Ethnography, Institute of Ethnological Research named after R.G. Kuzeev, Ufa Science Center, RAS (Ufa, Russian Federation)

Aleksey A. Gaponenkov, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Russian and Foreign Literature, Saratov National Research University named after N.G. Chernyshevsky (Saratov, Russian Federation)

Magomed M. Gasanov – Doctor of History, Professor, Pro-Rector for Academic Affairs, Head of the Department of Russian History from ancient times until the end of the 19th century, Dagestan State University (Makhachkala, Russian Federation)

Anastasia G. Gotovtseva – Doctor of Philology, Associate Professor, Department of Literary Criticism, Journalism Faculty, Institute of Mass Media, Russian State Humanitarian University (Moscow, Russian Federation)

Tatyana M. Grigorieva – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Russian Language, Literature and Speech Communication, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation)

Galina D. Gritsenko – Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher, Southern Scientific Center of Russian Academy of Sciences (Rostov-on-Don, Russian Federation)

Dmitry V. Dotsenko – Candidate of Philology (Ph.D. in Philology), Assistant Professor of the Department of Foreign and Russian Languages, The Bonch-Bruевич Saint-Petersburg state university of communication (St. Petersburg, Russian Federation)

Yana V. Zubova – Doctor of Sociology, Professor, Deputy Director for Academic Affairs, Branch of the State Educational Establishment of the Ukhta State Technical University in Usinsk (Usinsk, Russian Federation)

Yury A. Zulyar – Doctor of History, Associate Professor, Dean of the Faculty of History, Head of the Department of Political Science, History and Regional Studies, Irkutsk State University (Irkutsk, Russian Federation)

Elizaveta V. Ivanova – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of English Philology and Translation, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation)

Irina Yu. Ivanyushina, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Russian and Foreign Literature, Saratov National Research University named after N.G. Chernyshevsky (Saratov, Russian Federation)

Veronika V. Katermina – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of English Philology, Kuban State University (Krasnodar, Russian Federation)

Anastasia V. Kolmogorova – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Romance Languages and Applied Linguistics, Professor of the Department, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation)

Alla A. Kornienko – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of French Philology and Intercultural Communication, Pyatigorsk State University (Pyatigorsk, Russian Federation)

Alexander A. Litvin – Doctor of History, Professor, Head of the Department of National History of the Higher School of Historical Sciences and World Cultural Heritage of the Institute of International Relations, History and Oriental Studies, Kazan Federal University (Kazan, Russian Federation)

Irina A. Kupriyeva – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of English Philology and Intercultural Communication, Belgorod State National Research University (Belgorod, Russian Federation)

Mikhail A. Marusenko – Doctor of Philology, Professor, Head of the Chair of Romance Philology, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation)

Galina G. Matveeva – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Chair “World Languages and Cultures”, Don State Technical University (Rostov-on-Don, Russian Federation)

German O. Matsievsky – Doctor of History, Associate Professor, Krasnodar State Institute of Culture (Krasnodar, Russian Federation)

Tatyana P. Minchenko – Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Philosophy and Social Sciences, Tomsk State Pedagogical University (Tomsk, Russian Federation)

Natalia D. Mostitskaya – Candidate of Culturology (Ph.D. in Culturology), Associate Professor, Head of the graduate school, State Institute for Art Studies (Moscow, Russian Federation)

Vladimir V. Naumov – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Chair of Linguistics and Intercultural Communication, St. Petersburg Polytechnic University (St. Petersburg, Russian Federation)

Regina V. Patyukova – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Advertising and Public Relations, Kuban State University (Krasnodar, Russian Federation)

Dmitry V. Pokrishchuk – Candidate of Political Sciences (Ph.D. in Political Sciences), Lecturer of the Department of Humanitarian and Social and Economic Disciplines, Russian State Humanitarian University (Moscow, Russian Federation)

Andrey V. Popovkin – Candidate of Philosophy (Ph.D. in Philosophy), Head of the Department of Philosophy, Institute of History, Archeology and Ethnography of Peoples of the Far East of the Far-Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (Vladivostok, Russian Federation)

Galina S. Popovkina – Candidate of History (Ph.D. in History), Senior Researcher, Department of Ethnography, Ethnology and Anthropology Institute of History, Archeology and Ethnography of Peoples of the Far East of the Far-Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (Vladivostok, Russian Federation)

Valery V. Prozorov – Doctor of Philology, Professor, Scientific Director of the Institute of Philology and Journalism, Head of the Department of General Literature and Journalism, Saratov State University (Saratov, Russian Federation)

Maksim V. Pulkin – Candidate of History (Ph.D. in History), Senior Fellow of the History Sector, Institute of Language, Literature and History of the Karelian Research Center of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russian Federation)

Natalia R. Sayenko – Doctor of Philosophy, Candidate of Philology, Professor, Professor of the Center for Humanitarian Education, Moscow Polytechnic University (Moscow, Russian Federation)

Elena N. Ryadchikova – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of General and Slavic-Russian Linguistics, Kuban State University (Krasnodar, Russian Federation)

Nikolay V. Serov – Doctor of Culturology, Professor, D. Rozhdestvensky Optical Society (St. Petersburg, Russian Federation)

Natalia G. Sklyarova – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Theory and Practice of English, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russian Federation)

Victor N. Strausov – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Chair of Linguistic Communication and Applied Foreign Languages, Pyatigorsk State University (Pyatigorsk, Russian Federation)

Mikhail S. Sudovikov – Doctor of History, Professor, Professor of the Department of National History and Ethnology, Vyatka State University, Director of the Kirov Regional State Budgetary Cultural Institution “Kirov Regional Museum of Local Lore”, Head of the Research Center for Regional Studies of the Kirov Regional State Budget cultural institutions “Kirov Order of Honor State Universal Scientific Library named after A.I. Herzen” (Kirov, Russian Federation)

Gulmira S. Sultangalieva – Doctor of History, Professor of the Department of History, Al-Farabi Kazakh National University (Almaty, Republic of Kazakhstan)

Alua B. Temirbolat – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Kazakh Literature and Theory of Literature, Al-Farabi Kazakh National University (Almaty, Republic of Kazakhstan)

Leonid I. Tetyuyev – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Ethics and Aesthetics of the Faculty of Philosophy, Saratov National Research University named after N.G. Chernyshevsky (Saratov, Russian Federation)

Olga F. Filimonova – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Philosophy Department, Saratov State Technical University named after Gagarin Yu.A. (Saratov, Russian Federation)

Vasily A. Friauf – Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Theology and Religious Studies, Saratov National Research University named after N.G. Chernyshevsky (Saratov, Russian Federation)

Khurshida A. Khoshimova – Candidate of Philology (Ph.D. in Philology), Scientific Secretary, Institute of Language and Literature named after Rudaki of the Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan (Dushanbe, Republic of Tajikistan)

Murat U. Shalekenov – Doctor of History, Professor, Professor of the Department of Archeology, Ethnology and Museology, Al-Farabi Kazakh National University (Almaty, Republic of Kazakhstan)

Galina S. Shirokalova – Doctor of Sociology, Candidate of Philosophy (Ph.D. in Philosophy), Professor, Head of the Department of Philosophy, Sociology and Political Science, Nizhny Novgorod State Agricultural Academy (Nizhny Novgorod, Russian Federation)

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

LANGUAGE STUDIES

DOI: 10.12731/2077-1770-2020-5-14-37

УДК 81-42

ПОСТМОДЕРНИСТСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ В ТВОРЧЕСТВЕ Э. ЕЛИНЕК

Акашева Т.В., Рахимова Н.М.

В настоящей статье исследуются постмодернистские тенденции в ранних прозаических произведениях современной австрийской писательницы, лауреата Нобелевской премии 2004 г. в области литературы Э. Елинек. Актуальность исследования обусловлена новым осмыслением текстов Елинек в постмодернистской парадигме.

Цель исследования заключается в выборочном анализе ранних прозаических произведений Э. Елинек с точки зрения постмодернистской эстетики и выявления постмодернистских признаков в теме, интенции, содержании и структуре произведений.

Методы исследования: контекстуальный анализ, литературоведческий анализ, метод описания, сравнительно-сопоставительный анализ и интерпретация. *Материалом исследования* послужили монографические труды по теории и истории постмодернизма, раскрывающие причины его возникновения и философские основы, а также критические и литературоведческие статьи, посвященные творчеству Э. Елинек и выборочные ранние прозаические произведения автора.

Результаты. Исследование показало, что в прозаических произведениях Э. Елинек в полной мере проявляется постмодернистское мироощущение и основные черты литературного постмодерна: отрицание целостности героя и личности, стратегии мифоразрушения, интертекстуальность, коллажная техника, маргиналь-

ность, игровое использование трансформированных цитат, аллюзий, нулевая сюжетность, наличие юродивых героев, критика рационализма и логоцентризма, полный отказ от ангажированности. Многослойность текстов и игра со смыслами Э. Елинек ведут к неоднозначности интерпретаций.

Практическое применение результатов исследования. Материалы данного исследования могут быть использованы при подготовке спецкурсов и учебных пособий по современной австрийской литературе.

Ключевые слова: современная австрийская литература; Э. Елинек; постмодернизм; интертекст; интерпретация; демифологизация; маргинальность.

POSTMODERN TENDENCIES IN THE WORKS OF E. JELINEK

Akasheva T.V., Rakhimova N.M.

This article examines postmodern trends in the early prose works of the contemporary Austrian writer, winner of the 2004 Nobel prize in literature, E. Jelinek. The relevance of the research is due to a new understanding of the texts of Jelinek in the post-modern paradigm.

The aim of the research is to selectively analyze the early prose works of E. Jelinek from the point of view of postmodern aesthetics and identify postmodern features in the theme, intent, content and structure of the works.

Methods of research: contextual analysis, literary analysis, method of description comparative analysis and interpretation. **The research material** is monographic works on the theory and history of postmodernism, revealing the reasons for its origin and philosophical foundations, as well as critical and literary articles devoted to the work of E. Jelinek and selected early prose of the author.

Results. The study showed that in the prose works of E. Jelinek, the postmodern worldview and the main features of literary postmodernism

are fully manifested, i.e. denial of the integrity of the hero and personality, strategies of myth-destruction, intertextuality, collage technique, marginality, game use of transformed quotes, allusions, zero plot, presence of fools, criticism of rationalism and logocentrism, complete rejection of engagement. Multilayered texts and play with meanings by E. Jelinek lead to ambiguity of interpretations.

Practical application of the research results. *The materials of this research can be used in the preparation of special courses and textbooks on modern Austrian literature.*

Keywords: *contemporary Austrian literature; E. Jelinek; postmodernism; intertext; interpretation; destruction of myths; marginality.*

Современная австрийская писательница, лауреат Нобелевской премии 2004 г. в области литературы Эльфрида Елинек (Elfriede Jelinek) известна не только как талантливый литератор, драматург и переводчик, но и как общественный деятель, открыто высказывающая собственную точку зрения по актуальным и противоречивым вопросам и событиям сегодняшней эпохи. Основной темой ее произведений являются общечеловеческие проблемы современного общества: политическая и социальная несправедливость, униженное положение женщины, жесткость к детям, отсутствие толерантности к иммигрантам, потребительство. Кроме того, в своих произведениях она уделяет большое внимание внутренним австрийским проблемам: вымышленный миф об австрийском экономическом чуде и идеализация жизни в австрийской провинции, ответственность за нацистское прошлое.

Творчество Э. Елинек, сочетающее активную гражданскую позицию и литературное дарование, всегда вызывало большой интерес у исследователей, что выражается в широкой критике ее произведений и в обилии научных публикаций и рецензий. Рассмотрение произведений Э. Елинек в контексте традиционного реалистически-критического подхода не дает полное представление о творчестве Э. Елинек, скорее наоборот, может привести к непониманию или даже резкой критике авторской этической позиции. В данной

статье мы рассмотрим наиболее известные ранние прозаические произведения автора в постмодернистской парадигме, что обосновывает новизну. Такой подход, с нашей точки зрения, позволит лучше понять, с одной стороны, такое сложное и неоднозначное явление, как постмодернизм, с другой – по-новому осмыслить тексты Э. Елинек, в чем и заключается актуальность настоящей статьи. Объектом исследования выступают постмодернистские тенденции в прозаических произведениях Елинек.

В зарубежном литературоведении творчество Э. Елинек привлекает внимание многих ученых, рассматривающих ее творчество с разных точек зрения. Среди самых крупных исследователей: М. Бруннер, А. Доль, К. Гюртлер, Ж. Хоффман, М. Фишер, Э. Шпанланг, М. Янц. и др.

Из фундаментальных работ следует отметить монографию профессора Берлинского университета М. Янц «*Elfriede Jelinek*», в которой представлен комплексный литературоведческий анализ ранних произведений [31]. Вовлечение вертикального контекста позволило исследователю рассмотреть тексты Э. Елинек, содержащую критику современной действительности, и выявить главную авторскую индивидуальную стилеобразующую особенность, направленную на разрушение мифов современного общества.

Демифологизация в произведениях Э. Елинек рассматривается также в работе М. Фишера «*Trivialmythen in Elfriede Jelineks Romanen “Die Liebhaberinnen” und “Die Klavierspielerin”*» [30]. Анализируя романы Э. Елинек «Любовницы» и «Пианистка», он фокусирует внимание на разрушении тривиальных мифов, таких как «равенство шансов для всех», «счастье женщины исключительно в замужестве», «гендерное равноправие». Кроме того, Фишер выявляет воздействие мифов на развитие персонажей произведений, определяет мифопорождающий потенциал женских журналов, современных СМИ, имеющих в обществе стереотипов.

Литературовед Э. Шпанланг в работе «*Эльфрида Елинек. Исследование раннего творчества*» отмечает органичную интертекстуальность текстов, являющуюся мифоразрушающим приемом [34]. В

целом, в зарубежном литературоведении хорошо исследованы интертекстуальные связи текстов Э. Елинек с произведениями таких авторов, как Ф. Кафка, Э. Хорват, Р. Музиль, Р.М. Рильке, Гельдерлин, Ж.-П. Сартр, А. Камю, И. Бахманн и др., о чем свидетельствуют работы А. Борман, Д. Бурдорф, Г. Финней, З. Шмид-Бортеншлагер.

Среди многочисленных работ, посвященных стилевым авторским особенностям Э. Елинек, необходимо выделить труды М. Зандлер [32] и У. Шлестаг [33] о языковой игре, характерной как для драматических произведений писательницы, так и прозаических произведений. Автор часто играет со смыслами, использует прием контаминации, помещает слово в необычный для него контекст, что делает чтение творческим процессом. Таким образом, творчество Э. Елинек широко изучается в зарубежном литературоведении, а «основные направления исследований: феминистские идеи, гендерные отношения, интертекстуальность, критика общества, а также языковое мастерство автора» [1, с. 12].

В отечественном литературоведении также наблюдается устойчивый интерес к творчеству Э. Елинек. Прежде всего, это работы известных германистов-литературоведов А.В. Белобратова [6], Г.В. Кучумовой [22], А.В. Плахиной [25] и др., рассматривающих ее творчество в контексте современной австрийской литературы и исследующих ее приемы мифодеструкции. А.В. Белобратов глубоко изучает интертекстуальные связи текстов Э. Елинек и мастерство автора в работе со словом [8; 6]. Все исследователи в произведениях Э. Елинек в той или иной степени отмечают ее непримиримость к любой несправедливости, критику роли и положения женщины в семье и обществе, разоблачение политических и экономических мифов, что позволяет назвать ее, по мнению Залесовой-Докторовой, «совестью австрийской нации» [19, с. 91]. Изображаемый писательницей художественный мир кажется страшным, тяжёлым, лишенным просвета и надежды. Сама Э. Елинек не скрывает свой пессимизм и ничего не приукрашивает в своих произведениях [Там же].

Кроме вышеуказанных тем, в отечественном литературоведении широко изучаются мифоразрушающие приемы (Т.В. Акашева

[1]), гендерные взаимоотношения (Е.В. Соколова [26]), феминистские идеи в произведениях Э. Елинек (А.Э. Воротникова [9]), языковое мастерство автора (А.В. Белобратов [7], Л.Е. Остапова [24], Т.В. Акашева [2] и др.), проблемы перевода (Т.В. Акашева, Н.М. Рахимова [3; 4]). В последнее время, как следует из доклада А.В. Белобратова на съезде Российского союза германистов в декабре 2019 г., особое внимание уделяется постмодернистской природе «текстов для театра». С 2008 г. Елинек не пишет прозаических произведений, т.к. написание пьес для нее является способом общения с миром: «Es ist ein öffentliches Sprechen, auf der Bühne, das ich mir als literarische Aufgabe stelle» [29, S. 141]. Это не пьесы в нашем привычном понимании, это именно тексты для сцены, отражающие противоречия эпохи, доставляющие эстетическое и эмоциональное наслаждение наряду с отвращением, которые следует оценивать только в культурно-историческом контексте [6]. Данное существование текста и его взаимодействие с культурно-историческим пространством, по мнению А.В. Белобратова, в полной мере соотносятся с постмодернистской парадигмой, хотя сама автор неохотно «вписывает» себя в какие-либо рамки [7, с. 288].

Постмодернизм отрицает незыблемый авторитет автора как источника смысла и истины. Таким образом, чтение утрачивает черту пассивности, а роль читателя как активного интерпретатора смыслов становится основополагающей. При этом чтение – это уже не просто акт деятельности, это творческий акт. Творческий подход к чтению произведений Э. Елинек, взгляд на них с точки зрения постмодернистской парадигмы, несомненно, позволит расшифровать за многослойными, не простыми текстами с обилием трансформированных цитат, маргинальной тональностью тот код, который заложен автором. Реалистически-критический подход к произведениям Э. Елинек не имеет смысла, следствием этого может стать неприятие, непонимание и резкая критика авторской этической позиции, о чем свидетельствует рецепция произведений как на родине автора, так и за рубежом. Вместо того, считает А.В. Белобратов, чтобы распознать «весть», понять «для чего» она так пи-

шет, критика обрушивается на «вестника» [Там же. с. 286]. В свою очередь, многослойность смыслов текстов Елинек, структура ее романов могут помочь лучше понять такое сложное и неоднозначное явление, как постмодернизм. Итак, цель исследования заключается в выборочном анализе ранних прозаических произведений Э. Елинек с точки зрения постмодернистской эстетики и выявления постмодернистских признаков в теме, интенции, содержании и структуре произведений.

Методы исследования: контекстуальный анализ, литературоведческий анализ, метод описания, сравнительно-сопоставительный анализ и интерпретация. Материалом исследования послужили монографические труды по теории и истории постмодернизма, раскрывающие причины его возникновения и философские основы, а также критические и литературоведческие статьи, посвященные творчеству Э. Елинек и выборочные ранние прозаические произведения автора.

Ряд исследователей придерживается точки зрения, что явление постмодернизма отнюдь не представляет собой нечто новое, ранее неизвестное.

Д. Затонский постулирует периодическое чередование в истории «идеологических опьянений», под которыми он понимает модернистские парадигмы, и «деидеологизированных похмелий», т.е. парадигм постмодернистских [20]. Согласно Затонскому, само наше существование движимо противоречиями, полное устранение которых приведет к замиранию жизни. Таким образом, гармония, бесконфликтность не могут быть достигнуты без того, чтобы жизнь не лишилась движения, не лишилась своей динамики. Очередное наступление постмодернизма бывает вызвано необходимостью сглаживания противоречий, которых накапливается слишком много, в этой связи нынешний постмодернизм, с характерным для него отсутствием идеологии, тоже призван выполнить эту функцию.

Подобный подход мы находим у У. Эко, который утверждает, что постмодернизм – это не жестко фиксированное, характерное для определенного времени, а духовное состояние и, следовательно, у всякой эпохи есть собственный постмодернизм [28].

Аналогичной точки зрения придерживается Г. Джемаль, полагая, что история – это периодическая смена двух дискурсов: модернистского и постмодернистского. При этом он отмечает гендерную маркировку двух парадигм, модернизм – это мужской дискурс, а постмодернизм – женский. История в целом, по Джемалю, – это противостояние и диалектика «женского Рока» и «мужской воли» [11].

И.П. Ильин характеризует постмодернизм как проявление феномена маргинализма – специфического фактора именно «модернистско-современного» модуса мышления творческой интеллигенции XX в. Характерная для нее позиция нравственного протеста и неприятия окружающего мира, «духовного изгойничества» и стала отличительной чертой именно модернистского художника, в свою очередь, получив специфическую трактовку в постмодернизме [21].

Существуют другие взгляды на постмодернизм, например, М.Н. Липовецкий выступает против того, что элементы постмодернистской поэтики встречались задолго до появления собственно постмодернистской литературы и настаивает, что одни и те же приёмы в разных парадигмах имеют различную семантику, и, следовательно, не равнозначны друг другу [23].

Характеризуя постмодернизм как явление, многие исследователи сходятся в том, что ему присущи такие особенности, как эклектичность, интертекстуальность, эстетика безобразного, ирония, пессимизм, трансгендерность, отсутствие национальной идентичности. Эти факторы задают постмодернистский стиль: фрагментарность и противоречивость повествования. Авторы - постмодернисты считают, что действительность не стоит описывать, ее надо выдумывать, отсюда игра с текстом, языком, образами и сюжетами. Язык, по их мнению, не способствует коммуникации, а наоборот, тормозит, поэтому в текстах отсутствует четкая авторская позиция, в тексты вызывают множественность интерпретаций. Таким образом, литературный постмодернизм, прежде всего, определяется иронией, интертекстуальностью, коллажностью текста, отсутствием сюжета, временной привязки, фрагментарностью и т.д.

Проводя параллели между этической позицией, выраженной Э. Елинек в ее произведениях, и мировоззрением, которое свойственно постмодернистской парадигме, мы столкнулись с ситуацией, где при наличии, на первый взгляд, общих элементов, различий оказывается существенно больше. А схожесть этих мироощущений заключается, прежде всего, в их противоречивости.

Постмодернизм отрицает существование единой, целостной личности; литературный постмодерн постулирует даже «смерть субъекта». В соответствии с этими представлениями индивид изначально фрагментирован, сознание человека, весь его опыт оказываются расщепленными. Человек не воспринимается как нечто тождественное самому себе, своему сознанию. Герои Елинек также не являют нам примера целостности, они, как правило, противоречивы и иррациональны. Все проявления личности – мысли, чувства, поступки – тоже оказываются весьма противоречивыми, даже где-то на грани вмняемости (героини романов Герти из «Похоти» и Эрика из «Пианистки») [18; 12]. Они и сами осознают расщепленность своей личности, но почти никогда не могут с этим ни смириться, ни справиться. Их жизненный путь чаще всего представляет собой попытки преодолеть свою раздробленность и обрести себя. Э. Елинек намеренно не оставляет своим героям на это никакой надежды. Две прагматичные героини Паула и Бригитта из романа «Любовницы» часто сравниваются с товаром, они мертвы [15]. Роман композиционно построен на параллельном повествовании и являет собой пародию на роман с продолжением из женского журнала. Обе героини живут в мире фикции, они полагают, что, продав себя, как товар, они обретут счастье, воспетое женскими журналами. Героини постоянно находятся в ситуации мучительного выбора: любовь или работа, любовь или жизнь. Исход у обеих трагичен: обе, получив желанных мужей, душевно опустошены, их счастье иллюзорно. Э. Елинек не дает однозначного финала, не пытается помочь своим героиням, она – сторонний наблюдатель их гибели. Различными исследователями творчества Елинек не раз обращалось внимание на незавершенность образов ее героев, их заведомую обреченность

и неустроенность в современном мире, где их мысли и поступки запрограммированы сложившимися в обществе и навязываемыми им же стереотипами и мифами. Не случайно, что своих героев, даже совершивших самые ужасные и презренные преступления, (будь то убийство ребенка в «Похоти» или проституция в «Любовницах») автор не обличает. Она беспристрастно, отстраненно и очень хладнокровно, с мельчайшими деталями и редкой жестокостью живописует эти деяния, не беря на себя функции обличителя и судьбы. Ее герои сами проходят свой путь, и свой путь должен пройти ее читатель. Она не разрешает их вопросы и проблемы, потому что эти вопросы человек принужден беспрестанно ставить перед собой, и они не могут быть разрешены окончательно. И именно это принципиальное окончательное не разрешение всех смыслов и постулируется постмодернистской парадигмой. Отсутствие целостности личности, смысловую неразрешенность постмодернизм признает нормой.

Следующий признак, объединяющий постмодернистскую парадигму и мироощущение Э. Елинек, является полифонизм и многослойность, которые пронизывают практически каждое произведение Э. Елинек. В ее романах наблюдается обилие отсылок на литературные произведения других авторов. А.В. Белобратов отмечает, что интертекстуальность у Елинек не ограничивается единичными аллюзиями или цитацией, «ее текст максимально погружен в литературу» [8, с. 9]. Эксплицитно выражены интертекстуальные связи романа Ф. Кафки «Процесс» и романа «Пианистка». Финал романа «Пианистка» отсылает читателя к финальной сцене романа «Процесс», подчеркивая нелепость и невозможность жертвы героини. Женщине в литературе не дано предстать величественной жертвой, а в книге Э. Елинек Эрика Кохут легко и неопасно ранит себя. Ироничность, отличающая Ф. Кафку, в полной мере присуща Э. Елинек, но ее ироничность является более горькой и безысходной [7, с. 289].

Исследователь М. Янц указывает на «двойную интертекстуальность» в романе «Перед закрытой дверью», в котором два главных героя романа, близнецы Райнер и Анна, являются читателями дру-

гих текстов, которые «читает» сам роман [17]. Двойное прочтение представляет особый интерес с точки зрения эстетических аспектов, затронутых в романе, т.к. Э. Елинек обозначила основную тему романа как «соотношение фикции и не-фикции, эстетического «ми-мезиса» и «реальности» [31, S. 41].

В более позднем творчестве, например, романах «Похоть», «Дети мертвых» цитируются фрагменты из других литературных текстов, из философских и религиозных произведений [18; 14]. Цитаты, погружаемые в непривычный контекст романа, обыгрываются и подвергаются трансформации. Использование интертекста в своих произведениях (аллюзии, пародии, парафраз и цитаты) объясняется автором следующим образом: «Читатель вовсе не должен иметь те же представления о мире, что и я. Совсем наоборот <...> Но он должен уметь подходить к тем вещам и проблемам, о которых я пишу, без предубеждения. Он должен понять не только то, о чем я пишу, но и почему я пишу так, а не иначе. Почему, например, в моем романе «Похоть» персонажи из рабочей среды изъясняются цитатами из Гёльдерлина, а персонажи из высших слоев общества – тривиальным, клишированным языком толпы. Словом, герои по сути «безмолвные» наделены лучшим, что существует в языке, а другие, которые хотят защитить язык от влияния простонародья, получают то, чего они заслуживают: убогий язык рекламы и масс-медиа. Таким образом, восприятие не должно быть направлено исключительно на содержание произведений...» [7, с. 286].

Интертекст, выраженный, прежде всего, трансформированными цитатами, искусной языковой игрой, представляет для Э. Елинек процесс метафоризации цитаты. Она использует цитату и упоминает ее в контексте новой метафоры. «Это как в калейдоскопе: внутри него все те же одинаковые стеклышки, но они раскладываются в разнообразные узоры. Цитаты изымаются из старого контекста и прописываются в новый, таким образом, они меняются, в них так сказать, вписывается новый смысл...» [Там же. с. 289].

Интертекстуальность в произведениях Э. Елинек имеет мифо-разрушающий потенциал. Пре- и интертексты играют роль «мифа»,

который автором разрушается. Чужой текст становится экстремальным, разрушая и моделируя суть самого мифа. Так, в романе «Михаэль: Книга об инфантильных мальчиках и девочках» рассматриваются мифы о «солидарности женщин», «социальном равенстве», «ценности семьи», «равных шансах всех и каждого», «радости от работы», «хозяине-отце» [16]. Э. Елинек декларирует свое отрицательное отношение к мифам не эксплицитно, а с помощью различных текстообразующих приемов. Для этого в романе автор применяет коллаж, монтаж и врезку. Это позволяет ей косвенно, без излишнего назидания показать, что персонажи – это инфантильное незрелое поколение, которое пребывает в прострации и сериальную выдуманную жизнь принимает за действительность, и в жизни, и в поведении ориентируется на сериальных телегероев. Другая реальность постиндустриального общества полностью смоделирована масс-медиа, которые вовлекают каждого в бесконечное шоу. Герои романа Э. Елинек «Михаэль» видят жизнь через телевизор. В телевизоре успешные мужчины и привлекательные женщины, которые умно говорят, совершают красивые поступки, а жизнь у них складывается благополучно. Эти герои телесериалов и ежевечерних развлекательных передач пронизывают жизнь реальных героев, диктуют им модели мышления и поведения. Перед телевизором сидят безликие, заурядные люди, Герда и ее мама, Ингрид и ее мама, т.е. миллионы телезрителей. Телезрители пассивны, они просто завидуют и мечтают, не отрываясь от экрана телевизора. Самое страшное наказание заключается в том, что мать заставляет дочь просидеть весь вечер спиной к телевизору. Экранная жизнь убеждает телезрителей в их собственной неполноценности. Пропасть между ними и экранными героями непреодолима, перед ними разворачиваются параллельные миры с иными ценностями.

Для читателя эти миры раскалываются на множество осколков, из которых практически невозможно собрать единую картинку. Писательница показывает всю подноготную жизни «красавцев», находя убийственные гротескные метафоры, которые обнажают всю убогость и уродливость их жизни. Так, главный телегерой Миха-

эль, успешный глава фирмы, в которого влюблены реальные Герда и Ингрид, представлен несмышленишем, которого мама время от времени запаковывает в памперсы и детский комбинезон. Телегерой сериала «Флиппер» (Flipper) П. Рикс издевается над своей помощницей, а его дети мучают ручного дельфина. Еще один телеперсонаж дядюшка Билл (Lieber Onkel Bill) играет с детьми в сексуальные игры.

Результатом массированной телеобработки мозгов становится появление стереотипов мышления, поведения, ужасающую пошлость которых неоднократно демонстрирует Эльфрида Елинек. Своим творчеством Э. Елинек развивает еще один постулат постмодернизма: цельность больше невозможна, «реальность», «личность» – это всего лишь конструкции, за которыми ничего нет.

Тривиальные мифы современного общества в романе «Любовницы» подвергаются деструкции через жанровую пародию на сентиментальный роман. В романе «Любовницы» отражены мифы о «счастье в браке», «счастье в материнстве», «обязательном наличии мужа», ведь «быть незамужней стыдно» [15]. Композиция и сюжет романа просты как во всех сентиментальных романах. Две героини-антагонистки Паула и Бригитта пытаются найти идеального мужчину, мечтают о замужестве, потому что одной из них это обеспечит подъем по социальной лестнице и, следовательно, гарантированное будущее. Другая стремится к дому с начищенной кухней, чистенькими детьми, чтобы было все как у всех. Язык и стилистические фигуры, такие как параллельное повествование, повторы, анафоры также «работают» на выражение пародии. Интертекстуальные включения рекламных туристических буклетов о красоте альпийской природы семантически и стилистически конфронтируют с авторским текстом, что усиливает пародийность.

Оба романа написаны в духе концепции Р. Барта о тривиальных мифах [5]. Оба романа имеют общую направленность: ни в одном из романов нет и не может быть положительных героев и счастливого исхода. Безысходность, маргинальность общественного сознания является для Э. Елинек основным средством разрушения мифов,

которое должно заставить читателя задуматься, что несет такое сообщение и как его расшифровать. Елинек, используя интертекстуальность, одновременно создает новый, «искусственный миф», что, по Барту, является лучшим оружием против мифа. Разрушая миф, Э. Елинек создает новую реальность и новый миф, который может стать страшнее действительности, ведь согласно А. Гульге: «Миф – форма сознания, свойственная человеку, как свойственны ему другие формы сознания. Разрушение мифа приводит не к господству рациональности, а к утверждению другого мифа...» и согласно опасениям, Р. Барта, неизвестно какой миф, новый или старый, лучше [10, с. 275]. Это объясняет острую полемику вокруг произведений автора, их резкую критику и неоднозначность восприятия как в Австрии, так и в России.

Наблюдения за текстами Э. Елинек обнаруживает практически полное отсутствие диалогов. Однако ее мир не является монологичным. Непрерывное изменение перспективы повествования, характерное для стиля Э. Елинек, создает иллюзию многоголосия, герои и автор постоянно ведут диалог. При этом ни один участник диалога, в том числе автор, роль которого в литературном постмодернизме низведена до простой функции, не доминирует. Это следствие того, что целостность, определенность, завершенность признаются тоталитарными по своей природе. Именно такое мироощущение исследователи постмодернизма называют «гиперплюрализмом», «радикальным плюрализмом», «диалогической ситуацией», что приводит к многообразным интерпретациям постмодернистских текстов. Это означает бессистемное, хаотическое спутывание «Я» и «Другого», текста и контекста, смешение культурных языков, стилей и пр. Ее герои пытаются преодолеть раздробленность, исследуя пределы человеческой свободы, соприкасаясь с другими мирами и вступая в диалог с обществом и его ложными нормами.

Следующей отличительной характеристикой постмодерна является маргинальность. Э. Елинек, будучи представителем литературного постмодернизма, выдвигает маргинальную концепцию, которая направлена против всех догм позитивной мысли. Ее произ-

ведения чрезвычайно маргинальны, что является основной наиболее яркой стилевой особенностью автора. Однако маргинальность у Э. Елинек – это не только социальный, но и нравственный факт. Э. Елинек показывает абсурдность стандартов и стереотипов, манипулирующих человеком. Доводя ситуацию до крайности и абсурда, автор разрушает привычное и узнаваемое, провоцирует и раздражает подобным гротеском читателя, что разрушает, в конечном счете, привычный стереотип. Маргинальность в произведениях Э. Елинек не ограничивается описанием конкретных бытовых, сексуальных, семейных сцен, автор жестко, бескомпромиссно и язвительно затрагивает все сферы человеческой жизни, государство, мироустройство.

С этим связан и другой аспект постмодернизма, нашедший отражение в произведениях Э. Елинек – это юродство, которое вызывает в лучшем случае непонимание со стороны других, в худшем – безразличность. В определенной мере юродивыми у Э. Елинек оказываются практически все герои: Эрика в «Пианистке», Герти в «Похоти», Герда и Ингрид в «Михаэле».

Еще одна параллель между совпадением мироощущения Э. Елинек с мироощущением постмодернизма – это критика рационализма и логоцентризма. Постулируя спорность истины и множественность интерпретаций, постмодернизм подвергает критике стремление отыскать первопричину, навязать смысл и все упорядочить. Постмодерн ориентирован не на поиск смысла, а на игру смыслами. Э. Елинек характеризуют как чрезвычайно рационалистического автора, однако она не отрицает наличие иррационального элемента в ее творчестве. В одном из интервью она говорит, что «писательство для меня безусловно смесь двух начал: и сознательного, и бессознательного. Далеко не всё в моих произведениях есть продукт рационального конструирования. Неслучайно в романе «Дети мертвых» в основе сюжета лежит мистическое происшествие. Как раз «черная романтика» и все непостижимое, страшное, призрачное притягивают меня, вероятно, как своего рода противовес рациональному началу, связанному с просветительской (или политической) направленностью моей мысли. Одно без другого невозможно» [13].

«Черная романтика» бывшего нациста концлагеря вплетена в роман «Перед закрытой дверью» [17]. В романе описан путь близнецов, которые ищут свое место в послевоенном обществе. Страна недавно освободилась от нацизма, подростки происходят из семьи бывшего офицера СС, который, не реализовавшись сегодня, романтизирует свое страшное прошлое и ныне упивается своей властью в семье. Присущие подросткам романтические жизненные устремления постоянно сталкиваются с завистью к более обеспеченным сверстникам, с невыносимой обстановкой в доме родителей, что приводит к трагедии.

Следующей особенностью постмодернизма следует назвать полный отказ от ангажированности, «социального заказа». Э. Елинек, будучи неудобным, противоречивым автором, затрагивает в своих произведениях темы, о которых не принято говорить и писать. Кроме тем, запрещенных по этическим, политическим и идеологическим причинам, какими являются насилие, власть, секс, Э. Елинек затрагивает сложные периоды истории Австрии. В романе «Дети мертвых» она фокусирует свое внимание на социальной критике и критике Австрии за неспособность преодолеть своё нацистское прошлое, заявляя о не покаявшейся нации и об ответственности страны за коричневое прошлое.

Много лет Елинек находится «во внутренней эмиграции» у себя на родине. Она ведет изолированный образ жизни и общается со своим читателем через свой веб-сайт. Она очень противоречива: с одной стороны, на протяжении нескольких лет она запрещала постановку своих пьес в театрах Австрии после резкой критики, с другой стороны, она является лауреатом многих престижных литературных премий (премия Г. Белля, Нобелевская премия по литературе). Все очень непросто и не однозначно, как, впрочем, и в самом явлении постмодернизм.

Заключение

Э. Елинек является ярким представителем литературного постмодерна. В ее творчестве в полной мере проявляется постмодернистское мироощущение и основные черты литературного постмодер-

на, такие как отрицание целостности героя и личности, стратегии мифоразрушения, интертекстуальность, коллажная техника, маргинальность, игровое использование трансформированных цитат, аллюзий, нулевая сюжетность, наличие юродивых героев, критика рационализма и логоцентризма, полный отказ от ангажированности. Автор не отображает существующую реальность, а создает иную действительность, совершенно новый художественный мир, который становится возможным благодаря постмодернистскому принципу «виртуальной реальности». Ее герои живут по этому принципу, создавая свой собственный мир. Все выше сказанное характерно для литературы постмодерна, однако признаки постмодернистской эстетики Э. Елинек имеют одну особенность: все формальные и содержательные элементы постмодернизма предназначены и подчинены выражению ее авторской идеи и гражданской позиции.

Постмодернизм по своей сути – противоречивое явление. Кроме того, культурное сознание любой эпохи никогда и не воспринимается современниками, в том числе философами и культурологами, в виде абсолютно ясной и непротиворечивой системы идей. Также и творчество любого писателя не воспринимается однозначно, что и показывают многочисленные исследования произведений Елинек, яркого представителя современной европейской литературы, как в зарубежном, так и отечественном литературоведении.

Список литературы

1. Акашева Т.В. Разрушение мифов современного общества в ранней прозе Э. Елинек: Дисс. ... ст. канд. филол. наук. Магнитогорск, 2009. 192 с.
2. Акашева Т.В., Песина С.А., Рахимова Н.М., Землянухина Е.В. Когнитивные стратегии интерпретации интертекстуальных включений в художественном дискурсе (на материале произведений Э. Елинек) // Вопросы когнитивной лингвистики. 2016. № 2 (47). С. 5–10.
3. Акашева Т.В., Рахимова Н.М. Особенности гендерного подхода к переводу художественного дискурса (на примере переводов романа Э. Елинек «Любовницы» с немецкого языка на русский язык) //

- Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 10-2 (76). С. 37–40.
4. Акашева Т.В., Рахимова Н.М. Сильные позиции в романе Э. Елинек «Похоть» и их перевод // Современные исследования социальных проблем. 2018. № 3-1. Т. 10. С. 52–69.
 5. Барт Р. Мифологии / пер. с фр.; вступ. ст. и коммент. С.Н. Зенкина. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2000. 314 с.
 6. Белобратов А.В. Австрийская литература 1990-х гг.: в ожидании шедевра // Постмодернизм: что же дальше? М.: ИНИОН РАН, 2006. С. 78–100.
 7. Белобратов А.В. «Высказать невысказываемое, произнести непроеизносимое...»: интервью с Э. Елинек // Иностранная литература. 2003. № 2. С. 286-292.
 8. Белобратов А.В. «Эльфрида Елинек – писатель, выстроенный из литературных связей»: беседа с переводчиком романов австрийской писательницы, Нобелевского лауреата 2004 по литературе Э. Елинек А. Белобратовым // Новое время. 2005. № 4. С. 36–39.
 9. Воротникова А.Э. «Неженский» роман Э. Елинек «Пианистка» // Балтийский филологический курьер: науч. журнал. Калининград: Изд-во Калининградского гос. ун-та, 2005. № 5. С. 371–384.
 10. Гулыга А.В. Миф как философская проблема // Античная культура и современная наука. М.: Наука, 1985. С. 271–276.
 11. Джемаль Г. За пределами постмодернизма // Революция пророков: сб. философских работ и лекций. М.: Ультра. Культура, 2003. 368 с.
 12. Елинек Э. Пианистка / пер. с нем. А. Белобратова. СПб.: Симпозиум, 2006. 448 с.
 13. Елинек Э. Писательская анкета URL: <http://noblit.ru/content/category/4/124/33> (дата обращения 10.03.2020).
 14. Елинек Э. Дети мёртвых / пер. с нем. Т. Набатниковой. СПб.: Амфора. ТИД Амфора, 2006. 622 с.
 15. Елинек Э. Любовницы / пер. с нем. А. Белобратова. СПб.: Симпозиум, 2004. 284 с.
 16. Елинек Э. Михаэль: Книга для инфантильных мальчиков и девочек / пер. с нем. И. Алексеевой. СПб.: Амфора. ТИД Амфора, 2006. 250 с.

17. Елинек Э. Перед закрытой дверью / пер. с нем. И. Ланина; под ред. А. Белобратова. СПб.: Симпозиум, 2004. 382 с.
18. Елинек Э. Похоть / пер. с нем. А. Белобратова. СПб.: Симпозиум, 2006. 318 с.
19. Залесова-Докторова Л. Эльфрида Елинек – совесть австрийской нации // Звезда. 2005. № 3. С. 91–95.
20. Затонский Д. Постмодернизм: гипотезы возникновения // Иностранная литература. 1996. № 2. С. 273–283.
21. Ильин И.П. Маргинальность // Западное литературоведение XX века: энциклопедия / под ред. И.П. Ильина, А.Н. Николюкина, Л.В. Скворцова, Е.А. Цургановой. М.: Интрада-ИНИОН, 2004. С. 243–244.
22. Кучумова Г.В. «Подрывная» стратегия разрушения мифов в романах Э. Елинек // Известия Самарского научного центра РАН. 2009. Т. 11, № 4(2). С. 497–503.
23. Липовецкий М.Н. Русский постмодернизм. (Очерки исторической поэтики): Монография. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 1997. 317 с.
24. Остапова Л.Е. Окказиональные композиты в художественной картине мира писательницы-нобелиата Эльфриды Елинек: Автореф. дисс. ... ст. канд. филол. наук. Белгород, 2010. 22 с.
25. Плахина А.В. Немецкоязычная, но не немецкая. Некоторые аспекты австрийской прозы 1970–1990-х годов // Вопросы литературы. 2007. № 6. С. 5–37.
26. Соколова Е.В. Э. Елинек: тело, поверхность, объем // Социальные и гуманитарные науки. отечественная и зарубежная литература. серия 7: Литературоведение. реферативный журнал. Изд-во: Институт научной информации по общественным наукам РАН. М. № 4, 2011. С. 199–204.
27. Унгер К. Эльфрида Елинек [DW-WORLD.DE, 22.07.2002]. URL: <http://noblit.ru/node/1347> (дата обращения 13.01.2019).
28. Эко У. От древа к лабиринту. Исторические исследования знака и интерпретации / пер. О. Поповой-Пле. М.: Академический проект, 2016. 559 с.
29. Belobratow A. W. E-Mail-Interview mir Elfriede Jelinek (Mai-Juni 2019) // Jahrbuch der Österreich-Bibliothek in St. Petersburg. St. Petersburg: Verlag „Peterburg. XXI vek“, 2019. S. 141–147.

30. Fischer M. Trivialmythen in Elfriede Jelineks Romanen „Die Liebhaberinnen“ und „Die Klavierspielerin“. St. Ingbert: Röhrig, 1991. 103 S.
31. Janz M. Elfriede Jelinek. Stuttgart: Metzler, 1995. 182 S.
32. Sandler M. Textherstellungsverfahren bei Elfriede Jelinek. Das Beispiel „Totenauberg“. Würzburg: Königshausen&Neumann, 1996. 206 S.
33. Schlestag U. Sprachspiel als Lebensform. Strukturuntersuchungen zur erzählenden Prosa Elfriede Jelineks. Bielefeld: Aisthesis, 1996. 243 S.
34. Spannlang E. Elfriede Jelinek. Studien zum Frühwerk. Wien: VWGÖ, 1992. 364 S.

References

1. Akasheva T.V. *Razrushenie mifov sovremennogo obshchestva v rannej proze Je. Elinek* [Myths destruction of modern society in early prose of J. Jelinek]: Diss. ... st. kand. filol. nauk. Magnitogorsk, 2009. 192 p.
2. Akasheva T.V., Pesina S.A., Rahimova N.M., Zemljanuhina E.V. Kognitivnye strategii interpretacii intertekstual'nyh vkljuchenij v hudozhestvennom diskurse (na materiale proizvedenij Je. Elinek) [Cognitive strategies for interpreting intertextual inclusions in artistic discourse (based on the works of E. Jelinek)]. *Voprosy kognitivnoj lingvistiki*. 2016. No 2 (47): 5–10.
3. Akasheva T.V., Rahimova N.M. Osobennosti gendernogo podhoda k perevodu hudozhestvennogo diskursa (na primere perevodov romana Je. Elinek «Ljubovnicy» s nemeckogo jazyka na russkij jazyk) [Features of gender approach to the translation of artistic discourse (on the example of translations of the novel *Liebhaberinnen* by E. Jelinek from German to Russian)]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 2017. no 10-2 (76): 37–40.
4. Akasheva T.V., Rahimova N.M. Sil'nye pozicii v romane Je. Elinek «Pohot'» i ih perevod [Strong positions in E. Jelinek's novel *Lust* and their translation]. *Sovremennye issledovanija social'nyh problem*. 2018. No 3-1. V. 10: 52–69.
5. Bart R. *Mifologii* [Mythologies]: per. s fr.; vstup. st. i komment. S.N. Zenkina. Moscow: Izd-vo im. Sabashnikovyh, 2000. 314 p.

6. Belobratov A.V. Avstrijskaja literatura 1990-h gg.: v ozhidanii shedeavra [Austrian literature of the 1990s: waiting for a masterpiece]. *Postmodernism: what's next?* Moscow, 2006: 78–100.
7. Belobratov A.V. «Vyskazat' nevyskazyvaemoe, proiznesti neproiznoimoe...»: interv'ju s Je. Elinek [“To say the unspoken, to say the unpronounceable...”: interview with E. Jelinek]. *Inostrannaja literatura*. 2003. No 2: 286–292.
8. Belobratov A.V. «Jel'frida Elinek – pisatel', vystroennyj iz literaturnyh svjazej»: beseda s perevodchikom romanov avstrijskoj pisatel'nicy, Nobelevskogo laureata 2004 po literature Je. Elinek A. Belobratovym [“Elfrieda Jelinek, a writer built from literary connections”: a conversation with A. Belobratov, the translator of the novels of the Austrian writer, 2004 Nobel laureate in literature E. Jelinek]. *Novoe vremja*. 2005. No 4: 36–39.
9. Vorotnikova A.Je. «Nezhenskij» roman Je. Elinek «Pianistka» [“Unfeminine” a novel by the *Pianist* E. Jelinek]. *Baltijskij filologičeskij kur'er*. Kaliningrad: Izd-vo Kaliningradskogo gos. un-ta, 2005. No 5: 371–384.
10. Gulyga A.V. Mif kak filosofskaja problema [Myth as a philosophical problem]. *Antichnaja kul'tura i sovremennaja nauka*. Moscow: Nauka, 1985: 271–276.
11. Dzhemal' G. Za predelami postmodernizma [Beyond postmodernism]. *Revoljucija prorokov: sb. filosofskih rabot i lekcij*. Moscow: Ul'tra. Kul'tura, 2003. 368 p.
12. Elinek Je. *Pianistka* [Die Klavierspielerin]: per. s nem. A. Belobratova. St. Petersburg: Simpozium, 2006. 448 p.
13. Elinek Je. *Pisatel'skaja anketa* [Writer's questionnaire]. URL: <http://noblit.ru/content/category/4/124/33>.
14. Elinek Je. *Deti mjortvyh* [Die Kinder der Toten]: per. s nem. T. Nabatnikovoj. St. Petersburg: Amfora. TID Amfora, 2006. 622 p.
15. Elinek Je. *Ljubovnicy* [Die Liebhaberinnen]: per. s nem. A. Belobratova. St. Petersburg: Simpozium, 2004. 284 p.
16. Elinek Je. *Mihajel'* [Michael]: Kniga dlja infantil'nyh mal'chikov i devoček: per. s nem. I. Aleksevoj. St. Petersburg: Amfora. TID Amfora, 2006. 250 p.

17. Elinek Je. *Pered zakrytoj dver'ju* [Die Ausgesperrten]: per. s nem. I. Lanina; pod red. A. Belobratova. St. Petersburg: Simpozium, 2004. 382 p.
18. Elinek Je. *Pohot'* [Lust]: per. s nem. A. Belobratova. SPb.: Simpozium, 2006. 318 p.
19. Zalesova-Doktorova L. Jel'frida Elinek – sovest' avstrijskoj nacii [Elfrieda Jelinek as the conscience of the Austrian nation]. *Zvezda*. 2005. No 3: 91–95.
20. Zaton'skij D. Postmodernizm: gipotezy voznikovenija [Postmodernism: the hypothesis of the occurrence]. *Inostrannaja literatura*. 1996. No 2: 273–283.
21. Il'in I.P. Marginal'nost' [Marginality]. *Zapadnoe literaturovedenie XX veka: jenciklopedija*: pod red. I.P. Il'ina, A.N. Nikoljukina, L.V. Skvorcova, E.A. Curganovoj. M.: Intrada-INION, 2004: 243–244.
22. Kuchumova G.V. «Podryvnaja» strategija razrushenija mifov v romanah Je. Elinek [“Subversive” strategy for destroying myths in E. Jelinek's novels]. *Izvestija Samarskogo nauchnogo centra RAN*. 2009. V. 11. No 4 (2): 497–503.
23. Lipoveckij M.N. *Russkij postmodernism Očerki ist. Pojetiki* [Russian postmodernism: Essays on historic poetics]. Ekaterinburg: Ural. gos. ped. un-t, 1997. 317 p.
24. Ostapova L.E. *Okkazional'nye kompozity v hudozhestvennoj kartine mira pisatel'nicy-nobeliata Jel'fridy Elinek* [Occasional composites in the artistic picture of the world by the Nobel prize-winning writer Elfrieda Jelinek]: Avtoref. diss. ... st. kand. filol. nauk. Belgorod, 2010. 22 p.
25. Plahina A.V. Nemeckojazychnaja, no ne nemeckaja. Nekotorye aspekty avstrijskoj prozy 1970-1990-h godov [A German-language one, but not German. Certain aspects of Austrian prose in the 1970s and 1990s]. *Voprosy literatury*. 2007. No 6: 5–37.
26. Sokolova E.V. *Je. Elinek: telo, poverhnost', ob'em* [E. Jelinek: body, surface, volume]. *Social'nye i gumanitarnye nauki. otechestvennaja i zarubezhnaja literatura. serija 7: Literaturovedenie. referativnyj zhurnal*. Izd-vo: Institut nauchnoj informacii po obshhestvennym naukam RAN. M. No 4, 2011: 199–204.

27. Unger K. Jel'frida Elinek [DW-WORLD.DE, 22.07.2002]. URL: <http://noblit.ru/node/1347>.
28. Jeko U. *Ot dreva k labirintu. Istoricheskie issledovanija znaka i interpretacii* [From the tree to the labyrinth. Historical studies of the sign and interpretation]: per. O. Popovoj-Ple. Moscow: Akademicheskij proekt, 2016. 559 p.
29. Belobratow A.W. E-Mail-Interview mir Elfriede Jelinek (Mai-Juni 2019). Jahrbuch der Österreich-Bibliothek in St. Petersburg. St. Petersburg: Verlag „Peterburg. XXI vek“, 2019: 141–147.
30. Fischer M. Trivialmythen in Elfriede Jelineks Romanen „Die Liebhaberrinnen“ und „Die Klavierspielerin“. St. Ingbert : Röhrig, 1991. 103 S.
31. Janz M. Elfriede Jelinek. Stuttgart: Metzler, 1995. 182 S.
32. Sandler M. Textherstellungsverfahren bei Elfriede Jelinek. Das Beispiel „Totenauberg“. Würzburg: Königshausen&Neumann, 1996. 206 S.
33. Schlestag U. Sprachspiel als Lebensform. Strukturuntersuchungen zur erzählenden Prosa Elfriede Jelineks. Bielefeld: Aisthesis, 1996. 243 S.
34. Spannlang E. Elfriede Jelinek. Studien zum Frühwerk. Wien: VWGÖ, 1992. 364 S.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Акашева Татьяна Валентиновна, заведующая кафедрой лингвистики и перевода, доцент, кандидат филологических наук
ФГБОУ ВО «Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова»
пр. Ленина, 38, г. Магнитогорск, Челябинская обл., 455000,
Российская Федерация
akasheva.tv@yandex.ru

Рахимова Нурия Мухаметовна, доцент кафедры лингвистики и перевода, кандидат филологических наук
ФГБОУ ВО «Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова»
пр. Ленина, 38, г. Магнитогорск, Челябинская обл., 455000,
Российская Федерация
nuria_rahimova@list.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Akashева Tatiana Valentinovna, Head of the Department of Linguistic and Translation, Associate Professor, Candidate of Philological Sciences

Nosov Magnitogorsk State Technical University

38, Lenin str., Magnitogorsk, Chelyabinsk Region, 455000, Russian Federation

SPIN-code: 2599-2432

ORCID: 0000-0002-2695-5070

ResearcherID: W-6866-2018

Scopus Author ID: 57189625182

Rakhimova Nuriya Mukhametovna, Associate Professor of the Department Linguistic and Translation, Candidate of Philological Sciences

Nosov Magnitogorsk State Technical University

38, Lenin str., Magnitogorsk, Chelyabinsk Region, 455000, Russian Federation

SPIN-code: 3292-6182

ORCID: 0000-0003-2427-0032

Researcher ID: W-4929-2018

Scopus Author ID: 57189616173

DOI: 10.12731/2077-1770-2020-5-38-62

УДК 811.161.1

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ЗООНИМОВ ТЕМАТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ *ОБЕЗЬЯНА* В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Болгова Е.В.

Цель настоящей работы – определить закономерности актуального употребления зоонимов тематической группы обезьяна с точки зрения семантико-прагматического подхода. Объектом исследования явились зоонимы тематической группы обезьяна (*гипероним обезьяна и гипонимы горилла, макака, мартышка и павиан*). Новизна работы состоит в ином взгляде на семантико-прагматический подход к анализу семантической структуры зоонима, а также в выявлении тенденций развития коннотативной системы зоонимической лексики современного русского языка. Гипотеза исследования состоит в том, что актуальное (реальное) функционирование зоонимов в современной русскоязычной речевой практике выявляет и закрепляет в слове коннотативные признаки разного типа, которые подчеркивают прагматический потенциал анализируемых языковых знаков.

Материал исследования составляют 200 примеров употребления зоонимов тематической группы обезьяна. Методами исследования явились компонентный и дискурсивный анализ, а также анализ словарных дефиниций.

Результаты исследования. Анализ семантической структуры зоонимов тематической группы обезьяна показал тенденцию развития ее коннотативного компонента, являющуюся результатом актуального (реального) функционирования зоонимов в современной русскоязычной речевой практике. Кроме словарных значений, коннотативный компонент обогащается за счет употребления слов в разговорных и диалектных конструкциях. В результате та-

кого словоупотребления в лексической структуре зоонимов развиваются коннотативные признаки разного типа: сильные, переходные, слабые. Выделяется также особая группа с выделением признаков человека у животного.

Область применения результатов исследования. Результаты исследования могут быть применены в учебном процессе в языковых вузах: в лекционных курсах по лексикологии, лингвокультурологии, семиотике, стилистике, общего языкознания, в преподавании спецкурсов и спецсеминаров по этим дисциплинам, на лекционных и семинарских занятиях по интерпретации художественного текста.

Ключевые слова: зоонимы; коннотативные признаки; семантико-прагматический подход.

FUNCTIONING OF ZOONYMS OF THE MONKEY THEMATIC GROUP IN MODERN RUSSIAN

Bolgova E.V.

The **purpose** of this work is to determine the patterns of the actual use of zoonyms of the monkey thematic group from the point of view of the semantic-pragmatic approach. The **object of the study** was the zoonyms of the monkey thematic group (hyperonym monkey and hyponyms gorilla, macaque, monkey, baboon).

The novelty of the work lies in a different view of the semantic-pragmatic approach to the analysis of the semantic structure of a zoonym, and also in identifying trends in the development of the connotative system of the zoonymic vocabulary of the modern Russian language. The hypothesis of the research is that the actual (real) functioning of zoonyms in modern Russian-speaking speech practice identifies and fixes connotative features of different types in the word, which emphasize the pragmatic potential of the analyzed linguistic signs.

The **research material** consists of 200 examples of the use of zoonyms of the monkey thematic group. The research methods were the

component and discourse analysis, as well as the analysis of dictionary definitions.

Research results. *The analysis of the semantic structure of zoonyms of the monkey thematic group showed a tendency in the development of its connotative component, which is the result of the actual (real) functioning of zoonyms in modern Russian-language speech practice. In addition to dictionary meanings, the connotative component is enriched through the use of words in colloquial and dialectal constructions. As a result of such word use, connotative signs of different types develop in the lexical structure of zoonyms: strong, transitional, weak. A special group is also distinguished with the allocation of human characteristics in an animal.*

Practical implications. *The research results can be applied in the educational process in language universities: in lecture courses on lexicology, linguoculturology, semiotics, stylistics, general linguistics, in teaching special courses and special seminars in these disciplines, in lectures and seminars on the interpretation of artistic text.*

Keywords: *zoonyms; connotative features; semantic-pragmatic approach.*

Введение

Актуальность исследования связана с неослабевающим интересом лингвистов к описанию кодов русской культуры. Зооморфный код культуры привлекает внимание исследователей возможностью выявить национально значимые понятия, существующие в рамках определенной лингвокультуры. Поэтому сопоставительный аспект исследований так привлекателен для изучения зоонимов. Причина лингвистической ценности исследований зоонимов состоит также в важности осмысления человеком самого себя в контексте окружающей его природы. Этот процесс охватывает как все большее количество языковых фактов (лексических единиц, национальных языков), так и более глубокое изучение языковых уровней.

Цель настоящей работы – определить закономерности актуального употребления зоонимов тематической группы *обезьяна* с точки зрения семантико-прагматического подхода.

Задачи исследования определяются его целью и состоят в анализе содержания словарных дефиниций зоонимов тематической группы *обезьяна*, сферы их речевого употребления в современном русском языке, а также тенденции функционирования зоонимов в современном русскоязычном дискурсе.

Объектом исследования явились зоонимы тематической группы *обезьяна* (гипероним *обезьяна* и гипонимы *горилла*, *макака*, *мартышка* и *павиан*). Гипонимы *горилла*, *макака*, *мартышка* и *павиан* входят в тематическую группу зоонимов *обезьяна* и отобраны по принципу частотности употребления для обозначения человека. Содержание тематической группы, актуальной для настоящего исследования, объясняется отражением реального разнообразия животного мира и его столкновением с субъектом этого отражения – человеком [36, с. 431].

Предмет исследования – контексты употребления зоонимов тематической группы *обезьяна*.

Новизна данной работы состоит в ином взгляде на семантико-прагматический подход к анализу семантической структуры зоонима.

Под семантико-прагматическим подходом в данной работе понимается такой анализ семантической структуры слова, который обнаруживает характер отношений говорящего к описываемой словом действительности.

В отличие от семантико-прагматического подхода, предложенного О.А. Рыжкиной, акцентирующей свое внимание на перераспределении компонентов лексического значения по степени их значимости при употреблении зоонима в речи [26, с. 19; см. также 27], мы основываемся на мнении Ю.Ю. Ушаковой, которая, разрабатывая область компаративной сочетаемости, указывает, что в сравнительной конструкции могут эксплицироваться не самые сильные коннотации или постоянные признаки объекта сравнения, но и самые случайные (реальные или ассоциативные) его свойства, что дает основания говорить, что сравнительная конструкция является средством формирования у слова новых коннотаций [32, с. 12].

Кроме того, новизна работы состоит в выявлении тенденций развития коннотативной системы зоонимической лексики современного русского языка.

Гипотеза нашего исследования состоит в том, что актуальное (реальное) функционирование зоонимов в современной русскоязычной речевой практике выявляет и закрепляет в слове коннотативные признаки разного типа, которые подчеркивают прагматический потенциал анализируемых языковых знаков.

Материал исследования составляют 200 примеров употребления зоонимов тематической группы *обезьяна*, отобранные из словарей современного русского языка [6; 21; 22; 18; 28; 34] и из Национального корпуса русского языка [23].

Методами исследования явились компонентный и дискурсивный анализ, а также анализ словарных дефиниций.

Постановка проблемы

Изучение зоонимов русского языка имеет богатую историю. Так, зоонимы обсуждались в научной литературе с точки зрения терминологического аппарата исследования. Ученые определялись с преимуществами и недостатками терминов «зоонимы», «зооморфизмы», «зоосемизм», «зооморфизм», «зоолексема», «зоометафора» [10; 29; 37 и др.]. Употребляются также термины «зоонимическая лексика» и «зоологическая лексика». В традиционном понимании зоонимы (зоолексемы) понимаются как слова, обозначающие представителей животного мира, а зооморфизмы – названия животных в образном, метафорическом осмыслении для характеристики человека [9, с. 13]. Нам близка точка зрения, согласно которой под *зоонимом* понимается не только название животного (прямое значение), но и его употребление в метафорической функции (переносное значение).

В литературе встречается также термин «бионим», который является названием живых существ, в том числе названий животных [8 и др.].

Ученые задаются вопросом, почему образы животных занимают такое место в культуре и сознании человека (о культурной лексике) [38]. Общим местом научных работ является утверждение, что упо-

требление зоонимов в лингвокультурах обусловлено традиционным использованием животных в домашнем хозяйстве, возможностью постоянного наблюдения за их повадками и внешним обликом, ареальной распространенностью, участием животных в качестве героев сказок, легенд и поверий [20, с. 4; 16, с. 6].

Основными направлениями исследования зоонимов в языке являются семантический, коммуникативно-прагматический, когнитивный и лингвокультурологический.

С семантической точки зрения, актуальными считаются вопросы структуры лексического значения в зоонимах и роль коннотативного компонента в них [11; 15; 24; 25; 32 и др.], а в связи с этим и развитие вторичных значений как средства выражения инвективности. Интерес вызывают немногочисленные работы, в которых предпринята попытка определения способов определения степени инвективности зооморфем [10; 19] (об оскорблении см., например [39; 41]).

Очень подробно представлен аксиологический анализ зоонимической лексики. В работах рассматриваются аксиологические устойчивые зооморфные сравнения и паремии [14; 33]. Особое внимание уделяется оценочной коннотации, присущей зоонимам в разных языках. Традиционное деление на отрицательную (мелиоративную, пейоративную) и положительную оценку, дополняется «нейтральной» (без оценки), а также случаями коннотативной энантиосемии [25, с. 12].

В рамках коммуникативно-прагматического подхода описываются функции зоонимов (зооморфизмов), в том числе синтаксические позиции, которые занимает зооним [9; 27], сфера употребления зоонимов [16; 20], а с когнитивной точки зрения – возникшие на образной основе ассоциации человека с объектами живой природы (животными, птицами, рыбами и насекомыми в частности), которые имеют глубинные когнитивные основания [5, с. 3]. В связи с этим в ряде работ рассматриваются концепты и функционально-семантические поля, при актуализации которых выявляется набор зоолексики [5; 7 и др.], а также когнитивные модели концептуализации с помощью данных ассоциативных экспериментов на материале зоонимической лексики [2; 13].

Очень популярна тема специфики употребления зоонимов в разных лингвокультурах. Так, например, указывается на преобладание определенного признака, которая реализуется в зооморфизмах в разных культурных кодах (для зооморфизма *обезьяна* в русской лингвокультуре – это сема «некрасивый/непривлекательный» [24, с. 29]), на отражении того иного качества человека при употреблении зоонима (в русском языке это «кривляться», в китайском и тайском языках – «озорной, шаловливый, непослушный ребенок» [31, с. 9], в арабском и татарском – «глупость» [3], во французском – «ловкость»), на частотность употребления в переносном значении зоонима в том или ином языке (в русском языке частотность употребления зоонима *обезьяна* составляет 1,8%, а козел, например, 4,5% [20, с. 5]).

Когнитивно-дискурсивный подход к изучению функционирования зоонимов представлен работами по идиолектам и специфике художественных текстов [4; 30 и др.]. К этому направлению следует отнести работы по эколингвистике, которые ставят своей целью описание дискурсивной репрезентации животных, чтобы избежать «стирания» реальных животных из человеческого сознания. Утверждается, что бионимы выполняют не только номинативную, но и когнитивную функцию и служат средством познания [17, с. 12].

На тот факт, что при употреблении зоонима в речи актуализируются компоненты значения, которые не всегда представлены в словарных статьях, указывается по многих работах [40]. Исследователи отмечают даже несовпадение гендерной референции зооморфизмов по сравнению с референцией, указанной в лексикографических источниках [35, с. 6]. Большую популярность приобрела идея исследования наивного языкового создания (в более ранних терминах – обиходно-бытового представления о животном, птице и т.д.), которое находит свое отражение в обыденной семантике бионимов, актуализированной в наивных толкованиях слов [8; 16; 25 и др.].

Результаты исследования

Основой анализа в нашем исследовании является мысль, что функционирование зоонима в речевой практике актуализирует в его

семантической структуре коннотативные признаки разного типа. Мы разделяем точку зрения Ю.Ю. Ушаковой о том, что коннотативная система, являясь мощным средством, проявлением и результатом познавательной деятельности человеческого сознания, не является застывшим конгломератом, а находится в состоянии постоянного изменения и развития [32, с. 13]. Для нашего исследования важно то, что у слова есть «сильные коннотации» (Ю.Ю. Ушакова), которые в нашей терминологии называются словарными, то есть представленными в толковании лексического значения в словарях литературного русского языка; коннотации, которые являются переходными от сильных к слабым, то есть закрепленными в языковом сознании носителя языка/культуры, но не представленными в словарях литературного русского языка, и слабые коннотации, которые не ассоциируются в полной степени в языковом сознании с данным зоонимом, так как имеют множественные синтагматические связи и эти связи лишь частично могут пересекаться с употреблением зоонима. Кроме того, в отдельную группу выделяются коннотации, которые не направлены на актуализацию постоянного признака животного для обозначения человека, а наоборот, выделяют в животном признаки человека.

Рассмотрим эти положения на материале зоонимов тематической группы *обезьяна*.

В первую очередь, необходимо отметить, что зоонимы тематической группы *обезьяна* имеют и в словарном представлении, и в речевом употреблении исключительно отрицательные коннотации.

Согласно словарям русского языка, слово *обезьяна* употребляется, когда речь идет о человеке, который, во-первых, подражает другим, передразнивает других, гримасничает, кривляется и, во-вторых, об очень некрасивом человеке [6, с. 665]; о человеке, склонном к бездумному подражанию другим, гримаснике, кривляке [28]; о подруге, жене, о любой девушке, молодой женщине (обычно некрасивой, несимпатичной) [34, с. 380].

Слово *горилла* имеет переносное значение – «о человеке огромного роста и очень большой силы (обычно способным к насиль-

ственным действиям)» и помету неодобр. разг. [Там же, с. 120], слово *макака* – «о подростке, чаще о девушке с некрасивым, но подвижным лицом, кривляке, строящей гримасы» и помету насмешл. (бран.) разг.-сниж. [Там же, с. 304], слово *мартышка* – о некрасивой молодой женщине, девушке (обычно невысокого роста, худощавой) и помету насмешл. пренебр. разг.-сниж. [Там же, с. 309], а в субстандартном языке «девушка» [21, с. 337], слово *навиан* в толковых словарях русского языка представлено только в прямом значении.

При этом признаками, положенными в основу словарных коннотаций, являются *поведение* (для гиперонима обезьяна – *подражать, передразнивать, гримасничать, кривляться*) и *внешний вид* (для гиперонима обезьяна и гипонимов *горилла, макака, мартышка и навиан*). Иллюстративная часть словарных статей расширяет перечень признаков: для гиперонима обезьяна такой перечень расширяется значительно, для гипонимов – практически нет.

Так, примеры употребления слова *обезьяна*, представленные в толковых словарях [6; 28]; актуализирует следующие признаки переносного употребления слова *обезьяна*: *поведение* (выполнять действия *подражать, передразнивать, гримасничать, кривляться* и их характеристика *бездумно*); *повадки* (выполнять действия *лазить, карабкаться* и их характеристика *ловко, быстро*); *внешний вид* (уродливость, отсутствие красоты). См.: *Подражать кому-то как о.*; *Лазать по деревьям, как о. (быстро, ловко)*; *Ну что ты кривляешься? Настоящая о.! С его уродливым лицом он кажется настоящей о.*; *Карабкался по стволу с обезьяньей ловкостью*; *Кривляться по-обезьянью*; *Лазает по-обезьянью*; *С обезьяной приду (некрасивая девушка)* [Там же, с. 665]; *Эта о. только и умеет, что повторять чужие слова* [28].

Значительное расширение коннотативных признаков гипонима *обезьяна* и гипонимов *горилла, макака, мартышка и навиан* происходит в речевом употреблении слов.

Формирование образности речевых оборотов с лексемой обезьяна характеризуется наличием определенного числа ассоциативных признаков, связанных с ведущим представлением об обезьяне как

о предке человека. См. пример: *Обезьяна как предок человека уже прочно вошла в фольклор, является темой для бесконечных шуток* (Дарвинизм: PRO и CONTRA (форум) (2007.03.04)).

Ассоциативные признаки речевого употребления зоонима в связи с этим разделяются на две группы: человек – это обезьяна (1) и человек – это не обезьяна (2). Ср. примеры: (1) *Человек есть обезьяна, бессмысленное животное, руководимое одними страстями и животными инстинктами, и потому его «разум» утвердит общественный порядок, в котором будет царить справедливость, в котором все будут сыты и довольны, никто не будет обижать другого и все будут помогать друг другу* (С.Л. Франк. Религия и наука (1929); (2) *... начинает видеть, что человек это не компьютер и не обезьяна, которой достаточно «хлеба и зрелищ», но существо высшего порядка* (А. Осипов. Россия сегодня и славянофилы // Русский Дом, 1999).

Поэтому при функционировании зоонима *обезьяна* все выделяемые в этом животном признаки антропоцентричны, то есть выделяется то, что важно человеку, что он видит как основное в поведении и внешнем виде животного. В примерах с зоонимом *обезьяна* в отличие от зоонимов *попугай* или *собака* формирование признаковой базы на основе наблюдений человека над внешним видом, жизнью и повадками животного происходит с позиции его восприятия как неприятного человеку «двойника». Эта «зеркальность» представления, когда человек постоянно помнит дарвиновское «человек произошел от обезьяны», а на обезьяну смотрит как на себя в зеркале, позволяет выделять только отрицательные качества, поэтому все употребления зоонима будут инвективами.

Употребление зоонима в инвективной функции ставит своей целью добиться от адресата реакции оскорбления и подтверждения или повышения статуса оскорбляющего. По отношению к зоонимам тематической группы *обезьяна* можно утверждать, что их инвективность проявляется во всех контекстах и в любой синтаксической позиции.

1. Инвективность зоонимов тематической группы *обезьяна* проявляется в позиции обращения.

Исследуемые обращения относятся к категории неэтикетных, предназначенных для выражения пейоративной оценки и выполняющих вторичные функции и имеющие полупредикативное значение [12]. См.: *А ты, обезьяна, все еще хитро придуриваешься, ноги все еще тебя заносят в какой-то жалкий театр* (В. Аксенов. Новый сладостный стиль (1997)); *Ну подожди, и до тебя очередь дойдет, горилла!* (В. Аксенов. Пора, мой друг, пора (1963)); – *Пой, макака! Не выдрючивайся, по-хорошему пой. Давай, ну!* (В.Б. Бочков. Счастье с доставкой // Волга. 2013); *«Как, мартышка, довольна, что пришла к бабушке?»* (Ю. Трифонов. Обмен (1969)); – *Послушай, ты, старый павиан, надо раньше спрашивать, когда берешь чужую собственность* (А.И. Куприн. На покое (1902)).

Инвективность усиливается при употреблении оценочной лексики в качестве определения к зоониму в обращении. См. примеры: (1) – *Мишка, сукин сын, обезьяна беситанная, это ты?* (А.И. Алдан-Семенов. Красные и белые (1966-1973)).

Значение слова «беситанный» содержит оскорбительную коннотацию. Ассоциативный признак к слову формулируется как *без итанов*, то есть *нищий, без средств, не умеющий ничего зарабатывать*. Ср.: – *Кла-ссик, – протянул он, – а на итаны не нажил. Это хорошо звучит: беситанный классик. Ты лучше, Бориско, поделись секретом, как деньги наживать* (В. Лучитин. Любостай (1987)). (2) *Вы же прекрасно знаете о моей любви, безжалостная обезьяна* (В. Аксенов. Новый сладостный стиль (1997)).

Безжалостный – не испытывающий жалости, сострадания; жестокий (Большой толковый словарь русского языка (2000)).

2. Инвективность зоонимов тематической группы *обезьяна* ярко проявляется в контекстах с оценочной лексикой. См. примеры:

Андрей, ты и есть обезьяна, причем конченная (коллективный форум: Жители Пугачева из-за убийства десантника перекрывали трассу (2013)); *Грязная похотливая жирная обезьяна. Оскорбления невероятно возбуждают. – Ты не только убил несчастных солдат, ты еще разбил жизни этим двум Грымму и Хлое* (В. Пелевин. S.N.U.F.F (2011)); *Как бесстыжая обезьяна* (М. Петросян. Дом, в

котором... (2009)); *Ну да! Наталья – фальшивая обезьяна* (Г. Щербакова. Актриса и милиционер (1999)); *Катя догадалась, что Лолита – это четырнадцатилетняя Надя. – Противная мартишка! – продолжала Вера. – Такая скандалистка, сил нет* (Т. Моспан. Подиум (2000)).

Определения «конченный», «грязный», «похотливый», «жирный», «бесстыжий», «фальшивый» и «противный» сдержат в составе лексического значения пейоративную коннотацию (законченный [6, с. 454], морально нечистоплотный [Там же, с. 233], испытывающий грубо-чувственное половое влечение [Там же, с. 947], толстый, тучный [Там же, с. 307], пренебрегающий правилами приличия [Там же, с. 75], поддельный, притворный [Там же, с. 1415], очень неприятный, отвратительный [Там же, с. 1031]).

3. Инвективность зоонимов тематической группы обезьяна акцентируется в конструкциях с разделительными и противительными союзами. См. пример: – *А вам кто нужен: программист или обезьяна?* (Коллекция анекдотов: программисты (1990–2000)); *А может, он и не горилла, а натуральный кабан?* (В. Ломов. Музей // Октябрь. 2002).

4. Инвективность зоонимов тематической группы обезьяна ярко представлена в номинативных конструкциях. См. примеры: – *Ты – обезьяна, ты мразь, ты животное... На дворе вдруг закричал кто-то* (С. Василенко. Дурочка (1998)); *Он огромный горилла, и ударить ему, хотя и широкоплечего, но маленького Костю, так вот ни за что ни про что, по пьяному куражу – последнее дело...* (Э. Лимонов. Подросток Савенко (1982)); *Я не мартишка, я в служебной шапке-невидимке!..* (В. Пелевин. Любовь к трем цукербринам (2014)).

5. Инвективность зоонимов тематической группы обезьяна в сравнительных оборотах вызывает особый исследовательский интерес.

Употребление зоонима обезьяна в сравнительных оборотах в основном соответствует словарным значениям слова, в том числе коннотативным.

В анализируемом материале выделяются три группы сравнений с зоонимами тематической группы обезьяна в качестве объекта

(эталона) сравнения: 1) устойчивые сравнения, зафиксированные в толковых словарях современного русского литературного языка; 2) сравнения, представленные в словарях разговорной и диалектной речи; 3) сравнения, обнаруженные в Национальном корпусе русского языка и не представленные в словарях.

В первую группу входят сочетания со словарным коннотативным признаком, сильной коннотацией, акцентируемой в устойчивых сравнениях современного русского языка: ловкий, подвижный как обезьяна [18, с. 57]; кривляться, гримасничать, передразнивать кого-л. и т.п. как обезьяна [Там же, с. 147]; подражать кому-л. как обезьяна [Там же, с. 148]. С гипонимами *горилла*, *макака*, *мартышка* и *павиан* такие сочетания в современном русском языке не представлены.

Во второй группе представлен переходный (от сильного к слабому) коннотативный признак зоонима: бегать как обезьяна; (вертеться) как обезьяна; вешаться (вехаться) как обезьяна; висеть (повиснуть) *на чем-л.* как обезьяна; волосатый (обросший) как обезьяна; лазать (лезть/полезть) [*куда*] как обезьяна; лохматый как обезьяна [22, с. 445]; наглый (нахальный) как обезьяна; ходить как обезьяна; руки *у кого* [длинные] как у обезьяны [Там же, с. 446]. С гипонимами *горилла*, *мартышка* и *павиан* такие сочетания в современном русском языке представлены крайне ограниченно: волосатый как горилла (как павиан) [Там же, с. 145, 477]; гримасы (ужимки) *у кого* как у мартышки [Там же, с. 376].

Эти признаки ассоциируются с поведением и внешним видом животных, закреплены в языковом сознании носителя языка/культуры. Они выявлены как признаки в ассоциативных экспериментах, представлены в словарях разговорной и народной речи, в субстандартном языке [20; 1].

В третью группу входят сочетания, представляющие слабые коннотативные признаки. Эти признаки являются частными по отношению к общим из 1 и 2 группы. Они конкретизируют общие признаки, уточняя картину поведения и внешнего вида животного в восприятии носителя языка/культуры: вскакивает, щиплет меня, грудь, плечи, живот, как обезьяна; обнимал ее, как обезьяна; со-

гнувшись, как обезьяна; свободно почесывал ногами голову, точно обезьяна; живет себе на дереве, как обезьяна; смотреть из-под нависших надбровий серьезно, словно горилла.

Коннотативные признаки, представленные в этой группе, не имеют устойчивых ассоциаций с поведением и внешним видом человека, так как имеют множественные синтагматические связи и эти связи лишь частично могут пересекаться с употреблением зоонима (*вскакивать, щипать, почесывать, сгибаться, смотреть исподлобья, жить на дереве*).

Кроме того, в анализируемых примерах был обнаружен коннотативный признак, который не относится к восприятию человеком обезьяны. См. примеры: (1) *Интересно, там тоже считают, что научить женщину водить автомобиль труднее, чем зайца — играть на барабанах, и что женщина за рулем — просто обезьяна с гранатой в руках?* (И. Прусс. Мужской шовинизм. О механизме сохранения культурных стереотипов // Знание – сила. 2008); (2) *Ряженая обезьяна во фригийском колпаке* (Г. Маркосян-Каспер. Карикатуры // Звезда. 2003); (3) *...дивчина ползет опухшая, как обезьяна, скулит, а юбку поправляет* (В. Гроссман. Все течет (1955-1963) // Октябрь. 1989); (4) *Она в нем шикарная, как обезьяна: маленькая, но уже в туфлях и с розой над бровью* (В. Токарева, Д. Быков. «Человек без комплексов мне неинтересен»: Интервью Виктории Токаревой (2003)). Приписываемые обезьяне признаки «с гранатой в руках», «ряженный», «опухший», «шикарный» не являются следствием наблюдения над поведением животного, а наоборот, это приписываемые животному признаки человека или его поведения.

С гипонимами *макака, мартышка и павиан* перенос качеств человека на животное представлен в анализируемом материале чаще, чем с гиперонимом *обезьяна*: молод и смазлив, как макака; накрасться, как мартышка; клеиться к какой-нибудь девушке, как павиан.

Заключение

В работах, посвященных фразеологическим единицам с компонентом-зоонимом, отмечается амбивалентность (двойственность)

восприятия живой природы человеком. Эта амбивалентность заключается в том, что в данных языковых единицах присутствует смешанная коннотация (позитивная и негативная), хотя с явно выраженной асимметрией системы (сдвиг в сторону отрицательных значений), что может быть объяснено более острой эмоциональной и речемыслительной реакцией людей именно на отрицательные явления [15, с. 5]. В случае с зоонимами тематической группы *обезьяна* преобладающие отрицательные ассоциации связаны с физическими характеристиками и привычками животного. Познание поведения животного и отражение этого опыта в языке велось от ведущего представления обезьяны как предка человека.

Это представление создает двунаправленность функционирования зоонима, когда знание человека о мире живой природы тесно переплетается со знанием человека о самом себе и реализуется в приписывании объектам зоосферы человеческих качеств, так и в проекции их качеств на человека [5, с. 6]; об антропоцентризме в описании языковых фактов [42].

Анализ семантической структуры зоонимов тематической группы *обезьяна* показал тенденцию развития ее коннотативного компонента, являющуюся результатом актуального (реального) функционирования зоонимов в современной русскоязычной речевой практике. Кроме словарных значений, коннотативный компонент обогащается за счет употребления слов в разговорных и диалектных конструкциях, которые совместимы с логической и эстетической точек зрения в сознании носителя данного языка/культуры. В результате такого словоупотребления в лексической структуре зоонимов развиваются коннотативные признаки разного типа: сильные, переходные, слабые. Выделяется также особая группа с выделением признаков человека у животного.

В качестве сильных (словарных) коннотаций выявлены компоненты значения, характеризующие человека с точки зрения поведения и внешнего вида животного: *подражать*, *передразнивать*, *гримасничать*, *лазить*, *карабкаться* и *уродливость*. В группу переходных от сильных к слабым коннотациям попадают компоненты

значения, представляющие признаки, ассоциирующиеся в языковом сознании с поведением и внешним видом животного, то есть закрепленные в языковом сознании, что подтверждают данные словарей субстандартного языка и ассоциативных экспериментов: *бегать, висеть, лазать, волосатый, наглый, руки у кого [длинные]*. В качестве слабых коннотаций выделяются признаки, не закрепленные в словарном толковании и в языковом сознании, как в предыдущих группах, но конкретизирующие, детализирующие поведение и внешний вид животного. Эти признаки напрямую не ассоциируются с данным животным, так как могут относиться к другим реалиям окружающего человека мира: *вскакивать, щипать, почесывать, сгибаться, смотреть исподлобья, жить на дереве*.

Особую группу коннотативных признаков составляют те, которые реализуют двунаправленность употребления зоонима в речевой практике: животное сравнивается с человеком, а не наоборот (*молодой, ревнивый, клеиться, рыгать*).

Таким образом, функционирование зоонимов тематической группы *обезьяна* в современном русскоязычном дискурсе выявляет тенденцию к развитию коннотативной системы исследуемых лексем, которая состоит в наращивании коннотативных оттенков, детализации уже закрепленных в языковом сознании признаков и взаимном переносе признаков животного и человека.

Список литературы

1. Абдуллаева Ф.Э. Проявление эмотивности в семантике бионимов (на материале русского и китайского языков) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. Т. 13. Вып. 4. С. 37–43.
2. Абдуллаева Ф.Э. Экспериментально-теоретическое исследование вторично номинированных значений бионимов русского, азербайджанского и китайского языков: Автореф. дисс. ... на ст. канд. фил. н. Кемерово, 2017. 22 с.
3. Антонова А.Р. Специфика арабских и татарских зооцентрических паремий, отражающих положительные качества человека // Вест-

- ник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2015. № 1. Т.1. С. 229–237.
4. Болотина Ю.П. Национально-культурная специфика зооморфных образных средств в романе Х. Хоссейни «The Kiter Runner» («Бегающий за ветром») // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. Т. 13. Вып. 4. С. 51–55.
 5. Бояркина Л.М. Репрезентация концепта «Человек/Личность» средствами разных языковых уровней в современном английском языке (на материале зоонимов и фитонимов): Автореф. дисс. ... ст. канд. фил. н. Тамбов, 2010. 23 с.
 6. Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с.
 7. Васильева О.А. Ономастическое поле зоонимов с гиперсемой «сви-нья»: Автореф. дисс. ... ст. канд. фил. н. Уфа, 2019. 24 с.
 8. Голев Н.Д., Дебренин М. Разноязычный сопоставительный словарь обыденной семантики бионимов: концепция, лексикографический проект и опыт его реализации // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2013. Т. 11. Вып. 2. С. 80–91.
 9. Гукетлова Ф.Н. Зооморфный код культуры в языковой картине мира (на материале разноструктурных языков: французского, кабардино-черкесского и русского языков): Автореф. дисс. ... на ст. канд. фил. н М., 2009. 47 с.
 10. Гэн Юаньюань. Моделирование лексико-деривационного пространства (на материале русской зоолексики): Автореф. дисс. ... ст. канд. фил. н. Екатеринбург, 2018. 28 с.
 11. Добрикова К.А. Бестиарий в национальной языковой картине мира: Автореф. дисс. ... ст. канд. фил. н. Челябинск, 2005. 24 с.
 12. Дохова З.Р. Лингвистический статус обращения (на материале русского и кабардино-черкесского языков): Автореф. дисс. ... ст. канд. фил. н. Нальчик, 2007. 22 с.
 13. Иванилов В.М. Ассоциативный потенциал слова как основа толкования сновидений: Автореф. дисс. ... ст. канд. фил. н. Екатеринбург, 2006. 24 с.

14. Каменская В.М. Аксиологический аспект устойчивых зооморфных сравнений и зооморфных паремий испанского языка: Автореф. дисс. ... ст. канд. фил. н. Воронеж, 2008. 17 с.
15. Киндря Н.А. Английские и русские фразеологизмы с компонентом-зоонимом в свете истории культуры: Автореф. дисс. ... ст. канд. фил. н. М., 2005. 28 с.
16. Клушин Н.А. Зоо- и фитоморфные характеристики человека в английской разговорной речи: Автореф. дисс. ... ст. канд. фил. н. Н. Новгород, 1991. 16 с.
17. Курашкина Н.А. Орнитонимы-номены в эколингвистической интерпретации // Экология языка и коммуникативная практика. 2020. № 1. С. 11–22.
18. Лебедева Л.А. Устойчивые сравнения русского языка: краткий тематический словарь. 3-е изд., стер. М.: ФЛИНТА, 2017. 283 с.
19. Маслов А.С. Зоометафоры-инвективы в современном русском языке: экспериментальное исследование: Автореф. дисс. ... ст. канд. фил. н. Белгород, 2014. 24 с.
20. Метельская Е.В. Образ человека в английской и русской субстандартной лингвокультурах: на материале зоонимов английского и русского языков) Автореф. дисс. ... ст. канд. фил. н. Пятигорск, 2012. 26 с.
21. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русского жаргона. СПб.: Норинт, 2000. 716 с.
22. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русских народных сравнений. М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2008. 800 с.
23. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]: информ.-справ. система. URL: <http://www.ruscorpora.ru/>. (дата обращения: 19.09.2020).
24. Огдонова Ц.Ц. Зооморфная лексика как фрагмент русской языковой картины мира: Дисс. ... ст. канд. фил. н. Иркутск, 2000. 162 с.
25. Пуцилева Л.Ф. Культурно детерминированные коннотации русских зоонимов и фитонимов (на фоне итальянского языка): Автореф. дисс. ... ст. канд. фил. н. СПб., 2009. 18 с.
26. Рыжкина О.А., Чакыроглу С. Исследование зоонимических метафор в русской и турецкой лингвокультурах (предварительные дан-

- ные) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2009. Т. 7. Вып. 2. С. 18–26.
27. Свионтковская С.В. Функции зооморфизмов в формировании прагматического потенциала художественного текста (на материале испанского и английского языков): Дисс. ... ст. канд. фил. н. Петрозаводск, 2000. 225 с.
28. Семантический словарь [Электронный ресурс]. URL: <http://slovari.ru/search.aspx?s=0&p=3068&di=vsem1&wi=6363> (дата обращения: 23.09.2020).
29. Солнцева Н.В. Сопоставительный анализ зоонимов русского, французского и немецкого языков в этносемантическом аспекте: Автореф. дисс. ... ст. канд. фил. н. Омск, 2004. 32 с.
30. Тон Куанг Кыон. Системно-структурная организация зооморфизмов русского языка: на материале произведений А.П. Чехова и М.М. Зощенко: Дисс. ... ст. канд. фил. н. Воронеж, 1997. 150 с.
31. Тхомпира Ч., Глушкова С.Ю., Хайрутдинов Р.Р. Лингвопрагматические аспекты перевода китайских идиом с компонентом зоонимом на русский и тайский языки // Казанский вестник молодых ученых. Педагогические науки. 2019. Т.3. № 3. С. 8–14.
32. Ушакова Ю.Ю. Лексическая наполняемость и структурно-семантические особенности компаративных тропов в русском языке: Автореф. ... ст. д-ра филол. н. М., 2005. 48 с.
33. Хабарова О.Г. Оценочные фразеологизмы, восходящие к образам животного и растительного мира: Автореф. дисс. ... ст. канд. фил. н. М., 2004. 32 с.
34. Химик В.В. Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи. СПб.: Норинт, 2004. 768 с.
35. Шарова А.А. Гендерный аспект зооморфных образов (на материале русского и английского языков): Автореф. дисс. ... ст. канд. фил. н. Ярославль, 2010. 23 с.
36. Юрков Е.Е. Метафора лингвокультурного кода «Животные» // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2012. № 1-2. С. 431–438.

37. Яковлева Е.С. Национально-культурная специфика компонентов-зоонимов, репрезентирующих домашних, диких и мифологических животных во фразеологическом фонде китайского и английского языков: Автореф. дисс. ... ст. канд. фил. н. Белгород, 2019. 24 с.
38. Ivanishcheva O. Culture phenomena: lexicographical description issues // *XLinguae*. 2016. Vol. 9. Issue 2, pp. 73–89.
39. Ivanishcheva O.N., Bolgova E.V., Shadrina I.M., Gushchina A.V., Nikonov S.B. Insult as a linguistic and legal phenomenon // *International Journal of Engineering & Technology*, 2018, Vol. 7, № 4.38, pp. 216–219.
40. Ivanishcheva O.N. “It’s too late to drink *borjomi*,” or Russian cultural vocabulary in the modern language space // *Studia z Filologii Polskiej i Słowiańskiej*. 2018. Vol. 53, pp. 84–102.
41. Ivanishcheva O.N., Kotsova E.E., Sidorova T.A., Bolgova N.S., Zamarina E.V. Indecency as a Discursive Category // *International Journal of Recent Technology and Engineering (IJRTE)*. 2019. September. Vol.8, Issue 3, pp. 8733–8738.
42. Sedykh A.P., Ivanishcheva O.N., Koreneva A.V., Ryzkova I.V. Modern Philological Knowledge: Anthropocentrism and Linguistic Identity // *International Journal of Engineering & Technology*, 2018, Vol. 7, № 4.38, pp. 447–451.

References

1. Abdullayeva F.E. Proyavleniye emotivnosti v semantike bionimov (na materiale russkogo i kitayskogo yazykov) [The manifestation of emotiveness in the semantics of bionyms (based on the material of the Russian and Chinese languages)]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaja kommunikatsiya*. 2015. V. 13. no 4: 37–43.
2. Abdullayeva F.E. *Ekspertmental'no-teoreticheskoye issledovaniye vtorichno-nominirovannykh znacheniy bionimov russkogo, azerbaydzhanskogo i kitayskogo yazykov* [Experimental and theoretical study of the secondarily nominated meanings of bionyms of Russian, Azerbaijani and Chinese languages]: Avtoref. dis. ... kand. fil. n. Kemerovo, 2017. 22 p.
3. Antonova A.R. Spetsifika arabskikh i tatarskikh zootsentricheskikh paremiy, otrazhayushchikh polozhitel'nye kachestva cheloveka [Spec-

- ificity of the Arab and Tatar zoocentric paremias reflecting the positive qualities of a person]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina*. 2015. T. 1. no 1: 229–237.
4. Bolotina Yu.P. Natsional'no-kul'turnaya spetsifika zoomorfnykh obraznykh sredstv v romane KH. Khosseyini «The Kiter Runner» («Begushchiy za vetrom») [National-cultural specificity of zoomorphic figurative means in H. Hosseini's novel "The Kiter Runner"]. *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 2020. V. 13. no 4: 51–55.
 5. Boyarkina L.M. *Reprezentatsiya kontsepta «Chelovek/Lichnost'» sredstvami raznykh yazykovykh urovney v sovremennom angliyskom yazyke (na materiale zoonimov i fitonimov)* [Representation of the concept "Person/Personality" by means of different linguistic levels in modern English (based on zoonyms and phytonyms)]: Avtoref. diss. ... kand. fil. n. Tambov, 2010. 23 p.
 6. *Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [The large explanatory dictionary of the Russian language]. St. Petersburg: Norint, 2000. 1536 p.
 7. Vasil'yeva O.A. *Onomasticheskoye pole zoonimov s gipersemoy «svin'ya»* [Onomastic field of zoonyms with the hyperseme "pig"]: Avtoref. diss. ... kand. fil. n. Ufa, 2019. 24 p.
 8. Golev N.D., Debrenn M. Raznoyazychnyy sopostavitel'nyy slovar' obydennoy semantiki bionimov: kontseptsiya, leksikograficheskiy proyekt i opyt yego realizats [Multilingual comparative dictionary of the ordinary semantics of bionyms: concept, lexicographic project and experience of its implementation]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya*. 2013. V. 11. No 2: 80–91.
 9. Guketlova F.N. *Zoomorfnyy kod kul'tury v yazykovoy kartine mira (na materiale raznostrukturnykh yazykov: frantsuzskogo, kabardino-cherkesskogo i russkogo yazykov)* [Zoomorphic code of culture in the linguistic picture of the world (based on the materials of different structural languages: French, Kabardino-Circassian and Russian)]. Avtoref. diss. ... d-ra filol. n. Moscow, 2009. 47 p.
 10. Gen Yuan'yuan'. *Modelirovaniye leksiko-derivatsionnogo prostranstva (na materiale russkoy zooleksiki)*: [Modeling of lexical-derivational space (based on the material of Russian zoolexics): Avtoref. dis. ... kand. fil. n. Ekaterinburg, 2018. 28 p.

11. Dobrikova K.A. *Bestiariy v natsional'noy yazykovoy kartine mire* [Bestiary in the national linguistic picture of the world]: Avtoref. diss. ... kand. fil. n. Chelyabinsk, 2005. 24 p.
12. Dokhova Z.R. *Lingvisticheskiy status obrashcheniya (na materiale russkogo i kabardino-cherkesskogo yazykov)* [Linguistic status of treatment (based on the Russian and Kabardino-Circassian languages)]: Avtoref. diss. ... kand. fil. n. Nalchik, 2007. 22 p.
13. Ivanilov V.M. *Assotsiativnyy potentsial slova kak osnova tolkovaniya snovidenyi* [The associative potential of the word as the basis for the interpretation of dreams]: Avtoref. diss. ... kand. fil. n. Ekaterinburg, 2006. 24 p.
14. Kamenskaya V.M. *Aksiologicheskiy aspekt ustoychivyykh zoomorfnykh sravneniy i zoomorfnykh paremiy ispanskogo yazyka* [The axiological aspect of stable zoomorphic comparisons and zoomorphic paremias of the Spanish language]: Avtoref. diss. ... kand. fil. n. Voronezh, 2008. 17 p.
15. Kindrya N.A. *Angliyskiye i russkiye frazeologizmy s komponentom-zoonimom v svete istorii kul'tury* [English and Russian phraseological units with a zoonym component in the light of cultural history]: Avtoref. diss. ... kand. fil. n. Moscow, 2005. 28 p.
16. Klushin N.A. *Zoo- i fitomorfnyye kharakteristiki cheloveka v angliyskoy razgovornoy rechi* [Zoo- and phytomorphic characteristics of a person in English colloquial speech]: Avtoref. diss. ... kand. fil. n. Nizhny Novgorod, 1991. 16 p.
17. Kurashkina N.A. Ornitonimy-nomeny v ekolingvisticheskoy interpretatsii [Ornithonyms-nomens in ecolinguistic interpretation]. *Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika*. 2020. no 1: 11–22.
18. Lebedeva L.A. *Ustoychivyye sravneniya russkogo yazyka: kratkiy tematicheskiy slovar'* [Stable comparisons of the Russian language: a short thematic dictionary]. Moscow: FLINT, 2017. 283 p.
19. Maslov A.S. *Zoometafory-invektivy v sovremennom russkom yazyke: eksperimental'noye issledovaniye* [Zoometaphors-invectives in modern Russian: an experimental study]: Avtoref. diss. ... kand. fil. n. Belgorod, 2014. 24 p.
20. Metel'skaya E.V. *Obraz cheloveka v angliyskoy i russkoy substandartnoy lingvokul'turakh: na materiale zoonimov angliyskogo i russkogo yazykov* [The image of a person in English and Russian substandard languages]: Avtoref. diss. ... kand. fil. n. Moscow, 2017. 24 p.

- linguocultures: on the material of zoonyms of English and Russian languages]: Avtoref. diss. ... kand. fil. n. Pyatigorsk, 2012. 26 p.
21. Mokiyeiko V.M., Nikitina T.G. *Bol'shoy slovar' russkogo zhargona* [A large dictionary of Russian jargon]. St. Petersburg: Norint, 2000. 716 p.
 22. Mokiyeiko V.M., Nikitina T.G. *Bol'shoy slovar' russkikh narodnykh sravneniy* [A large dictionary of Russian folk comparisons]. Moscow: ZAO OLMA Media Group, 2008. 800 p.
 23. *Natsional'nyy korpus russkogo yazyka* [The National Corpus of the Russian Language]. URL: www.ruscorpora.ru.
 24. Ogdonova Ts.Ts. *Zoomorfnyaya leksika kak fragment russkoy yazykovoy kartiny mira* [Zoomorphic vocabulary as a fragment of the Russian linguistic picture of the world]: Diss. ... st. kand. fil. n. Irkutsk, 2000. 162 p.
 25. Putsileva L.F. *Kul'turno determinirovannyye konnotatsii russkikh zoonimov i fitonimov (na fone ital'yanskogo yazyka)* [Culturally determined connotations of Russian zoonyms and phytonyms (against the background of the Italian language)]: Avtoref. diss. ... kand. fil. n. St. Petersburg, 2009. 18 p.
 26. Ryzhkina O.A., Chakyroglu S. *Issledovaniye zoonimicheskikh metafor v russkoy i turetskoy lingvokul'turakh (predvaritel'nyye dannyye)* [Research of zoonymic metaphors in Russian and Turkish linguocultures (preliminary data)]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya*. 2009. V. 7. No 1: 18–26.
 27. Sviontkovskaya S.V. *Funktsii zoomorfizmov v formirovanii pragmaticheskogo potentsiala khudozhestvennogo teksta (na materiale ispanskogo i angliyskogo yazykov)* [Functions of zoomorphisms in the formation of the pragmatic potential of a literary text (based on the material of Spanish and English)]: Diss. ... st. kand. fil. n. Pyatigorsk, 2000. 225 p.
 28. Semantic Dictionary. URL: <http://slovari.ru/search.aspx?s=0&p=3068&di=vsem1&wi=6363>
 29. Solnceva N.V. *Sopostavitel'nyj analiz zoonimov russkogo, francuzskogo i nemeckogo yazykov v etnosemanticheskom aspekte* [Comparative analysis of zoonyms of the Russian, French and German languages in the ethno-semantic aspect]: Avtoref. diss. ... kand. filol. nauk. Omsk, 2004. 32 p.

30. Ton Kuang Kyong. *Sistemno-strukturnaya organizatsiya zoomorfizmov russkogo yazyka: na materiale proizvedeniy A.P. Chekhova i M.M. Zoshchenko* [Systemic and structural organization of zoomorphisms of the Russian language based on works by A.P. Chekhov and M.M. Zoshchenko]: Diss. ... kand. filol. nauk. Voronezh, 1997. 150 p.
31. Tkhopira Ch., Glushkova S.Y., Khayrutdinov R.R. Lingvopragmaticheskiye aspekty perevoda kitayskikh idiom s komponentom zoonimom na russkiy i tayskiy yazyki [Linguopragmatic aspects of translation of Chinese idioms with a zoonym component into Russian and Thai]. *Kazanskiy vestnik molodykh uchenykh. Pedagogicheskiye nauki*. 2019. V. 3. No 3: 8–14.
32. Ushakova Yu.Yu. *Leksicheskaya napolnyayemost' i strukturno-semanticheskiye osobennosti komparativnykh tropov v russkom yazyke* [Lexical filling and structural and semantic features of comparative tropes in the Russian language]: Avtoref. diss. ... d-ra fil. n. Moscow, 2005. 48 p.
33. Khabarova O.G. *Otsenochnyye frazeologizmy, voskhodyashchiye k obrazam zhitovnogo i rastitel'nogo mira* [Evaluative phraseological units that go back to the images of the animal and plant world]: Avtoref. diss. ... kand. filol. n. Moscow, 2004. 32 p.
34. Himik V.V. *Bol'shoj slovar' russkoj razgovornoj ekspressivnoj rechi* [The large dictionary of Russian colloquial expressive speech]. St. Petersburg, Norint, 2004. 768 p.
35. Sharova A.A. *Gendernyy aspekt zoomorfnykh obrazov (na materiale russkogo i angliyskogo yazykov)* [Gender aspect of zoomorphic images (based on the Russian and English languages)]: Avtoref. diss. ... kand. filol. n. Yaroslavl, 2010. 23 p.
36. Yurkov E.E. Metafora lingvokul'turnogo koda «Zhitovnyye» [Metaphor of the linguocultural code “Animals”]. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnyye nauki*. 2012. No 1-2: 431–438.
37. Yakovleva E.S. *Natsional'no-kul'turnaya spetsifika komponentov-zoonimov, reprezentiruyushchikh domashnikh, dikikh i mifologicheskikh zhitovnykh vo frazeologicheskom fonde kitayskogo i angliyskogo yazykov* [National-cultural specificity of zoonyms components representing domestic, wild and mythological animals in the phraseological fund of the Chinese and English languages]: Avtoref. diss. ... kand. filol. n. Belgorod, 2019. 24 p.

38. Ivanishcheva O. Culture phenomena: lexicographical description issues. *XLinguae*. 2016. Vol. 9. Issue 2: 73–89.
39. Ivanishcheva O.N., Bolgova E.V., Shadrina I.M., Gushchina A.V., Nikonov S.B. Insult as a linguistic and legal phenomenon. *International Journal of Engineering & Technology*, 2018, Vol. 7, No 4.38: 216–219.
40. Ivanishcheva O.N. “It’s too late to drink *borjomi*,” or Russian cultural vocabulary in the modern language space. *Studia z Filologii Polskiej i Słowiańskiej*. 2018. Vol. 53: 84–102.
41. Ivanishcheva O.N., Kotsova E.E., Sidorova T.A., Bolgova N.S., Zamarina E.V. Indecency as a Discursive Category. *International Journal of Recent Technology and Engineering (IJRTE)*. 2019. September. Vol. 8, Issue 3: 8733–8738.
42. Sedykh A.P., Ivanishcheva O.N., Koreneva A.V., Ryzkova I.V. Modern Philological Knowledge: Anthropocentrism and Linguistic Identity. *International Journal of Engineering & Technology*, 2018, Vol. 7, No 4.38: 447–451.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Болгова Елена Викторовна, аспирант кафедры филологии и медиакоммуникаций

*Мурманский арктический государственный университет
ул. Капитана Егорова, 15, г. Мурманск, Мурманская область,
183038, Российская Федерация
alena.bolgova2012@yandex.ru*

DATA ABOUT THE AUTHOR

Bolgova Elena Viktorovna, Ph. D. student

*Murmansk Arctic State University
15, Kapitan Egorov Str., Murmansk, Murmansk Region, 183038,
Russian Federation
alena.bolgova2012@yandex.ru
SPIN-code: 1712-9088
ORCID: 0000-0002-9845-4638
Researcher ID: AAH-2887-2019
Scopus Author ID: 57205200285*

DOI: 10.12731/2077-1770-2020-5-63-73
УДК 811.11-112

**ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИЕ
ОСОБЕННОСТИ АВТОРСКОЙ СКАЗКИ
(НА МАТЕРИАЛЕ СКАЗОК О. УАЙЛЬДА)**

Боровкова Е.Р.

Данная статья посвящена исследованию лингвостилистических и особенностей авторской сказки. В качестве материала для исследования были выбраны литературные сказки, автором которых является ирландский писатель XIX в. Оскар Уайльд. В статье представлены результаты анализа речевой организации литературной сказки, выявлены лингвостилистические особенности сказки на английском языке.

Цель. *Статья посвящена авторской сказке на английском языке. Предметом исследования являются лингвостилистические особенности данных сказок. Автор ставит целью выявить лингвостилистические особенности англоязычных сказок, автором которых является О. Уайльд.*

Метод и методология проведения работы. *Основу исследования образуют следующие методы: теоретический анализ литературных источников, классификация, сравнение, обобщение, наблюдение, систематизация.*

Область применения результатов. *Результаты исследования могут быть применены в практике преподавания иностранных языков, курса зарубежной литературы и курса стилистики текста.*

Ключевые слова: *авторская сказка; метафора; эпитет; инверсия; анафора; полисиндетон; анадиплосис.*

**LINGUISTIC AND STYLISTIC FEATURES OF THE AUTHOR
FAIRY TALE (BASED ON O. WILDE'S FAIRY TALES)**

Borovkova E.R.

This article deals with the study of linguistic and stylistic features of the author fairy tale. Literary fairy tales authored by the

19th century Irish writer Oscar Wilde were chosen as the material for the study.

The article presents the results of the analysis of literary fairy tale organisation, as well as reveals the linguistic and stylistic features of an author fairy tale in English.

Purpose. *The article is devoted to the author fairy tale in English. The subject of the study is the linguistic and stylistic features of these tales. The author aims to identify the linguistic and stylistic features of English tales, authored by O. Wilde.*

Methodology. *The basis of the study is formed by the following methods: theoretical analysis of literary sources, classification, comparison, generalization, observation, systematization.*

Results. *The results of the work consist in understanding the fairy tale as a special kind of an expressive text, as well as identifying the main language tools.*

Practical implications. *The results of the research can be applied in the practice of teaching, in developing courses of foreign literature and text interpretation.*

Keywords: *author fairy tale; metaphor; epithet; inversion; anaphora; polysyndeton; anadiplosis.*

Сказка – это повествовательный жанр с устной формой бытования, которая отличается особой композиционно-стилистической структурой, наличием необычного события, нацеленностью на развлекательность. В сказке распространены различные языковые приемы, уменьшительно-ласкательные суффиксы, модальные частицы и «говорящие» имена. В основе сказки лежит противоречивый характер. С одной стороны, сказка отражает события действительности, с другой стороны, некоторые явления в сюжете принимают нереалистичный характер [4, с. 10].

«Авторская сказка – это авторское художественное прозаическое или поэтическое произведение. Основанное либо на фольклорных источниках, либо придуманное самим писателем, но в любом случае подчиненное его воле; произведение преимущественно фанта-

стическое, рисующее чудесные приключения вымышленных или традиционных сказочных героев и в некоторых случаях ориентированное на детей; произведение, в котором волшебство, чудо играют роль сюжетобразующего фактора, помогает охарактеризовать персонажей» [Там же, с. 6]. Авторская сказка имеет ряд особенностей. Авторская сказка – результат творчества одного автора, сюжет сказки не поддается вариации, его нельзя изменить, авторская сказка не ограничивается определенным стилем, формой написания. Кроме того, в данном жанре литературы представлено изобилие языковых средств выразительности и наличие реалий настоящего, в центре внимания – индивидуализированный герой [3, с. 30].

Лингвостилистические особенности – это те языковые черты текста, которые принимают активное участие в формировании его эмоционально-образной и содержательной составляющих [5, с. 23]. Различают следующие лингвостилистические особенности: на фонологическом, морфологическом, лексическом и синтаксическом уровнях. На фонетическом уровне различают следующие приемы: аллитерация, ассонанс звукоподражание и эвфония, на морфологическом – морфемы и словоформы, на синтаксическом – употребление номинативных предложений, эллипсис, употребление бессоюзной связи, умолчание, расширение, усложнение, инверсия и обособление, на лексическом: метафора, сравнение, метонимия, олицетворение, синекдоха, ирония, символ, гипербола, литота, эпитет, перифраз, аллегория, оксюморон, каламбур.

Произведения О. Уайльда отличаются образностью, которая достигается с помощью выразительных языковых средств. Яркий и живой язык придает описанию наглядность, выразительность, экспрессию, делает отвлеченные понятия более зримыми. Преображение языка ведет, как правило, к изменению авторского стиля, поэтому манера написания О. Уайльда является уникальной, непохожей на другие. Невероятная красота языка Оскара Уайльда увлекает нас в иной мир, с одной стороны, живописный, красочный, проникнутый до глубины идеями эстетизма, с другой стороны, иронический, алчный, который пронизывает атмосфера

трагизма и печали, оказывающая разрушительное воздействие на персонажей.

На материале четырех сказок О. Уайльда: «The Nightingale and the Rose», «The Selfish Giant», «The Happy Prince» и «The Fisherman and his Soul» была исследована и проанализирована частотность и употребление стилистических приёмов на лексическом и синтаксическом уровнях.

Языковые выразительные средства на лексическом уровне придают эмоционально-экспрессивный оттенок, окрашивают слова, наделяют их выразительностью и образностью.

Языковые выразительные средства на стилистическом уровне «служат целям ритмизации речи, имитации устной формы повествования, что позволяет авторам установить эмоциональный контакт с читателем, повысить экспрессивное звучание текста» [2, с. 126].

Оскар Уайльд мастерски использует лексические средства выразительности, придавая своим сказкам невероятный стиль повествования.

К наиболее употребляемым лексическим средствам выразительности О. Уайльда можно отнести **олицетворение**.

В сказке «The Nightingale and the Rose» можно встретить следующие примеры: «*the little Lizard ... laughed outright.*»; «*But the Tree shook its head*»; «*But the Nightingale understood the secret of the Student's sorrow*».

Подобные примеры встречаются и в сказке «The Selfish Giant»:

- «*Then the Spring came*», «*trees forgot to blossom*»;
- «*Once a beautiful flower put its head out from the grass, but when it saw the notice-board it was so sorry for children... Once a beautiful flower put its head out from the grass, but when it saw the notice-board it was so sorry for the children that it slipped back into the ground again, and went off to sleep*»;
- «*The only people who were pleased were the Snow and the Forest*».

О. Уайльд часто использует в своих произведениях олицетворение, наделяя неодушевленных сказочных персонажей человеческими чертами. Такой прием приближает читателя к персонажу, передавая

чувственную сторону героя, описывая его душевное состояние или настроение. На приведенных примерах заметно, что описываемые действия воспринимаются ярко, впечатляют читателя.

В другой сказке О. Уайльда «The Happy Prince» персонажам ласточке (Swallow) и статуе принца (the Happy Prince) присуще человеческое начало, чувство сострадания и жалости к людям, вместе они помогают жителям справиться с их проблемами, жертвуя собой:

- *«I will wait with you one night longer», said the Swallow, who really had a good heart. «Shall I take him another ruby?».*
- *«Alas! I have no ruby now, said the Prince».*

В ходе исследования были выявлены **сравнения**:

- *«His hair is dark as the hyacinth-blossom, and his lips are red as the rose of his desire; but passion has made his lace like pale Ivory...» («The Nightingale and the Rose»);*
- *«Here and there over the grass stood beautiful flowers like stars...»; He was dressed in grey, and his breath was like ice» («The Selfish Giant»);*
- *«Round his neck is a chain of pale green jade, and his hands are like withered leaves» («The Happy Prince»).*
- *«...the sapphire shall be as blue as the great sea»; «the Sphinx, who is as old as the world itself»; «The streets looked as if they were made of silver».*

Теперь обратимся к **метафорам**. Выявленные нами метафоры можно распределить по группам в соответствии с типом метафорического переноса:

- по цвету: *«crystal Moon»;*
- по эмоциональному впечатлению: *«bitter words»;*
- по месторасположению: *«Sea-folk»;*
- по функциям: *«power of love», «passion-flowers»;*
- по ассоциации: *«Death is the brother of Sleep», «The children are the most beautiful flowers of all»;*
- по действию: *«...my heart will break. », «...heart melted...» «... he was filled with wonder...», «she is always flirting with the wind», «he had fallen asleep»;*
- по форме: *«the wounds of Love», «the House of Death».*

Эпитет – еще один прием, который использует О. Уайльд в своих сказках. Эпитеты украшают описания автора, превращают их в необыкновенные истории, наполненные невероятной красотой слов. Существует множество классификаций эпитетов, но мы будем опираться на подход А.Н. Веселовского. Ученый предлагает поделить эпитеты на тавтологические (указывают на признак предмета), пояснительные (указывают на важный признак предмета, принадлежащий именно ему), метафорические (в основе лежит метафора) и синкретические (связаны с нерасчлененностью наших чувств с окружающим миром).

Тавтологические	Пояснительные	Метафорические	Синкретические
red rose	wonderful thing	sweetest song	
young Student	beautiful eyes	silver fruit	
fresh air	wonderful piece of luck	golden cheeks	
blue silk	cold Moon	golden hair	
large drop	graceful curtseys	crystal Moon	
red ibises	bright cloaks	delicious slumber	
green wood	beautiful Reed	silver ripples	

В ходе нашего исследования синкретических эпитетов не было выявлено.

Большинство эпитетов автор использует для описания природы и людей, которые раскрывают красоту внешности персонажей, их характер и внутренний мир. Некоторые эпитеты писатель использует с предлогом *of*. Например, «*misery of my city*», «*lemons of green gold*», «*city of gold*», «*roof of clear emerald*». Предлог *of* в таких словосочетаниях переносит всю смысловую нагрузку на последующее слово. Так, например, *city* является обычным словом, но в сочетании с предлогом *of + noun (gold)*, это слово приобретает иной, экспрессивно-окрашенный оттенок, передающий красоту города, сравнивая его с золотом.

На основе полученных результатов можно сделать вывод, что наиболее частотными приёмами на лексическом уровне языка являются эпитет и метафора.

Помимо лексических средств выразительности большую роль в сказках Оскара Уайльда играют и различные синтаксические сред-

ства. Подобно лексическим приемам, они помогают автору создать единую выразительную картину в своих произведениях. Наиболее частотными синтаксическими приемами в сказках О. Уайльда являются повтор, инверсия и полисиндетон.

В ходе исследования были выявлены **повторы**.

Анафора – повторение языковых элементов в начале параллельного ряда:

- *«Why, indeed?» said a Butterfly, who was fluttering about after a sunbeam. – «Why, indeed?» whispered a Daisy to his neighbour, in soft, low voice»* («The Nightingale and the Rose»);
- *«Night after night have I sung of him, though I knew him not: night after night have I told his story to the stars, and now I see him»* («The Nightingale and the Rose»);
- *«Far away», continued the statue in a low musical voice, – «...far away in a little street there is a poor house»* («The Happy Prince»).

Простой повтор:

- *«Swallow, Swallow, little Swallow»* («The Happy Prince»);
- *«Suddenly he rubbed his eyes in wonder, and looked and looked»* («The Selfish Giant»).

Анадиплосис – прием, при котором последнее слово или фраза первой части отрезка речи повторяется в начале следующей части:

- *«Soon they will go to sleep in the tomb of the great King. The King is there himself in his painted coffin».*

Повтор в приведенных примерах подчеркивает определенное действие, обращает наше внимание на происходящее, служит в создании интонационной картины, которая выражается в напевности.

Полисиндетон является еще одним приемом, который часто встречается в сказках О. Уайльда. Так, например, было выявлено многократное повторение союза *and*:

- *«Who art thou” said the Giant, and a strange awe fell on him, and he knelt before the little child»* («The Selfish Giant»);
- *«Ah! but we have, in our dreams», answered the children: and the Mathematical Master frowned and looked very severe...»* (The Happy Prince);

- «*And the little Swallow began to think, and then he fell asleep*» («The Happy Prince»);
- «*His hair is brown and crisp, and his lips are red as a pomegranate, and he has large and dreamy eyes ...*» («The Happy Prince»);
- «*So it was always Winter there, and the North Wind, and the Hail, and the Frost, and the Snow danced about through the trees*» («The Selfish Giant»);
- «*Then the Hail stopped dancing over his head, and the North Wind ceased roaring, and a delicious perfume came to him through the open casement*» («The Selfish Giant»);
- «*And when the Moon shone in the heavens the Nightingale flew to the Rose-tree, and set her breast against the thorn*» («The Nightingale and the Rose»);
- «*All night long she sang, and the thorn went deeper and deeper into her breast, and her life-blood ebbed away from her*» («The Nightingale and the Rose»)

Из вышеприведенных примеров можно отметить, что полисиндетон усиливает эмоциональную окраску, подчеркивает определенные действия, выделяет их из текста.

Известно, что в английском языке фиксированный порядок слов, и каждое слово занимает определенное место в предложении. Однако в художественных текстах можно найти большое количество предложений, в которых фиксированный порядок слов отсутствует. Зачастую автор выносит на первое место слово или словосочетание, которое, по его мнению, обладает ярким оттенком значения.

В сказках О. Уайльда зафиксированы многочисленные инверсии:

- «*Pale was it, at first, as the mist that hangs over the river*» («The Nightingale and the Rose»);
- «*Bitter, bitter was the pain, and wilder and wilder grew her song, ...*» («The Nightingale and the Rose»);
- «*In the farthest corner of the garden was a tree quite covered with lovely white blossoms*» («The Selfish Giant»);
- «*For on the palms of the child's hands were the prints of two nails...*» («The Selfish Giant»);

- «...*for in my garden of Paradise this little bird shall sing for evermore ... and in my city of gold the Happy Prince shall praise me*» («The Happy Prince»).

Инвертированный порядок слов служит и для логического выделения какого-либо члена предложения, поскольку в инвертированных конструкциях происходит «перераспределение логического ударения» [1, с. 53]. Употребление данного приема усиливает выразительность повествования, придает ему эмоционально-экспрессивный оттенок, что характерно для сказки.

Кроме того, эмоциональную окраску в сказках О. Уайльда усиливают следующие эмотивные конструкции:

- «*How happy we are here!*» («The Selfish Giant»);
- «*How hungry we are!*” *they said*» («The Happy Prince»)

Экспрессивно-эмоциональный оттенок придают в сказках О. Уайльда наречия *never* и *yet*:

«*Yet never did she rise out of the sea to meet him, nor in any place of the sea could he find her, though he sought for her in the rivers of the sea, and in the valleys*». («The Fisherman and his Soul»)

Инверсия создает определенную атмосферу в произведении в зависимости от ее функции, которую данный прием выполняет в тексте. Так, например, с одной стороны, инверсия наделяет текст теплым чувством и безмерной радостью («*How happy we are here!*»), с другой стороны, трагизмом и невероятной печалью («*Yet never did she rise out of the sea to meet him, nor in any place of the sea could he find her, though he sought for her in the rivers of the sea, and in the valleys...* »).

В ходе исследования стилистических приемов на фонетическом уровне не было выявлено.

В результате рассмотрения функционирования лингвостилистических особенностей сказок О. Уайльда мы пришли к выводу, что образная манера изложения является характерной чертой сказок данного автора. Широкое использование стилистических приемов позволяют достичь выразительности, живости и яркости языка. Самыми употребляемыми стилистическими приемами в сказках

О. Уайльда являются инверсия и полисиндетон на синтаксическом уровне, а на лексическом уровне – эпитет и метафора.

Список литературы

1. Арнольд И.В. *Стилистика. Современный английский язык: учебник для вузов*. М.: Флинта: Наука, 2002. 384 с.
2. Гальперин И.Р. *Стилистика английского языка*. М.: Либроком, 2013. 336 с.
3. *Сказочная энциклопедия*; / Под общ. ред. Наталии Будур. М.: Олма-Пресс, 2005. 608 с.
4. Уткина Т.В. *Взаимосвязанное изучение русских, мордовских и зарубежных литературных сказок: Автореф. дис. ... канд. пед. наук*. Москва, 1998. 10 с.
5. Щерба Л.В. *Языковая система и речевая деятельность*. М.: Едиториал УРСС, 2004. 432 с.
6. Wilde O. The Happy Prince. URL: <https://www.wilde-online.info/the-happy-prince.html> (дата обращения: 19.01.2020).
7. Wilde O. The Nightingale and the Rose. URL: <https://www.wilde-online.info/the-nightingale-and-the-rose.html> (дата обращения: 26.01.2020).
8. Wilde O. The Selfish Giant. URL: <https://www.wilde-online.info/the-selfish-giant.html> (дата обращения: 02.02.2020).
9. Wilde O. The Fisherman and his Soul. URL: <https://www.wilde-online.info/the-fisherman-and-his-soul.html> (дата обращения: 10.02.2020).

References

1. Arnold I.V. *Stilistika. Sovremennyj anglijskij jazyk: uchebnik dlja vuzov* [Stylistics. Modern English: a textbook for universities]. Moscow: Flinta: Nauka, 2002. 384 p.
2. Galperin I.R. *Stilistika anglijskogo yazyka* [Stylistics of the English language]. Moscow: Librokom, 2013. 336 p.
3. *Skazochnaya enciklopediya* [Fairy tale encyclopedia]. Moscow: Olma-Press, 2005. 608 p.
4. Utkina T.V. *Vzaimosvyazannoe izuchenie russkih, mordovskih i zarubezhnyh literaturnyh skazok* [Interconnected study of Russian,

- Mordovian and foreign literary fairy tales]: Avtoref. dis. ... kand. ped. nauk. Moscow, 1998. 10 p.
5. Shcherba L.R. *Yazykovaya sistema i rechevaya deyatel'nost'* [Language system and speech activity]. Moscow: Editorial URSS, 2004. 432 p.
 6. Wilde O. The Happy Prince. <https://www.wilde-online.info/the-happy-prince.html>.
 7. Wilde O. The Nightingale and the Rose. <https://www.wilde-online.info/the-nightingale-and-the-rose.html>.
 8. Wilde O. The Selfish Giant. <https://www.wilde-online.info/the-selfish-giant.html>.
 9. Wilde O. The Fisherman and his Soul. <https://www.wilde-online.info/the-fisherman-and-his-soul.html>.

ДААННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Боровкова Елена Рифовна, доцент кафедры Иностранных языков, теории и методики обучения, кандидат филологических наук *Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт (Филиал) Российского государственного профессионально-педагогического университета* ул. Красногвардейская 57, г. Нижний Тагил 622013, Свердловская обл., Российская Федерация
rifovna@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Borovkova Elena Rifovna, Associate Professor of the Department of Foreign Languages, Theory and Methods of Education, Ph. D. in Philology *Nizhny Tagil State Social and Pedagogical Institute (Branch) of the Russian State Vocational Pedagogical University, 57, Krasnogvardeyskaya st., Nizhny Tagil, 622013, Sverdlovsk region, Russian Federation*
rifovna@mail.ru
SPIN-code: 8003-4308

DOI: 10.12731/2077-1770-2020-5-74-83

УДК 811.139

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПРИЗНАКИ ГИПЕРБОЛИЗАЦИИ ЮМОРА В АМЕРИКАНСКОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ

Вержинская И.В.

Цель. Статья посвящена описанию и исследованию концептуальных признаков комического преувеличения образа посредством объективации его эндогенных и экзогенных характеристик.

Метод или методология проведения работы. Методика выявления комических концептуальных признаков обозначила корпус следующих методов исследования: методы синтеза и описания, систематизации и классификации, а также лингвокультурологический и когнитивный анализ материала.

Результаты. На основе проведенного анализа установлено, что концептуальные признаки гиперболизации американского юмора объективируются посредством языковых единиц или стилистических средств актуализации гиперболы. Степень гиперболизации американского юмора выявляется в рамках схемы, отражающей контраст эндогенных и экзогенных характеристик комических образов. Комические концептуальные признаки, актуализируемые посредством контекстуальных экзогенных статусов, объективируют такие концепты, как «сила», «способность», «еда», «статус», «смерть», «крик», «сумасшествие». Данные концепты также являются маркерами национального юмора.

Область применения результатов. Результаты данного исследования могут применяться в теоретических курсах по лингвострановедению, общему языкознанию, когнитивной лингвистике, а также на практических занятиях по устному и письменному переводу, аналитическому чтению.

Ключевые слова: гиперболизация юмора; гиперболизированный признак; эндогенный статус; экзогенный статус; признак комизма; концептуальный признак; скрипт; сценарий; комический эффект.

CONCEPTUAL FEATURES OF HUMOR HYPERBOLIZATION IN AMERICAN ARTISTIC DISCOURSE

Verzhinskaya I.V.

Purpose. *The article is devoted to the description and study of conceptual features of comic exaggeration of the image by means of its endogenous and exogenous characteristics.*

Methodology. *The method of identifying comic conceptual features outlined the corpus of the following research methods, i.e. methods of synthesis and description, systematization and classification, as well as linguoculturological and cognitive analysis of the material.*

Results. *Based on the analysis, it was established that the conceptual features of the hyperbolization of American humor are objectified through language units or stylistic means of actualizing hyperbole. The degree of hyperbolization of American humor is revealed within the framework of a scheme reflecting the contrast of endogenous and exogenous characteristics of comic images. Comic conceptual features, thus updated through contextual exogenous statuses, objectify such concepts as “power,” “ability”, “food”, “status”, “death”, “cry”, “madness”. These concepts are also markers of national humor.*

Practical implications. *The results of this study can be used in theoretical courses on linguistic studies, general linguistics, cognitive linguistics, as well as in practical classes on interpretation and translation, analytical reading.*

Keywords: *humor hyperbolization; hyperbolized feature; endogenous status; exogenous status; sign of comedy; conceptual feature; script; scenario; comic effect.*

Процесс гиперболизации юмора в устной и письменной речи актуализируется благодаря языковым средствам и способам, выполняющим функцию преувеличения свойств и признаков объекта или явления, претерпевающего определенную степень градации

его качественного или количественного элемента, ведущую к комическому эффекту.

О.С. Ахманова определяет гиперболу как «фигуру речи, состоящую в заведомом преувеличении, усиливающим выразительность, придающем высказываемому эмфатический характер» [1, с. 99]. Явлению гиперболизации посвящено большое количество работ ученых лингвистов, в частности, преувеличению как явлению, обладающему максимизацией и минимизацией признака, посвятили свои работы Ю.М. Скребнев, В.И. Шувалов, В.Д. Девкин. Проблемами гиперболизированной степени признака занимались такие ученые, как И.Р. Гальперин, Ю.М. Скребнев, Э. Сепир. Изучению маркера гиперболичности, носителя гиперболизированного признака уделяет внимание в своих работах Е.В. Поликарпова. В нашей работе мы предлагаем исследовать степень контраста комических преувеличений на основе выявления эндогенного и экзогенного статусов концептуального признака. Основой исследования градуального признака преувеличения в нашей работе послужил текст художественного произведения Ш. Теппер «Beauty». Корпус исследования составил 200 языковых единиц – средств актуализации гиперболы. Механизм актуализации гиперболизированного юмора предполагает выявление комического концептуального признака на основе экзогенного статуса описываемого образа, приобретаемого им в условиях контекста. Проанализируем примеры:

1) «*Captain Karon had described that smile, the smile flirtatious, which had been known to conquer whole regiments of men while they were merely marching past*» [8, p. 76]. – «*Капитан Карон описывал подобную улыбку, флиртующую улыбку, способную сразить наповал целые полчища мужчин, марширующих мимо*».

Комическое описание образа, представленного в данном примере, актуализируется посредством следующей концептуальной схемы: образ: улыбка ← характеристика: (**флиртующая, оживляющая** ↔ – **сражающая наповал целые полчища мужчин, марширующих мимо**). Характеристика «**флиртующая, оживляющая**» является эндогенной. Она позитивна. Характеристика – «**сражающая**»

наповал целые полчища мужчин, марширующих мимо», воспринимаемая буквально, интерпретирует свойство актуализируемого явления, как выходящее за рамки допустимого в предметно-логическом отношении с описываемым явлением. Улыбка, образно олицетворяясь, сама не может активизировать действие и являться агентом выполняемого действия, соответственно, характеристика «сражающая наповал целые полчища мужчин, марширующих мимо» является экзогенной и придает образу комичность.

2) *«Most of the women would be wearing wimples and or headdresses with peaks or wings and veils flowing from them. I hate headdresses because they muffle up my head, but then I wash my hair a lot and most women don't. Washing the hair is dangerous because it fevers the brain, they say, but I'd never noticed mine being anymore fevered than usual»* [Там же, р. 72]. – «*Большинство женщин носили бы головные уборы и / или головные уборы с козырьками или крыльями и вуалью, спадающей с них. Я ненавижу головные уборы, потому что они слишком укутывают голову, и потом я часто мою волосы, а большинство женщин – нет. Говорят, мыть волосы опасно, потому что это лихорадит мозг, но я никогда не замечала, чтобы меня от этого лихорадило больше, чем обычно*».

В данном случае комическое описание образа действия актуализируется посредством следующей концептуальной схемы: образ действия: мыть голову ← характеристика: (испытывать естественную потребность в чистоте, заботиться о здоровье волос ↔ – создавать опасность процедурой мытья волос, приводящей к лихорадке). Данная схема объективирует некоторый парадокс при дуальном прочтении содержания составляющих ее компонентов. Процедура, устанавливающая эндогенный статус концептуализируемого образа, идентифицирует естественную потребность человека в процедуре ухода за своей внешностью, обеспечивающей безвредность ее проведения и приносящей пользу. Процедура интерпретации, заключающаяся в актуализации экзогенного статуса концептуализируемого образа, опровергает уместность процедуры идентификации. Но процедура интерпретации не является эндогенной в силу своего контек-

стуального окружения, вследствие чего придает концептуализируемому образу действия комичность.

3) *«How the hell am I supposed to know, Martin, the one called Alice replied. If this shows up on the monitors, they'll have our guts for dinner»* [Там же, р. 82]. – *«Откуда мне знать, Мартин, – ответила Элис. Если это появится на мониторах, они нас съедят на ужин».*

В скрипте вышеописанного утверждения образ «люди» идентифицируется как **«разумные существа, употребляющие в пищу продукты, потребляемые обычными людьми»** в эндогенной актуализации. Умеренно негативную характеристику концептуализируемому образу придает созданный контекстом экзогенный статус «люди, употребляющие в пищу себе подобных, людоеды». Получаем следующую схему комического описания: образ: люди ← характеристика: **(разумные существа, употребляющие в пищу продукты, потребляемые обычными людьми** ↔ – люди, употребляющие в пищу себе подобных, людоеды). Экзогенная характеристика превалирует над эндогенной в условиях контекста и в силу своей эмотивности не элиминирует ее позитивности, а объективирует комический концептуальный признак.

4) *«The aunts would have had a fit if they had ever seen the things they talk about on TV, but I think it's good to have words for things»* [Там же, р. 91]. – *«Тетушки бы наверно сошли с ума, если бы они когда-нибудь видели то, о чем они говорят по телевизору, но я думаю хорошо, что для всего имеется свое наименование».*

Скрипт актуализации последствий сказанного героинями художественного произведения кодирует следующий концептуальный признак: образ действия: говорить ← характеристика: **(излагать что-то привычное, не противоречащее здравому смыслу** ↔ – излагать вещи, от которых теряют рассудок). В процессе процедуры идентификации актуализируется эндогенный статус описываемого образа – **излагать что-то привычное, не противоречащее здравому смыслу**. Экзогенный статус – излагать вещи, от которых теряют рассудок, не находит соответствующей логико-ассоциативной связи с концептуализируемым образом. Но негативная экзогенная

характеристика в силу своей контекстуальной обусловленности не превалирует над эндогенной, а служит для объективации комического концептуального признака.

5) «*She chewed them as though famished, eyes rolled up, jaws working furiously*» [Там же, р. 94]. – «*Она жевала их, как будто голодная, закатывая глаза, яростно работая челюстями*».

В анализируемом нами примере концептуализируем следующий комический признак: образ: человек ← характеристика: (**человек, принимающий пищу в свойственной манере человеку** ↔ – животное, яростно пережевывающее пищу). В результате проведенной процедуры идентификации устанавливаем чрезвычайное преувеличение описываемого действия, актуализирующего гиперболизированное сравнение с манерой поедания пищи животным. Характеристика «**человек, принимающий пищу в свойственной манере человеку**» является денотативной, свойственной человеку по определению, а также идентифицируется как позитивная. Статус негативности образ приобретает в рамках процедуры интерпретации, характеризующей его как «животное, яростно пережевывающее пищу». Но в силу того, что данная характеристика является внешнеобусловленной, она не претендует на статус эндогенной характеристики, а порождает комический признак.

6) «*A dozen local musicians, scraping and blowing, anyone of whom would have made more tuneful sounds killing pigs*» [Там же, р. 71]. – «*Десяток местных музыкантов, скребущих и дующих, каждый из которых производил бы более мелодичные звуки, если бы убивал свиней*».

Смыслы, кодируемые в рамках представленных денотативной и коннотативной характеристик описываемого образа, актуализируют явное противоречие между идентификацией слова «музыкант» по определению и его терминологической интерпретацией в условиях созданного контекста. Получаем следующую схему актуализации комического описания образа: музыкант ← характеристика: (**специалист, имеющий уникальный музыкальный слух и производящий на музыкальном инструменте приятные звуки** ↔ – человек, не

имеющий ничего общего с музыкой, производящий скрежет, подобный разделыванию свиньи, от игры на музыкальном инструменте). Процедура интерпретации устанавливает экзогенный статус музыканта – человек, не имеющий ничего общего с музыкой, производящий скрежет, подобный разделыванию свиньи, от игры на музыкальном инструменте, который в силу своей гиперболизированной эмотивности и абсурдности, придает образу комичность. Но данная внешнеобусловленная характеристика не претендует на статус эндогенной, а лишь актуализирует несоответствие между означаемым и означающим и объективирует комический концептуальный признак.

7) «*Wouldn't do to have one of those wandering around the Queen, now would it. Ugly things. Scare Mrs. Gallimar out of her pretty shoes*» [Там же, р. 77]. – «Если тогда не удалось поймать одного из них, блуждающего вокруг королевы, то сейчас это свершилось. Опасные существа. Напугали Миссис Галлимар до смерти».

Преувеличиваемый факт сообщаемой информации о том, что королева может быть напугана кем-то до смерти, слегка искажает нормы того, каким статусом должен обладать человек, прошедший процедуру инаугурации и коронации. Получается некоторое противоречие, которое отнюдь не влияет на элиминирование позитивности эндогенной характеристики негативностью экзогенной. Экзогенная характеристика является контекстуально обусловленной, искажающей образ в пределах разворачивающегося сюжета текста фэнтези. Таким образом, умеренно негативный экзогенный статус служит для объективации комического концептуального признака рассматриваемого образа. Следовательно, получаем следующий комический концептуальный признак: образ: королева ← характеристика: **(неприступная, находящаяся под защитой стражи ↔ беззащитная, напуганная до смерти)**.

8) «*While I watched our approach from near the rail, my hands held tightly over my ears, captain Karon hauled on the whistle rope, hunching his head down between his shoulders to keep the reverberations from rattling his skull*» [Там же, р. 102]. – «Пока я наблюдала, стоя возле поручней, за тем, как мы приближались, я плотно прижимала руки

к ушам. Капитан Карон возвестил о нашем прибывании пронзительным свистом в свисток, пытаясь в это время запрятать голову между плеч и спастись от вибраций, которые могли расколоть череп».

Сценарий приветствия прибывающих на корабле путешественников актуализирует следующее комическое описание: образ: свист ← характеристика: (допустимый, не причиняющий вреда здоровью ↔ – пронзительный, способный расколоть череп). Процедура идентификации характеристикой **допустимый, не причиняющий вреда здоровью** устанавливает эндогенный статус такого описываемого явления, как свист, что является естественным нормативно установленным атрибутом обозначения прибытия или отплытия на мореходных видах транспорта. Процедура интерпретации характеристикой **пронзительный, способный расколоть череп** актуализирует неуместность воспроизводства подобного действия и вызывает некоторое противоречие. Однако экзогенная характеристика обусловлена внешним контекстом, призванным объективировать комический концептуальный признак.

Таким образом, градация гиперболических маркеров юмора в американском художественном дискурсе выявлена посредством объективации контраста эндогенной и экзогенной характеристик комических образов. В результате проведенного нами анализа хорошо видно, что юмор американского художественного дискурса можно охарактеризовать как гротескный, доведенный до крайней степени гиперболизации. Комические концептуальные признаки, актуализируемые посредством контекстуальных экзогенных статусов, объективируют такие концепты, как «сила», «способность», «еда», «статус», «смерть», «крик», «сумасшествие». Данные концепты также являются маркерами национального юмора.

Список литературы

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов, М.: КомКнига, 2005. 576 с.
2. Гальперин И.Р. Очерки по стилистике английского языка. М.: Изд-во литературы на иностр. языках, 1958. 459 с.

3. Девкин В.Д. Немецкая разговорная речь. Синтаксис и лексика. М. «Международные отношения», 1979. 256 с.
4. Поликарпова Е.В. Гипербола в современном немецком языке (лексикологический аспект): Диссер. ... канд. филол. наук. 10.02.04. М., 1990. 224 с.
5. Сепир Э. Градуирование // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1985. Вып. XVI: Лингвистическая прагматика. С. 43–78.
6. Скребнев Ю.М. Основы стилистики английского языка. М.: АСТ. 2003. 221 с.
7. Шувалов В.И. Метафора в лексической системе немецкого языка: Дисс. ... ст. д-ра филол. наук. Москва, 2006. 392 с.
8. Terper S.S. Beauty. Doubleday, 1992. 412 p. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <https://b-ok.com/book/1610627/a7533a> (дата обращения: 16.10.20).

References

1. Ahmanova O.S. *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of linguistic terms]. Moscow: KomKniga, 2005. 576 p.
2. Gal'perin I.R. *Ocherki po stilistike anglijskogo yazyka* [Essays on stylistics of the English language]. Moscow: Izd-vo literatury na inostr. yazykah, 1958. 459 p.
3. Devkin V.D. *Nemeckaya razgovornaya rech'. Sintaksis i leksika* [The German colloquial speech. Syntax and vocabulary]. Moscow: «Mezh-dunarodnye otnosheniya», 1979. 256 p.
4. Polikarpova E.V. *Giperbola v sovremennom nemeckom yazyke (leksikologicheskij aspekt)* [Hyperbole in modern German (lexicological aspect)]: Diss. ... st. kand. filol. nauk. Moscow, 1990. 224 p.
5. Sepir E. *Graduirovanie* [Graduation]. Novoe v zarubezhnoj lingvistike. Moscow: Progress, 1985. Вып. XVI: Lingvisticheskaya pragmatika: 43–78.
6. Skrebnev Yu.M. *Osnovy stilistiki anglijskogo yazyka* [Basics of English stylistics]. Moscow: AST. 2003. 221 p.
7. Shuvalov V.I. *Metafora v leksicheskoy sisteme nemeckogo yazyka* [Metaphor in the lexical system of the German language]: Diss. ... st. d-ra filol. nauk. Moscow, 2006. 392 p.

8. Tepper S.S. *Beauty*. Doubleday, 1992. 412 p. URL: <https://b-ok.com/book/1610627/a7533a> (дата обращения: 16.10.20).

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Вержинская Инна Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода
Оренбургский государственный университет
пр. Победы, 13, г. Оренбург, 460018, Российская Федерация
iva_10@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Verzhinskaya Inna Vladimirovna, Candidate of Philology, Associate Professor of the chair of Translation Theory and Practice
Orenburg State University
13, Pobedy ave., Orenburg, 460018, Russian Federation
iva_10@mail.ru
SPIN-code: 5863-7535
ORCID: 0000-0002-4853-8542
ResearcherID: E-4996-2016

DOI: 10.12731/2077-1770-2020-5-84-97

УДК 81.27

**ВЕРБАЛЬНЫЕ И НЕВЕРБАЛЬНЫЕ
СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ НЕДООЦЕНКИ
В РОМАНЕ С. КИНСЕЛЛЫ «Я – ТВОЙ ДОЛЖНИК»:
СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ
(НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)**

Власова Е.В., Тисленкова И.А.

Цель. В статье рассматриваются коммуникативные (вербальные и невербальные) средства выражения недооценки, характерные для речи современных англичан. Автор анализирует поведенческую реакцию на ситуацию, которая имеет свои специфические особенности, регулируемые нормами и традициями британской культуры, и вербальные средства, нацеленные на гармоничное, бесконфликтное общение.

Методы. Социолингвистический анализ речи персонажа посредством социолингвистических категорий.

Результаты. На основании проведенного анализа устанавливается, что намеренная пауза, модератор «It's like», сдерживание эмоций выступают средствами выражения недооценки и в большей степени используются в речи женщин молодого и старшего возраста, принадлежащих к среднему классу.

Область применения результатов. Полученные выводы могут быть использованы в курсе межкультурной коммуникации, стилистики, перевода и семиотики.

Ключевые слова: недооценка; поведенческая реакция на ситуацию; молодой и средний возраст; вербальные и невербальные средства; средний класс; женский пол.

**VERBAL AND NONVERBAL MEANS
OF EXPRESSING UNDERSTATEMENT IN «I OWE YOU ONE»
BY S. KINSELLA: SOCIO-CULTURAL ASPECT
(BASED ON THE ENGLISH LANGUAGE MATERIAL)**

Vlasova E.V., Tislenkova I.A.

Purpose. The article deals with the communicative (verbal and non-verbal) means of expressing understatement, which are typical for

the speech of the contemporary English. The author analyzes behavioral response to the situation, which has its own specific features, regulated by the norms and traditions of British culture and verbal means aimed at harmonious, conflict-free communication.

Methods. *The author uses the sociolinguistic analysis method to study characters' speech by means of sociolinguistic categories.*

Results. *Based on the analysis, it is established that the intentional pause, 'It's like' moderator, emotional containment - means of expressing understatement, are more often found in the speech of young and older women belonging to the middle class.*

Practical implications. *The results of this study can be used in theoretical and practical courses on intercultural communication, stylistics, translation and semiotics.*

Keywords: *understatement; behavioral response to the situation; young and middle age; verbal and nonverbal means; middle class; female gender.*

Введение

Коммуникативное поведение людей, как вербальное, так и невербальное, является компонентом национальной культуры и имеет свои специфические особенности, регулируемые нормами и традициями данной нации [8, с. 52]. М.В. Китайгородская подчёркивает, что в предложениях говорящих постоянно присутствуют маркированные единицы, отражающие речевые особенности социальной группы, представителем которой является данный индивид [6, с. 222]. Для британской культуры одним из таких маркеров является недооценка (understatement) – “социально-историческая категория речи образованного англичанина, не прямой способ общения, направленный на поддержание дружелюбных отношений. Многофункциональность и многообразие способов её выражения социально обусловлены” [1, с. 149]. В настоящем исследовании мы обратимся к вербальным и невербальным способам выражения недооценки в речи современных англичан и выявим скрытую социально-культурную информацию в речи персонажей романа начала XXI в.

Актуальность исследования обусловлена важностью освещения социально-культурного подхода к изучению вербальных и невербальных средств выражения недооценки в речи современных англичан и его недостаточной изученностью в этом аспекте.

Цель исследования – выделить социально-культурные характеристики вербальных и невербальных средств выражения недооценки в речи персонажей современного художественного произведения начала XXI в.

Для выполнения поставленной цели решались следующие **задачи**:

- 1) изучить коммуникативные средства выражения недооценки;
- 2) выявить социально-культурный аспект коммуникативного поведения в речи персонажей художественного произведения.

Научная новизна работы состоит в рассмотрении коммуникативных средств выражения недооценки в социально-культурном аспекте.

Материалы и методы

Поскольку текст любого литературного произведения даёт точное представление о том, как в действительности говорят люди [6, с. 63], материалом исследования послужил роман британской писательницы Софи Кинселл “I owe you one” 2019 г., содержащий ситуации употребления недооценки англичанами.

Методы исследования включают в себя: социолингвистический анализ реплик героев с применением социолингвистических категорий профессора Т.А. Ивушкиной, разработанных в докторской диссертации «Язык английской аристократии: социально-исторический аспект» [3]. Общенаучные методы включают функциональный, системный и структурный методы.

Недооценка, будучи типично английской категорией речи, отражает специфический образ жизни англичан [4, р. 15]. Среди множества существующих способов выражения недооценки наибольший интерес представляет поведенческая реакция на ситуацию. Т.А. Ивушкина пишет, что «недооценка может выражаться несловесным способом – поведенческой реакцией на ситуацию, когда сдерживающим,

снижающим накал эмоций фактором, своеобразным «тормозом», является поведение персонажа» [3, с. 69]. Поведенческую реакцию на ситуацию как один из способов выражения недооценки рассматривает Е.В. Власова в диссертационном исследовании «Социолингвистический аспект изучения недооценки и переоценки в речи современного англичанина (на материале художественных произведений начала XXI века)» (2005). Автор указывает на то, что невербальный способ выражения недооценки начала XXI в. характерен для женщин среднего поколения, деловых и практичных людей, энергичных, заинтересованных в карьерном росте и потому более сдержанных.

В нашем исследовании мы будем опираться на возрастную классификацию, которая позволит адекватно проанализировать выбор вербальных и невербальных средств выражения недооценки с учетом возраста и пола, предложенную И.А. Тисленковой:

молодое поколение (20–35 лет);

среднее поколение (35–50 лет);

старшее поколение (после 50 лет) [9, с. 13–14].

Средние и высшие классы современного английского общества мы будем рассматривать по профессиональной принадлежности [2, с. 49–50].

Результаты

На основании проведенного анализа современного художественного произведения “I owe you one” («Я – твой должник») (2019) устанавливается, что невербальный способ выражения недооценки характерен и для женщин молодого возраста среднего класса. Поведенческая реакция на ситуацию реализуется несловесным способом выражения недооценки, проявляющимся в сдержанном поведении персонажей романа. Кроме того, недооценка в речи героев представлена вербальными средствами: модератором и паузой. Коммуникативные средства выражения недооценки в речи персонажей данного романа нацелены на гармоничное, бесконфликтное общение и соблюдение общественно-принятых норм при установлении, поддержании и завершения межличностного контакта.

Роман “I owe you one”, написанный популярной британской писательницей С. Кинселлы, повествует о жизни среднего класса современного английского общества. Автор романа принадлежит к высшим классам. Она родилась в Лондоне и преподавала общественные науки в Оксфорде. Действие романа происходит в Лондоне, где семья главной героини Фикси Фарр владеет магазином. Главная героиня, ее брат Джейк и сестра Николь являются представителями молодого поколения, ведущий тип деятельности которого может быть обозначен как овладение профессией и приобретения определённого положения [9]. Мать героини принадлежит к старшему поколению, для которого характерно удаление от дел и познание жизненных заблуждений. Главная тема книги – внутрисемейные отношения, в которые вовлечены все персонажи романа. Фикси – большая любительница привести все в порядок, но не свою личную жизнь. Её жизнь меняется после знакомства с молодым мужчиной, который оказывается ее должником после того, как она спасает от потопа его компьютер.

Анализ романа показал, что главные герои употребляют в большей степени недооценку, выраженную поведенческой реакцией на ситуацию и с помощью вербальных средств – модераторов и паузы. Рассмотрим примеры:

1) “Mum!” As I burst in, my chest is rising and falling. “About this olive oil ...” The ravens are flapping around me, but I’m trying desperately to ignore them. “I’ve already talked to Jake, and I ... I really don’t think ...”

Oh God, my voice has gone wobbly again. My courage has disintegrated. I *loathe* myself [14, p. 53].

– Мама! – Я врываюсь к ним, грудь вздымается от гнева. – Насчет оливкового масла...

Вокруг роится воронье, но мне без разницы.

– Я уже говорила об этом с Джейком... и я правда не думаю...

Черт. Голос дрожит. Выдохлась моя храбрость. Ненавижу себя!
[Перевод наш – Е.В.]

В данном примере героиня романа старается передать матери всё своё негодование по поводу решения её брата о закупке и продаже

дорогого оливкового масла в их магазине. Но вместо того, чтобы смело выразить свой гнев, героиня сдерживает себя, боясь обидеть брата и расстроить мать. Недооценка в данном контексте представлена паузами и модератором “I really don’t think...” (и я правда не думаю...). Кроме того, описание голоса героини, который дрожит – “my voice has gone wobbly”, вздымающаяся грудь “my chest is rising and falling”, воронье “The ravens are flapping around me”, которое будто роится вокруг неё, также помогают описать состояние и чувства персонажа романа. Необходимо отметить, что англичанам свойственно сдержанно общаться с членами своей семьи, не вторгаться в их личное пространство, не вмешиваться в их собственную жизнь и дела. Герои романа воспитаны в соответствии с правилами поведения и культурой британского общества. В следующем примере Фикси пытается предпринять ещё одну попытку убедить мать в своих доводах:

2) “And then Jake brought round his olive-oil people... You know, he has all these really grand ideas, Mum,” I say, feeling a knot of tension rise. “He wants to open a branch in Notting Hill. He wants to rename the shop the Notting Hill Family Deli; can you believe it? We’re not even a deli!”

I’m expecting Mum to be as wounded by this idea as I am. But she just nods thoughtfully and says, “That’ll never happen. You know Jake. He needs his little schemes. Always has done.” She glances at me and smiles. “Don’t worry, Fixie. I’ll have a word.”

She sounds so easy and unruffled, the knot in my stomach starts to unclench. Mum is magic like that. She’s like one of those therapists who know where all the pressure points are [14, p. 62–63].

– А потом Джейк притащил этих, с оливковым маслом. Знаешь, вечно у него грандиозные идеи. – Я снова чувствую, как во мне все сжимается от напряжения. – Он хочет открыть филиал в Ноттинг-Хилле. И переименовать магазин в «Ноттинг-Хилл: семейные деликатесы», представляешь? Откуда у нас деликатесы? [Перевод наш – Е.В.].

Кажется, маму это должно задеть так же, как меня. Но она только задумчиво кивает со словами:

– Этому никогда не бывать. Ты же знаешь Джейка. Ему нужны грандиозные планы. Он всегда таким был. – Она смотрит на меня и улыбается: – Не переживай, Фикси. Я с ним поговорю [Перевод наш – И.Т.].

Она говорит настолько невозмутимо и спокойно, что меня отпускает. Это мамина магия. Она вроде психолога, который знает, на какие точки нужно нажать.

Героиня в данном примере опять сдерживает свои эмоции, которые выражены в речи с помощью пауз и описания её состояния “feeling a knot of tension rise” (чувствую, как во мне все сжимается от напряжения), и, ожидая, что маму идеи сына заденут так же, как и её саму. Но реакция мамы довольно спокойная: “That’ll never happen. Don’t worry, Fixie. I’ll have a word.” При этом женщина улыбается с невозмутимым спокойствием. Рассмотрим ещё одну реакцию на ситуацию, которую демонстрирует мама главной героини:

3) I was hoping to stir her up, but it didn’t happen. She listened, wincing a little, but then said, “Ah, he doesn’t really mean it, love. What does it matter? He’s been there for me when it matters, your uncle.”

“Yes, but—”

“He helped me sort out the new lease after your father died, remember? I was in such a state, and Ned stepped in to negotiate. I’ve always been grateful for that.”

“I know he did, but—”

“He got very good terms for us,” she carried on resolutely. “He beat them down. There’s more to Ned than meets the eye. He’s not perfect, of course he’s not, but who is? We’ve all got our funny little habits.”

Personally, I wouldn’t call being a total misogynist a “funny little habit.” But in the end I gave up, because it was Christmas, and who wants to upset their mum at Christmas? [14, p. 68–69].

Я надеялась ее растормошить, но не тут-то было. Она выслушала меня, слегка морщась, и наконец сказала:

– Дорогая, он же не имел в виду ничего плохого. Это все пустяки. Когда нужна помощь, твой дядя всегда рядом.

– Да, но...

– Помнишь, как он помог мне с арендой, когда умер твой папа? Я была совершенно разбита, и тут подоспел Нед. Я всегда буду благодарна ему за это.

– Я знаю, но...

– Он создал для нас выгодные условия, – твердо продолжает она. – Можно сказать, выбил. Он сделал больше, чем может показаться. Конечно, он неидеален, но у кого из нас нет недостатков? У нас у всех есть маленькие смешные причуды.

Я бы не назвала отъявленного женоненавистника маленьким смешным чудиком. Но в конце концов сдалась: все-таки Рождество, а кому охота огорчать маму в праздник? [Перевод наш – И.Т.].

В данном примере героиня пытается объяснить маме свои сомнения по поводу руководящей должности дяди в их магазине. Сдержанность героини выражена с помощью пауз и слова “but...” (но). Мама героини не раздражается, а, наоборот, старается убедить дочь в том, что дядя хоть и “неидеален, но у всех есть маленькие смешные причуды” (“He’s not perfect. We’ve all got our funny little habits”). Хотя, на самом деле, дядя отъявленный женоненавистник, мама героини сдерживает свои эмоции, так как считает его членом своей семьи, а семья для всех стоит на первом месте. Данная поведенческая реакция мамы продиктована её воспитанием, культурологическими традициями и нормами британского общества.

В следующем примере героиня демонстрирует сдержанность по отношению к «бредовым» идеям своей сестры по поводу улучшения бизнеса. Остановимся на примере:

4) “Well, thanks, Nicole, for that ... er ... inspiration. I think that’s it for speeches,” I add, “but basically we’re looking at how to improve the store, so any ideas you have, please share them. Thank you!” [14, p. 164]

– Ну, спасибо, Николь, за это ... э-э ... вдохновение. Я думаю, что это все для выступлений, – добавляю я, – но в основном мы смотрим, как улучшить магазин, поэтому любые идеи, которые у вас есть, пожалуйста, поделитесь ими. Спасибо!” [Перевод наш – Е.В.].

Недооценка в данном случае выражена с помощью многоточия. Героиня опять, вместо раздражения и выражения негодования, сдерживает свои эмоции, стараясь не обидеть сестру.

Рассмотрим ещё один пример, в котором Фикси ведёт себя сдержанно по отношению к брату:

5) “He’s not homeless!” I retort, as strongly as I can manage. “And even if he were, he’s a customer! And I think ...” I swallow. “I just think ...”

My words have ground to a halt. I *hate* myself right now. I can’t shout. I can’t assert myself. I can’t say the things I want to say. [14, p. 192].

“Он не бездомный! – Отвечаю я так решительно, как только могу. “А если бы и был, то все равно клиент! И я думаю ... – я сглатываю. “Я просто думаю”

Мои слова остановились на полуслове. Я ненавижу себя прямо сейчас. Я не могу кричать. Я не могу самоутвердиться. Я не могу сказать то, что хочу сказать [Перевод наш – Е.В.].

Героиня пытается убедить брата в том, что клиенты для магазина стоят на первом месте, и что надо со всеми уважительно разговаривать. Но героиня останавливается на полуслове, сглатывает и не решается накричать на брата и отругать его. Данный пример ещё раз подчеркивает сдержанность героини. Недооценка в данной ситуации выражена с помощью пауз и описания состояния персонажа.

6) “Right,” I manage. My head is pounding as though I’m about to vomit, but I force my lips into a smile [14, p. 377].

– Правильно, – выдавливаю я. В голове стучит, как будто меня сейчас вырвет, но я заставляю себя улыбнуться [Перевод наш – И.Т.].

В данном примере Фикси сдерживает свои негативные эмоции в разговоре с девушкой, которая возобновила свои отношения с бывшим возлюбленным. Героиня заставляет себя улыбнуться ей в ответ и спокойно отвечает “Right” (рус. правильно). Данная реакция на ситуацию ещё раз подчеркивает воспитание героини и соблюдение норм этикета.

Обсуждение результатов

У. Болл отмечает то, что сдержанность англичан в проявлении эмоций, как положительных, так и отрицательных, рассматривает-

ся как одна из существенных характеристик психологии нации, с которой связано распространение недооценки в английском языке. Автор определяет её как приём, который намеренно используется для создания определенного эффекта и действует как тормоз для подавления эмоций [11, р. 204].

В типичных реакциях на ситуацию речь женщин более эмоциональная и живая [15, р. 333].

А. Хюблер считает недооценку металингвистическим термином, который объединяет вербальные выражения в один класс и считается лингвистическим образцом поведения. Он указывает на то, что недооценка – это типично английское явление, специальное свойство образа жизни, выраженное с помощью специфических грамматических средств [13, с. 230]. Он рассматривает образование недооценки с помощью вопросительных предложений, которые выражают сомнение [13, р. 180–189].

М. Истман считает, что недооценка своими историческими корнями уходит в англосаксонскую традицию выражать свои мысли оригинально и двусмысленно [12, р. 10].

Заключение

Все вышеперечисленные примеры демонстрируют коммуникативные средства выражения недооценки, характерные для женщин молодого и старшего возраста среднего класса. Вербальный способ выражения недооценки представлен модератором “It’s like” и синтаксическим средством – многоточием, где намеренная пауза вызвана нежеланием или неспособностью продолжить разговор в силу каких-то причин. При этом реципиенту очевидно то, что стоит за этой паузой, что умалчивается. Интересными представляются примеры поведенческой реакции на ситуацию, когда сдержанность говорящего проявляется невербально. Поведение главных героев демонстрирует сдержанность, а вместе с тем – происхождение и воспитание. Данные коммуникативные средства выражения недооценки помогают лучше понять поведение, характер и специфический образ жизни англичан.

Список литературы

1. Власова Е.В. Социолингвистический аспект изучения недооценки и переоценки в речи современного англичанина (на материале художественных произведений начала XXI века): Дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2005. 169 с.
2. Ивушкина Т.А., Власова Е.В. Недооценка и переоценка в речи современного англичанина: социолингвистический аспект. Монография. Волгоград: Перемена, 2005. 149 с.
3. Ивушкина Т.А. Язык английской аристократии: социально-исторический аспект: монография. МГУ, ВГПУ. Волгоград: Перемена, 1997. 157 с.
4. Ивушкина Т.А. «Словарь» аристократа в произведениях художественной литературы XIX века // Филологические науки. 1996. № 2. С. 81–89.
5. Тисленкова И.А., Бганцева И.В., Глебова Е.А., Ионкина Е.Ю. Ирония – статусный символ высших классов Англии // Современные исследования социальных проблем. 2019. Т. 11. № 5. С. 227–246. doi: 10.12731/2077-1770-2019-5-227-246
6. Китайгородская М.В., Розанова Н.Н. Устный текст как источник социокультурной информации // Поэтика. Стилистика. Язык и культура: памяти Т.Г. Винокур. Москва: РАН. Институт русского языка им. В.В. Виноградова, 1996. С. 222–232.
7. Ларина Т.В. Категория вежливости в английской и русской коммуникативных культурах. Монография. Москва: РУДН, 2003. 315 с.
8. Мазирка И.О. Психолингвистические и лингвистические аспекты исследования личности в научной и художественной литературе // Прикладная психология и психоанализ. 2004. №4. С. 50–55.
9. Тисленкова И.А. Возрастные характеристики речи персонажей современной английской драматургии (80-е года XX века): Дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2004. 219 с.
10. Фокс К. Наблюдая за англичанами. Скрытые правила поведения. [Пер. с англ.] М.: РИПОЛ классик, 2013. 511 с.
11. Ball W. Understatement and Overstatement in English // English Language Teaching. Vol. 24. No 3, 1970, pp. 201–208.

12. Eastman M. *Enjoyment of Laughter*. NY: Simon and Schuster, 1936. 368 p.
13. Hubler A. *Understatement and hedges in English*. Amsterdam – Philadelphia: Benjamins, 1983. 192 p.
14. Kinsella S. *I owe you one*. London: Transworld Publishers, 2019. 411 p.
15. Tislenkova I.A. Psycholinguistic and Sociolinguistic Parameters of Upper-Class Ageing Women's Speech / I.A. Tislenkova, V.V. Tikhaeva, I.V. Bgantseva, E.Yu. Ionkina // *Journal of Psycholinguistic Research*. 2020. Vol. 49. No 2, pp. 319–334.

References

1. Vlasova E.V. *Sociolingvističeskij aspekt izučeniya nedoocenki i pereocenki v reči sovremennogo angličanina (na materiale hudozhestvennyh proizvedenij nachala XXI veka)* [Sociolinguistic aspect of studying understatement and overstatement in the speech of a modern Englishman (based on the material of literature works of the beginning of the XXI century)]: Dis. ... kand. filol. nauk. Volgograd, 2005. 169 p.
2. Ivushkina T.A., Vlasova E.V. *Nedoocenka i pereocenka v reči sovremennogo angličanina: sociolingvističeskij aspekt. Monografija*. [Understatement and overstatement in the speech of a modern Englishman: sociolinguistic aspect. Monograph]. Volgograd: 2005, Peremena. 149 p.
3. Ivushkina T.A. *Jazyk anglijskoj aristokratii: social'no-istoričeskij aspekt: monografija*. [The Language of the English aristocracy: socio-historical aspect. Monograph]. MGU, VGPU. Volgograd: Peremena, 1997. 157 p.
4. Ivushkina T.A. "Slovar'" aristokrata v proizvedenijah hudozhestvennoj literatury XIX veka ["Vocabulary" of the aristocrat in the works of fiction of the XIX century]. *Filologičeskie nauki*. No 2, 1996. pp. 81–89.
5. Tislenkova I.A., Bganceva I.V., Glebova E.A., Ionkina E.Ju. Ironija – statusnyj simbol vysshih klassov Anglii [Irony-status symbol of the upper classes of England]. *Sovremennye issledovanija social'nyh problem*. V. 11. No 5, 2019. pp. 227–246. doi: 10.12731/2077-1770-2019-5-227-246.
6. Kitajgorodskaja M.V., Rozanova N.N. Ustnyj tekst kak istočnik sociokul'turnoj informacii [Oral text as a source of socio-cultural information]. *Pojetika. Stilistika. Jazyk i kul'tura: pamjati T.G. Vinokur*. Moscow: RAN. Institut russkogo jazyka im. V.V. Vinogradova, 1996, pp. 222–232.

7. Larina T.V. *Kategorija vezhливости v anglijskoj i russkoj kommunikatивных kul'turah. Monografija*. [Category of politeness in English and Russian communicative cultures. Monograph]. Moscow: RUDN, 2003. 315 p.
8. Mazirka I.O. Psiholingvisticheskie i lingvisticheskie aspekty issledovaniya lichnosti v nauchnoj i hudozhestvennoj literature [Psycholinguistic and linguistic aspects of personality research in scientific and fiction literature]. *Prikladnaja psihologija i psihoanaliz*. 2004. No 4, pp. 50–55.
9. Tislenkova I.A. *Vozrastnye harakteristiki rechi personazhej sovremennoj anglijskoj dramaturgii (80-e goda XX veka)* [Age characteristics of characters' speech in modern English drama (80-ies of the XX century)]: Dis. ... kand. filol. nauk. Volgograd, 2004. 219 p.
10. Foks K. *Nabljudaja za anglichanami. Skrytye pravila povedenija* [Observing the British. Hidden rules of behavior]. Moscow: RIPOL klassik, 2013. 511 p.
11. Ball W. Understatement and Overstatement in English. *English Language Teaching*. Vol. 24. No 3, 1970, pp. 201–208.
12. Eastman M. *Enjoyment of Laughter*. New York: Simon and Schuster, 1936. 368 p.
13. Hubler A. *Understatement and hedges in English*. Amsterdam – Philadelphia: Benjamins. 1983. 192 p.
14. Kinsella S. *I owe you one*. London: Transworld Publishers. 2019. 411 p.
15. Tislenkova I.A. Psycholinguistic and Sociolinguistic Parameters of Upper-Class Ageing Women's Speech. *Journal of Psycholinguistic Research*. 2020. Vol. 49. No 2, pp. 319–334.

ДАНИЕ ОБ АВТОРАХ

Власова Екатерина Викторовна, доцент кафедры английского языка, кандидат филологических наук
Одинцовский филиал МГИМО МИД России
ул. Ново-Спортивная, 3, Московская область, г. Одинцово,
143007, Российская Федерация
vlaska@bk.ru

Тисленкова Ирина Александровна, доцент кафедры «Иностранные языки»; доцент кафедры «Английской филологии»
Волгоградский государственный технический университет;
Волгоградский государственный социально-педагогический университет
пр. им. Ленина, 28, 400005, Волгоград, Российская Федерация;
пр. им. Ленина, 27, 400005, Волгоград, Российская Федерация
tislenkova@bk.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Vlasova Ekaterina Viktorovna, Associate Professor of the Department of English Languages, Ph.D. in Philological Science
Odintsovo branch of MGIMO of the Ministry of Foreign Affairs of Russia
3, Novo-Sportivnaja St., Moscow region, Odintsovo, 143007, Russian Federation
vlaska@bk.ru

Tislenkova Irina Aleksandrovna, Associate Professor, Ph.D. in Philological Science
Volgograd State Technical University; Volgograd State Social and Pedagogical University
28, prospect im. V.I. Lenina, Volgograd, 400005, Russian Federation;
27, prospect im. V.I. Lenina, Volgograd, 400005, Russian Federation
tislenkova@bk.ru
ORCID: 0000-0002-7202-2773

DOI: 10.12731/2077-1770-2020-5-98-111

УДК 81.27

**СРАВНЕНИЕ В РЕЧИ ПРЕДСТАВИТЕЛЬНИЦ
СРЕДНИХ КЛАССОВ АНГЛИЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ
(НА МАТЕРИАЛЕ СОВРЕМЕННОГО АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)***Власова Е.В., Тисленкова И.А.*

Цель. В статье рассматривается сравнение в высказываниях женщин среднего класса среднего возраста. Авторы анализируют данный стилистический приём с учетом социолингвистических особенностей речи говорящих.

Методы: социолингвистический анализ речи персонажей посредством использования социолингвистических категорий.

Результаты. На основании проведенного анализа устанавливается, что женщины среднего возраста среднего класса употребляют пять типов сравнения и выражают их с помощью кинематографических аллюзий, деформированных идиом, устойчивых фразеологизмов с пометами *informal* и *slang*. Подражая знати, говорящие используют латинизмы, абстрактные слова, возвышенную лексику и поэтизмы, смешивая стилистически сниженные и возвышенные лексические единицы в одном высказывании.

Область применения результатов. Полученные выводы могут быть использованы в курсе межкультурной коммуникации, стилистики, перевода и семиотики.

Ключевые слова: сравнение; средний возраст; средний класс; женская речь.

**SIMILE IN THE SPEECH OF THE MIDDLE-CLASS
WOMEN IN THE ENGLISH LINGUISTIC CULTURE
(BASED ON THE MODERN ENGLISH LANGUAGE)***Vlasova E.V., Tislenkova I.A.*

Purpose. The article deals with simile in the speech of middle-aged middle-class representatives. The authors analyze this stylistic technique, taking into account the sociolinguistic features of the speech.

Methods. *The authors use the sociolinguistic analysis method to study characters' speech by means of sociolinguistic categories.*

Results. *Based on the analysis, it is established that middle-aged middle-class women use five types of comparison and express them, using cinematic allusions, deformed idioms, stable phraseological units, marked as informal and slang. While copying the nobility, the speakers use latinisms, abstract words, refined vocabulary and poeticisms, mixing stylistically low and lofty lexical units in a single utterance.*

Practical implications. *The results of this study can be used in theoretical and practical courses on intercultural communication, stylistics, translation and semiotics.*

Keywords: *simile; middle age; middle class; female speech.*

Введение

Во второй половине XX в. в Англии продолжился процесс демократизации общественной жизни. Однако, несмотря на это, традиция англичан прочитывать социальные маркеры речи собеседника, делая выводы о его классовом статусе, сохраняется и в настоящее время [8, с. 157].

Нельзя не согласиться с тем, что структурные элементы высказывания говорящего дают полную информацию о породившей их языковой личности в связи с тем, что любое семантическое содержание включает в себя стереотипные разговорные формулы, функционирующие в том или ином слое общества [9, с. 128]. Данную мысль развивает далее Л.В. Щерба, подчёркивая, что разделение на классы порождает дифференциацию в языке [10, с. 301–312].

Представители всех слоёв современного английского общества часто употребляют в своей речи сравнения, создавая яркие комические образы [2, с. 80]. С помощью сравнения говорящие усиливают изобразительность и образность сказанного, подчеркивают существенные признаки изображаемых предметов и явлений, описывают собственные эмоции и высказывают свою оценку.

Внешне схожие виды сравнения, строящиеся при помощи *like, as though, feel like, as* имеют значительные отличия, порожденные

специфическими психологическими и культурными структурами социальной страты, в которой живёт коммуникант. Так, в соответствии со своими стереотипами разные социальные группы выбирают неодинаковые единицы из общего инвентаря языка. Англичане из разных классов используют только определённые слова и конструкции и воздерживаются от других. Они образуют специфические выражения и перенимают значения, которые могут быть противоположны всеобщему употреблению [6, с. 232].

В настоящем исследовании мы обратимся к языковым средствам выражения сравнения в речи представительниц средних классов – персонажей современного романа Индии Найт «Утешение и радость».

Актуальность исследования обусловлена важностью освещения социально-культурного подхода к изучению сравнения в речи представительниц средних классов среднего возраста и его недостаточной изученностью в этом аспекте.

Цель исследования – выделить социально-культурные характеристики сравнения в речи женских персонажей современного художественного произведения начала XXI в.

Для выполнения поставленной цели решались следующие **задачи**:

- 1) определить типы сравнений в высказываниях женских персонажей среднего класса;
- 2) описать средства выражения сравнения, обусловленные классовой принадлежностью героинь романа.

Научная новизна работы состоит в рассмотрении сравнения в социально-культурном аспекте.

Материалы и методы.

Поскольку речь персонажей литературного произведения даёт точное представление о том, как говорят люди в реальной жизни [14, с. 320], материалом исследования послужил роман современной британской писательницы и журналиста И. Найт “Comfort and Joy” 2010 г., содержащий 65 ситуаций употребления данного тропа. Проанализированы высказывания 10 героинь 35–50 лет.

Методы исследования включают в себя социолингвистический анализ реплик героев с применением социолингвистических категорий, разработанных профессором Т.А. Ивушкиной [4]. Общенаучные методы включают функциональный, системный и структурный методы.

Авторы указывают на то, что сравнение характерно для женской речи представителей высших и средних классов среднего возраста. Сравнения в речи элиты являются одним из стилистических средств для словотворчества, в то время как сравнение в речи средних классов отличается тривиальностью [2, с. 133].

Результаты

На основании проведенного анализа устанавливается, что сравнение характерно для предложений женщин среднего возраста среднего класса, которые употребляют данный прием для словотворчества, для реализации потребности в языковой игре. Приведенные примеры сравнения содержат нестандартные образы и передают состояние и чувства персонажей в яркой и утрированной форме, создавая при этом комический эффект. Представительницы среднего класса употребляют различные виды сравнений, часто подражая высшим классам.

Роман известной британской писательницы И. Найт (India Knight) «Comfort and Joy» повествует о жизни журналистки Клары Хатт – представительницы среднего класса среднего возраста. Автор романа также принадлежит к среднему классу современного английского общества. Действие происходит в Лондоне, где семья готовится к празднованию Рождества. Клара занята покупками подарков и организацией праздника для родных и друзей. Главная героиня романа с юмором описывает все события, которые происходят с ней в канун Рождества. Её речь наполнена большим количеством сравнений, которые являются субъективными в структурном и семантическом плане. И. Найт выражает свои мысли по-разному, используя все способы и виды образования данного приёма. Следует отметить, что образные сравнения в речи персонажей романа имеют преимущественно сложную структуру. Исходя из проанализированных примеров, мы условно подразделили их на 5 типов.

Тип 1: Сравнение, выраженное соединительным словом *like*

В английском обществе аристократия ассоциируется с высоким интеллектом и уровнем образования [1, с. 152]. Главной чертой образованного англичанина являются утончённые манеры, классическое образование, включающее знание древних языков и умение рассуждать на абстрактные темы, использование возвышенной лексики и поэтизмов, смелое выражение и даже преувеличение своих эмоций [7; 5, с. 121].

Э. Гоффман отмечает, что коммуниканта оценивают по шкале престижа в зависимости от того, в какой степени его речь приближена к аристократической. Существуют специальные вербальные средства демонстрации собственной значимости – символы, определяющие для человека статус, который он себе приписывает, и способ обращения с собеседниками [3, с. 42].

Перейдём к анализу примеров употребления сравнения. Проанализируем данное высказывание на наличие маркеров, описанных Э. Гоффманом.

1) I think I can't give her bath salts again, or soaps – it's got to be the stage where *it looks like I'm making a point about personal hygiene* ...so ... off I return to the china animal concession, sweating lightly, forcing *a smile that probably looks more like a death rictus*. £200. £200! ... I'm wearing frankly shabby underwear that I'd like to replace, and I've just spent £200 on a china cat *that looks like it came via a full-page ad in a Sunday supplement* [12, p. 3]. / Думаю, мне больше не стоит дарить ей соли для ванны или мыло – всему должен быть предел, а то кажется, *будто я намекаю на отсутствие у неё личной гигиены* ... так что ... я возвращаюсь в китайским фарфоровым статуэткам животных и, покрывшись лёгкой испариной, выдавливаю из себя *улыбку, больше похожую на предсмертную гримасу*. £200. £200! ... я ношу потрепанное нижнее бельё, которое мне неплохо было бы заменить, и вот, я только что потратила 200 фунтов на фигурку кошки, которая *выглядит так, как будто её приобрели по полностраничному объявлению в приложении «Таймс»* (здесь и далее перевод авторов статьи – В.Е., Т.И.).

Клара выбирает подарок для свекрови на Рождество, думая о том, что ей лучше подарить. Она больше не может ей дарить принадлежности для ванны, так как это кажется ей намеком на плохую личную гигиену, и, вспоминая, что свекровь увлекается коллекционированием кошек, героиня решает купить ей очень дорогую статую кошки, заставляя себя улыбнуться в подобии предсмертной гримасы.

Этот пример показывает, что представительницы среднего класса видят для себя символ престижа в использовании латинских слов *riatus*, *via* и абстрактных лексических единиц *death*, *hygiene* из вокабуляра знати для построения сравнения. Однако подражание аристократам все же не позволяет говорящему повысить таким способом свой социальный статус в глазах собеседника в связи с тем, что вертикальный контекст, в котором было употреблено сравнение, прямо указывает на истинное происхождение человека.

Вместе с тем сравнения в речи героини производят комический эффект, усиление которого происходит благодаря использованию эмоционально-оценочных наречий и прилагательных. Далее Клара иронизирует в свой адрес по поводу купленной фарфоровой кошки. Следует отметить, что использование курсивного начертания и построение текста в виде газетной рекламы усиливает комический эффект.

Тип 2: Сравнение, выраженное соединительным словом *as though*

Рассмотрим следующий пример, в котором Клара думает о подарке матери, вспоминая предыдущий негативный опыт:

2) She unwrapped the stole and said, 'How sweet,' and then she put it on the sofa next to her, never to be glanced at again. I couldn't help myself: I said, 'It's by this amazing new designer. I had it commissioned for you. It, um, it cost ...' and I told her what it had cost. Kate put down her glass of champagne, *closed her eyes as though in an agony of pain*, and said, 'Clara. I beg you. Please don't be vulgar.'

I said I knew it was *quite* vulgar, but that I hoped she liked it because I'd had it made especially and ...

'Don't, darling. And you shouldn't spend that sort of money on me. I'm a simple person. I'd have been just as happy with a candle.'

‘A candle? What do you mean, a candle? Like, a scented candle?’

‘A beeswax candle.’

‘A beeswax candle?’ [12, p. 5] / Она развернула палантин и сказала: «Как мило», а затем положила его на диван рядом с собой, чтобы никто больше на него не смотрел. Я ничего не могла с собой поделывать: я сказала: «Это же от потрясающего нового дизайнера. Я специально заказала его для тебя. Это, гм, он стоил ...» – и я рассказал ей, сколько он стоил. Кейт поставила бокал с шампанским, закрыла глаза, *словно от боли*, и сказала: «Я тебя умоляю. Пожалуйста, не будь вульгарной».

Я сказала, что знаю, что это довольно вульгарно, но я надеялась, что ей понравится, потому что я сделала это специально и ...

«Не надо, дорогая. И тебе не следует тратить на меня такие деньги. Я простой человек. Я была бы так же счастлива и со свечой».

«Свечой? Что ты имеешь в виду? С ароматической свечой?»

«Восковой свечой».

«Со свечой из пчелиного воска?»

Образное сравнение в данном примере выражается с помощью модификатора **as though**. В вышеупомянутом контексте сравнение помогает автору выразить негативную реакцию матери. Абстрактное существительное *agony* придаёт театрализованность данной ситуации, как часто бывает в речи представителей высшего света. Кейт – представительница старшего поколения, женщина, с высоким материальным достатком, которая считает себя простым человеком (a simple person) и говорит о том, что была бы счастлива и со свечой.

Тип 3: Сравнение, выраженное соединительным словом

as though u like

3) Why do *they walk along the pavement in straight lines, as though they were human*? This has bothered me for years, and I find myself thinking about it once again as I slowly shuffle my way west, with one pigeon keeping pace on either side of me. *We are walking three abreast, like a posse* [12, p. 7]. / Почему они идут по тротуару рядами,

как будто они люди? Это раздражает меня уже много лет, и я снова ловлю себя на мысли об этом, медленно ковыляя на запад, а по обеим сторонам от меня шагают голуби. Мы идем плечом к плечу по трое в ряд, *как отряд*.

Следует отметить, что образное сравнение формируется на базе реального, однако соотносит несходные между собой явления, связь между которыми устанавливается самим говорящим. В основе сравнений в данном примере лежит ассоциативное сходство. Кроме того, сравнения в речи героини производят комический эффект.

Тип 4: Сравнение, выраженное глаголом *feel*
и соединительным словом *like*

Следующие примеры описывают встречу Клары с мужчиной в Конноте – престижной гостинице в центре Лондона:

4) *It feels like about twenty minutes go by, in slow motion.* I am looking at the man. He is looking at me. Nobody is speaking. I can hear the old ladies laughing, though they sound very far away [12, с. 13] / Кажется, что проходит около двадцати минут, *как в замедленной съемке*. Я смотрю на этого человека. Он смотрит на меня. Мы оба молчим. Я слышу, как вдалеке смеются старушки.

Клара сравнивает встречу с мужчиной с замедленной съемкой, она настолько очарована им, что для неё будто весь мир остановился, и она замерла от удовольствия. Здесь для выражения сравнения героиня выбирает аллюзию на трагикомедию британского кинорежиссёра П. Гринуэя (представителя среднего класса) «A Zed & Two Noughts, Z00» («Зет и два ноля»), которая в её понимании обладает маркером престижности, в связи с тем, что имеет интеллектуальный, философско-отстранённый характер.

Подобную реакцию героини мы находим и в следующем примере:

5) *It's not just handsomeness. I know handsomeness, from interviewing the odd film star and so on for work: it takes you a back initially, but you adjust to it very quickly and just feel annoyed when you go back into the real world and find everyone walking about with their*

plain old faces. You don't, as I do now, *feel like you've been winded, punched, jacked out of time*. And that little stab in my stomach [12, p. 13]. / Дело не в красоте. Я видела красоту, когда брала интервью у эксцентричной кинозвезды: сначала это обескураживает, но вы очень быстро справляетесь с собой и просто чувствуете раздражение, возвращаясь в реальный мир и обнаруживая вокруг себя лишь обычные, ничем не примечательные лица. В отличие от меня, вам не кажется, *будто вас одурачили, нанесли вам неожиданный удар, вышибли почву из-под ног или дали вам под дых*.

Клара находится в состоянии шока от красоты незнакомца. Сравнение своего состояния говорит об удивлении, испытанном героиней. Метафора *little stab in my stomach* передаёт состояние влечения Клары к мужчине. В этой сентенции сравнение выражено устаревшими лексическими единицами – устойчивыми фразеологизмами *BrE infml* [11, p. 1502, 1066, 1288] и сленгизмом *BrE sl* [11, p. 700], показывающими определённую смелость говорящей в открытом выражении своих чувств.

Сравнение в следующем примере помогает понять состояние героини:

6) *I feel like someone's flicked a switch in my head; lobbed a bomb into my little world of domesticity and special Christmas-treat drinks. Actually, I feel like I've had a brain transplant. No – like zombies ate my brain*. Because I can truthfully say that it has never happened to me before. I understand the concept of lust, obviously – I had entire relationships based on lust, when I was younger – hot monkey sex with someone who you knew was a bit pointless, if exceedingly hot. But this isn't normal lust. This is ... filmic. Surreal. Another thing altogether [12, p. 14]. / Мне кажется, как будто кто-то щелкнул выключателем в моей голове, взорвал бомбу в моём маленьком домашнем мире, наполненном рождественскими угощениями. Откровенно говоря, я чувствую себя так, словно мне сделали трансплантацию мозга. Точнее, как будто зомби съели мой мозг. Потому что я могу честно сказать, что такое никогда не случилось со мной раньше. Я понимаю, что значит похоть. Признаюсь вам: у меня были отношения,

основанные на похоти, когда я была моложе. Это был безудержный обезьяний секс с женщиной, немного бессмысленный, хоть и исключительно страстный. Но это была не обычная похоть, а ... утрированная, как в кино. Сюрреалистическая. Нет, определённо это было совсем по-другому.

Эмоциональное состояние Клары передаётся с помощью большого количества сравнений, демонстрирующих типичный образец речи средних классов, которые пытаются придать своим высказываниям шик, невольно иллюстрируя всем известную крылатую фразу А. Грибоедова о смеси французского с нижегородским.

Тип 5: Сравнение, выраженное соединительным словом *as*

Рассмотрим пример, в котором героиня с помощью сравнения дает оценку своей матери:

7) I look over at the seating area. At my mother, my lovely, loopy, fantastic Kate, my force of nature, *mad as a bat and brave as a lion* [12, p. 288]. / Я обвела глазами гостиную. Взглянула на мою мать, такую милую, немного отчаянную, но потрясающую женщину по имени Кейт, сильную, *храбрую, как лев и порывистую, как летучая мышь.*

В данном примере Клара описывает качества своей матери, которые ей импонируют, сравнивая её с летучей мышью и львом. Она выражает сравнение при помощи неформальных лексических единиц (*infml*) – деформированных идиом [13]. Положительную оценку в описание добавляют эмоционально-оценочные прилагательные *lovely, loopy, fantastic*.

Заключение

Все вышеперечисленные примеры сравнений функционируют в речи женщин среднего возраста среднего класса, которые с помощью данного тропа передают свои чувства и состояние в яркой утрированной форме.

Женские персонажи преимущественно употребляют 5 типов сравнений: 1) like, 2) as though, 3) as though...like, 4) feel like и 5) as.

Данные конструкции выражены сленгизмами, деформированными идиомами, устойчивыми фразеологизмами, аллюзиями на кинофильмы для массового зрителя.

Следует отметить, что средние классы часто пытаются подражать высшим классам, используя устаревшую и неформальную лексику, но при этом в вертикальном контексте и тематическом содержании предложений присутствуют маркеры – специальные вербальные средства, характерные для представителей только средних классов, указывающие на финансовые и материальные затруднения говорящих.

Наиболее яркой особенностью сравнения в речи женщин данного социального слоя является смешение в одном высказывании стилистически сниженных и возвышенных лексических единиц.

Выбор указанных видов и способов выражения сравнения демонстрируют психологические и культурные особенности средних классов Англии.

Список литературы

1. Беджгот У. Государственный строй Англии. М.: Издание М. и С. Сабашниковых, 1905. 359 с.
2. Власова Е.В. Социолингвистический аспект изучения недооценки и переоценки в речи современного англичанина (на материале художественных произведений начала XXI века): дис. ... к. фил. н. Волгоград, 2005. 169 с.
3. Гоффман Э. Символы классового статуса // ЛОГОС. 2003. №4-5 (39). С. 42–53.
4. Ивушкина Т.А. Язык английской аристократии: социально-исторический аспект: монография. МГУ, ВГПУ. Волгоград: Перемена, 1997. 157 с.
5. Кукина Е.А. Образ «Джентльмена» в контексте духовного наследия Великобритании // Философские науки. 2015. №14. С. 118–123.
6. Петренко А.Д., Петренко Д.А., Черныш И.В, Щелкова Е.Е. Понятие Социального диалекта. Его особенности и отличительные черты // Культура народов Причерноморья. 1998. № 3. С. 232–236.

7. Тисленкова И.А., Бганцева И.В., Глебова Е.А., Ионкина Е.Ю. Ирония – статусный символ высших классов Англии // Современные исследования социальных проблем. 2019. Т. 11. № 5. С. 227–246.
8. Тасленбаева Е.Н. Язык как показатель классовой принадлежности в Британии // Современные проблемы науки и образования: материалы международной (заочной) научно-практической конференции. Нефтекамск, 2015. С. 157–161.
9. Фишер Дж.Л. Синтаксис и социальная структура: Трук и Понапе // Новое в лингвистике. 1975. Вып. VII. С. 397–421.
10. Щерба Л.В. Теория русского письма. Ленинград: Наука, 1983. 134 с.
11. Longman Dictionary of English Language and Culture with colour illustrations. Harlow (Essex): Longman Group UK Ltd., 1992. 1528. с.
12. Knight I. Comfort and Joy. London: Penguin Books Ltd., 2010. 288 p.
13. Merriam-Webster Learner’s Dictionary URL: <https://www.learnersdictionary.com/definition/domesticity> (дата обращения: 4.07.2020).
14. Tislenkova I.A., Tikhayeva V.V., Bgantseva I.V., Ionkina E. Yu. Psycholinguistic and Sociolinguistic Parameters of Upper-Class Ageing Women’s Speech // Journal of Psycholinguistic Research. 2020. Vol. 49. No 2, pp. 319-334.

References

1. Bedzhgot U. *Gosudarstvenniy stroi Anglii* [State system of England]. M.: Izdaniye M. and S. Sabashnikovykh, 1905. 359 p.
2. Vlasova E.V. *Sociolingvistichecki jasppekt izuchenija nedoocenki i pereocenki v rechi sovremennogo anglichanina (na material ehudozhestvennyh proizvedenij nachala XXI veka)* [Sociolinguistic aspect of studying understatement and overstatement in the speech of a modern Englishman (based on the material of literature works of the beginning of the XXI century)]: Dis. ... kand. filol. nauk. Volgograd, 2005. 169 p.
3. Goffman E. *Simvoli klassovogo statusa* [Symbols of class status]. LOGOS. 2003. №4-5 (39), pp. 42–53.

4. Ivushkina T.A. *Jazyk anglijskoj aristokratii: social'no-istoricheskij aspekt: monografija*. [The language of the English aristocracy: socio-historical aspect. Monograph]. MGU, VGPU. Volgograd: Peremena, 1997. 157 p.
5. Kukina E.A. *Obraz «Dzhentlmena» v kontekste duhovnogo naslediiia velikobritanii* [The Image of a “Gentleman” in the context of the spiritual heritage of Great Britain]. *Filosofskie nauki*. 2015. No. 14, pp. 118–123.
6. Petrenko A.D., Petrenko D. A., Chernysh I.V., Shchelkova E.E. *Poniatie sotsilnogo dialekta. Ego osobennosti i otlichitelnie cherti* [The concept of social dialect. Its features and distinctive features]. *Kul'tura narodov Prichernomor'ja*. 1998. No. 3, pp. 232–236.
7. Tislenkova I.A., Bgantseva I.V., Glebova E.A., Ionkina E.Yu. *Ironia – statusniy simvol visshih klassov anglii* [Irony as status symbol of the upper classes of England]. *Sovremennye issledovaniya social'nyh problem*. 2019. V. 11. No 5, pp. 227–246.
8. Taslenbayeva E.N. *Yazik kak pokazatel klassovoi prinadlezhnosti britanii* [Language as an indicator of class identity in Britain]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya: materialy mezhdunarodnoj (zaochnoj) nauchno-prakticheskoy konferencii*. Neftekamsk, 2015, pp. 157–161.
9. Fischer J.L. *Sintaksis kak sotsialnaia struktura; Truk i Ponape* [Syntax and social structure: Truk and Ponape]. *Novoe v lingvistike*. 1975. Issue VII, pp. 397–421.
10. Shcherba L.V. *Teoria russkogo pisma* [Theory of Russian writing]. Leningrad: Nauka, 1983. 134 p.
11. Longman Dictionary of English Language and Culture with colour illustrations. England. Harlow (Essex). Longman Group UK Ltd., 1992. 1528 p.
12. Knight I. *Comfort and Joy*. London: Penguin Books Ltd., 2010. 288 p.
13. Merriam-Webster Learner’s Dictionary URL: <https://www.learnersdictionary.com/definition/domesticity>.
14. Tislenkova I.A., Tikhaeva V.V., Bgantseva I.V., Ionkina E.Yu. *Psycholinguistic and Sociolinguistic Parameters of Upper-Class Ageing Women’s Speech*. *Journal of Psycholinguistic Research*. 2020. Vol. 49. No 2, pp. 319–334.

ДАнные ОБ АВТОРАХ

Власова Екатерина Викторовна, доцент кафедры английского языка, кандидат филологических наук
Одинцовский филиал МГИМО МИД России
ул. Ново-Спортивная, 3, Московская область, г. Одинцово, 143007, Российская Федерация
vlaska@bk.ru

Тисленкова Ирина Александровна, доцент кафедры «Иностранные языки»; доцент кафедры «Английской филологии»
Волгоградский государственный технический университет;
Волгоградский государственный социально-педагогический университет
пр. им. Ленина, 28, 400005, Волгоград, Российская Федерация;
пр. им. Ленина, 27, 400005, Волгоград, Российская Федерация
tislenkova@bk.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Vlasova Ekaterina Viktorovna, Associate Professor of the Department of English Languages, Ph.D. in Philological Science
Odintsovo branch of MGIMO of the Ministry of Foreign Affairs of Russia
3, Novo-Sportivnaja St., Moscow region, Odintsovo, 143007, Russian Federation
vlaska@bk.ru

Tislenkova Irina Aleksandrovna, Associate Professor, Ph.D. in Philological Science
Volgograd State Technical University; Volgograd State Social and Pedagogical University
28, prospect im. V.I. Lenina, Volgograd, 400005, Russian Federation;
27, prospect im. V.I. Lenina, Volgograd, 400005, Russian Federation
tislenkova@bk.ru
ORCID: 0000-0002-7202-2773

DOI: 10.12731/2077-1770-2020-5-112-125

УДК 81'371

ПОЛИСЕМИЯ, КОНТЕКСТ И ТРАНСЛЯЦИЯ СМЫСЛОВ*Воркачев С.Г., Воркачева Е.А.*

Цель. Исследование явления полисемии и контекста как средства идентификации смысла речевого употребления многозначных единиц языка.

Материалы и методы. Анализ представлений о многозначности и контексте в работах по лингвистике и обобщение результатов опубликованных авторами статьи работ по лексической семантике и лингвоконцептологии.

Результаты. Устанавливается, что контекст обладает различной степенью «разрешающей способности» и может быть «сильным» – достаточным для однозначного опознания какого-то одного из значений многозначной единицы и «слабым» – недостаточным для такого опознания. «Асимметричный дуализм языкового знака» реализуется в речи в «сильных» контекстах как синкретизм, а в «слабых» контекстах – как амфиболия. Языковая полисемия единиц языка обычно снимается в контекстах их речевого употребления, однако иногда эта многозначность сохраняется, что свидетельствует о небрежности отправителя речи либо о его стремлении намеренно ввести в заблуждение своего партнера по коммуникации. Понятие разрешающей силы контекста успешно используется для диагностирования «сильных» и «слабых» контекстов речевого употребления как лексических, так и грамматических единиц в испанском, английском и русском языках.

Заключение. В модели перевода, основанной на теории закономерных соответствий, выбор вариантных соответствий определяется речевым контекстом и в значительной мере зависит от лингвокультурной компетенции переводчика.

Ключевые слова: полисемия; синонимия; нейтрализация; синкретизм; контекст; разрешающая способность; вариантное соответствие; лингвокультурная компетентность.

POLYSEMY, CONTEXT AND MEANINGS TRANSFERENCE

Vorkachev S.G., Vorkacheva E.A.

Objective. Investigation of the phenomenon of polysemy and context as a means of identifying the meaning of speech use of polysemantic units of the language.

Materials and methods. Analysis of ideas about polysemy and context in works on linguistics and generalization of the results of works published by the authors of the article on lexical semantics and linguo-conceptology.

Results. It is established that the context has varying degrees of “resolution” and may be “strong” – sufficient for unambiguous identification of one of the meanings of a multiple-valued unit and “weak” – insufficient for such identification. “Asymmetric dualism of a linguistic sign” is realized in speech in “strong” contexts as syncretism, and in “weak” contexts as amphibole. Linguistic polysemy of language units is usually removed in the contexts of their speech use, but sometimes this ambiguity remains, which indicates the negligence of the sender of the speech or his desire to deliberately mislead his communication partner. The concept of the resolving power of the context is successfully used to diagnose “strong” and “weak” contexts of speech use of both lexical and grammatical units in Spanish, English and Russian.

Conclusion. In the translation model based on the theory of regular correspondences, the choice of variant correspondences is determined by the speech context and largely depends on the linguocultural competence of the translator.

Keywords: polysemy; synonymy; neutralization; syncretism; context; resolution; variant match; linguocultural competence.

Введение

Естественный язык, в отличие от языков искусственных, – открытая развивающаяся семиотическая система, источником самодвижения которой, как представляется, выступают такие свой-

ства, как «размытость» семантических границ её значимых единиц и их взаимопритяжение и взаимоотталкивание, то, что С. Карцевский назвал *dualisme asymétrique du signe linguistique* [21] – «асимметричным дуализмом языкового знака».

Многозначность (полисемия) как имманентное отличительное свойство знаковой системы любого естественного языка, пожалуй, наиболее «броское» свойство его единиц, зафиксированное большинством лингвистических словарей. В самом общем виде полисемия в соответствии с «внутренней формой» термина (гр. *πολύσημα*) – это наличие у языковой единицы нескольких значений. Многозначность может «бытовать» в области грамматических значений, однако привычной областью её бытования является лексическая система языка, где многозначным считается слово, обозначающее разные предметы и явления действительности, и значения которого (лексико-семантические варианты) находятся в отношении выводимости.

Материалы и методы

Исследование проведено на материале анализа представлений о многозначности и контексте в работах по лингвистике и результатов опубликованных авторами статьи работ по лексической семантике и лингвоконцептологии.

Типология лексической полисемии осуществляется по нескольким основаниям: 1) по характеру языковой мотивированности значений слова – метафорической и метонимической; 2) по зависимости частных значений от главного и их взаимосвязи друг с другом; 3) по вид оппозиции ЛСВ – полисемию ассоциативную, основанную на оппозиции значений, связанных лишь ассоциативным признаком, и полисемию ассоциативно-смысловую, характеризующую не только ассоциативной, но и содержательной связью значений слова [4, с. 203].

Контекст – термин и предмет исследования многочисленных гуманитарных наук: социальной антропологии, эпистемологии, психологии, истории науки, истории философии и, конечно, языкознания. В широком лингвистическом понимании контекст – это окружение какой-либо языковой единицы, необходимое и достаточное для опре-

деления её значения. В фокус исследовательского интереса науки о языке контекст попал в первой половине 20 в. в работах Лондонской лингвистической школы, на тему контекста с тех пор высказались уже многие зарубежные и отечественные лингвисты (Дж.Р. Фёрс, У. Вейнрейх, Ш. Балли, Т.А. Ван Дейк, И.В. Арнольд, Н.Д. Арутюнова, Г.В. Колшанский), однако контекст продолжает оставаться вполне востребованным объектом изучения и в настоящее время [12; 10].

Как средство семантической идентификации и инструмент лингвистического анализа контекст используется лишь при исследовании и описании употребления многозначных лексических и грамматических единиц. Выделяются собственно языковой, лингвистический контекст как фрагмент текста, включающий анализируемую единицу, необходимый и достаточный для определения её значения, и контекст экстралингвистический, невербальный, представленный ситуацией общения, условиями и каналом коммуникации; контекст стилистический, назначение которого состоит не в снятии многозначности, а в добавлении новых значений, новых коннотаций [2, с. 37]; контекст эксплицитный и имплицитный, основанный на пресуппозициях, позволяющих участникам общения идентифицировать смысл речи [19, с. 238]. Выделяются коммуникативный (значимый для восприятия смысла сообщения) и операциональный (анализа семантики единицы речевого произведения для установления подтекста) контексты. По формальному признаку выделяются правосторонний и левосторонний контексты, выделяются группы контекстов по разрядам единиц – фонемы, морфемы, слова и словосочетания, а также предложения [10, с. 129]. Различаются микроконтекст – минимальное окружение единицы для идентификации её значения, и макроконтекст – её окружение в тексте как в целом. Выделяются «горизонтальный» контекст как аналог вербального, собственно лингвистического контекста и «вертикальный» контекст как аналог культурного контекста [3, с. 49]. Формирование в конце 20 в. такого российского ответвления антропологической лингвистики, как лингвокультурология привело к выделению еще одной разновидности контекста – лингвокультурологического [11]. В функциональном плане у контекста выделяются

такие типы, как *разрешающий* – снимающий в речи полисемию языковых единиц, *поддерживающий* – обеспечивающий повторяемость значения единицы в тексте, *погашающий* – осознающий нетипичное значение единицы, *компенсирующий* – способствующий адекватному пониманию значения единицы в условиях дефицита средств её опознания, и *интенсифицирующий* – способствующий приращению смысла этой единицы [19, с. 238]. Как представляется, особо важное значение для речевого общения имеет разрешающая функция контекста, определяющая степень идентифицируемости значения языковых единиц участниками коммуникации. Как раз «разрешающая способность» контекста как его достаточность или недостаточность для снятия полисемии языковой единицы, делает его «коммуникативным контекстом» [16, с. 98]. Контекст может быть достаточным для снятия многозначности какой-либо лексической или грамматической единицы и быть полным и «сильным». Он может указывать на невозможность речевой реализации каких-то значений этой единицы и быть «сильным» и частичным. Он способен отсылать только к предпочтительности того или иного толкования полисемической единицы и быть «слабым» и симптоматичным. И, наконец, он может не давать никакой информации о возможности того или иного толкования этой единицы – быть «слабым» и нейтральным.

Результаты исследования и дискуссия

К числу явлений, порождаемых асимметрией языкового знака, принадлежат полисемия, синонимия, омонимия, синкретизм, семантическая нейтрализация и амфиболия. В то время как полисемия и омонимия присутствуют в языке и почти всегда снимаются в речи, синкретизм, нейтрализация и двусмысленность принадлежат только речи.

Соответствие в системе языка одному означаемому нескольких означаемых, связанных между собой семантически и образующих лексико-семантические варианты слова, представляет собой полисемию – многозначность (неоднозначность). Подобные лексико-семантические варианты одного и того же слова находятся в отношении дополнительной дистрибуции – в одинаковых контекстах не встречаются, что по-

зволяет говорить о том, что означаемое здесь одно и то же. Выделяются такие типы полисемии, как синтаксическая и лексическая, языковая и речевая, метонимически и метафорически мотивированная многозначность [1, с. 176–180]. Языковая полисемия – внеконтекстное свойство знаковых единиц, речевая – контекстно обусловленное. Речевая многозначность может быть произвольной, случайной, и она также может быть преднамеренной, каламбурной [14, с. 22].

Отсутствие в плане синхронии смысловой связи между означаемыми, имеющими идентичные означающие, свидетельствует об омонимии, возникающей либо вследствие изменений формы лексических единиц в ходе словообразования, либо распада полисемии – исчезновения единицы-посредника в системе лексического кластера ЛСВ многозначного слова, что обычно выражается морфологически и синтаксически.

Синкретизм как совпадение по функции в одном означающем нескольких означаемых представляет собой одновременную речевую реализацию более одного, в отличие от омонимии, значения. От многозначности он отличается принадлежностью актуализуемых значений к равнозначным категориям и отсутствием между этими значениями деривационных связей. Синкретизм принадлежит, главным образом, грамматике, а синхроничная речевая реализация нескольких значений многозначного слова дает либо нейтрализацию, либо двусмысленность.

Если синкретизм наблюдается в «сильных» контекстах речевой актуализации многозначного слова при сохранении смыслового противопоставления разнопорядковых семантических категорий, передаваемых означаемым, то нейтрализация представляет собой взаимное «погашение» значимых семантических оппозиций единиц языка и происходит в «слабых» контекстах речевой актуализации, «разрешающая сила» которых недостаточна для идентификации того или иного значения полисемической единицы. Обязательным условием нейтрализации выступает принадлежность маркированного и немаркированного значений одному категориальному разряду.

Речевая синонимия возникает в силу нейтрализации в определенной позиции семантики лексем с различными планами выра-

жения. В случае же нейтрализации компонентов семантического состава единиц с одним и тем же планом выражения речь идет уже о неразличении лексико-семантических вариантов [20, с. 382].

Принято считать, что, как правило, внеконтекстная, языковая полисемия единиц языка снимается в контекстах их речевого употребления, однако в части контекстов эта многозначность сохраняется [18, с. 5, 41], и происходит это в контекстах «слабой разрешающей силы». Подобная многозначность получила названия амфиболии, двусмысленности – прагматически маркированной разновидности «речевой омонимии», свидетельствующей либо о небрежности отправителя речи, либо о его желании намеренно ввести в заблуждение своего партнера по коммуникации, либо о каламбурности текста [15, с. 6].

Категория полисемии, очевидно, представляет собой одну из универсалий естественного языка, то же самое можно сказать и о контексте, снимающем в речи эту полисемию, и о такой его характеристике, как разрешающая способность. Многозначность и контекстные способы её снятия засвидетельствованы и исследованы, например, в таких индоевропейских языках, как испанский, английский и русский.

Так, в испанском языке понятие разрешающей силы контекста успешно используется для диагностирования «сильных» и «слабых» контекстов речевого употребления как лексических, так и грамматических единиц. Глаголы *poder* «мочь» и *deber* «быть должным» – в высокой степени полисемичные лексические единицы [5], способные к передаче значений алетической и деонтической модальности, удивления, разрешения, приказа, вероятностной и этической оценки. Для снятия многозначности этих лексических единиц и сингуляризации того или иного конкретного значения выступают их грамматическая форма, коммуникативная установка высказывания, в котором они употребляются, и ситуация общения. Модально-оценочные значения форм футурума и кондиционала сингуляризируются через присутствие в высказывании модальных слов рациональной оценки, семантический разряд и лицо глагола, а также наличие в высказывании отрицания.

В английском языке понятие разрешающей силы контекста «работает» при описании многозначности модальных глаголов *to wish*

«желать» и to want «хотеть» [13], которые в зависимости от контекста речевого употребления передают значения пожелания, потребности, нехватки, требования, морального долга, вожделения, намерения, решения, попытки и результативного действия, а также совета. Эти значения сингуляризуются с помощью грамматического лица, семантического разряда объектного дополнения, контролируемости или неконтролируемости действия инфинитивного глагола.

В русском языке исследовалась речевая полисемия ядерных предикатов желания – глаголов «хотеть-желать» и описывались контексты её снятия [6, с. 30–52]. Эти лексические единицы способны к передаче, помимо значений желания и «хотения», значений намерения, решения, попытки, результативного действия, приказа, требования, просьбы, предложения, приглашения, разрешения, запрета, согласия, отказа, извинения, предупреждения и отношений безразличия к выбору представителя из класса предметов, сингуляризация которых осуществляется с помощью контекста, включающего такие признаки, как семантический разряд инфинитивного глагола, подконтрольность или неподконтрольность действия инфинитива субъекту, коммуникативная установка высказывания и соотношение социально-коммуникативных статусов участников речевого общения.

В модели перевода, основанной на теории закономерных соответствий, устанавливаемых между единицами оригинала и перевода, выделяется, помимо эквивалентов и переводческих трансформаций, разряд вариантных соответствий, выбор которых определяется речевым контекстом [17, с. 9, 14–17]. Этот выбор в значительной мере зависит от лингвокультурной компетенции переводчика, позволяющей ему при переводе, казалось бы, однозначной единицы языка оригинала установить её соответствие одному из нескольких частичных и контекстуальных синонимов языка перевода. Нужно заметить, что моносемия единицы языка оригинала здесь в достаточной мере кажущаяся: контекст, главным образом лингвокультурный, определяет возможность актуализации в качестве доминантного того или иного семантического признака этой единицы.

Как представляется, особую значимость приобретает выбор ответственности при передаче на язык перевода семантики этноспецифических лексических единиц языка оригинала, где такая передача получила название «трансляции смысла» [9].

Так, например, в качестве английских вариантных соответствий имени специфически русского лингвокультурного концепта 'пошлость' словарь приводит лексемы *vulgarity*, *commonness*, *triviality*, *triteness*, *banality* [22, p. 392], выбор же конкретного варианта определяется контекстом языка оригинала, в котором актуализуется в качестве доминантного один из многочисленных семантических признаков пошлости – бездуховность, безнравственность, безвкусица, банальность, профанация, непристойность, примитивизация [8, с. 253]. Практически то же самое происходит со специфически русским ЛК-концептом 'порядочность', в качестве английских вариантных соответствий имени которого словарь приводит *decency*, *honesty*, *probity* [22, p. 384], в то время как в русских контекстах речевого употребления это имя вербализует такие «факторы порядочности», как честность, правдивость, верность, искренность, доброта, принципиальность, отзывчивость, справедливость, деликатность, воспитанность, чувство собственного достоинства, бескорыстие, патриотизм, скромность, духовность [7, с. 115].

Заключение

Контекст как средство семантической сингуляризации значений многозначной языковой единицы обладает различной степенью «разрешающей способности» и может быть «сильным» – достаточным для однозначного опознания какого-то одного из её значений, и «слабым» – недостаточным для такого опознания. «Асимметричный дуализм языкового знака» реализуется в речи в «сильных» контекстах как синкретизм, а в «слабых» контекстах – как амфиболия.

Как правило, языковая полисемия единиц языка снимается в контекстах их речевого употребления, однако в части своего речевого употребления эта многозначность сохраняется и свидетельствует о небрежности отправителя речи либо о его желании намеренно ввести в заблуждение своего партнера по коммуникации.

Понятие разрешающей силы контекста успешно используется для диагностирования «сильных» и «слабых» контекстов речевого употребления как лексических, так и грамматических единиц в испанском, английском и русском языках; в модели перевода, основанной на теории закономерных соответствий, выбор вариантных соответствий определяется речевым контекстом и в значительной мере зависит от лингвокультурной компетенции переводчика; особую значимость приобретает выбор соответствия при передаче на язык перевода семантики этноспецифических лексических единиц языка оригинала, таких, как «пошлость» и «порядочность».

Список литературы

1. Апресян Ю.Д. Избранные труды, том I. Лексическая семантика. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. 472 с.
2. Арнольд И.В. Стилистика. Современный английский язык. М.: Флинта: Наука, 2002. 384 с.
3. Ахманова О.С., Гюббенет И.В. «Вертикальный контекст» как филологическая проблема // Вопросы языкознания. 1977. № 3. С. 47–54.
4. Белошапкова В.А., Брызгунова Е.А., Земская Е.А. и др. Современный русский язык. М.: Высшая школа, 1989. 800 с.
5. Воркачев С.Г. Речевые функции модальных глаголов, футурума и кондиционала (на материале испанского языка) // Филологические науки. 1990. № 5. С. 74–82.
6. Воркачев С.Г. Базовая семантика и лингвоконцептология: на стыке парадигм гуманитарного знания. Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011. 540 с.
7. Воркачев С.Г. «Реликтовое чувство»: порядочность по данным корпусной лингвистики // Вестник Кемеровского государственного университета. 2016. № 3. С. 111–116.
8. Воркачев С.Г. «Госпожа Пошлость»: наброски к семантическому портрету // Вестник Пятигорского государственного университета. 2017. № 4. С. 250–254.
9. Димитрова Е.В. Трансляция эмотивных смыслов русского концепта «тоска» во французскую лингвокультуру: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2001. 16 с.

10. Доминикан А.И. Виды контекстов при разных научных подходах // Вестник ТвГУ. Серия «Филология». 2017. № 4. С. 125–131.
11. Евтеев С.В. Проблема моделирования лингвокультурологического контекста при переводе научного текста (на материалах русского, немецкого и английского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2003. 16 с.
12. Жихарева Н.А., Селищева О.Н. Типы контекста и его функции в процессе коммуникации // Восточнославянская филология. 2016. Вып. 3(29). Языкознание. С. 76–83.
13. Жук Е.А. Сопоставительный анализ ядерных предикатов желания в русском и английском языках (прагмасемантические аспекты): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Краснодар, 1994. 17 с.
14. Зализняк А.А. Многозначность в языке и способы ее представления. М.: Языки славянских культур, 2006. 672 с.
15. Литвин Ф.А. Многозначность слова в языке и речи. М.: Высшая школа, 1984. 119 с.
16. Мыркин В.Я. Типы контекстов. Коммуникативный контекст // Филологические науки. М., 1978. № 1. С. 95–100.
17. Рецкер Я.И. Теория перевода и переводческая практика. Очерки лингвистической теории перевода. М: Международные отношения, 1974. 216 с.
18. Солнцев В.М. Язык как системно-структурное образование. М.: Наука, 1971. 294 с.
19. Торсуева И.Г. Контекст // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 238–239.
20. Шмелев Д.Н. Омонимия // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 382.
21. Karcevskij S. Du dualisme assymétrique du signe linguistique // Travaux du Cercle linguistique de Prague, 1929, no 1, pp. 88–92.
22. (The) Oxford Russian Dictionary. Oxford-NY: Oxford UP, 1997. 1340 p.

References

1. Apresjan Ju.D. *Izbrannye trudy, tom I. Leksicheskaya semantika* [Selected works, Volume 1. Lexical semantics]. Moscow: Shkola «Yazyki russkoi kul'tury», 1995. 472 p.

2. Arnol'd I.V. *Stilistika. Sovremennyyi angliiskii yazyk* [Stylistics. Modern English]. Moscow: Flinta: Nauka, 2002. 384 p.
3. Akhmanova O.S., Gyubbenet I.V. «Vertikal'nyi kontekst» kak filologicheskaya problema ["Vertical context" as a philological problem]. *Vo-prosy yazykoznaniiya*. 1977, no 3, pp. 47–54.
4. Beloshapkova V.A., Bryzgunova E.A., Zemskaya E.A. et al. *Sovremennyyi russkii yazyk* [Modern Russian language]. Moscow: Vysshaya shkola, 1989. 800 p.
5. Vorkachev S.G. Rechevye funktsii modal'nykh glagolov, futuruma i konditsionala (na materiale ispanskogo yazyka) [Speech functions of modal verbs, futurum and conditional (based on the Spanish language)]. *Filologicheskie nauki*. 1990, no 5, pp. 74–82.
6. Vorkachev S.G. *Bazovaya semantika i lingvokontseptologiya: na styke paradigm gumanitarnogo znaniya* [Basic semantics and linguoconceptology: at the junction of the paradigms of humanitarian knowledge]. Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011. 540 p.
7. Vorkachev S.G. «Reliktovoe chuvstvo»: poryadochnost' po dannym korpusnoi lingvistiki ["Relic feeling": decency according to corpus linguistics]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2016, no 3, pp. 111–116.
8. Vorkachev S.G. «Gospozha Poshlost'»: nabroski k semanticheskomu portretu ["Mistress vulgarity": sketches for a semantic portrait]. *Vestnik Pjatigorskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2017, no 4, pp. 250–254.
9. Dimitrova E.V. *Translyatsiya emotivnykh smyslov russkogo kontsepta «toska» vo frantsuzskuyu lingvokul'turu* [Translation of the emotive meanings of the Russian concept "toska" into the French linguistic culture]: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Volgograd, 2001. 16 p.
10. Dominikan A.I. Vidy kontekstov pri raznykh nauchnykh podkhodakh [Types of contexts in different scientific approaches]. *Vestnik TvGU. Seriya «Filologiya»*, 2017, no 4, pp. 125–131.
11. Evteev S.V. *Problema modelirovaniya lingvokul'turologicheskogo konteksta pri perevode nauchnogo teksta (na materialakh russkogo, nemetskogo i angliiskogo yazykov)* [The problem of modeling the lin-

- guoculturological context in the translation of a scientific text (on the materials of Russian, German and English languages): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Moscow, 2003. 16 p.
12. Zhikhareva N.A., Selishheva O.N. Tipy konteksta i ego funktsii v protsesse kommunikatsii [Types of context and its functions in the process of communication] *Vostochnoslavjanskaya filologiya*, 2016, issue 3(29). Linguistics, pp. 76–83.
 13. Zhuk E.A. *Sopostavitel'nyi analiz yadernykh predikatov zhelaniya v russkom i angliiskom yazykakh (pragmasemanticheskie aspekty)* [Comparative analysis of nuclear predicates of desire in Russian and English (pragmasemantic aspects)]: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk. Krasnodar, 1994. 17 p.
 14. Zaliznyak A.A. *Mnogoznachnost' v yazyke i sposoby ee predstavleniya* [Polysemy in language and methods of its presentation]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2006. 672 p.
 15. Litvin F.A. *Mnogoznachnost' slova v yazyke i rechi* [Polysemy of the word in language and speech]. Moscow: Vysshaya shkola, 1984. 119 p.
 16. Myrkin V.Ja. Tipy kontekstov. Kommunikativnyj kontekst [Types of contexts. Communicative context]. *Filologicheskie nauki*. Moscow, 1978, no 1, pp. 95–100.
 17. Retsker Ya.I. *Teoriya perevoda i perevodcheskaya praktika. Ocherki lingvisticheskoi teorii perevoda* [Translation theory and translation practice. Essays on the linguistic theory of translation]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1974. 216 p.
 18. Solntsev V.M. *Yazyk kak sistemno-strukturnoe obrazovanie* [Language as a system-structural formation]. Moscow: Nauka, 1971. 294 p.
 19. Torsueva I.G. *Kontekst* [Context]. *Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar'* [Linguistic encyclopedic dictionary]. Moscow: Sovetskaya enciklopediya, 1990, pp. 238–239.
 20. Shmelev D. N. *Omonimiya* [Homonymy] *Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar'* [Linguistic encyclopedic dictionary]. Moscow: Sovetskaya enciklopediya, 1990, p. 382.
 21. Karcevskij S. Du dualisme assymétrique du signe lingüistique. *Travaux du Cercle lingüistique de Prague*, 1929, no 1, pp. 88–92.
 22. (The) Oxford Russian Dictionary. Oxford-NY: Oxford UP, 1997. 1340 p.

ДАнные ОБ АВТОРАХ

Воркачев Сергей Григорьевич, профессор кафедры иностранных языков № 1, доктор филологических наук, профессор
Кубанский государственный технологический университет
ул. Московская, 2, г. Краснодар, 350072, Российская Федерация
svork@mail.ru; vorkachevsergei@yandex.ru

Воркачева Елена Александровна, доцент кафедры иностранных языков № 1, кандидат филологических наук, доцент
Кубанский государственный технологический университет
ул. Московская, 2, г. Краснодар, 350072, Российская Федерация
velena_1957@mail.ru; vorkachevaelena@yandex.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Vorkachev Sergey Grigorievich, Professor, Department of Foreign Languages № 1, Doctor of Philology, Professor
Kuban State technological University
2, Moskovskaya Str., Krasnodar, 350072, Russian Federation
svork@mail.ru; vorkachevsergei@yandex.ru
SPIN-code: 5403-109
ORCID: 0000-0002-6290-2582
Researcher ID: W-4122-2017
Scopus Author ID: 56642838800

Vorkacheva Elena Aleksandrovna, Associate Professor, Department of Foreign Languages № 1, Candidate of Philology, Associate Professor
Kuban State technological University
2, Moskovskaya Str., Krasnodar, 350072, Russian Federation
velena_1957@mail.ru; vorkachevaelena@yandex.ru
SPIN-code: 2592-7104
ORCID: 0000-0003-2432-9938

DOI: 10.12731/2077-1770-2020-5-126-139

УДК 81

КАЛЬКИРОВАНИЕ АНГЛИЙСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ НА ТАТАРСКИЙ ЯЗЫК

Гарипова А.А.

В статье представлен сопоставительный анализ английских фразеологических калек, вошедших в татарский литературный язык посредством русского языка и их этимонов. Для анализа калькированных английских фразеологизмов в татарском языке привлекаются и определенные экстралингвистические данные. Актуальность данного исследования обуславливается недостаточным количеством работ по данной проблематике в сопоставительном аспекте. Вопрос калькирования является одним из важных разделов теории языковых контактов, отображающим культурно-экономические, социально-политические и языковые контакты между народами.

Цель. *Целью работы является структурно-семантический анализ фразеологических единиц татарского языка, калькированных с русского языка, образцом которых явились английские единицы.*

Метод и методология работы. *Основу исследования образуют метод научного наблюдения, сравнительно-сопоставительный метод, описательный и поисковый методы.*

Результаты. *В результате проведенного анализа фразеологических калек татарского языка и их английских этимонов было выявлено, что фразеологическое калькирование включает в себя два необходимых этапа: передачу значения иноязычного выражения средствами калькирующего языка и становление фразеологической кальки как самостоятельного устойчивого выражения, т.е. его вхождение в лексико-фразеологическую систему татарского языка, а также его дальнейшее активное употребление в языке*

средств массовой информации и произведений художественной литературы.

Область применения результатов. Результаты исследования могут быть применены на лекциях, спецкурсах и семинарских занятиях по лексикологии, фразеологии и стилистике татарского языка, сравнительной типологии английского и татарского языков, а также на соответствующих занятиях по теории и практике перевода; при составлении двуязычных фразеологических словарей.

Ключевые слова: кальки; фразеологические единицы; английский язык; татарский язык; языковые контакты; анализ; экстралингвистический подход; цветовые прилагательные.

LOAN-TRANSLATION OF ENGLISH PHRASEOLOGICAL UNITS IN THE TATAR LANGUAGE

Garipova A.A.

The article presents a comparative analysis of English phraseological calques that have entered the Tatar literary language through the Russian language and their prototypes. The relevance of this research is due to the insufficient number of works on this issue in the comparative aspect. The study of the problem of calques as a kind of display of cultural, economic, socio-political and language contacts between peoples is one of the important sections of the theory of language contacts.

Purpose. *The purpose of the work is the structural-semantic analysis of English phraseological calques of the Tatar language.*

Methodology. *The basis of the study is formed by the scientific observation method, comparative method, descriptive and searching method.*

Results. *The result of the analysis of phraseological calques of the Tatar language and their English prototypes identified the following main point: the phenomenon of phraseological loan translation involves the two necessary steps: transmission of the meaning of a foreign language expression by means of translating and forming a phraseological calque as an independent set expression, that is, its occurrence in the*

lexical-phraseological system of the Tatar language, as well as its further active usage in the language of literary works and media.

Practical implications. *The results of the study may find application in the development of lectures, special courses and seminars on lexicology, phraseology and stylistics of Tatar language, comparative typology of English and Tatar languages, as well as in the classes on theory and practice of translation; when forming bilingual phraseological dictionaries.*

Keywords: *calques; phraseological units; English language; Tatar language; language contacts; analysis; extra linguistic approach; color adjectives.*

Введение

В русской, зарубежной и татарской лингвистике была проделана огромная работа, направленная на определение понятий «калькирование», «калька», «фразеологическая калька», а так же на определение места калькирования среди других способов обогащения языка. В связи с этим большое количество глубоких и важных мыслей по вопросам калькирования было высказано такими зарубежными лингвистами, как Э. Сепир (1934) [15], Ж. Марузо (1960) [12], Ш Балли (1961) [5] и др. [6].

Русское языкознание характеризуется наличием большого количества трудов, посвященных изучению калькированных единиц. Большое значение по этой проблеме имеют исследовательские работы советских лингвистов Н.М. Шанского [17], А.А. Реформатского [13].

Среди трудов, рассматривавших проблемы калькирования, необходимо отметить статьи Н.С. Араповой [1], И.Н. Бажиной [3], И.О. Колиберской [8], Л.П. Крысина [9] и др.

Из значительных исследований в татарском языкознании следует отметить работы Э.М. Ахунзянова [2], Р.А. Юсупова [18], Л.К. Байрамовой [4], Н.В. Максимова [11], посвященные изучению лексических, фразеологических калек татарского.

Результаты проведенного анализа позволяют утверждать, что, несмотря на значительные достижения в изучении калькирован-

ной лексики и фразеологии в татарском языке, ее развитие в разные периоды, в том числе и на современном этапе, все еще остается в числе актуальных проблем данной области.

В лексике татарского языка имеются пласты из различных языков, в том числе и русского языка. Иноязычное влияние сопровождалось пополнением и обогащением словарного запаса новыми лексическими и фразеологическими единицами (ФЕ). Одним из средств обогащения лексики и фразеологии татарского языка являются кальки.

В настоящем исследовании принимается точка зрения, согласно которой фразеологическая калька (ФК) – это устойчивое выражение, вошедшее в лексико-фразеологическую систему языка в результате воспроизведения структуры и значения иноязычной фразеологической единицы средствами калькирующего языка и последующей фразеологизации [6, с. 9].

В результате сравнительно-исторического анализа, а также этимологических исследований в калькированной фразеологии татарского языка, выделяются ФК, представляющие собой «кальки калек».

Среди всего разнообразия калькированных устойчивых выражений можно отметить существование ФК, которые в русском языке уже являются кальками. В татарском литературном языке выявлено большое количество русских ФК и полукалек иноязычных фразеологических выражений. В качестве образцов соответствующих ФК выступают ФК из латинского (*балык башыннан чери* < *рыба начинает портиться с головы* < *piscis primum a capite foetet*, *бер стакан суда давыл кубару* < *буря в стакане воды* < *excitare fluctus in simpula* и др.), французского (*инә өстендә утыру* < *быть (сидеть) как на иголках* < *être sur les épines*; *очын очка ялгау* < *сводить концы с концами* < *joindre (или pouer) les deux bouts*; *болганчык судан балык тоту* < *ловить рыбу в мутной воде* < *rêcher en eau trouble* и др.), немецкого (*ике ут арасында* < *между двух огней* < *Zwischen zwei Feuer greaten*; *бармак аша карау* < *смотреть сквозь пальцы* < *dürch die Finger sehen*; *канатлы сүзләр* < *крылатые слова* < *geflügelte Worte*) и английского языков (*сары пресса* < *желтая пресса* < *yellow press*; *салкын сугыш* < *холодная война* < *cold war*) [6, с. 27].

В данной работе мы отдаем предпочтение именно английским ФК татарского языка.

Целью данного исследования является структурно-семантический анализ калькированных единиц в сопоставлении с их этимонами.

Объектом анализа являются ФЕ современного татарского литературного языка, калькированные с русского языка, образцом которых явились английские ФЕ.

В качестве **предмета** исследования выступает семантико-структурные особенности образования и функционирования ФК татарского литературного языка.

Материалы и методы

Материал исследования извлечен методом сплошной выборки. Корпус исследования составил 8 ФК, анализ которых позволил выделить выражения с цветовыми прилагательными, а также фразеологических полукалек (ФП).

Результаты и обсуждения

С точки зрения соотнесенности с той или иной частью речи, т.е. по выполняемой ФК функции в высказывании, нами были проанализированы субстантивные ФК. Субстантивные ФК представлены А+N (имя прил. + имя сущ.) структурным типом.

Как известно, компоненты субстантивных фразеологизмов связаны отношением подчинения, в них выделяются определяемое и определяющее.

тимер пәрдә < железный занавес < iron curtain

«Железный занавес» – это политическое изречение, введенное в активное обращение У. Черчиллем 5 марта 1946 г. Данная фраза была использована в его Фултонской речи и обозначила начало холодной войны.

It was founded in 1980 to bridge divides across the «iron curtain» Он был основан в 1980 г. для наведения мостов через «железный занавес» [27].

Жир шарындагы коры жирнең алтыдан бер өлешен «тимер пәрдә» белән чолган, <...> Никита Хрущев бу михнәтле илгә, ниһа-

ать, демократия кануннарын алып килде бугай. (Обернув «железным занавесом» одну шестую часть земного шара, <...> Никита Хрущев наконец-то принес в эту мучительную страну каноны демократии) [10, с. 85].

салкын сугыш < холодная война < cold war

They must advance the cause of socialism while fighting a cold war against the only existing «socialist» nation. (Они должны продвигать дело социализма, ведя **холодную войну** против единственной существующей «социалистической» нации) [27].

Гуттереш узган гасырдагы «Салкын сугыш» белән бүгенгесе аерыла дип саный. (Гуттереш полагает, что «**холодная война**» прошлого века отличается от сегодняшней) [20].

Среди проанализированных ФК выявлены выражения, содержащие цветообозначения. Как известно, почти все прилагательные, обозначающие цвет, имеют переносные значения, некоторые из которых возникают в результате иноязычного влияния.

Прилагательное *black* в английском языке является полисемантическим. Основными его семантическими признаками являются негативные: «страшный», «тяжелый», «мрачный», «унылый», «злой», «жестокий», «гнусный» и т.д., и порой сложно определить, которые из них являются доминирующими [14].

кара исемлек < черный список < blacklist

Неофициальный или полуофициальный список лиц, которым оказывается недоверие или которых не принимают на службу, получил название *черный список*. В этом словосочетании в прилагательном *черный* на первый план выдвигается оттенок значения «нежелательный».

*Some property owners are creating **blacklists** of tenants that have skipped rent payments, a list that includes the Equinox gym chain, LVMH and Staples.* (Некоторые владельцы недвижимости создают **черные списки** арендаторов, которые пропустили арендные платежи, список, который включает в себя сеть тренажерных залов Equinox, LVMH и Staples) [22].

Быел да республикабызның 15тән артык уку йорты һәм аларның жирле филиаллары «кара исемлек»кә кергән. (И в этом году

более 15 учебных заведений и их филиалы нашей республики вошли в «черный список») [7].

КАРА ИСЕМЛЕК ИРЕКНЕ ЧИКЛИ. (заголовок статьи) (**Черный список** ограничивает свободу) [20].

кара сишәмбе < черный вторник < Black Tuesday

Вопреки распространенному заблуждению, в России было несколько событий, которые в прессе получили такое название. Первый черный вторник произошел 22 сентября 1992 г., когда резко обвалился курс рубля по отношению к доллару на московской бирже. Наиболее известным черным вторником в России считают 11 октября 1994 г. В этот день произошло катастрофическое падение курса рубля.

From a «Black Tuesday» revisited, it will be but a short step to world depression. (Если повторится «Черный Вторник», то отсюда будет рукой подать до мировой депрессии) [27].

Русия һәм Татарстан җәмәгатьчелеге игътибары икътисад базарына юнәлгән. Күп кенә белгечләр 16 сентябрьне «кара сишәмбе» дип атады. (Внимание общественности России и Татарстана направлено на рынок экономики. Многие специалисты назвали 16 сентября «черная пятница») [20].

Әмма, «кара сишәмбе» Татарстан проектларының чыгымнарын кайтаруга һәм нәтиҗәләргә йогынты ясарга мөмкин. (Но, «черная пятница» может повлиять на результативность и возврат расходов проектов Татарстана) [31].

кара алтын < черное золото < black gold

Газетный штамп *черное золото* в значении «нефть», который считается несколько устаревшим, представляет собой журналистскую кальку с английского [9, с. 33].

Next stop, Edmonton, the open prairie of Alberta, where Stanley Cups once oozed out of the ground like black gold. (Следующая остановка-Эдмонтон, открытая Прерия Альберты, где Кубки Стэнли когда-то сочились из земли, как черное золото) [27].

Кара алтынга күпме генә дан җырласаң да аз булып төсле, чөнки ул бүгенге цивилизациянең нигезе, яңа тормыш, зур җиңүләр, чиксез мөмкинлекләр бирүче һәм тарихны үзгәртә алу сәләтенә

ия. (Сколько бы ни восхвалял **черное золото**, кажется, будет мало, так как оно является основой нынешней цивилизации, дает новую жизнь, большие победы, неограниченные возможности, а также способно изменить историю) [20].

Нефтьчеләр – ерак түгел генә «кара алтын» чыгаралар (Нефтяники неподалеку качают «**черное золото**») [20].

Среди субстантивных ФК можно выделить и субстантивные ФП. Следует отметить, что в субстантивных ФП заимствованными словами могут выражаться как определяемые, так и определяющие компоненты выражения.

кара пиар < черный пиар < black PR

Пиар, появилось в русском языке в постперестроечный период, в сочетании с прилагательным **черный**. Данное выражение означает грязные предвыборные технологии или вообще создание негативного представления о ком-либо. Широко использоваться в СМИ термин *черный пиар* стал приблизительно с 1997 г. [32].

In 2017, the company «Rebus» conducted an analysis of the impact of black PR on the Internet on the business of client companies. (В 2017 г. компания «ребус» провела анализ влияния **черного пиара** в интернете на бизнес компаний-клиентов) [30].

Гөлшат Сафина: «Кара пиар популяр артистларыбыз өчен норма шул». (Гульшат Сафина: «**Черный пиар** для популярных артистов норма») [29].

Ришат Төхфәтуллин «кара пиар»га мөнәсәбәтен белдерде. (Ришат Тухфатуллин выразил свое мнение по отношению «**черного пиара**») [29].

Синий цвет чаще всего ассоциируется с честностью, откровенностью, преданностью. Синий – это миролюбивый, безмятежный и успокаивающий цвет [16].

зэнгәр каскалар < голубые каски < blue helmets

Калька *голубые каски* используется для обозначения миротворческих силы, участвующих в размежевании противостоящих вооруженных сторон; выражение происходит от элемента униформы вооруженных сил ООН и его цвета.

The blue helmets are in the West African country of Sierra Leone to help administer a peace agreement signed last July («Голубые каски находятся в западноафриканской стране Сьерра-Леоне, чтобы помочь в осуществлении мирного соглашения, подписанного в июле прошлого года) [23].

Вашингтон Донбасска Киев варианты буенча зәңгәр каскалар кертүне хулады. (Вашингтон одобрил введение на Донбасс «**голубых касок**» по варианту Киева) [29].

Төрөк «зәңгәр каскалар»ы безнең дошманнарыбыз булмаса да, аларның туфрагыбызга аяк басуын да теләмибез (Хоть и турецкие «**голубые каски**» не являются нашими врагами, мы не хотим, чтобы их нога ступила на нашу землю) [29].

сары пресса < желтая пресса < yellow press

Это собирательное название изданий печатной прессы, которые специализируются на громких скандалах и дешевых сенсациях, например:

I can't believe you read those tabloids – they're just yellow press stuffed with ads. (Я не могу поверить, что ты читаешь эти таблоиды – они просто **желтая пресса**, набитая рекламой) [28].

Заключение

Итак, в ходе исследования были проанализированы калькированные с русского языка на татарский ФЕ, источником которых явились английские выражения. Результаты, полученные в ходе структурно-семантического анализа, можно представить следующим образом:

- в обогащении лексики и фразеологии татарского языка важную роль сыграл русский язык;
- калькирование – это способ приспособления иноязычных слов к системе калькирующего языка;
- калькированные ФЕ, образцом которых явились английские выражения, находят свое место в общенародном языке.

Результаты исследования возможно использовать для последующих типологических исследований в сфере общей теории фразеологии.

Список литературы

1. Арапова Н.С. Кальки в русском языке послепетровского периода. Опыт словаря. М.: Изд-во Московского ун-та, 2000. 319 с.
2. Ахунзянов Э.М. Русские кальки в татарском литературном языке // Вопросы татарского языкознания, кн. II. 1965. С. 38–66.
3. Бажина И.Н. Русские кальки в киргизском языке // Ученые записки Киргизского женского педагогического института. Серия филологических наук. Вып. VII, 1963. С. 5–6.
4. Байрамова Л.К. Фразеологические полукальки в татарском языке // Функциональное развитие татарского языка в условиях перестройки. Казань, 1991. С. 58–63.
5. Балли Ш. Французская стилистика. М.: Изд-во иностранной литературы, 1961. 394 с.
6. Гарипова А.А. Системно-функциональный анализ фразеологических единиц, калькированных с русского языка на татарский: Дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2011. 182 с.
7. Кайсы вузлар «кара исемлек»кә кергән? URL: <https://matbugat.ru> (дата обращения 07.05.2020)
8. Колиберская И.О. О фразеологических кальках с английского в русском языке // Русский язык в школе. 1980. № 6. С. 83–87.
9. Крысин Л.П. Лексическое заимствование и калькирование в русском языке последних десятилетий // Вопросы языкознания. 2002. № 6. С. 27–34.
10. Латыфи Ф. Ишелеп төшкән бәхет: Роман. Казан: Тат. кит. нәшр., 2001. 416 бит.
11. Максимов Н.В. Роль калькирования в развитии лексики современного татарского литературного языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 1990. 23 с.
12. Марузо Ж. Словарь лингвистических терминов. М.: Издательство иностранной литературы, 1960. 436 с.
13. Реформатский А.А. Введение в языковедение: пособие для учителей-институтов. М.: Учпедгиз, 1947. 176 с.
14. Садыкова С.З. Отражение черного цвета во фразеологической системе современного кумыкского языка в сопоставлении с ан-

- глийским языком // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 11 (41): в 2-х ч. Ч. II. С. 165–168.
15. Сепир Э. Язык. М., Л.: ОГИЗ Соцэкгиз, 1934. 222 с.
 16. Силакова О. Изучение фразеологизмов с элементом цвета URL: <https://textarchive.ru/c-2322197.html> (дата обращения 03.06.2020).
 17. Шанский Н.М. Фразеология современного русского языка. М.: Высшая школа, 1963. 156 с.
 18. Юсупов Р.А. Вопросы перевода, сопоставительной типологии и культуры речи. Казань, 2005. 384 с.
 19. Янурик С. О некоторых типах калькированных английских терминов в современном русском языке // Голоса русской филологии из Будапешта. 2018. С. 247–256.
 20. Яңалықлар. URL: <https://www.azatliq.org/> (дата обращения 07.05.2020).
 21. Жире булгач, өе дә булыр. URL: <http://mamadysh-rt.ru> (дата обращения 06.05.2020).
 22. A decade of jobs destroyed in a month. URL: <https://www.nytimes.com> (дата обращения 07.05.2020).
 23. Cambridge English Corpus. URL: <https://www.cambridge.org/> (дата обращения 07.05.2020).
 24. Merriam-Webster Dictionary. URL: <https://www.merriam-webster.com> (дата обращения 04.07.2020).
 25. Tom Masland URL: www.newsweek.com (дата обращения 07.05.2020).
 26. URL: <https://www.bostonglobe.com> (дата обращения 05.05.2020).
 27. URL: <https://context.reverso.net> (дата обращения 07.05.2020).
 28. URL: <https://idioms.thefreedictionary.com> (дата обращения 07.05.2020).
 29. URL: <https://matbugat.ru/> (дата обращения 05.05.2020).
 30. URL: <http://multimarketing.ru> (дата обращения 03.05.2020).
 31. URL: <https://tatar-inform.tatar/news> (дата обращения 03.06.2020).
 32. URL: <http://vgpu.org/sites/default/files/disfiles/dissertations> (дата обращения 03.06.2020).

References

1. Arapova N.S. *Kal'ki v rusском jazyke poslepetrovskogo perioda. Opyt slovarja* [Calques in the Russian language. Dictionary experience]. Moscow: Izd-vo Moskovskogo un-ta, 2000. 319 p.
2. Akhunjanzanov Je.M. Russkie kal'ki v tatarskom literaturnom jazyke [Russian calques in the Tatar literary language]. *Voprosy tatarskogo jazykoznanija*, book II. 1965, pp. 38–66.
3. Bazhina I.N. Russkie kal'ki v kirgizskom jazyke [Russian calques in the Tatar literary language]. *Uchenye zapiski Kirgizskogo zhenskogo pedagogicheskogo instituta. Serija filologicheskikh nauk*, issue VII., 1963, pp. 5–6.
4. Bajramova L.K. Frazеologicheskie polukal'ki v tatarskom jazyke [Russian semi-calques in the Tatar language]. *Funkcional'noe razvitie tatarskogo jazyka v uslovijah perestrojki*. Kazan', 1991, pp. 58–63.
5. Balli Sh. *Francuzskaja stilistika* [French stylistics]. Moscow: Izd-vo inostrannoј literatury, 1961. 394 p.
6. Garipova A.A. *Sistemno-funkcional'nyj analiz frazeologicheskikh edinic, kal'kirovannyh s russkogo jazyka na tatarskij* [System-functional analysis of phraseological units translated from Russian into Tatar]: Dis. ... kand. filol. nauk. Kazan, 2011. 182 p.
7. *Kajsy vuzlar «kara isemlek»kə kergən?* [Which universities are on the blacklist?]. URL: <https://matbugat.ru>.
8. Koliberskaja I.O. O frazeologicheskikh kal'kah s anglijskogo v rusском jazyke [On phraseological calques from English in Russian]. *Russkij jazyk v shkole*. 1980, no 6, pp. 83–87.
9. Krysin L.P. Leksicheskoe zaimstvovanie i kal'kirovanie v rusском jazyke poslednih desjatiletij [Lexical borrowing and calques in the Russian language of the last decades]. *Voprosy jazykoznanija*. 2002, no 6, pp. 27–34.
10. Latyfi F. *Ishelep teshkən bəhet* [The fallen happiness]. Kazan: Tat. kit. nəshr., 2001. 416 p.
11. Maksimov N.V. *Rol' kal'kirovanija v razvitii leksiki sovremennogo tatarskogo literaturnogo jazyka* [The role of calques in the development of the vocabulary of the modern Tatar literary language]: Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Kazan, 1990. 23 p.

12. Maruzo Zh. *Slovar' lingvистических terminov* [Dictionary of linguistic terms]. M.: Izdatel'stvo inostrannoj literatury, 1960. 436 p.
13. Reformatskij A.A. *Vvedenie v jazykovedenie: posobie dlja uchitel'skikh institutov* [Introduction to linguistics: textbook for pedagogical institutes]. Uchebnik dlya vuzov. Moscow, 1947. 544 p.
14. Sadykova S.Z. Otrazhenie chernogo cveta vo frazeologicheskoj sisteme sovremennogo kumykskogo jazyka v sopostavlenii s anglijskim jazykom [Reflection of color black in the phraseological system of the modern Kumyk language in comparison with the English language]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. Tambov: Gramota, 2014, no 11 (41): v 2-h ch. Ch. II, pp. 165–168.
15. Sepir Je. *Jazyk* [Language]. Moscow, Leningrad: OGIz Socjckgiz, 1934. 222 p.
16. Silakova O. *Izuchenie frazeologizmov s elementom tsveta* [Study of phraseological units with color element]. URL: <https://textarchive.ru/c-2322197.html>
17. Shanskij N.M. *Frazeologija sovremennogo russkogo jazyka* [Phraseology of the modern Russian language]. Moscow: Vysshaja shkola, 1963. 156 p.
18. Jusupov R.A. *Voprosy perevoda, sopostavitel'noj tipologii i kul'tury rechi* [Questions of translation, comparative typology, and speech culture]. Kazan', 2005. 384 p.
19. Yanurik S. O nekotoryh tipah kal'kirovannyh anglijskikh terminov v sovremennom russkom jazyke [On certain types of calques of English terms in modern Russian]. *Golosa russkoj filologii iz Budapeshta*. 2018, pp. 247–256.
20. *Yanalyklar* [News]. URL: <https://www.azatliq.org/>
21. *Zhire bulgach, oe de bulyr* [If there is land, the house will be]. URL: <http://mamadysh-rt.ru>
22. A decade of jobs destroyed in a month. URL: <https://www.nytimes.com>
23. Cambridge English Corpus. URL: <https://www.cambridge.org/>
24. Merriam-Webster Dictionary. URL: <https://www.merriam-webster.com>
25. Tom Masland URL: www.newsweek.com
26. URL: <https://www.bostonglobe.com>

27. URL: <https://context.reverso.net>
28. URL: <https://idioms.thefreedictionary.com>
29. URL: <https://matbugat.ru/>
30. URL: <http://multimarketing.ru>
31. URL: <https://tatar-inform.tatar/news>
32. URL: <http://vgpu.org/sites/default/files/disfiles/dissertations>

ДААННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Гарипова Айгуль Асхатовна, доцент кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации, кандидат филологических наук

*Елабужский институт Казанского Федерального Университета
ул. Казанская, 89, г. Елабуга, Республика Татарстан, 423600,
Российская Федерация
garipova25@mail.ru*

DATA ABOUT THE AUTHOR

Garipova Aygul Askhatovna, Associate professor at the Department of English Philology and Cross-Cultural Communication

*Elabuga Institute of Kazan Federal University
89, Kazanskaya st., Elabuga, 423600, Tatarstan Republic, Russian Federation*

garipova25@mail.ru

SPIN-code: 5087-0979

ORCID: 0000-0001-6453-5010

Researcher ID: O-4254-2016

Scopus Author ID: 57142441100

DOI: 10.12731/2077-1770-2020-5-140-152

УДК 81'42

ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЕ И СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПАРАМЕТРЫ АНГЛИЙСКОЙ ЛЕКСИЧЕСКОЙ ЕДИНИЦЫ 'MEDICINE'

Голубых А.А.

Цель. В статье представлены этимологические и семантические характеристики англоязычной медицинской лексической единицы 'Medicine', являющейся ядерным компонентом концепта 'MEDICINE' в англоязычном дискурсе. Непрерывное обновление медицинских знаний, обогащение концепта 'MEDICINE' новыми лингвистическими маркерами, а также возрастающая роль медицины в жизни современного человека обосновали необходимость данного исследования. Автор ставит целью изучить этимологические и семантические особенности английской лексической единицы 'Medicine' и проследить ее этимологические изменения и семантические связи.

Основу исследования образуют **методы:** дескриптивный, методы наблюдения, интерпретации лексикографических данных, семантического и концептуального анализа.

Результаты. Анализ лексической единицы 'Medicine' позволил выявить истоки происхождения и развитие значений данного слова, а также установить этимологические изменения и семантические связи. Было обнаружено, что лексическая единица 'Medicine' заимствована из латинского языка посредством этимологической метафоры. Развитие значений исследуемого многозначного слова и построение семантических рядов происходило с помощью таких семантических механизмов как специализация, метафора, метонимия. Результаты исследования способствуют достоверному представлению концепта 'MEDICINE' в английском дискурсе.

Область применения результатов. Полученные результаты могут быть применены в общих образовательных и профильных

учебных заведениях, для интерпретации развития современной медицинской науки, а также помогут сориентироваться в современной трактовке медицинских понятий.

Ключевые слова: медицина; концепт; этимологические изменения; семантические связи; дискурс; лингвистический маркер.

ETYMOLOGICAL AND SEMANTIC CHARACTERISTICS OF 'MEDICINE' IN MODERN ENGLISH

Golubykh A.A.

Purpose. *The present research project deals with etymological and semantic aspects of 'Medicine' in the English language. The research focuses on current trends in the development of the semantic structure of the above-mentioned noun.*

Methodology. *The empirical study is based upon the material from modern English dictionaries and etymology dictionaries and includes such methods as description and analysis of material, lexicographic data interpretation, semantic and conceptual analysis.*

Results. *Due to the focus on medicine in the life of modern society the results of the present studies are based on the detailed analysis of etymological background and semantic structure of the English noun 'Medicine'. The results also provide a reliable interpretation of both etymological transformations and semantic changes of 'Medicine' in view of the professional cultural development of the English society. Various ways and means of synonymous groups related to 'Medicine' are described in terms of specialization, metaphor, and metonymy. The research results contribute to realistic representation of the concept 'MEDICINE' within modern English worldview.*

Practical implications. *The research results can be helpful for teaching students of secondary and higher educational programmes, for a reliable interpretation of medical concepts.*

Keywords: *medicine; concept; etymological transformations; semantic relations; discourse; linguistic markers.*

В настоящее время медицина постоянно сопутствует общественному развитию, поскольку современный человек вынужден уделять особое внимание и заботу своему здоровью в эпоху глобализации. Как показали наши наблюдения, это подтверждается тем, что концепт '*MEDICINE*' находит отражение в работе магазинов и аптек, широко обсуждается в средствах массовой информации, включая сеть Интернет. Интересно, что с появлением научных медицинских открытий концепт '*MEDICINE*' активно внедряется в образовательный процесс при обучении английскому языку школьников и студентов в общих образовательных и профильных учебных заведениях.

Развитие и совершенствование медицины стимулирует появление новых медицинских терминов, номинирующих медицинские новшества. Обращение к новым терминам можно проследить в англоязычных научных медицинских журналах при описании открытий в области медицины, встретить на страницах англоязычных газет, в рекламных и информационных медицинских видеороликах. Новые английские лексические единицы обогащают концепт '*MEDICINE*' с целью адекватной интерпретации понятий из области медицины, что создает объективные предпосылки для изучения происхождения и значения ядерных компонентов существительного '*Medicine*'. Для систематизации обнаруженных этимологических изменений и определения семантических связей, задействованных в развитии данной лексической единицы, существует необходимость установить происхождение и значение этого ядерного компонента концепта '*MEDICINE*', т.е. дать этимологическое и семантическое описание, а также выявить этимологические семантические изменения и установить семантические связи в развитии значения данной лексической единицы. Именно этими обстоятельствами обусловлена **актуальность** настоящей работы, **целью** которой является изучить этимологические и семантические особенности английской лексической единицы '*Medicine*' и проследить ее этимологические изменения и семантические связи.

Теоретические исходные посылки настоящего исследования базируются на трудах ведущих ученых по этимологической и смысло-

вой проблематике (Н.Н. Амосова [1], В.В. Елисеева [4], М.А. Кронгауз [6], Г. Пауль [7], В.Н. Топоров [10], Е. Rosh [17]), а также в области концептологии (Н.Н. Болдырев [2], В.И. Карасик [5], Г.Г. Слышкин [8], И.А. Стернин [9], J.F. Fuentes [12], А.А. Golubykh, А.А. Kharkovskaya, V.L. Temkina [13]; P. De Bolla [11], W.J.M. Levelt [14], N. Mykhalchuk [15], C. Rasse [16], L. Talmy [18], C. Villani [19]).

Слово представляет собой двусторонний языковой знак, обладающий планом выражения и планом содержания. Опираясь на этот тезис, были разработаны две теории значения слова: референциальная и концептуальная. Первая уделяет основное внимание референту и не до конца раскрывает природу значения слова [4, с. 7]. Концептуальная теория основана на связи слова с понятием (концептом), значение слова определяется в этом случае как отображение предмета или явления в сознании человека, заключенное в какую-либо материальную оболочку. М.А. Кронгауз полагает, что слово имеет такие типы значений, как: набор семантических компонентов, толкование и прототипическое описание [6, с. 133]. Ученый отмечает особый подход к исследованию семантики американского когнитивного психолога Э. Рош [Там же, с. 141], для которой центральным компонентом является понятие прототипа: ее психологические опыты показали, что любая семантическая категория имеет внутреннюю структуру, состоящую из центра (прототипа, включающего наиболее характерные признаки) и периферии [17].

Являясь элементом языковой системы, слово подчиняется грамматическим законам, т.е. обладает грамматическим значением, которое не предполагает объединение слов по смыслу. Общую понятийную идею слов выражает лексическое значение слова. Общее логическое понятие, заключенное в слове, передает денотативный компонент, а дополнительными оттенками слова создается его коннотативное значение. Семы – мельчайшие смысловые единицы языка – являются носителями денотативного и коннотативного значений [4, с. 9]. Суть переосмысления значения слова заключается в том, что наименование одного денотата распространяется на другой, если их концепты в чем-то сходны. Изменение значения сло-

ва возможно при появлении нового денотата [Там же, с. 12]. Еще одна причина изменения значения слова – изменение самого денотата. Наше исследование показало, что переосмысление значения существительного *'Medicine'* происходило благодаря изменению коннотативных значений. Основной лингвистической причиной изменения значения слова является сдвиг значения на основе переноса наименования. Выделяют два основных типа связей – импликационный (связь между частью и целым: метонимия, синекдоха, конверсия) и квалификационный (общий признак у разных денотатов: метафора, синестезия). Согласно логической схеме Г. Пауля, изменение значения слова происходит несколькими способами [7, с. 106]: 1) сужение значения (специализация); 2) расширение значения (генерализация); 3) смещение (сдвиг или перенос, осуществленный говорящим осознанно) значения. Слова могут иметь более одного значения [4, с. 17; 6, с. 148] при условии семантической связи между ними или переноса общих либо смежных признаков или функций с одного денотата на другой.

Следует заметить, что в изучении этимологической базы слова важен не только диахронический подход, но и синхронический, согласно которому, каждое новое слово возникает на пересечении ряда языковых систем. Имея несколько связанных друг с другом слов, можно сделать заключение о породивших его системах, т.к. вероятность многозначной интерпретации в данном случае резко сокращается [10, с. 31]. Каждое слово несет разного рода информацию. Кроме информации, определяемой структурными изменениями, которые отразились на судьбе данного слова (изменения в составе фонем или в их отношениях на протяжении истории слова; перераспределение в структуре семантических полей и т.д.), слово содержит также скрытую информацию, которую этимолог обнаруживает в процессе анализа. С помощью такой скрытой информации можно обнаружить исторические изменения в коде и трансформации в самом сообщении, поскольку слово по традиции может считаться минимальным сообщением. Общим источником происхождения известного количества английских слов является индоевропейский пласт [1, с. 161].

Такие слова имеют соответствия за пределами собственно германской группы языков, обнаруживая таким образом индоевропейскую основу английского языка. Ко второй группе, которая является более обширной, относятся общегерманские слова, которые зарегистрированы во всех германских языках [Там же, с. 174]. Главными источниками заимствований, проникших в английский язык в период от VI до XV в., являются латинский, французский и древнескандинавский языки. Большинство иноязычных заимствований осталось за пределами основного пласта словарного состава английского языка, они нашли применение в определенных стилевых сферах, в частности, - в медицинской терминологической сфере, которая и является объектом нашего внимания в исследовании.

Исследование английского существительного '*Medicine*' проводилось на материале словарей Online Etymology Dictionary, Collins English Dictionary, Dictionary.com, Multitran, АБВУД Lingvo.

Проведенное исследование показало, что лексическая единица '*Medicine*' проникла в английский язык около 1200 г. и использовалась для обозначения терапевтического лечения, исцеления, излечения. В начале XIV в. данное понятие стало включать в себя определение вещества, используемого при лечении болезни, лекарственного зелья или пластыря. Слово '*Medicine*' также использовалось в переносном смысле как духовное лекарство: "с. 1200, «medical treatment, cure, healing,» also (early 14 c.) "substance used in treatment of a disease, medicinal potion or plaster," also used figuratively of spiritual remedies" (Online Etymology Dictionary).

Итак, главными источниками заимствований данной лексической единицы стали старофранцузский и латинский языки: "from Old French *medecine* (Modern French *médecine*) "medicine, art of healing, cure, treatment, potion" and directly from Latin *medicina* "the healing art, medicine; a remedy," also used figuratively" (Online Etymology Dictionary).

Также в этимологическом словаре Online Etymology Dictionary имеются сведения о том, что слово '*Medicine*' могло произойти от словосочетания *ars medicina* – врачебное искусство, от прилагатель-

ного *medicinus*, от слова *medicus* – врач, доктор, медик. Все слова объединены протоиндоевропейским корнем “PIE root *med- “take appropriate measures”. Однако, в Оксфордском словаре английского языка прямых доказательств таких заимствований нет. Данный словарь утверждает прямое происхождение лексической единицы ‘*Medicine*’ от *medicus*.

В середине XIV в. понятие ‘*Medicine*’ обрело смысл практики, теории или науки о лечении, ориентированной на облегчение или предотвращение, а также профилактику человеческих заболеваний.

В 1865 г. зафиксировано употребление фразы *take (one’s) medicine* в значении “submit to something disagreeable”. В 1894 г. появилась идиома *dose / taste of (one’s) own medicine* (отплатить той же монетой): “Repayment or retaliation, as in It’s time we gave them a dose of their own medicine and simply forget to call them back” (Dictionary.com). В 1889 г. возникло выражение *medicine ball* – “stuffed leather ball used for exercise”. В американском английском в 1938 г. появилась фраза *medicine show* – “traveling show meant to attract a crowd so patent medicine can be sold to them” (Online Etymology Dictionary).

По данным онлайн-словаря Dictionary.com заимствование существительного ‘*Medicine*’ датируется в период 1175–1225 гг.: с.а. *medicin* < лат. *medicīna* (ars) (искусство исцеления), от прилагательного ж.р. *medicīnus* (относящаяся к врачу).

Collins English Dictionary относит происхождение слова ‘*Medicine*’ в английском языке к XIII в.: оно проникло через старофранцузский из латинского от “*medicīna* (ars) (art of) healing”, от “*medicus* doctor”, от “*medērī* to heal”.

Как показывают наши наблюдения, в лексической единице ‘*Medicine*’ присутствует такое этимологическое семантическое изменение как этимологическая метафора по сходству функции: *Medicine* – медицина, терапия (12 в.) < ст.фр. *medecine* < лат. *medicīna* (ars) – искусство исцеления < *medicus* – доктор, врач < *medērī* – лечить, исцелять.

Проследим семантическое развитие английской лексической единицы ‘*Medicine*’, которая является многозначной и представляет

определенные трудности для восприятия, а также для корректного перевода медицинских терминов [3, с. 171].

Dictionary.com и Collins English Dictionary представляют следующие толкования существительного *'Medicine'* в Британском английском: “1. any drug or remedy for use in treating, preventing, or alleviating the symptoms of disease; 2. the science of preventing, diagnosing, alleviating, or curing disease; 3. any nonsurgical branch of medical science; 4. the practice or profession of medicine; 5. something regarded by primitive people as having magical or remedial properties”.

Электронный англо-русский словарь АБВУ Lingvo предлагает следующие определения лексической единицы *'Medicine'*: “1. медицина, терапия; 2. лекарство, медикамент; 3. разг. наркотик; отравляющее вещество; 4. колдовство, магия, чары; 5. амулет, талисман”. Приведенные значения дополняются другими наиболее распространенными определениями в англо-русском онлайн-словаре Multitran, популярном среди современных пользователей Интернета: «*medicine* [‘meds(ə)n] (сущ.) – общ. заклинание; терапия; магия; колдовство; амулет; талисман; медицина; лечение; лекарство; снадобье; мед. консервативное лечение; лекарственный препарат; медикамент; орг.хим. органическое вещество лекарственного назначения».

Из вышеизложенного можно сделать вывод, что слово *'Medicine'* является многозначным и имеет от пяти до восьми значений, большинство из которых являются медицинскими терминологическими маркерами, другие – обладают нейтральным значением. Семантическое развитие слова можно проследить с помощью различных семантических механизмов: специализация, генерализация, метафора, метонимия, энантиосемия [3, с. 173]. Для семантических связей лексической единицы *'Medicine'* характерны такие семантические механизмы, как:

- 1) Специализация – сужение значения (от общего к частному):
Medicine 1. the science of preventing, diagnosing, alleviating, or curing disease – 2. any nonsurgical branch of medical science;
- 2) Метафора по сходству функции: *Medicine* 1. the science of preventing, diagnosing, alleviating, or curing disease – 2. the practice or profession of medicine;

- 3) Атрибутивная метонимия (признак – предмет): *Medicine* 1. any drug or remedy for use in treating, preventing, or alleviating the symptoms of disease – 2. something regarded by primitive people as having magical or remedial properties;
- 4) Синекдоха (целое – часть): *Medicine* 1. мед. лекарственный препарат; медикамент – 2. орг.хим. органическое вещество лекарственного назначения;
- 5) Каузальная метонимия (действие – инструмент действия): *Medicine* 1. мед. терапия, лечение – 2. мед. лекарство, медикамент.

Таким образом, выявив этимологические и семантические особенности лингвистического маркера '*Medicine*', который является ядерным компонентом исследуемого концепта '*MEDICINE*', мы установили, что данная лексическая единица заимствована из латинского языка через старофранцузский язык, претерпев определенные семантические изменения. В результате проведенного исследования было выявлено, что в развитии семантической структуры этого существительного большую роль играют такие семантические механизмы как метафора, метонимия и специализация. Результаты проведенного исследования способствуют корректной интерпретации концепта '*MEDICINE*' в английском лексикографическом дискурсе и обеспечивают достоверное представление выше-названного концепта в современной англоязычной картине мира.

Список источников фактического материала

1. АBBYY Lingvo. URL: <https://www.lingvolive.com> (дата обращения: 17.09.2020).
2. Collins English Dictionary. URL: <http://www.collinsdictionary.com/dictionary/> (дата обращения: 10.09.2020).
3. Dictionary.com. URL: <http://dictionary.reference.com/> (дата обращения: 10.09.2020).
4. Multitran. URL: <https://www.multitran.com/> (дата обращения: 17.09.2020).
5. Online Etymology Dictionary URL: <http://www.etymonline.com/> (дата обращения: 13.09.2020).

6. Oxford English dictionary. URL: <https://www.oed.com/> (дата обращения: 13.09.2020).

Список литературы

1. Амосова Н.Н. Этимологические основы словарного состава современного английского языка. М.: Изд-во литер. на иностр. языках, 1956. 220 с.
2. Болдырев Н.Н. Концепт и значение слова // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. Воронеж, 2001. С. 25–36.
3. Голубых А.А. Лексикографические аспекты функционирования концепта “medicine” в современном английском языке // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2018. Т. 24. № 4. С. 168–174. <https://doi.org/10.18287/2542-0445-2018-24-4-168-174>
4. Елисеева В.В. Лексикология английского языка. СПб.: СПбГУ, 2003. 44 с.
5. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
6. Кронгауз М.А. Семантика. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т. 2001. 399 с.
7. Пауль Г. Принципы истории языка. М.: Иностран. лит., 1960. 499 с.
8. Слышкин Г.Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. М.: Academia, 2000. 128 с.
9. Стернин И.А. Методика исследования структуры концепта // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. Воронеж, 2001. С. 58–65.
10. Топоров В.Н. О некоторых теоретических основаниях этимологического анализа // Исследования по этимологии и семантике. М., 2004. Т. 1. С. 19–40.
11. De Bolla P., Jones E., Nulty P., Recchia G., Regan J. Distributional concept analysis. Contributions to the history of concepts. 14, 1 (2019):66–92. <https://doi.org/10.3167/choc.2019.140104>
12. Fuentes J.F. Populism. Contributions to the history of concepts. 15,1(2020):47–68. <https://doi.org/10.3167/choc.2020.150103>

13. Golubykh A.A., Kharkovskaya A.A., Temkina V.L. Functional characteristics of concept medicine in the English educational discourse // European proceedings of social and behavioural sciences (EpSBS). 2020. Vol. 83, pp. 642–651. <https://doi.org/10.15405/epsbs.2020.04.02.75>
14. Levelt W.J.M. Speaking: from intention to articulation. Cambridge: The MIT Press, 1993. 566 p.
15. Mykhalchuk N., Bihunova S. The verbalization of the concept of “fear” in English and Ukrainian phraseological units. *Cognitive studies | Études cognitives*, 2019 (19). <https://doi.org/10.11649/cs.2043>
16. Rasse C., Onysko A., Citron F.M.M. Conceptual metaphors in poetry interpretation: A psycholinguistic approach. *Language and cognition* 12, no. 2 (2020): 310-42. doi:10.1017/langcog.2019.47
17. Rosh E. Cognitive representation of semantic categories // *Journal of experimental psychology: General*, 104(3), 1975, pp. 192–233.
18. Talmy L. *Toward a cognitive semantics*. Cambridge/London: The MIT Press, 2000. Vol. 1. 565 p.
19. Villani C., Lugli L., Liuzza M.T., and Borghi A.M. Varieties of abstract concepts and their multiple dimensions. *Language and cognition* 11, no. 3 (2019): 403-30. doi: 10.1017/langcog.2019.23

References

1. Amosova N.N. *Etimologicheskie osnovy slovarnogo sostava sovremenogo angliyskogo yazyka* [Etymological foundations of the vocabulary of modern English]. Moscow: Izd-vo liter. na inostr. jazykah, 1956. 220 p.
2. Boldyrev N.N. Kontsept i znachenie slova [Concept and meaning of the word]. *Metodologicheskie problemy kognitivnoy lingvistiki*. Voronezh (2001): 25–36.
3. Golubykh A.A. Leksikograficheskie aspekty funkcionirovaniya kontsepta “medicine” v sovremennom angliyskom yazyke [Lexicographic aspects of functioning of the concept «medicine» in modern English]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriya, pedagogika, filologiya*, vol. 24, no 4 (2018):168–174. URL: <https://doi.org/10.18287/2542-0445-2018-24-4-168-174>

4. Eliseeva V.V. *Leksikologiya angliyskogo yazyka* [Lexicology of the English language]. St. Petersburg.: SPbGU, 2003. 44 p.
5. Karasik I.V. *Yazykovoy krug: lichnost', kontsepty, diskurs* [Language circle: personality, concepts, discourse]. Volgograd: Peremena, 2002. 477 p. URL: <http://docplayer.ru/28188986-Yazykovoy-krug-lichnost-kontsepty-diskurs.html>
6. Krongauz M.A. *Semantika* [Semantics]. Moscow: RGGU, 2001. 399 p.
7. Paul' G. *Printsipy istorii yazyka* [Principles of language history]. M., 1960. 499 p.
8. Slyshkin G.G. *Ot teksta k simvolu: lingvokul'turnye kontsepty pretsedentnykh tekstov v soznanii i diskurse* [From text to symbol: linguocultural concepts of precedent texts in consciousness and discourse]. Moscow: Academia, 2000. 128 p.
9. Sternin I.A. Metodika issledovaniya struktury kontsepta [Methodology for researching the structure of a concept]. *Metodologicheskie problemy kognitivnoy lingvistiki*. Voronezh, 2001, pp. 58–65.
10. Toporov V.N. O nekotorykh teoreticheskikh osnovaniyakh etimologicheskogo analiza [On some theoretical foundations of etymological analysis]. *Issledovaniya po etimologii i semantike*. Moscow, vol. 1 (2004): 19–40.
11. De Bolla P., Jones E., Nulty P., Recchia G., and Regan J. Distributional concept analysis. *Contributions to the history of concepts*. 14, 1 (2019): 66-92. <https://doi.org/10.3167/choc.2019.140104>
12. Fuentes J.F. Populism. *Contributions to the history of concepts*. 15, 1 (2020): 47-68. <https://doi.org/10.3167/choc.2020.150103>
13. Golubykh A.A., Kharkovskaya A.A., Temkina V.L. Functional characteristics of concept medicine in the English educational discourse. *European proceedings of social and behavioural sciences (EpSBS)*. Vol. 83 (2020): 642–651. <https://doi.org/10.15405/epsbs.2020.04.02.75>
14. Levelt W.J.M. *Speaking: from intention to articulation*. Cambridge: The MIT Press, 1993. 566 p.
15. Mykhalchuk N., Bihunova S. The verbalization of the concept of “fear” in English and Ukrainian phraseological units. *Cognitive studies. Études cognitives*. 2019 (19). <https://doi.org/10.11649/cs.2043>

16. Rasse C., Onysko A., and Citron F.M.M. Conceptual metaphors in poetry interpretation: A psycholinguistic approach. *Language and cognition*. 12, no. 2 (2020): 310–42. doi:10.1017/langcog.2019.47
17. Rosh E. Cognitive representation of semantic categories. *Journal of experimental psychology: General*, 104(3), 1975, pp. 192–233.
18. Talmy L. *Toward a cognitive semantics*. Cambridge/London: The MIT Press, 2000. Vol. 1. 565 p.
19. Villani C., Lugli L., Liuzza M.T., and Borghi A.M. Varieties of abstract concepts and their multiple dimensions. *Language and cognition*. 11, no. 3 (2019): 403–30. doi:10.1017/langcog.2019.23

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Голубых Анастасия Александровна, аспирант кафедры английской филологии
Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева
Московское шоссе, 34, г. Самара, Самарская обл., 443086, Российская Федерация
ana.golubykh@ya.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Golubykh Anastasiya Aleksandrovna, postgraduate student of the Department of English Philology
Samara National Research University named after academician S.P. Korolev
34, Moskovskoye shosse, Samara, Samara Region, 443086, Russian Federation
ana.golubykh@ya.ru
SPIN-code: 5632-8485
ORCID: 0000-0003-1724-6931
ResearcherID: AAZ-4203-2020

DOI: 10.12731/2077-1770-2020-5-153-168

УДК 81'25:811.112.2

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА СОСЛАГАТЕЛЬНОГО НАКЛОНЕНИЯ В АНГЛИЙСКОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Емец Т.В., Барышникова Ю.В., Емец А.В.

Цель. *Статья посвящена изучению способов перевода сослагательного наклонения и определение наиболее частотных групп путем проведения статистического анализа всех форм на материале одного художественного текста в оригинале и русских переводах. Актуальность исследования обусловлена затруднениями при переводе предложений с сослагательным наклонением с английского языка на русский. На основе проведенного лингвистического анализа авторы объясняют как в художественном англоязычном тексте представлено сослагательное наклонение и рассматривают лингвистические стратегии перевода в русскоязычных текстах. Исследования в этой области позволяют достигнуть более целостного представления о сослагательном наклонении в естественном языке (английском и русском) в лингвистическом аспекте.*

Метод или методология проведения работы. *В работе применяется комплексная методика, включающая метод сплошной выборки при анализе эмпирического материала, статистический метод, описательно-аналитический метод, лингвистический анализ английских и русских предложений.*

Результаты. *Результаты работы заключаются в том, что на основе проведенного лингвистического анализа авторы показывают, как в оригинальном художественном англоязычном тексте представлено сослагательное наклонение и как оно проявляет себя при официальном переводе на русский язык.*

Область применения результатов. *Результаты анализа могут послужить вкладом в теорию, методику преподавания перевода и*

собственно практику обучения переводу английских художественных текстов на русский язык, в процессе изучения особенностей языка и стиля Р.Л. Стивенсона.

Ключевые слова: *перевод; сослагательное наклонение; английский язык; русский язык; художественный текст; Р.Л. Стивенсон.*

PECULIARITIES OF CONJUNCTIVE INCLINATION TRANSLATION IN THE ENGLISH LITERARY TEXT

Emets T.V., Baryshnikova I.V., Emets A.V.

Purpose. *The article is devoted to studying the methods of translating the subjunctive mood and determining the most frequency groups by conducting a statistical analysis of all forms based on the material of one literary text in the original and Russian translations. The relevance of the study is due to difficulties in translating sentences with the subjunctive mood from English into Russian. On the basis of the linguistic analysis, the authors explain the way the subjunctive mood is presented in an English-language text and consider linguistic translation strategies in Russian-language texts. Research in this area will help to achieve a more holistic view of the subjunctive mood in a natural language (English and Russian) in the linguistic aspect.*

Methodology. *In the study a comprehensive technique is used, including the continuous sampling method in the analysis of empirical material, the statistical method, the descriptive-analytical method, and the linguistic analysis of English and Russian sentences.*

Results. *The results of the study consist in the fact that, on the basis of the linguistic analysis, the authors show the way the subjunctive mood is presented in the original literary English-language text and the way it manifests itself in the official translation into Russian.*

Practical implications. *The results of the analysis can serve as a contribution to the theory, methodology of teaching translation and to the practice of teaching the translation of English literary texts into Russian, in the process of studying the features of the language and style of R.L. Stevenson.*

Keywords: *translation; subjunctive mood; English language; Russian language; artistic text; R.L. Stevenson.*

Введение

Статья посвящена исследованию особенностей перевода сослагательного наклонения в художественных текстах естественных языков (английском и русском). Объектом исследования послужили предложения с сослагательным наклонением в английском и русском языках. Понятие сослагательное наклонение было известно в лингвистике с давнего периода времени и было характерно для индоевропейского праязыка [5]. В настоящее время оно рассматривается лингвистами в большинстве европейских языков как ряд особых форм глагольного наклонения. Эти формы выражают субъективное отношение, предположительное или желательное действие. Сослагательные наклонения в английском и русском языках лишь частично совпадают по своим функциям. Отдельным вопросом сослагательного наклонения в английском языке является оформление косвенной речи. В русском языке у глаголов в сослагательном наклонении нет морфологических показателей времени и лица, время указывается лексическими средствами (*позавчера, в данный момент и т.д.*) или конкретной ситуацией и образуется с помощью сочетания глагола в прошедшем времени с неизменяемой частицей *бы*. Сослагательное наклонение в английском языке охватывает все времена, и соответственно в каждом из них будут использованы различные грамматические формы. В нашей работе мы будем говорить о двух формах сослагательного наклонения глагола в английском языке: синтетических (Subjunctive I) и аналитических (Subjunctive II), а также о способах их перевода на русский язык. Работы, связанные с этой тематикой, отличаются друг от друга как конкретными задачами, так и общетеоретическими представлениями, с позиций которых лингвисты отечественного и зарубежного языкознания подходят к исследованию этих построений. Например, вопросами перевода сослагательного наклонения (многообразии грамматических временных форм, двойственный характер

Subjunctive I и Subjunctive II и пр.) интересовались такие исследователи как, [2; 8; 12], вопросами перевода сослагательного наклонения в других языках занимались ученые И.С. Алексеева, К.Г. Крушельницкая, Л.К. Латышев, Т.В. Емец и другие [1; 6; 9; 10; 14; 16]. В данной работе конъюнктив рассматривается как синтаксическая категория, в арсенале которой и в русском и в английском языках языках есть ряд форм выражения сослагательного наклонения.

При проведении анализа эмпирического материала были определены следующие задачи исследования:

- Рассмотреть особенности выражения сослагательного наклонения в английском языке на материале романа Р.Л. Стивенсона;
- Объяснить синтаксические стратегии перевода сослагательного наклонения с английского языка на русский, иными словами, в каких синтаксических конструкциях русского языка реализуется сослагательное наклонение, выраженное в английском языке простыми и сложноподчиненными предложениями;
- Провести статистический анализ форм сослагательного наклонения в английском и русском текстах;
- Выявить морфологические и неморфологические формы при переводе с одного языка на другой;
- Показать способы перевода условных союзов, являющихся языковым средством выражения сложноподчиненных предложений с придаточными условными.

Материалы и методы исследования

Эмпирическим материалом исследования послужило оригинальное художественное произведение «Остров сокровищ» (Treasure Island) шотландского писателя и поэта XIX в. Роберта Льюиса Стивенсона [17], который вошел в мировую литературу в качестве выдающегося автора приключенческих романов и повестей. Перевод романа был выполнен Николаем Корнеевичем Чуковским [13], известным русским и советским писателем, переводчиком прозы и поэзии. Выбор текста продиктован хрестоматийным характером

произведения, разнообразием синтаксических форм предложений с сослагательным наклонением, представленных в данном романе, а также интересом к творчеству Р.Л. Стивенсона.

В исследовании используется комплексная методика, включающая метод сплошной выборки при анализе эмпирического материала, статистический метод, описательный метод, включающий лингвистический анализ английских и русских предложений.

- Метод сплошной выборки предусматривает сбор языкового материала: было выявлено 86 предложений с сослагательным наклонением из английского текста (общим объемом в 278 страниц) и соответствующих им переводных предложений на русском языке.
- Статистический метод позволяет нам установить численные характеристики предложений с сослагательным наклонением (простых, союзных, бессоюзных).
- Посредством описательного метода осуществляется систематизация и синтаксическая характеристика предложений, описание грамматического своеобразия исследуемого материала.

В данном исследовании, проводя сопоставление текста-оригинала с его переводом на русский язык, при обозначении случаев варьирования языковых средств мы используем термин «отклонение». Но несмотря на то, что он несет в себе определенный негативный оттенок, не значит, что возможное отличие текста-перевода рассматривается как некое нарушение его адекватности содержанию оригинала. Напротив, такие «отклонения» демонстрируют лишь разнообразие способов выражений одной и той же мыслительной конструкции средствами разных языков [15].

Результаты исследования

На основе теоретических положений грамматик [3; 4; 7; 11; 18] было проведено исследование на употребление сослагательного наклонения в английском языке на основе двух групп: Subjunctive I (совпадает с формой Future in the Past), которое употребляется в простом предложении и в главной части сложноподчиненного пред-

ложения, и Subjunctive II (совпадает с формой Past Perfect), которое употребляется в придаточном предложении. Перевод сослагательного наклонения в английском предложении, построенном по классическим правилам английской грамматики, при условии соблюдения конкретных грамматических правил интерпретации данного явления, как показывает практика, особых сложностей не вызывает, но тем не менее считается одной из самых сложных в английской грамматике, т.к. не все предложения строятся по этим правилам.

3.1. Статистический анализ группы Subjunctive I

Статистический анализ Subjunctive I (39% примеров) показал, что форма Future in the Past в простом предложении является менее употребительной, составляет 7% и переводится на русский язык простыми или сложными предложениями в сослагательном наклонении. Наиболее употребительная форма (Past Simple) – (Future in the Past) (составила 32% и переводится на русский язык союзными и бессоюзными сложноподчиненными предложениями. Приведенные данные свидетельствуют о том, что у автора оригинала возникла необходимость значительно чаще выражать одновременность действия в придаточном предложении по отношению к моменту говорения, представленному в главном предложении в составе сложноподчиненного. Неопровержим и тот факт, что это не является закономерностью и носит чисто субъективный характер, обусловленный интенцией автора.

Рассмотрим примеры использования сослагательного наклонения в Subjunctive I:

1. Английское простое предложение в форме:

предложение (Future in the Past): «*It would be pleasanter to come to blows.* [17, p. 87] Перевод: «*Приятнее было бы напасть на них тотчас же*» [13, с. 79]. Переведено простым предложением в сослагательном наклонении.

2. Английское простое предложение в форме:

предложение (Future in the Past): «*He'd look remarkably well from a yard-arm, sir," returned the captain*» [17, p. 86]. Перевод: «*Он был бы еще замечательнее, если бы болтался на рее, – возразил капи-*

тан» [13, с. 78]. Переведено сложноподчиненным предложением в сослагательном наклонении.

3. Английское союзное сложноподчиненное предложение в форме: придаточное предложение (Past Simple) – главное предложение (Future in the Past): «*If that doctor was aboard,*” he said, “*I’d be right enough in a couple of turns*» [17, p. 159]. Перевод: «*Будь здесь доктор, я бы живо поправился*» [13, с. 143]. Переведено бессоюзным сложноподчиненным предложением в сослагательном наклонении.

4. Английское союзное сложноподчиненное предложение в форме: придаточное предложение (Past Simple) – главное предложение (Future in the Past): «*If I gave the word to go about, they would rise at once*» [17, p. 87]. Перевод: «*Если я заикнусь о возвращении, они взбунтуются сию же минуту*» [13, с. 78]. Переведено союзным сложноподчиненным предложением в изъявительном наклонении.

В приведенных выше примерах, как и в подавляющем большинстве обнаруженных случаев, Subjunctive I является показателем косвенности. Однако при наличии сложноподчиненного предложения конъюнктив может быть избыточен, т.к. функцию передачи семантики берет на себя сама синтаксическая конструкция, включающая соответствующие лексические элементы. Главное предложение содержит глагол или существительное с семантикой речемыслительной деятельности, а придаточное вводится иногда союзом или союзным словом.

3.2. Статистический анализ группы Subjunctive II

Перевод сослагательного наклонения в Subjunctive II представляет собой более сложное и интересное явление.

Статистический анализ сослагательного наклонения в Subjunctive II (51% примеров) показал, что наиболее употребительными формами являются (Past Perfect) – (Future Perfect) или (Future Perfect) – (Past Perfect) (38% примеров). Наименее употребительны конструкции I wish – (Past Perfect) (8% примеров), которые переводятся простыми и сложноподчиненными предложениями не только в изъявительном наклонении прошедшего времени, но и в сослагательном наклонении. Конструкции I wish – (Past Simple) обнаружено не было (0%

примеров). Также были выявлены редкие конструкции Past Perfect) – (*could* + Perfect Passive Infinitive) (3% примеров) и (*must* + Perfect Passive Infinitive) – (Past Perfect) (2% примеров). Исследованную тенденцию можно охарактеризовать как потребность автора описывать преимущественно настоящее, будущее и прошедшее время для описания нереального (желания, условия, возможности, прерванного действия, отрицания) как объективно существующую реальность (абсолютное время).

Приведем примеры сослагательного наклонения в *Subjunctive II*:

1. Английское союзное сложноподчиненное предложение в форме: придаточное предложение (Past Perfect) – главное предложение (*could* + Perfect Passive Infinitive): «... *if I had seen as many kings or archbishops I could not have been more delighted*» [17, p. 59]. Перевод: «Если бы вместо них мне показали королей или архиепископов, я обрадовался бы гораздо меньше» [13, с. 49]. Переведено союзным сложноподчиненным предложением: в главном и придаточном предложении сослагательное наклонение сохранено.

2. Английское бессоюзное сложноподчиненное предложение в форме:

придаточное предложение (Past Perfect) – главное предложение (Future Perfect): «*Had there been a breath of wind we should have fallen on the six mutineers who were left aboard with us, slipped our cable, and away to sea*» [17, p. 107]. Перевод: «Если бы дул хоть самый лёгкий ветер, мы напали бы врасплох на шестерых мятежников, оставшихся на корабле, снялись бы с якоря и ушли в море» [13, с. 97]. Переведено союзным сложноподчиненным предложением: в главном и придаточном предложении сослагательное наклонение сохранено.

3. Английское простое предложение в форме:

предложение (Past Perfect): «.. *if I hadn't forgotten my score!*» [17, p. 63]. Перевод: «... про деньги – то я и забыл» [13, с. 54]. Переведено простым предложением в изъявительном наклонении.

4. Английское союзное сложноподчиненное предложение в форме:

главное предложение (*must* + Perfect Passive Infinitive) – придаточное предложение (Past Perfect): «*Every man on board seemed*

well content, and they must have been hard to please if they had been otherwise» [17, p. 75]. Перевод: «Команда казалась довольной, да и неудивительно» [13, с. 65]. Переведено сложносочиненным предложением в изъявительном наклонении.

5. Конструкция I wish ... в форме:

I wish – предложение (Past Perfect): «*I wish I had put his eyes out*» [17, p. 43]. Перевод: «Жаль, что я не выколол ему глаза» [13, с. 33]. Переведено союзным сложноподчиненным предложением в изъявительном наклонении.

6. Конструкция I wish ... в форме:

I wish – предложение (Past Perfect): «*I wish I had had a lick at them with the gun first, ” he replied*» [17, p. 97]. Перевод: «Хотелось бы мне перед смертью послать им еще одну пулю» [13, с. 107]. Переведено простым предложением в сослагательном наклонении.

3.3. Статистический анализ группы *Subjunctive I* и *Subjunctive II* (смешанный тип)

Это более редкий, но тем не менее довольно интересный тип предложений в английском тексте, он составил 10% от всех примеров.

1. Английское союзное сложноподчиненное предложение в форме: придаточное предложение (*Subjunctive II* Past Perfect) – главное предложение (*Subjunctive I* Future in the Past):

«*If you had been mixed up with the like of that, you would never have another foot in my house, you may lay to that.*» [17, p. 62]. Перевод: «Если ты станешь путаться с негодями, ноги твоей не будет в моём завещании!» [13, с. 51]. Переведено союзным сложноподчиненным предложением в изъявительном наклонении настоящего времени.

2. Английское союзное сложноподчиненное предложение в форме: придаточное предложение (*Subjunctive I* Past Simple) – главное предложение (Future Simple with a modal meaning): «*If he were Admiral Hawke he shall pay his score*» [17, p. 61]. Перевод: «Будь он хоть адмирал Хок, я и то заставил бы его заплатить!» – кричал Сильвер [13, с. 51]. Переведено бессоюзным сложноподчиненным предложением в сослагательном наклонении.

Глаголы в предложениях с Subjunctive I и Subjunctive II (86 примеров) переводятся на русский язык Н.К. Чуковским типичными аналитическими формами с помощью частицы *бы* (*б*), в том числе в составе союза *чтоб(ы)*, *если*, *когда*, *хоть*, *стоило*, *раз*, *пусть*:

- формами прошедшего времени глагола (*достигли бы берега*) (38 примеров) – морфологическая форма;
- инфинитивами (*остановиться бы*) (15 примеров) – морфологическая форма;
- предикативами (*хуже было бы*) (1 пример) – морфологическая форма;
- глаголами в изъявительном наклонении (*они взбунтуются*) (32 примера).

Неморфологических форм (причастий и деепричастий с частицей *бы* (*б*)), считающихся в учебных русских грамматиках ошибочными при переводе обнаружено не было.

Таким образом, формы сослагательного наклонения *Subjunctive I* и *Subjunctive II* и смешанного типа *Subjunctive I* и *Subjunctive II* в английском оригинале составили 39% ; 51% и 10% соответственно.

Обсуждение

Отметим следующие результаты проведенного исследования:

1. В ходе нашего исследования были рассмотрены особенности выражения сослагательного наклонения в английском языке на материале романа Р.Л. Стивенсона в двух формах (*Subjunctive I* и *Subjunctive II*), а также способы их перевода на русский язык.

2. На русский язык данные простые и сложноподчиненные предложения переводятся различными синтаксическими конструкциями в сослагательном и изъявительном наклонениях: сложноподчиненными (союзными и бессоюзными) предложениями; сложносочиненными предложениями (союзными и бессоюзными); простыми предложениями.

Особенно широко сослагательное наклонение употребляется в союзных и бессоюзных сложноподчиненных предложениях. Разнообразии синтаксических форм, предназначенных для выражения

сослагательного наклонения, свидетельствует о богатстве английского языка, который располагает синонимичными средствами выражения сослагательного наклонения.

3. Статистический анализ форм сослагательного наклонения в английском и русском текстах показал следующее: В 86 обнаруженных и проанализированных примерах Subjunctive I составляет 39%; Subjunctive II – 51% и смешанный тип Subjunctive I и Subjunctive II – 10%.

4. Глаголы в предложениях с Subjunctive I и Subjunctive II (86 примеров) переводятся на русский язык морфологическими формами: формами прошедшего времени глагола (38 примеров), инфинитивами (15 примеров), предикативами (1 пример), глаголами в изъявительном наклонении (32 примера). Неморфологических форм (причастий и деепричастий с частицей *бы* (*б*)), считающихся в учебных русских грамматиках ошибочными, при переводе обнаружено не было.

5. Условный союз английского языка *if* отличается большим разнообразием при переводе на русский язык, в зависимости от типов предложений: *если, когда, пусть, раз, хоть, что, чего, стоило, стоит, как*. Наиболее часто при переводе используются союзы *если* и *когда*.

Заключение

Таким образом, синтаксические конструкции с сослагательным наклонением приобретают в естественном языке разнообразные формы языкового выражения, которые позволяют переводчику высказать ту или иную мысль с учетом его собственных возможностей в плане владения языком. В настоящем исследовании речь идет о художественном переводе, в котором отражаются не только языковые закономерности, но и другие факторы, зависящие от индивидуального мастерства переводчика и творческих задач, стоящих перед ним. В ходе исследования был проведен статистический анализ частоты употребления сослагательного наклонения в английском языке на примере художественного произведения и выявлены наиболее

употребительные формы сослагательного наклонения. В большинстве случаев при переводе с английского языка на русский русское предложение не накладывается на английское, не совпадает с ним по своей синтаксической структуре. Структура русского предложения в переводе нередко полностью отличается от структуры английского предложения (различные синтаксические конструкции, несоответствие временных форм, наличие интересных грамматических форм с модальными глаголами). На наш взгляд, этот факт носит исключительно субъективный характер художественного стиля автора Р.Л. Стивенсона и переводчика Н.К. Чуковского.

Информация о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Информация о спонсорстве. Исследование не имело спонсорской поддержки.

Список литературы

1. Алексеева И.С. Введение в переводоведение. Москва: Издательский центр «Академия», 2004. 352 с.
2. Алимов В.В. Теория перевода: Пособие для лингвистов-переводчиков, 2-е изд. М.: Ленанд, 2015. 240 с.
3. Бонк Н.А, Салтыкова Е.М. Классическая грамматика к учебникам английского языка. Правила, упражнения, ключи. М.: Эксмо, 2018. 320 с.
4. Бреус Е.В. Теория и практика перевода с английского языка на русский: Учебное пособие. Ч. 1, Москва: Изд-во УРАО, 2001. 104 с.
5. Емец Т.В. Учебно-методический комплекс по курсу «Введение в языкознание». 2-е изд. дополненное и переработанное. Магнитогорск: МаГУ, 2012. 131 с.
6. Емец Т.В. Лингвосинтаксические стратегии перевода сослагательного наклонения в немецком художественном тексте. // Гуманитарно-педагогические исследования, 2017. Т. 1. № 1. С. 129–135.
7. Качалова К.Н. Практическая грамматика английского языка. Санкт-Петербург: КАРО, 2018. 609 с.

8. Комиссаров В.Н. Современное переводоведение. М.: ЭТС, 2001. 424 с.
9. Крушельницкая К.Г., Попов М.Н. Советы переводчику. Москва: «Астрель», АСТ, 2-ое издание, 2002. 148 с.
10. Латышев Л.К. Курс перевода: Эквивалентность перевода и способы ее достижения. М.: Межд. отн., 1981. 198 с.
11. Макарова Е.В., Пархамович Т.В. Английский язык / Upgrade your English Grammar. Минск: Харвест, 2018. 448 с.
12. Миньяр-Белоручев Р.К. Теория и методы перевода. М.: Московский Лицей, 1996. 207 с.
13. Стивенсон Р.Л. Остров сокровищ. Роман. / Пер. с англ. Н.К. Чуковского. М.: Дет. лит., 1974. 240 с.
14. Emets T., Emets A., Potrikeeveva E. Features of representing the subjunctive mood in natural languages (on the example of the translation of short stories by S. Zweig) // SHS Web of Conferences. Vol. 55, 2018. DOI: <https://doi.org/10.1051/shsconf/20185504008>
15. Emets T.V., Baryshnikova Yu.V., Trutnev A.Yu., Suvorova E.V., Akhmetzyanova T.L. Logical and linguistic strategies for translating complex sentences in literary texts of natural languages. X Linguae. European Scientific Journal. Slovenia. Vol. 11. № 2. 2018, pp. 3–16.
16. Emets T.V., Baryshnikova Yu.V., Trutnev A.Yu., Drozdova T.V., Mikhailov V.V. Study of the subjunctive mood in literary text using a Russian translation of Treasure Island. // Utopia y Praxis Latinoamericana. 2019. V. 24, pp. 105–117.
17. Stevenson R.L. Treasure island. Moscow: Foreign languages publishing house, 1963. 278 p.
18. Vince M. Macmillan English Grammar in Context: Advanced. Oxford: Macmillan ELT, 2008. 224 p.

References

1. Alekseeva I.S. *Vvedenie v perevodovedenie*. [Introduction to translation studies]. Moscow: Izdatelskiy tsentr «Akademiya», 2004. 352 p.
2. Alimov V.V. *Teoriya perevoda: Posobie dlya lingvistov-perevodchikov*. [Translation theory: A handbook for linguistic translators], 2-e izd. Moscow: Lenand, 2015. 240 p.

3. Bonk N.A, Saltyikova E.M. *Klassicheskaya grammatika k uchebnikam angliyskogo yazyka. Pravila, uprazhneniya, klyuchi*. [Classical grammar for English textbooks. Rules, exercises, keys]. Moscow: Eksmo, 2018. 320 p.
4. Breus E.V. *Teoriya i praktika perevoda s angliyskogo yazyka na russkiy* [Theory and practice of translation from English into Russian]: Uchebnoe posobie. Chast 1, Moscow: Izd-vo URAO, 2001. 104 p.
5. Emets T.V. *Uchebno-metodicheskiy kompleks po kursu «Vvedenie v jazykoznanie»* [Educational complex on the course “Introduction to linguistics”]. 2-e izd. dopolnennoe i pererabotannoe. Magnitogorsk: MaGU, 2012. 131 p.
6. Emets T.V. Lingvosintaksicheskie strategii perevoda soslagatel'nogo nakloneniya v nemeckom hudozhestvennom tekste [Linguosyntactic strategies for translating the subjunctive mood in the German literary text.]. *Gumanitarno-pedagogicheskie issledovaniya*, 2017. V. 1. № 1, pp. 129–135.
7. Kachalova K.N. *Prakticheskaya grammatika angliyskogo yazyka* [Practical English grammar]. St. Peterburg: KARO, 2018. 609 p.
8. Komissarov V.N. *Sovremennoe perevodovedenie* [Modern translation studies]. Moscow: ETS, 2001. 424 p.
9. Krushel'nickaja K.G., Popov M.N. *Sovety perevodchiku* [Tips for the translator]. Moscow: «Astrel'», AST, 2-oe izd., 2002. 148 p.
10. Latyshev L.K. *Kurs perevoda: Jekvivalentnost' perevoda i sposoby ee dostizheniya* [Equivalence of translation and ways to achieve it]. Moscow: Mezhd. otn., 1981. 198 p.
11. Makarova E.V., Parhamovich T.V. *Angliyskiy yazyk* [English] / Upgrade your English grammar. Minsk: Harvest, 2018. 448 p.
12. Minyar-Beloručev R.K. *Teoriya i metody perevoda* [Theory and translation methods]. Moscow: Moskovskii Litsei, 1996. 207 p.
13. Stivenzon R.L. *Ostrov sokrovishch* [Treasure island.]. Roman. Per. s angl. N.K. Chukovskogo. Moscow: Det. lit., 1974. 240 p.
14. Emets T., Emets A., Potrikeeveva E. Features of representing the subjunctive mood in natural languages (on the example of the translation of short stories by S. Zweig). *SHS Web of Conferences*. Vol. 55, 2018. DOI: <https://doi.org/10.1051/shsconf/20185504008>
15. Emets T.V., Baryshnikova Yu.V., Trutnev A.Yu., Suvorova E.V., Akhmetzyanova T.L. Logical and linguistic strategies for translating com-

- plex sentences in literary texts of natural languages. *X Linguae. European Scientific Journal*. Slovenia. Vol. 11. № 2. 2018, pp. 3–16.
16. Emets T.V., Baryshnikova Yu.V., Trutnev A. Yu., Drozdova T.V., Mikhailov V.V. Study of the subjunctive mood in literary text using a Russian translation of Treasure Island. *Utopia y Praxis Latinoamericana*. 2019. V. 24, pp. 105–117.
17. Stevenson R.L. Treasure island. Moscow: Foreign languages publishing house, 1963. 278 p.
18. Vince M. Macmillan English Grammar in Context: Advanced. Oxford: Macmillan ELT, 2008. 224 p.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Емец Татьяна Владимировна, доцент кафедры лингвистики и перевода, доцент, кандидат филологических наук
Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова
проспект Ленина, 26, г. Магнитогорск, Челябинская область,
455000, Российская Федерация
emectv@mail.ru

Барышникова Юлия Викторовна, доцент кафедры лингвистики и перевода, доцент, кандидат педагогических наук
Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова
проспект Ленина, 26, г. Магнитогорск, Челябинская область,
455000, Российская Федерация
jvb72@mail.ru

Емец Ангелина Вячеславовна, студент
Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова
проспект Ленина, 26, г. Магнитогорск, Челябинская область,
455000, Российская Федерация
emectv991@gmail.com

DATA ABOUT THE AUTHORS

Emets Tatiana Vladimirovna, Ph.D. in Philology, Associate Professor,
Department of Linguistics and Translation, Institute of Humanitarian Education

Nosov Magnitogorsk State Technical University (NMSTU)

26, Lenin pr., Magnitogorsk, 455000, Russian Federation

emectv@mail.ru

ORCID: 0000-0002-8176-6125

Baryshnikova Iuliia Viktorovna, Ph.D. in Pedagogy, Associate Professor,
Department of Linguistics and Translation, Institute of Humanitarian Education

Nosov Magnitogorsk State Technical University (NMSTU)

26, Lenin pr., Magnitogorsk, 455000, Russian Federation

jvb72@mail.ru

ORCID: 0000-0001-5320-4726

Emets Angelina Vyacheslavovna, student

Nosov Magnitogorsk State Technical University (NMSTU)

26, Lenin pr., Magnitogorsk, 455000, Russian Federation

emectv991@gmail.com

ORCID: 0000-0002-9078-2522

DOI: 10.12731/2077-1770-2020-5-169-177

УДК 81 (33)

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО СОСТОЯНИЯ «СТРАХ» В ТАТАРСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

Исмагилова Л.И.

Цель. Цель данной статьи – анализ фразеологических единиц (ФЕ) татарского языка, в которых получило отражение эмоциональное состояние «страх»; изучение семантической и антропоцентрической организации фразеологизмов. Объектом исследования выступают фразеологизмы татарского языка.

Актуальность. Исследование фразеологии позволяет выявить национальноспецифические особенности в языковой картине мира разных народов, в частности, представления о значимых эмоциях человека, в данном случае, представителей татарской лингвокультуры.

Метод исследования. Эмпирический материал был собран методом сплошной выборки из фразеологических словарей татарского языка Ф. С. Сафиуллиной [8] и Н.С. Исанбета [4; 5]. Для анализа исследуемого материала применялись методы семантического и компонентного анализа.

Результаты. Проведённый анализ позволил прийти к выводу о том, что эмоциональное состояние «страх» в татарской лингвокультуре является одним из базовых ментальных понятий, участвующих в когнитивно-эмоциональном освоении окружающей действительности. Для характеристики эмоционального состояния «страх» в татарском языке чаще всего используются фразеологизмы с соматическим кодом культуры. Также очень часто образной основой ФЕ татарского языка являются зоонимы.

Область применения результатов. Результаты исследования могут быть использованы в лексикографической практике, в частности, при составлении словаря-тезауруса татарских фразеологизмов. Кроме этого, материалы исследования могут быть исполь-

зованы в разработке курсов по фразеологии, лексикологии, лингвокультурологии на филологических факультетах университетов.

Ключевые слова: татарский язык; фразеологизм; семантическое поле; эмоция; эмоциональное состояние; страх.

REPRESENTATION OF THE EMOTIONAL STATE «FEAR» IN TATAR PHRASEOLOGY

Ismagilova L.I.

The purpose of this paper is to analyse phraseological units of the Tatar language that reflect the emotional state of fear; to study semantic and anthropocentric organization of phraseological units. The object of the analysis is phraseological units of the Tatar language reflecting the state of «fear».

Relevance. The study of phraseology makes it possible to identify national-specific features in the language picture of the world of different peoples, in particular, the idea of significant human emotions, in this case representatives of the Tatar linguoculture.

Methodology. The empirical material was collected by a continuous sampling method from the phraseological dictionary of the Tatar language. Methods of semantic and component analysis were used to analyze the collected material.

Results. The analysis demonstrates that the emotional state of fear in Tatar linguoculture is one of the basic mental concepts involved in the cognitive and emotional development of the surrounding reality. To characterize the emotional state of fear in the Tatar language, phraseological units with the somatic code of culture are most often used. Also, zoonyms are a frequent the figurative basis of phraseological units of the Tatar language.

Practical implications. The results of the research can be applied for lexicographic practice, in particular, for compiling a dictionary-thesaurus of Tatar phraseological units. In addition, the research materials can be used in the development of courses on phraseology, lexicology, and linguoculturology at the philological faculties of universities.

Keywords: Tatar language; phraseological unit; semantic field; emotion; emotional state; fear.

Язык, как известно, является мощным средством выражения человеческой индивидуальности, с помощью которого люди передают мысли, чувства, эмоции, а также различные представления об окружающем нас мире. «Сущность человека покоится в его языке. И поэтому чтобы понять природу языка, нужно понять природу человека и его мир» [12, с. 101]. Тем самым языковые репрезентации чувств, представлений и эмоций и формируют эмоциональную картину мира представителей той или иной лингвокультуры. Эмоции и способы языковой вербализации эмоций представлены в трудах А.П. Седых, Ж. Багана, Л.П. Костогладовой [9], И.Д. Орынбассаровой [7], Д.К. Бахроновой [2], К.У. Халиловой [13].

Составной частью эмоциональной картины мира татарского народа являются эмотивные фразеологизмы. Как свидетельствует анализ литературы по исследуемой теме, несмотря на широкий диапазон и частотность функционирования эмоциональных состояний, тюркологическая наука располагает незначительным количеством работ по исследованию эмотивных ФЕ. Среди существующих трудов можно выделить диссертационное исследование Г.А. Багаутдиновой «Человек во фразеологии: антропоцентрический и аксиологический аспекты» [1], основная цель которого состоит в интерпретации и дифференциации русской, английской и татарской фразеологии, в которой получили отражение эмоции, восприятия, ощущения, воля, знания, интеллектуальные способности человека, его характер, свойства, его ценности (аксиологические аспекты), в установлении сходств и различий в структурно-семантической и антропоцентрической организации фразеологизмов. В работе А.А. Гимадеевой, Д.Б. Гарифуллиной, М.Р. Гараевой [3] выявляются универсальные и национальные черты в представлении данного концепта фразеологическими единицами анализируемых языков. Исследование Р.Б. Хисматуллиной, О.Н. Горячевой, О.Г. Гунько посвящено анализу общей и специфической фразеологии в эмоциональных терминах [14]. Несмотря на многочисленность работ по изучению репрезентации эмоций в татарском языке, эмоциональное состояние «страх» не являлось объектом специального исследова-

ния. Тем самым данное направление является одним из перспективных и актуальных проблем татарского языкознания.

Наряду с удивлением и печалью, радостью и любовью к общечеловеческим эмоциональным состояниям относится страх, который «вызывается лишь вероятностным прогнозом возможного неблагополучия» [6, с. 527] и возникает в опасных для человека ситуациях, соответственно, данное состояние тем или иным образом находит отражение в языке. Состояние страха в татарской языковой культуре, во-первых, может быть представлено близкими по значению лексемами *курку*, *шүрләү*, *өркү*, *шомлану*, *борчылу*, а также многочисленными фразеологизмами, которые раскрывают разную степень интенсивности эмоционального состояния, вызванного чувством страха, тревоги, беспокойства, ужаса, паники. Говоря о функциях ФЕ в языке, следует отметить, что «любая фразеологическая единица представляет собой разносторонность ее категориальных свойств, но именно оценка является одной из важнейших характеристик, наполняющих фразеологические единицы выразительностью и эмоциями. Эта характеризующая функция неотделима от семантики большинства фразеологических единиц» [5, с. 16].

В «Толковом словаре татарского языка» значение слова *курку* интерпретируется следующим образом: «1. Хэвеш-хэтәр алдында көчсезлек, ярдәмсезлек тойгысына бирелү ‘Поддаваться ощущению бессилия и беспомощности перед опасностью’; 2. Билгеле бер шартларга чыдамау ‘Не выстоять при определенных условиях’; 3. ритор. Кечкенә кыенлыкны яки тискәре хисне сылтау итеп, зур мөмкинлектән баш тарту турында ‘Ритор. отказаться от большой возможности, сославшись на маленькую трудность или отрицательные эмоции’ [10, б. 193].

Как показывает фактический анализ, в татарских фразеологических единицах, обозначающих страх, очень часто смыслообразующим компонентом являются соматические термины, такие как *йөрәк* и *кот*. Фразеологизм *кот очу*, *кот(ым) ботыма төшү*, букв. «сердце в пятки ушло», обозначает сильное чувство испуга и построен на образной основе «ухода сердца из привычного места».

По мнению Ф.И. Урманче, в основе этого образа лежит мифологическое представление о возможности сердца перемещаться в теле [11, б. 159]. В фразеологизмах *кот очу*, *кот(ым) ботыма төшү* древнетюркское слово *кот* тождественно слову *жан*, что в переводе с татарского языка обозначает «душа». Душа и сердце являются местом локализации эмоций. Засвидетельствовано также употребление соматизмов *буын* и *тез* в качестве смыслообразующего компонента: *буын калтырау* / *тез калтырау* – букв.: «коленки дрожат» – *испугаться*.

В татарском языке в составе фразеологических единиц, обозначающих сильный испуг, могут быть использованы названия и других частей тела (*чәчләп* – *волосы*, *йөз* – *лицо*). При этом образы сильного страха связаны с изменением цвета лица. Например: (*куркудан*) *чәч агару*, букв. «поседеть (от испуга)» – *испугаться*; *куркудан агарып кату* – букв. «побледнеть от страха» – *испугаться*. Ужас характеризуется высшей степенью страха, проявляемая крайней степенью возбуждения, лишением дара речи и ознобом: (*куркудан*) *телсез калу* – букв. «лишиться дара речи».

В татарской языковой картине мира при обозначении чувства страха в компаративных конструкциях используется образ огня: *уттан курыккан кебек* – букв. «бояться как огня».

В основу метафорического переосмысления фразеологических единиц при переживании страха положены различные типы ассоциаций с животными. В татарском языке наиболее употребительными являются *куян*, *эт*, *бүре*. Например: *бүре курган эт төсле* – букв. «словно собака, увидевшая волка» – *испугаться*; *бүрәнә аркылы бүре күрү* – букв. «увидеть волка сквозь бревно» – у страха глаза велики; *эчкә куян керү*, букв. «заяц вселился» – *страх напал*; *куян кебек калтырау* – букв. «дрожать как заяц» – *испугаться*; *котсыз куян* – букв. «заяц, лишившийся души» – *трус*. Встречается также метафорическое переосмысление фразеологизма, в котором реализуется образ *воробья* (*чыпчык*): *чыпчык күрәп коты очкан*, букв. «испугался, увидев воробья», в значении: «бояться чего-то незначительного», ср. с рус. «бояться собственной тени».

Исследование ФЕ татарского языка, выражающих «страх», позволило сделать вывод о исключительно сложной концептуальной структуре данного эмоционального состояния. Весьма продуктивными лингвокультурами, репрезентирующими страх, испуг, ужас, являются части тела, названия животных и птиц. Анализ всех средств языковой концептуализации эмоций, номинаций эмоций татарского языка представляется интересным и перспективным в свете выявления характеристик номинаций эмоций в татарской лингвокультуре.

Список литературы

1. Багаутдинова Г.А. Человек во фразеологии: антропоцентрический и аксиологический аспекты. Автореф. ... д. филол. наук. 2007. 46 с.
2. Бахронова Д.К. Лингвокультурные особенности зооморфных фразеологических единиц // Вестник Челябинского государственного университета. 2016 №3 (391). Вып. 102. С. 36–43.
3. Гимадеева А.А., Гарифуллина Д.Б., Гараева М.Р. Лексико-семантическая репрезентация концепта “страх” (на материале английских и татарских фразеологических единиц с компонентом-зоонимом) // Казанский лингвистический журнал, 2019. Т. 2. № 1. С. 11–18.
4. Исанбет Н.С. Фразеологический словарь татарского языка: в 2 т. Т1. Казань: Тат. книж. изд-во. 1989. 495 с.
5. Исанбет Н.С. Фразеологический словарь татарского языка: в 2 т. Т. 2. Казань: Тат. книж. изд-во, 1990. 365 с.
6. Новейший психологический словарь / Под ред. В.Б. Шапаря. М.: Дом Славянской Книги, 2010. 806 с.
7. Орынбасарова И.Д., Сулькарнаева А.Р. Эмотивные фразеологизмы: социолингвистический анализ (на материале русского, казахского, английского и французского языков) // Ахмановские чтения – 2015: Материалы конференции. М.: Университетская книга, 2016. С. 94–99.
8. Сафиуллина Ф.С. Татарча-русча фразеологик сүзлек. Казан: Мәгариф, 2001. 335 б. Татар теленең аңлатмалы сүзлеге: өч томда. Т. 2. Казан: Татар. кит. нәшр., 1979. 726 б.

9. Седых А.П., Багана Ж., Костогладова Л.П. Эмоции и особенности их вербализации в русском и французском языках // *Russian Journal of Linguistics*, 2008. №1. С. 44–50.
10. Татар теленең аңлатмалы сүзлеге: өч томда. Т. 2. Казан: Татар. кит. нәшр., 1979. 726 б.
11. Урманче Ф.И. Татар мифологиясе. Энциклопедик сүзлек: 3 томда. 2 т. (Д - С). Казан: Мәгариф. 2009. 343 б.
12. Хайдеггер М. Время и бытие: ст. и выступления. М.: Республика, 1993. 447 с.
13. Халилова К.У. Соматизм «Сердце» в языковой картине мира (на материалах азербайджанского и немецкого языков): Дисс. ... ст. канд. фил. н. Махачкала, 2012. 157 с.
14. Maximets S.V., Pudeyan L.A. Russian and French phraseology: axiological aspect // *Современные исследования социальных проблем*. 2019, Т. 11. № 5. С. 15–15.
15. Hismatullina R.B., Goryacheva O.N., Gunko O.G. The general and specific phraseology in emotive terms «Heart/Yorek» (on the example of Russian and Tatar languages) // *Modern Journal of Language Teaching Methods*. 2017 V. 7. No 12, pp. 139–144.

References

1. Bagautdinova G.A. *Cennostny'j mir lichnosti vo frazeologii* [The value world of personality in phraseology]. Kazan': Izd.-vo Kazan. gos. un-ta, 2008. 152 p.
2. Baxronova D.K. Lingvokul'turnye osobennosti zoomorfnyh frazeologicheskikh edinic [Linguocultural features of zoomorphic phraseological units]. *Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2016 No 3 (391). Vyp. 102, pp. 36–43.
3. Gimadeeva A.A., Garifullina D.B., Garaeva M.R. Leksiko-semanticheskaja reprezentacija koncepta “strah” (na materiale anglijskikh i tatarskikh frazeologicheskikh edinic s komponentom-zoonimom) [Lexico-semantic representation of the concept “fear” (based on the material of English and Tatar phraseological units with a zoonym component)]. *Kazanskij lingvisticheskij zhurnal*, 2019. V. 2. No 1, pp. 11–18.

4. Isanbet N.S. *Frazeologicheskij slovar' tatarskogo jazyka: v 2 t.* [Phraseological dictionary of the Tatar language: in 2 volumes]. T 1. Kazan: Tat. knizh. izd-vo, 1989. 495 p.
5. Isanbet N.S. *Frazeologicheskij slovar' tatarskogo jazyka: v 2 t.* [Phraseological dictionary of the Tatar language: in 2 volumes]. V. 2. Kazan: Tat. knizh. izd-vo, 1990. 365 p.
6. *Novejšij psihologičeskij slovar'* [The modern psychological dictionary]. Moscow: Dom Slavyanskoy Knigi, 2010. 806 p.
7. Orynbasarova I.D., Sul'karnaeva A.R. Emotivnye frazeologizmy: sociolingvističeskij analiz (na materiale russkogo, kazakhskogo, anglijskogo i frantsuzskogo yazykov) [Emotive phraseological units: a sociolinguistic analysis (based on Russian, Kazakh, English and French)]. *Akhmanovskie chteniya – 2015: Materialy konferentsii* [Akhmanov readings – 2015: Conference proceedings]. M.: Universitetskaya kniga, 2016, pp. 94–99.
8. Safiullina F.S. *Tatarča-rusča frazeologik syzlek* [Tatar-Russian phraseological dictionary]. Kazan: Mogarif, 2001. 335 p.
9. Sedyh A.P., Bagana Zh., Kostogladova L.P. Jemocii i osobennosti ih verbalizacii v ruskom i francuzskom jazykah [Emotions and their verbalization in Russian and French]. *Russian Journal of Linguistics*, 2008. No 1, pp. 44–50.
10. *Tatar telenev avjatmaly' syzlege: ech tomda* [Explanatory dictionary of the Tatar language: in three volumes]. Vol. 2. Kazan: Tatar. kitap noshr., 1979. 726 p.
11. Urmanche F.I. *Tatar mifologiyase. Entciklopedik syzlek: 3 tomda. 2 t. (D-C)* [Tatar Mythology: Encyclopedic Dictionary] in 3 vol., vol. 2 (D-S). Kazan: Magarif, 2009. 343 p.
12. Heidegger M. *Vremja i bytie* [Time and being]: st. i vystuplenija. Moscow: Respublika, 1993. 447 p.
13. Xalilova K.U. *Somatizm "Serdce" v jazykovej kartine mira (na materialah azerbajdzhanskogo i nemeckogo jazykov)* [Somatism "Heart" in the linguistic picture of the world (based on the materials of the Azerbaijani and German languages)]: Diss. ... st. kand. fil. n. Mahachkala, 2012. 157 p.

14. Maximets S.V., Pudeyan L.A. Russian and French phraseology: axiological aspect. *Sovremennye issledovaniya social'nyh problem*, 2019, Vol. 11. No 5, pp. 15–25.
15. Hismatullina R.B., Goryacheva O.N., Gunko O.G. The general and specific phraseology in emotive terms «Heart/Yorek» (on the example of Russian and Tatar languages). *Modern journal of language teaching methods*, 2017. V. 7. No 12, pp. 139–144.

ДАНИЕ ОБ АВТОРЕ

Исмагилова Лейсан Ильдусовна

*Казанский (Приволжский) федеральный университет
ул. Кремлевская, 18, г. Казань, Республика Татарстан, 420008,
Российская Федерация
leisanochka.92@mail.ru*

DATA ABOUT THE AUTHOR

Ismagilova Leysan Ildusovna

*Kazan Federal University
18 Kremlyovskaya Str., Kazan, 420008, Russian Federation
leisanochka.92@mail.ru
ORCID: 0000-0002-7348-3037*

DOI: 10.12731/2077-1770-2020-5-178-192

УДК 811.111

КОММУНИКАТИВНЫЕ ИНФОРМАЦИОННЫЕ СТРАТЕГИИ ЦИФРОВОЙ ДИПЛОМАТИИ ВЕЛИКОБРИТАНИИ

Кауфова И.Б., Кауфова Л.А.

Цель. Авторы ставят целью выявление коммуникативных информационно-стратегий цифровой дипломатии, которыми пользуется известный современный британский политик Б. Джонсон в рамках международных социальных сетей.

Метод и методология исследования. Основными методами исследования данной работы являются лингвистический, описательный и логико-семантический.

Результаты. Цифровая дипломатия использует определенные коммуникативные стратегии, среди которых информационные являются ключевыми. Они реализуются преимущественно посредством отбора определенной информации, детального развития информации и замалчивания некоторых фактов. Использование социальных сетей допускает употребление специальных лексических средств, введенных в структуру текста с целью скрытой манипуляции.

Область применения результатов. Результаты исследования могут быть применены в области политической лингвистики, культурологии и политической лингвистики.

Ключевые слова: цифровая дипломатия; дипломатический дискурс; политический дискурс; Твиттер; информационные стратегии; языковые средства; Великобритания; премьер-министр.

COMMUNICATIVE INFORMATION STRATEGIES IN DIGITAL DIPLOMACY OF GREAT BRITAIN

Kaufova I.B., Kaufova L.A.

Purpose. The article deals with analyzing communicative information strategies of digital diplomacy, used by a famous modern British politician B. Johnson on international social networks.

Methodology. *The linguistic, descriptive methods and the method of logic and semantic analysis are used as basic methods of the research.*

Results. *Digital diplomacy uses certain communication strategies, among which information strategies are crucial. They are implemented mainly by the selection of certain information, detailed development of information and suppression of some facts. Political messages shared on Twitter contain emotional language for the purpose of hidden manipulation.*

Practical implications. *Research results can be applied in political linguistics, cultural science and political science.*

Keywords: *digital diplomacy; diplomatic discourse; political discourse; Twitter; information strategies; language means; Great Britain; Prime Minister.*

В эпоху глобализации и интенсивного развития информационно-коммуникационных технологий мир стал восприниматься как целостная система, глобальное информационное сообщество, которое оказывает мощное влияние практически на все сферы жизни государств и, как следствие, мировую политику. Появление социальных сетей является относительно новым явлением эпохи цифровых технологий. Их бурное развитие способствует изменениям в информационном пространстве и определяет трансформацию в политической сфере. Инструменты, которыми пользуется цифровая дипломатия, являются рычагами управления огромными массами людей, манипулирования общественным мнением в политических целях.

Политики, экспертные сообщества, внешнеполитические ведомства всех развитых стран с относительно недавнего времени стали обращать пристальное внимание на использование возможностей потенциала Интернета и его инструментов для удовлетворения внешних и внутренних нужд своей страны, укрепления ее репутации и позиций на международной арене. Информационная среда диктует новые правила игры, усложняет международную систему, расширяя список ее участников, форматы социально-политических событий, зачастую становясь фактором нестабильности и появления дополнительных угроз.

В настоящее время существует несколько терминов, описывающих данное явление: «цифровая дипломатия», «сетевая дипломатия», «дипломатия Web 2.0», «Твиттер-дипломатия», «электронная дипломатия» и прочие. В силу отсутствия общепринятой концептуальной основы под данными терминами подразумеваются разные критерии определения. В данной статье мы пользуемся термином «цифровая дипломатия», под которым понимается широкое использование информационно-коммуникационных технологий, таких как новые медиа, социальные сети, блоги и им подобные медиаплощадки в Интернете в целях содействия государственным органам в осуществлении функций и коммуникаций, связанных с внешней политикой, включая рычаги влияния на зарубежную аудиторию. Сферами влияния цифровой дипломатии можно назвать присутствие в Интернете радио- и телепрограмм, рассылку информации через смартфоны, мониторинг дискуссий в блогах, странички политиков в социальных сетях и т.д. [11, с. 53]. Коммуникативные стратегии цифровой дипломатии представляют несомненный интерес для исследователей политического и дипломатического дискурса в различных областях: философии, политологии, правоведении, международных отношениях, социологии, психолингвистике и лингвистике. Изучению данного направления посвящено немало работ таких исследователей как Д.Н. Баринов [1], Л.Г. Викулова [2], Е.И. Горошко [3], А.В. Жидков [4], С.А. Кулик [8], Н.В. Новиков [10], Э.Г. Меграбова [9], И.В. Сурма [11] и др.

Актуальность статьи обусловлена новыми тенденциями современной лингвистики, изучающей коммуникативные и прагматические аспекты языка, неуклонно растущей ролью цифровых коммуникативных практик в современной политике, а также недостаточной разработанностью коммуникативных стратегий цифровой дипломатии в современном британском политическом и дипломатическом дискурсе.

Научная новизна работы обусловлена тем, что в ней впервые уточняется набор коммуникативных информационных стратегий, которые используют в своих выступлениях известные британские

политики в рамках социальных сетей, выявляются способы создания коммуникативного пространства цифровой дипломатии с помощью применения информационно-коммуникативных технологий для решения коммуникативных задач в политике.

Целью статьи является выявление коммуникативных информационных стратегий цифровой дипломатии, которыми пользуется известный современный британский политик Б. Джонсон в рамках международных социальных сетей.

В современных условиях политики и дипломаты обязаны использовать Интернет в целях получения информации, определения ключевых персон влияния, зарубежного и отечественного общественного мнения, распространения идей в своей стране и за рубежом, наблюдения за выборами, определения влиятельных пользователей Интернета, организации форумов и даже таких серьезных мероприятий, как революция. Влиятельные интернет-платформы Facebook и Twitter предоставляют политикам и дипломатам прямой доступ к гражданам внутри страны и за ее пределами, где они искусно используют сочетание экономических, дипломатических, политических и других мер в целях применения цифровой дипломатии как эффективного инструмента управления массами.

Великобритания считается одним из флагманов западного мира, и в силу этого, политические события, происходящие в стране, отражаются на развитии всей Европы. Британская элита все еще интенсивно использует систему традиционных СМИ, одновременно учитывая предпочтения населения и осуществляя динамику взаимодействия с публикой в социальных сетях. Необходимо отметить, что в 2020 г., по данным портала Influencer Marketing Hub [13], количество пользователей социальных сетей в мире достигло 3,8 млрд., что составляет чуть меньше половины всего населения планеты. В Великобритании самыми востребованными социальными сетями являются: Facebook – 44 млн. пользователей, Twitter – 13,7 млн. подписчиков, YouTube – 39 млн. человек, LinkedIn – 27,5 млн., Instagram – 24,4 млн. и т.д.

Социальные сети, особенно международные, дают возможность создавать профиль отдельного человека, группы или даже полити-

ческой партии и государственной организации, предоставив при этом информацию о себе, распространять контент, взаимодействовать с пользователями, отслеживать ленту новостей, активность других пользователей. Пользователь имеет право прикреплять фотографии, видео, помещать опросы, приводить ссылки.

Объектом исследования был выбран блог Твиттер (Twitter) известного британского политика, действующего премьер-министра Великобритании Б. Джонсона. Как известно, Твиттер – это информационно-коммуникативная сеть, работающая в режиме реального времени, что позволяет пользователям отслеживать новейшие события, в том числе, политические. Политики выбирают данную социальную сеть для общения с публикой благодаря следующим факторам: 1) быстрота создания аккаунта и высокая степень оперативности; 2) общение в синхронном режиме; 3) краткость и точность изложения, при котором максимальный объем в 280 символов придает каждому сообщению высокую степень информативности и значимости; 4) простой способ «достучаться» до каждого пользователя, проведя беседу «с глазу на глаз»; б) возможность проявить себя не только как политического деятеля, но и обычного человека, которому доверили представлять интересы всей нации. Есть еще один фактор: политик с готовностью проявляет свои личностные качества и характеристики: красноречие, чувство юмора, степень образованности, что может позитивно отразиться на его имидже и целях, которые он преследует.

По мнению исследователей, Твиттеру свойственны функции, которые являются незаменимыми для политика высокого ранга в плане завоевания авторитета и поддержания связи с аудиторией: информационная, психологическая, коммуникативная, оценочная, воздействующая и функция самопрезентации. Сообщения в блоге часто носят поликодовый характер, включая фотоснимки и видео, отражающие суть и хронологию происходящего. Разумеется, политические коммуникации в социальных сетях существуют не изолированно, они встроены в «глобальный дискурс», который формируется в медиаполе [1, с. 761].

Главным оружием цифровой дипломатии как коммуникативно-пространства, являются различные коммуникативные стратегии. Мы присоединяемся к мнению ряда исследователей и придерживаемся точки зрения, что коммуникативная стратегия – это комплекс речевых действий, направленных на достижение коммуникативной цели [5, с. 54]. В нашем исследовании мы остановимся на информационных стратегиях цифровой дипломатии на материале микроблога Твиттер Б. Джонсона @BorisJohnson. Материалом исследования послужила личная страничка Б. Джонсона за период с конца марта до середины июля 2020 года.

Оформление блога Бориса Джонсона выглядит вполне традиционно и включает обязательные элементы: 1) фоновое изображение (фото обложки); 2) профиль пользователя, включая его должность, звание; 3) дату открытия блога; 4) ленту записей и страницу отдельной записи блога; 5) количество подписчиков; 6) актуальные призывы и лозунги.

Информационные стратегии, несомненно, являются ключевыми в цифровой дипломатии. Известно, что они реализуются в таких формах, как:

- 1) отбор определенной информации;
- 2) детальное развитие информации;
- 3) замалчивание некоторых фактов (стратегия умолчания) [9, с. 20].

Предполагается, что информирование, особенно сообщения о политических событиях, должно носить объективный характер. Б. Джонсон, как опытный политик, умело отбирает темы для микроблога. Основной целью коммуникативного присутствия политика в социальных сетях является информирование пользователей об основных внешних и внутренних политических событиях, непосредственным участником или инициатором которых является данный политический деятель. Именно поэтому дискурс Б. Джонсона отличает информационная направленность преимущественно на события страны. Например, в нем всегда присутствует информирование о стратегии правительства, пресс-конференциях, рабочих встречах:

1) Jul 1

We're investing an additional £14bn in schools and launching a ten year school building programme, so that every child can receive a fantastic education and opportunities to succeed [12].

2) Jul 17

Today I have announced the next chapter in our coronavirus recovery strategy.

Read my full statement here: <https://gov.uk/government/speeches/pm-statement-on-coronavirus-17-july-2020> [Там же].

Б. Джонсон использует данный жанр виртуального пространства, новый вид коммуникации, предусматривающий общение миллионов коммуникантов одновременно в целях информирования аудитории о политических предпочтениях правительства, используя бинарную оппозицию «свой-чужой» [6; 7]. Под «своими» понимаются страны-союзники, которых Борис Джонсон неустанно поздравляет со всеми знаменательными событиями. Например:

1) Jul 13

Congratulations to @AndrzejDuda on your re-election as President of Poland. The UK and Poland have a long, shared history and friendship in Europe, NATO and elsewhere. I look forward to that continuing as we face the challenges and opportunities ahead [Там же].

2) Jun 26

Congratulations to Ireland Flag of Ireland on forming a new Government and to @MichealMartinTD on becoming Taoiseach. Ireland is our closest neighbour, good friend and ally on issues such as climate change, the global fight against Covid-19 and our shared values on human rights and democracy [Там же].

3) Jun 17

I'm proud to call the United Kingdom a friend of New Zealand, and am thrilled that we now have the opportunity to strengthen our alliance by negotiating a new free trade agreement [Там же].

Иногда поздравление даже представлено на языке той страны, к которой оно обращено, как в случае с Э. Макроном, президентом Франции. Известно, что Б. Джонсон принимал у себя французско-

го президента, чтобы почтить память бойцов французского сопротивления. 80 лет назад Шарль де Голль выступил по французской службе Би-би-си со знаменитой речью, в которой призвал сограждан оказать сопротивление нацистской Германии.

1) *Jun 18*

Today I hosted @EmmanuelMacron at @10DowningStree for the 80th anniversary of General Charles de Gaulle's Appeal of 18 June. We will never forget the sacrifices that were made for our freedom.

Our countries will forever be neighbours and friends, united by our shared values [Там же].

2) *Jun 18*

Aujourd'hui, j'ai accueilli @EmmanuelMacron à @10DowningStreet pour le 80e anniversaire de l'appel du général Charles de Gaulle du 18 juin. Nous n'oublierons jamais les sacrifices faits pour notre liberté.

Nos pays seront à jamais voisins et amis, unis par nos valeurs communes [Там же].

Таким образом, Б. Джонсон использует свой блог в качестве шагов на пути к более тесному взаимодействию и сближению со своими союзниками из стран Европы и всего мира.

К «чужим» чаще всего относятся некоторые страны (чаще всего Россия), террористы и лица, нарушающие общественный порядок:

Jun 21

I'm appalled and sickened that people should lose their lives in this way. Our thoughts are with the families and friends of the victims.

Thank you to Thames Valley Police for their bravery in tackling the suspect [Там же].

Организация информационного потока в Твиттере оказывает ключевое воздействие на аудиторию. В силу этого исключительно важно предоставлять детальное развитие информации. Для реализации данной стратегии в своем микроблоге премьер-министр Великобритании Б. Джонсон решил последовать примеру американского президента Д. Трампа и ежедневно проводить пресс-конференции, которые будут транслироваться по телевидению. Это можно считать крутым переворотом во взаимоотношениях прави-

тельства с британской прессой и страной в целом. Новация авторства Джонсона рассчитана на большую открытость. Цель новой инициативы Джонсона – сделать для британцев максимально прозрачной работу своего правительства. Например:

Jul 11

It was fantastic to be back answering your questions at #PeoplesPMQs yesterday [Там же].

Другой пример детального развития информации – освещение на страничке Твиттера Б. Джонсона всей истории развития пандемии и ежедневных мер, которые принимает Великобритания по борьбе распространением коронавируса. Например:

Jul 17

Today I announced the next chapter in our coronavirus recovery strategy.

Read my full statement here: <https://www.gov.uk/government/speeches/pm-statement-on-coronavirus-17-july-2020> [Там же].

Сам премьер-министр является пострадавшим от пандемии, лично перенеся заболевание. Он регулярно благодарит медков за их преданность своему делу и нации:

Jul 14

Yesterday I spoke to the incredible staff at the London Ambulance Service, who work so hard to save lives.

Thank you to all the ambulance staff across the UK, for all of your hard work and support throughout this pandemic [Там же].

Отличительной чертой информационного дискурса Твиттера Б. Джонсона является личностная оценка политика, выраженная эмоциональными языковыми средствами, как правило, в форме экспрессивных прилагательных, наречий и глагольных форм: *incredible staff; hard work and support; a fantastic education; I'm proud and thrilled; I'm appalled and sickened* и др.

Важно отметить, что в цифровой дипломатии использование приемов манипуляции наблюдается гораздо реже, чем в традиционных СМИ. Это связано с тем, что дискурс цифровой дипломатии в большей степени, чем дискурс СМИ характеризуется намерением

скрыть манипулирование под информированием, что можно объяснить желанием политиков и дипломатов остаться в рамках своего профессионального дискурса, предполагающего отсутствие категоричности суждений. Это значит, что манипулирование мнением адресата имеет завуалированный характер, не только с помощью экспрессивного языка, но и посредством предоставления неполной информации и умалчивания неугодных фактов.

Британский премьер-министр освещает в своем блоге все важные даты, связанные с историей страны и Европы. Например:

1) *May 29*

On International Day of UN Peacekeepers, I want to pay my tribute to the Blue Helmets and many others who do so much to bring peace in areas of the world torn apart by conflict [Там же].

2) *Jul 10*

80 years ago today our brave airmen took to the skies to defend this country. It was these few, as Churchill said, who turned the tide of the war and defended these islands from fascism and tyranny.

Today we remember their bravery and sacrifice. #BattleOfBritain [Там же].

3) *May 7*

Tonight I lit a candle by the grave of the Unknown Warrior in Westminster Abbey in remembrance of those who gave their lives for the cause of freedom in the Second World War, which ended in Europe 75 years ago tomorrow [Там же].

Однако политик умалчивает, какую роль в победе над фашизмом сыграли другие страны, без участия которых не было бы победы во Второй мировой войне. В данном факте усматривается применение стратегии умалчивания, которая является неотъемлемой составляющей информационных стратегий.

Итак, цифровая дипломатия использует определенные коммуникативные стратеги, среди которых ключевыми можно считать информационные. Они реализуются преимущественно посредством отбора определенной информации; детального развития информации и замалчивания некоторых фактов (стратегия умалчивания).

Хотя информирование предполагает беспристрастное освещение определенных политических событий, использование социальных сетей допускает употребление специальных лексических средств, введенных в структуру текста с целью скрытой манипуляции. Дискурс политика в социальных сетях приближается к устной форме общения и нередко отличается использованием особых приемов речевой выразительности – эмоциональной лексики. Степень выраженности авторского начала в политическом Твиттере довольно высока, что позволяет выявить индивидуальные характеристики политика и способствовать росту его влияния на адресата.

Список литературы

1. Баринов Д.Н. Политический дискурс в социальных медиа: специфика производства и факторы эффективности // Политика и Общество. 2016. № 6 (138). С. 755–764.
2. Викулова Л.Г., Макарова И.В., Новиков Н.В. Институциональный дискурс цифровой дипломатии: новые коммуникативные практики // Вестник ВолГУ. Серия 2: Языкознание. 2016. №3. С. 54–65. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/institutsionalnyy-diskurs-tsifrovoy-diplomatii-novye-kommunikativnye-praktiki> (дата обращения: 21.07.2020).
3. Горошко Е.И., Полякова Т.Л. Политический твиттинг как новый жанр интернет-коммуникации // Вопросы психолингвистики. 2014. №19. С.92-103. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskiy-tvitting-kak-novyy-zhanr-internet-kommunikatsii> (дата обращения: 21.07.2020).
4. Жидков А.В. Социальные сети как фактор изменений в политической сфере общественной жизни (на примере Великобритании) // Общество: политика, экономика, право. 2018. №3. С. 35-38. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnye-seti-kak-faktor-izmeneniy-v-politicheskoy-sfere-obschestvennoy-zhizni-na-primere-velikobritanii> (дата обращения: 21.07.2020).
5. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М.: URSS; ЛКИ, 2008. 288 с.

6. Кауфова И.Б., Кауфова Л.А. Образ врага в британском политическом дискурсе // Язык и культура в эпоху интеграции научного знания и профессионализации образования: Материалы II международной научно-практической конференции. Пятигорск: ПГУ, 2018. С. 54–61.
7. Кауфова И.Б., Кауфова Л.А. Оппозиция «свой-чужой» в британском политическом дискурсе // Университетские чтения-2019. Материалы научно-методических чтений ПГУ. Часть II. Пятигорск: ПГУ, 2019. С. 51–57.
8. Кулик С.А. Электронная дипломатия. Начало. Аналитический доклад. URL: <http://www.ifap.ru/library/book532.pdf>
9. Меграбова Э.Г. Образ России в дискурсе журнала Newsweek / Языковая репрезентация образа России в публицистическом дискурсе стран Запада и Востока: колл. монография / отв. ред. Э.Г. Меграбова. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2009. С. 7–46.
10. Новиков Н.В. Коммуникативные стратегии цифровой дипломатии: автореф. дис. ... канд. фил. Наук. М., 2017. 25 с.
11. Сурма И.В. Цифровая дипломатия в дискурсе глобальной политики // Вестник МГИМО. 2014. №6 (39). С. 53-60. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovaya-diplomatiya-v-diskurse-globalnoy-politiki> (дата обращения: 21.07.2020).
12. Boris Johnson #StayAlert@BorisJohnson. URL: <https://twitter.com/BorisJohnson> (дата обращения: 21.07.2020)
13. Social Media Trends for 2020 and Beyond. URL: <https://influencemarketinghub.com/social-media-trends/> (дата обращения: 21.07.2020).

References

1. Barinov D.N. Politicheskij diskurs v social'nyh media: specifika proizvodstva i faktory effektivnosti [Political discourse in social media: production specifics and efficiency factors]. *Politika i Obshchestvo*. 2016. No 6 (138), pp. 755–764.
2. Vikulova L.G., Makarova I.V., Novikov N.V. Institucional'nyj diskurs cifrovoj diplomatii: novye kommunikativnye praktiki [Institutional discourse of digital diplomacy: new communication practices]. *Vestnik*

- VolGU. Seriya 2: Yazykoznanie*. 2016. No 3, pp. 54–65. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/institutsionalnyy-diskurs-tsifrovoy-diplomatii-novye-kommunikativnye-praktiki>.
3. Goroshko E.I., Polyakova T.L. Politicheskij tvitting kak novyj zhanr internet-kommunikacii [Political twitting as a new genre of online communication]. *Voprosy psiholingvistiki*. 2014. No 19, pp. 92–103. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskij-tvitting-kak-novyy-zhanr-internet-kommunikatsii>.
 4. Zhidkov A.V. Social'nye seti kak faktor izmenenij v politicheskoy sfere obshchestvennoj zhizni (na primere Velikobritanii) [Social networks as a factor of changes in the political sphere of public life (on the example of Great Britain)]. *Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo*. 2018. No 3, pp. 35–38. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnye-seti-kak-faktor-izmenenij-v-politicheskoy-sfere-obshchestvennoy-zhizni-na-primere-velikobritanii>
 5. Issers O.S. *Kommunikativnye strategii i taktiki russkoj rechi* [Communicative strategies and tactics of Russian speech]. Moscow: URSS; LKI, 2008. 288 p.
 6. Kaufova I.B., Kaufova L.A. Obraz vraga v britanskom politicheskom diskurse [The image of the enemy in British political discourse]. *Yazyk i kul'tura v epohu integracii nauchnogo znaniya i professionalizacii obrazovaniya: Materialy II mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii* [Language and culture in the era of the integration of scientific knowledge and professionalization of education: Materials of the II International Scientific and Practical Conference]. Pyatigorsk: PGU, 2018, pp. 54–61.
 7. Kaufova I.B., Kaufova L.A. Oppoziciya «svoj-chuzhoj» v britanskom politicheskom diskurse [Friend or foe opposition in British political discourse]. *Universitetskie chteniya-2019. Materialy nauchno-metodicheskij chtenij PGU* [University Readings-2019. Materials of scientific and methodological readings of PSU]. Part II. Pyatigorsk: PGU, 2019, pp. 51–57.
 8. Kulik S.A. *Elektronnaya diplomatiya. Nachalo. Analiticheskij doklad* [Electronic diplomacy. Start. Analytical report]. URL: <http://www.ifap.ru/library/book532.pdf>

9. Megrabova E.G. *Obraz Rossii v diskurse zhurnala Newsweek* [The image of Russia in the Newsweek magazine discourse]. *Yazykovaya reprezentaciya obraza Rossii v publicisticheskom diskurse stran Zapada i Vostoka: koll. monografiya* [Linguistic Representation of the Image of Russia in the Publicistic Discourse of the West and East: Coll. monograph]. Vladivostok: Izd-vo Dal'nevost. un-ta, 2009, pp. 7–46.
10. Novikov N.V. *Kommunikativnye strategii cifrovoj diplomatii* [Communication strategies of digital diplomacy]: avtoref. dis. ... kand. fil. Nauk. Moscow, 2017. 25 p.
11. Surma I.V. *Cifrovaya diplomatiya v diskurse global'noj politiki* [Digital diplomacy in the global politics discourse]. *Vestnik MGIMO*. 2014. №6 (39), pp. 53–60. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovaya-diplomatiya-v-diskurse-globalnoy-politiki>
12. Boris Johnson #StayAlert@BorisJohnson. URL: <https://twitter.com/BorisJohnson>
13. Social Media Trends for 2020 and Beyond. URL: <https://influencermarketinghub.com/social-media-trends/>

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Кауфова Инесса Беталовна, доцент кафедры теоретической лингвистики и практики межкультурного общения, кандидат филологических наук

Пятигорский государственный университет

Проспект Калинина, 9, г. Пятигорск, 357500, Российская Федерация

ikaufova@yandex.ru

Кауфова Лола Аслановна, доцент кафедры экспериментальной лингвистики и межкультурной компетенции, кандидат филологических наук

Пятигорский государственный университет

Проспект Калинина, 9, г. Пятигорск, 357500, Российская Федерация

lkaufova@yandex.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Kaufova Inessa Betalovna, Associate Professor, Chair of Theoretic Linguistics and Intercultural Communication Practice, Ph.D. in Philology

Pyatigorsk State University

9, Prospekt Kalinina, Pyatigorsk, 357500, Russian Federation

ikaufova@yandex.ru

SPIN-code: 4124-4408

ORCID: 0000-0001-7079-5185

Kaufova Lola Aslanovna, Associate Professor, Chair of Experimental Linguistics and Intercultural Competence, Ph.D. in Philology

Pyatigorsk State University

9, Prospekt Kalinina, Pyatigorsk, 357500, Russian Federation

lkaufova@yandex.ru

SPIN-code: 9901-7238

ORCID: 0000-0002-0967-6408

ResearcherID: N-6914-2018

DOI: 10.12731/2077-1770-2020-5-193-217

УДК 811.11-112

ОБРАЗ ТУМАНА В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ

Кисткина Ю.М., Шестеркина Н.В.

Цель. В статье в качестве объекта исследования выступает лексема fog (туман) с позиций ее символических функций в художественном тексте, что является новым и актуальным в лингвистике. Материал анализа – англоязычные романы Дж. Голсуорси «The Man of Property» и роман-фэнтези Дж. Роулинг «Harry Potter and the Prisoner of Azkaban», где часто встречается лексема fog (туман) как номинация первобытного хаоса, предшествующего возникновению мироздания.

Методы. Основной метод, использованный в данной работе, – компонентный анализ. Исследование символических и мифологических значений лексемы туман в романах разных стилей и эпох до настоящего времени не осуществлялось, поэтому также предпринято сравнение соответствующих древних выражений с переносными значениями лексемы fog (туман).

Результаты. Исследование с помощью компонентного анализа показывает, какие символические значения лексемы fog (туман) авторы анализируют в художественных произведениях, какими коннотациями обладает лексема fog (туман) и какие средства выразительности были использованы. В обоих романах выделено по 13 групп мотивов лексемы fog (туман). В результате был сделан вывод, что основным значением лексемы остается очевидное и простое символическое значение ‘тайна’ с отрицательной коннотацией. В обоих романах значения лексемы fog (туман) неоднозначны, в их значениях присутствуют и сохранившиеся древние значения, такие как ‘смерть’ и ‘инициация’.

Область применения. Предлагаем использовать подобный подход к изучению мифологических проявлений в современных романах.

Ключевые слова: мифология, художественная литература; англоязычные романы; лексема fog (туман); символизм; коннотация.

THE IMAGE OF FOG IN THE ENGLISH BELLES-LETTRES TEXTS

Kistkina Y.M., Shesterkina N.V.

Purpose. The article is devoted to the symbolic functions of the lexeme «fog» in belles-letters. This topic is rather topical in linguistics. The study is based on the novels *The Man of Property* by J. Galsworthy and *Harry Potter and the Prisoner of Azkaban* by J. Rowling, as «fog» is used there in the meaning of primigenial chaos.

Methodology. The basis of the research is the componential analysis of the lexeme «fog» in novels of different genres. There is also given a comparison between «fog» as atmospheric phenomenon and the figurative meaning of this mythologem.

Results. The component analysis shows the symbolic meaning, the connotation of semantic and literal devices of the lexeme «fog» in the texts given. There have been found 13 different motives to use this lexeme in both novels. The most obvious symbolic meaning of the fog is 'mystery', and the major connotation is a negative one, based on the natural qualities of the substance, i.e. cold. But the lexeme still has its ancient and complicated meanings, i.e. 'death' and 'initiation'.

Practical implications. We recommend the method given to study mythological archetypes in modern literature.

Keywords: mythology; belles-lettres; English novels; lexeme «fog»; symbolism; connotations.

Введение

Актуальность исследования обусловлена обращением к художественной литературе. Анализ символических, мифологических и других мотивов значений лексемы fog (туман) в вышеуказанных романах разных стилей и эпох до настоящего времени не осуществ-

влялся. Принцип междисциплинарности – еще один фактор актуальности нашего исследования и его *научной новизны*. *Объектом* анализа является лексема *fog (туман)*. *Предмет* анализа – особенности значений словосочетаний и предложений в плане их функционирования и мифопоэтики.

Целью статьи является анализ лексем *fog (туман)*, ее репрезентации и значений в художественной литературе. Для достижения цели необходимо решить несколько задач: 1) описать специфику значения лексем *fog (туман)*; 2) классифицировать значения лексем *fog (туман)* и проанализировать ее функции как физического и метафорического явления; 3) описать и сравнить значения лексем *fog (туман)* (далее – *туман*) с архетипическими, мифологическими, мистическими и другими значениями древних выражений.

Материалы и методы

Рассмотрим значение лексем *туман* на материале художественных англоязычных романов Дж. Голсуорси «The Man of Property» и Дж. Роулинг «Harry Potter and the Prisoner of Azkaban». Согласно современному словарному определению, *туман* – это: 1. Скопление мелких водяных капелек или ледяных кристаллов в приземных слоях воздуха, делающее его непрозрачным. 2. Непрозрачная пелена, облако из взвешенных в воздухе мелких твердых частиц (пыли, дыма, копоти и т. п.). 3. То, что мешает ясно видеть, застилает глаза. 4. То, что мешает ясно понимать окружающее, события, факты, затемняет сознание. 5. О неясности, неопределенности, непонятности. 6. Неясность взгляда, взора, тоска, грусть (в лице, глазах) [3].

Как видно из данного определения, *туман* – это природное явление, следовательно, человечество столкнулось с ним на заре своего существования, что объясняет большое количество косвенных, метафорических значений. В областях, где *туман* является распространенным природным явлением, он стал важной частью национальной картины мира и важным культурным концептом. С этой точки зрения, рассмотрение значений и функционирования лексем *туман* на материале произведений английских авторов кажется

нам продуктивным и интересным. Согласно «Словарю символов и знаков» [9], *туман* также является значимым символом, поскольку мистические религии используют его символизм во время инициации, когда человек проходит через тьму и смятение из тумана к ясности и просветлению.

Результаты и обсуждение

Обратимся к устойчивым выражениям и словосочетаниям, связанным с *туманом* в древних представлениях некоторых европейских и неевропейских народов. Образы атмосферных явлений, представленные в традиционных выражениях, часто своеобразно продолжают и развиваются в авторской и художественной литературе. Образы *тумана* встречаются и в поэзии, а также в описаниях природы. В эпитетах слов со значением *туман* часто скрываются *метафорические* значения.

Связь *тумана* с *мифологическими* персонажами – универсалия, она отмечена у многих народов. *Туман* может быть признаком места этих персонажей, например, английский эльф сидит в *тумане* с фонарем на крыше, он смеется над страхом людей; *туман* в шотландских сказках, белый, как яблоневый цвет, покрывает страну фей; в густом *тумане* скрыт зеленый Остров юности – кельтский рай. У южных славян *туман* – место, где пребывают ведьмы, где они пляшут, справляют свадьбу и изготавливают град [20, с. 191].

Мифологические или *зооморфные* персонажи – «устроители погоды» – известны и в русской культуре. «Виновники» *тумана* здесь – черти, напр.: *черти баню топят* (*туман* поднимается) [2, с. 490], *черти кашу варят* (над землей после дождя поднимается пар) [Там же, 488]. В славянских культурах могут быть как женские, так и мужские мифологические персонажи. По свидетельству А.Н. Афанасьева, чехи говорят об осенних *туманах*, поднимающихся вверх: *бабы встали* [1, с. 342]. У некоторых славянских народов *туман* и *облака* считаются явлением одной природы (ср. *megla* ‘туман’ и *meglica* ‘облачко’). Связь *тумана* с женским мифологическим существом закономерна.

Как показало исследование В. Масюлените, в немецком языке есть похожие структуры и значения. В этой культуре женский мифологический персонаж, госпожа Холле, поднимает *туман*. О горе, погруженной в *туман*, говорят: *Frau Holle macht Feuer darin* ‘там г-жа Холле разводит огонь’ [18, с. 70]. И в литовском, и в русском языке звери готовят пищу и напитки, что является причиной появления *тумана*: *die Hasen brauen* ‘зайцы варят пиво’ (над полем потянулся *туман*) [Там же, с. 74]; *die Fьchse* (лисы) *brauen*. У немцев даже есть выражение *die Hasen rauchen* (зайцы курят) – *туман* поднимается.

На Кавказе *туман* – это атмосферное явление, связанное со сражающимися сказочными героями, их конями или какими-то мифическими чудовищами. Из их пота возникают болота, а из пара – *туман*, из пота коней – озёра, из ноздрей клубится *туман* – пар, появляющийся при дыхании змея. Так из атмосферных явлений проявляется создание рельефа земли [16, с. 255]. У македонцев темный *туман* – атрибут чудовища *ламии* [8, с. 236], у словенцев злой дух – огромный змей из *тумана* или *облака* [20, с. 143]. Вилы (ведьмы) носят одежду из *тумана* или сами созданы из него [19, с. 191].

В литовской традиционной культуре *туман*, в первую очередь, ассоциируется с миром умерших, с ним связано появление блуждающих огней – посланников потустороннего мира. Об осени говорят как о времени активизации царства мертвых. В литовской традиции *туман* символизирует смерть, траур. С.М. Толстая отмечает связь *тумана* с миром мертвых, приводя в доказательство множество славянских выражений, где говорится, что душа после смерти выходит из человека в виде воздушного столба, *тумана*, пара, дыма [10, с. 403–404]. Поэтому можно предположить, что *туман* в художественной литературе может иметь *танатологические* мотивы (см.: [4]).

В славянском мире распространено верование, что «душа – это невидимый или едва видимый, прозрачный воздух, пар <...>, *туман*, дым, дуновение ветра» и т.д. В религиозных традициях *туман* считают субстанцией души. Такое представление повсеместно от-

мечено во всем мире. В народных русских загадках *туман* – это *Сивые кабаны (все поле залегли)*; *Бела вата (плывет куда-то)*; *Что подымается к небу без крыльев и без лестницы?* [7, с. 55].

В немецкой лингвокультуре *туман* – типично осеннее явление: он заполняет долины и всю землю, поэтому в немецких загадках из-за *тумана* нет ни солнца, ни урожая: *Ein Tal voll und ein Land voll, und am Ende ist es keine Hand voll (Nebel)* (цит. по: [14, с. 225-226.]). *Туман* плывет над землей, «глотает» лес и воду; не боится людей, спорит с самим Солнцем: *Wer ist der Dunste, der über den Boden fährt, / Wasser und Wald verschlingt? Stürme scheut er, Männer niemals, mit der Sonne rechnet er (Nebel)*. Здесь *туман* антропоморфен. Данная немецкая загадка заимствована из древнеисландской «Саги о Хервер и Хейдрек», но в ней речь идет не о *тумане*, а о «великой тьме» (др.-исл. *inn mikli*), близкой к *туману*, из-за которой не видно солнца. Загадка посвящена противопоставлению светлого и темного начала [14, с. 59]. С немецкого языка *Nebel* переводится как «туман, мгла». Понятие жидкости в древности связывали с понятием темноты, которая считалась источником божественного рождения [5, с. 350].

Символические качества *тумана* основаны на его природных свойствах. *Туман* затрудняет видимость, создавая несмотря на свой белый цвет, эффект тьмы, ночи, смерти. Этому способствует его низкая температура и та потенциальная опасность, которую он представляет. Страх неизвестности, неопределённости является одним из базовых человеческих страхов, и *туман* в полной мере способствует его развитию. Это – демонический персонаж [15].

Рассмотрев эти особенности *тумана*, можно прийти к выводу, что с точки зрения символизма, *туман* – мистическое явление, он представляет собой некое *пространство*, *физическое* либо *метафорическое*. Близость *тумана* к загробному миру делает его в большой степени лексемой с отрицательной коннотацией. Но часто в мифологии бывает, что жизнь и смерть неразрывно связаны, и смерть трактуется как перерождение (в новом мире или в новом качестве).

Наиболее древнее и значимое *символическое* значение *тумана* – это хаос, предшествующий порядку мироздания. *Туман* – это неоформившееся, скрытое от глаз пространство, явно противопоставленное ясности и порядку. *Туман* – одна из субстанций, использованных в качестве материала для сотворения мира, наряду с огнем и водой [13, с. 17]. Исходя из этого, *туману* близки символические функции яйца, которое, так же как и *туман*, предшествует сотворению мира [Там же, с. 15]. В этом случае *туман* тесно связан с *инициацией*, состоянием перехода. В это время человек может погибнуть, но инициация направлена на то, чтобы сделать человека сильнее, перевести его в новое качество. Когда жизнь и смерть явно противопоставляются друг другу, а не выступают как неделимое целое, *туман* ассоциируется со *смертью*, *загробным миром* либо *пространством*, предшествующим ему. В этом значении он часто выступает в анализируемых нами романах.

В настоящее время наиболее распространенным символическим обликом *тумана* являются «неясность и неизвестность». Раскрытие многоплановой и неоднозначной природы *тумана* позволяет полнее рассмотреть данную лексему и объясняет противоречия, возникающие при ее исследовании. Для анализа слова *fog* (*туман*) были рассмотрены лексемы с корнями *fog*, *mist*, *vapour* и *haze*: *Fog* 1 [countable, uncountable] cloudy air near the ground which is difficult to see through SYN *mist* thick/dense/freezing *fog*. EX.: We got lost in the thick fog. It will be a cold night, and there may be fog patches. A blanket of fog covered the fields. The fog lifted (=disappeared) in the afternoon. 2 [singular] informal a state in which you feel confused and cannot think clearly. EX.: My mind was in a fog. *fog* of the fog of tiredness [17].

Mist 1 [countable, uncountable] a light cloud low over the ground that makes it difficult for you to see very far → fog EX.: The hills were shrouded in mist (=covered in mist, so that you could not see them). The mist came down off the mountains. The mists rolled in off the sea (=came on to the land from the sea). We could just see the outline of the house through the mist. He vanished into the mist [17].

Vapour [countable, uncountable] a mass of very small drops of a liquid which float in the air, for example because the liquid has been heated → evaporation EX.: Or will more water vapour feed the warming process? [17].

Haze [singular, uncountable] 1 smoke, dust, or mist in the air which is difficult to see through EX.: a haze of cigarette smoke; The sun was surrounded by a golden haze. 2 the feeling of being very confused and unable to think clearly EX.: a drunken haze [17].

Из данных определений ясно, что все эти лексемы являются синонимами и могут быть использованы для обозначения вышеупомянутого природного явления. Для всех их характерна водная природа и свойства *тумана*. *Vapour*, в свою очередь, ближе всего к водной природе *тумана* и более всех прочих описывает его физические, а не метафорические свойства. *Haze* и *mist* менее акцентируются на водной природе *тумана* и могут означать *дымку* или *мглу* иного происхождения (пыльную, дымную). Однако между номинациями существуют и определенные различия: зафиксированное косвенное значение «чувство недоумения и смущения» присутствует только у лексем *fog* и *mist*.

Продолжая изучение выражений, связанных с *туманом*, обратимся к современным художественным произведениям, ограничив исследование двумя вышеупомянутыми англоязычными романами. Оба романа можно читать, как самостоятельные произведения, однако каждый из них является частью серии книг. В обоих романах много внимания уделено *туману*, как природному явлению, характерному для Великобритании; также в обоих произведениях туман выполняет символическую функцию. Мы намеренно выбрали романы, относящиеся к разным жанрам, поскольку это позволяет сравнить возможности авторов, использующих *туман* в реализме и в фэнтези. Кроме того, если в первом романе «в тумане» разворачиваются отношения между участниками любовного треугольника, то во втором туман играет значительную роль в процессе взросления и инициации главного героя. Таким образом, мы имеем возможность рассмотреть больше различных функций *тумана* в текстах. Образ

тумана связан с состоянием перехода (в пространстве и времени) с промежуточной стадией между этими двумя формами. Недостаток света и переизбыток влаги уподобляет *туман* предначальному состоянию мира, хаосу. С последним его также сближает зыбкость форм и очертаний, затрудненность ориентации [9, с. 206].

Первое анализируемое нами произведение – роман «The Man of Property» («Собственник») Дж. Голсуорси, часть «Саги о Форсайтах», рассказывающий историю большой и состоятельной британской семьи, которая разворачивается на фоне неизбежной смены эпох и исчезновения викторианской Англии со всеми ее характерными социальными особенностями. Большое внимание в романе автор уделил актуальной в то время теме эмансипации женщин. Одна из основных сюжетных линий романа – адюльтер, вызванный заключенным не по любви браком. Ирен Форсайт, жена Сомса Форсайта, несчастна в браке и изменяет мужу с архитектором Боссини, проектирующим дом для их семьи. Впоследствии Ирен покидает дом мужа, но Сомс пытается найти и вернуть ее, а Боссини погибает, попав под проезжающий экипаж. Явление *тумана* появляется в кульминации данной линии, возникновение которого в Лондоне совпадает с началом подозрений Сомса в измене жены; *в туман* убегает навстречу любовнику его жена Ирен, и там же, *в тумане*, *погибает* и сам ее любовник, Боссини. *Туман* в романе является целостным образом, имеющим как *физическое* воплощение – типичная погода в Лондоне, так и *символическое* – критическая ситуация, в которой оказались герои. Показательно, что первый раз лексема *fog* в метафорическом значении появляется, когда отец Сомса начинает подозревать возможный скандал, таким образом, тесно связывая дальнейшие события с данным явлением: <...> *he felt as in a fog, which filled his mouth full of a bad, thick flavour; and made it difficult to draw breath* [22]. Для этого автор использовал сравнение (*as in a fog*), но несколько нестандартное, т.к. *туман* не скрывает информацию, но затрудняет дыхание (*made it difficult to draw breath*). Отрицательную коннотацию создают эпитеты *bad, thick flavor*. Далее автор продолжает сравнивать состояние персонажа с *погодными*

явлениями: *In the midst of that fog of uneasiness in which his mind was enveloped the notion that he could go and look at the house afforded him inexplicable satisfaction*. Образ тумана остается отрицательным (*fog of uneasiness*), с ним герой должен бороться. Но туман, возникший, а потом рассеявшийся, не только убивает, но и созидает, открывая новую страницу истории семьи Форсайт и Британской империи, где происходят значительные социальные изменения.

Далее рассмотрим, какие именно художественные средства использует автор, чтобы вербально сформировать образ тумана. Номинации с корнем *fog* встречаются в тексте 29 раз, с корнем *mist* значительно реже – четыре раза, также дважды встречаются номинации *vapour* и *haze*. Они используются в различных художественных приемах: сравнении (*felt as in a fog*), метафоре (*co-coons of fog*) с различными определениями (*shadowy mist*), эпитете (*foggy days*), олицетворении (*the haze darkened slowly*), грамматическом параллелизме (*his mouth getting wider and wider, and the fog going down and down*).

Проанализировав случаи употребления автором этих лексем, определим, с какой целью автор использовал в своём романе эпитеты, символы и мотивы:

1. **Туман как субстанция.** К данной группе значений относится лексема *туман*, выступающая в наиболее естественной для нее функции. Этому способствуют эпитеты, причастия, употребление страдательного залога и слова *туман* в функции дополнения. Отметим, что субстанция *туман* вовсе не обязательно представляет собой явление физического мира: *that fog of uneasiness in which his mind was enveloped; figures, wrapped each in his own little shroud of fog; through the still, thick blur; lamp-light that seemed to drown in vapour; figures shrouded in cocoons of fog; only a vague, shadowy mist*.

2. **Эпитеты тумана с нейтральной коннотацией.** Следует отметить, что даже эпитеты, не обладающие отрицательной коннотацией, сами по себе могут трактоваться в контексте романа как негативные: *still, thick blur* (метафора тумана); *a vague, shadowy mist of facts; the slow-gathering mist*. Отмечаем, что положительные коннотации у лексемы *туман* встречаются редко.

3. Туман как пространство. Лексема *туман* может выступать как некое *пространство*, в которое входят и из которого выходят, в котором находятся, теряются, исчезают люди и объекты: (*go in/ into the fog* (6 раз); *lover in the fog*; *waiting lover's heart, out there in the fog and the cold*; *into this terrible fog!*; *strange sortie in-to the fog*; *in that infernal fog*; *into the reek and blackness of this London fog*; *get out of these fogs* (единственный пример, в котором указано направление из тумана, а не в него); *he stuck to the trail through vapour*; *stood with gaunt branches in the slow-gathering mist*.

Как видно, восприятию лексемы *туман* как *пространство* чаще способствуют предлоги места и направления, использование слова *туман* в функции обстоятельства места с соответствующими глаголами. В следующем примере лексема *туман* показана одновременно как *пространство* и *субстанция*, совершающая действие: *He stuck to the trail through vapour that blotted out everything but the shadow of the hunted man and the dim moon of the nearest lamp*.

Лексема *туман* как *пространство* интересна для анализа, поскольку если рассматривать ее таким образом, многие из обозначенных ниже свойств анализируются как характеристики пространства, на основе чего можно сделать выводы касательно его природы и метафизического местоположения.

4. Туман как физическое явление. Природное явление, на фоне которого происходят драматические события, безусловно, имеет символическое значение, однако мы считаем нужным выделить его в отдельную группу значений, тем самым отделив его от *тумана в мыслях*. Например, описание ноябрьского осеннего тумана: *The fog of late November wrapping the town as in some monstrous blanket till the trees of the Square even were barely visible from the dining-room window*; *In the slow-gathering mist of the autumn afternoon*.

Также *физическим туманом* можно считать сочетание *London fog*. С одной стороны, *London* применительно к туману привносит реалистичность мистическому пространству (см. ниже), а с другой, связывает природное явление с городом, позволяя рассматривать *туман* как широко распространённое в Англии погодное явление.

Более *физическим*, не *метафорическим* явлением считаем туман, связанный с пространственно-временными рамками реальности.

5. **Туман как метафора.** Как было сказано выше, автор знакомит читателя с *туманом-метафорой* раньше, чем с *туманом как погодным явлением*, когда использует номинацию *туман* для создания аллюзии на дальнейшие события. Это *fog of uneasiness <...> in the mind*, от которого страдал Джемс Форсайт, когда заподозрил неладное. Также это встречается в словосочетаниях *the origin of a misgiving obscured by the mist of family gossip* и *beyond this only a vague, shadowy mist of facts and persons of no real significance*. Лексема *mist* употребляется как метафора, иносказание. Наречие с корнем *mist* присутствует в предложении *saw him dimly, for his eyes were misty*. В дальнейшем *физический* и *метафорический* туманы столь тесно переплетаются, что отличить один от другого становится затруднительно, например: *waiting lover's heart, out there in the fog and the cold; a sickening fear, the dark fear which lives in the wings of the fog*.

Описание и характеристики *рокового тумана – физического тумана*, в котором происходят кульминация и развязка сюжета – передает душевное состояние героев.

6. **Туман как существо, обладающее волей.** В этой группе мы сталкиваемся с широким применением автором персонификации, где описываются действия, совершаемые *туманом* (действительный залог), как *физическим*, так и *метафорическим* явлением: *a fog ... filled his mouth full ... and made it difficult to draw breath; the fog of late November wrapping the town; a spell of fog; haze hovered; fog going down and down; fear which lives in the wings of the fog* (в этом случае персонификация выражена через метафору, наделением неживого частями тела живого); *the haze darkened slowly*.

7. **Туман как тьма.** Несмотря на характерный белый цвет, *туман* по сути своей – темнота, т.к. он препятствует возможности ощущать и видеть свет. Рассмотрим приемы, которые использует автор, чтобы доказать, что *туман* – это *тьма*. *The mind must turn for light on the events of that fog-engulfed afternoon* – здесь лексема *fog*

используется как часть эпитета. Метафора, содержащая значение «свет» [12], противопоставляется *туману*, что позволяет трактовать лексему *туман* со значением *тьма*. Это первая непрямая связка *тумана* и *тьмы* в тексте. Далее представлен более сложный пример аналогичного противопоставления: *George could have stood it well enough in the light of the gas lamps, in the light of that everyday world of which he was so hardy a connoisseur; but in this fog, where all was gloomy and unreal*. В следующем примере – *The blackness of this London fog* – *туман* окончательно связывается с *тьмой*. И далее: *The murky blackness of the fog; the haze darkened slowly*. В другом примере *туман* вновь противопоставляется *свету*: *He stuck to the trail through vapour that blotted out everything but <...> the dim moon of the nearest lamp*.

8. **Туман как холод.** Холод – одно из условий возникновения *тумана*, и неудивительно, что сема ‘холод’ встречается в значениях лексемы *туман*: *to long trysts, to anxiety, and fog, and cold* и *out there in the fog and the cold* (*холод* указан в одном ряду с *туманом*, что заставляет читателя связать эти явления).

9. **Туман как зло.** Лексемы *тьма* и *холод* также имеют выраженную отрицательную коннотацию, однако в тексте встречаются их многочисленные резко негативные эпитеты: *a fog, which filled his mouth full of a bad, thick flavor; the fog of late November wrapping the town as in some monstrous blanket; The fog was worse than ever; into this terrible fog!* (отрицательная коннотация усилена восклицанием); *but in this fog, where all was gloomy; reek of this London fog; in that infernal fog* (в данном случае, помимо выраженной отрицательной коннотации, эпитет содержит отсылку к загробному миру, что мы считаем очень важным в контексте понимания *тумана как пространства*). *A sickening fear; the dark fear which lives in the wings of the fog* – в данной уже упомянутой выше метафоре *туман* тесно связан как с *холодом*, так и со *злом*.

10. **Скрывающая функция тумана.** Эта функция *тумана* кажется нам наиболее очевидной. *Туман*, как и *тьма*, не позволяет видеть ясно, поэтому он затрудняет ориентацию в пространстве, сбивает с толку, об-

манывает и вызывает страх. Данная функция, безусловно, враждебная, негативная: *the fog of late November wrapping the town <...> the trees <...> were barely visible <...>; sortie into the fog; cabs loomed dim-shaped ever and again; afraid of carriages on foggy days* (аллюзия на дальнейшее развитие событий, указание на опасность тумана как скрывающей субстанции); *a misgiving obscured by the mist of family gossip*.

11. **Проникающее свойство тумана.** Менее очевидная функция тумана – его проникновение повсюду – не только физическое, но и метафорическое проникновение в мысли. Данная функция представлена как резко враждебная, вызывающая даже отвращение: *a fog, which filled his mouth full of a bad, thick flavour, and made it difficult to draw breath* (туман проникает в мысли; вызывает затруднение дыхания; указывает на способность (намерение?) тумана убить человека); *women, very few, grasped their reticules to their bosoms and handkerchiefs to their mouths* (женщины пытаются закрыться, защититься от тумана).

12. **Сепарирующая функция тумана.** Достаточно неочевидная, но органичная функция лексемы туман – сепарация людей, изоляция их друг от друга. Эта функция кажется нам чрезвычайно ценной в контексте романа, поскольку именно изолированность, закрытость героев, их неумение и нежелание понять друг друга послужило причиной трагедии, ставшей основой романа: *shadowy figures, wrapped each in his own little shroud of fog* (метафора, подчеркивающая как скрывающую, так и сепарирующую функцию тумана); *figures shrouded in cocoons of fog* (метафора, туман, как обволакивающая, изолирующая субстанция); *Through the still, thick blur, men groped in and out; women, very few, grasped their reticules to their bosoms and handkerchiefs to their mouths; crowned with the weird excrescence of the driver, haloed by a vague glow of lamp-light that seemed to drown in vapour before it reached the pavement, cabs loomed dim-shaped ever and again, and discharged citizens, bolting like rabbits to their burrows*. В данном предложении, отрывки из которого мы уже приводили, также подчеркивается разделенность людей между собой в тумане.

13. **Мистичность тумана.** Несколько эпитетов тумана, а также несколько его метафор указывают на *мистичность, сюрреалистичность тумана* (физического, переходящего в метафорический): *strange sortie into the fog; a spell of fog.*

Выше мы уже рассматривали лексему *туман* как *пространство* и проанализировали различные свойства и характеристики этого *пространства*. Сейчас можно охарактеризовать *туман* как *темное, холодное, недоброе и мистическое пространство*. Проанализировав следующие отрывки, мы обнаружили еще одну чрезвычайно важную характеристику: *George could have stood it well enough in the light of the gas lamps, in the light of that everyday world of which he was so hardy a connoisseur; but in this fog, where all was gloomy and unreal, where nothing had that matter-of-fact value associated by Forsytes with earth, he was a victim to strange qualms, and as he tried to stare back into the eyes of this maniac.* Здесь *туман* также противопоставляется не только свету, но и реальности, понятному физическому миру, что вновь раскрывает *туман* как особое пространство. Еще пример: *He stuck to the trail through vapour that blotted out everything but the shadow of the hunted man and the dim moon of the nearest lamp.* *Туман как пространство* противопоставлен свету и ясности реального мира.

Итак, на основе анализа материала романа «The Man of Property» можно прийти к выводу, что лексема *туман* является пограничным пространством, связывающим реальный, физический мир – «мир живых» и потусторонний «мир мертвых». Пространство ‘*туман*’ заполняется субстанцией *туман*, которая обладает теми же характеристиками (холод, темнота, зло). Лексема *туман* как *пространство* и как *субстанция* обладает собственной волей и разумом. *Туман* противопоставлен миру живых, вредит его обитателям и желает забрать их в загробный мир. В целом выделены 13 характеристик лексемы *туман*.

Материалом для следующего анализа послужил роман Дж. Роулинг «Harry Potter and the Prisoner of Azkaban» («Гарри Поттер и узник Азкабана»). Во всех книгах большой серии много внимания

уделяется социальным проблемам современного автору общества, метафорически представленных в волшебном окружении. Также важнейшей сюжетной линией является взросление и становление личности главного героя – в каждой книге он, так или иначе, проходит инициацию через состояние близкой смерти. Это связано с тем, что в художественных произведениях часто повторяются этапы обряда посвящения (см.: [6, с. 238]). Здесь, в отличие от предыдущего примера, лексема *туман* связан с несколькими сюжетными линиями. Можно увидеть косвенную связь с *туманом* в детективной линии – расследовании преступления двенадцатилетней давности, в котором был несправедливо обвинен один из героев. В глобальном смысле лексема *туман* также связана с очередной инициацией Гарри Поттера, поскольку только сотворив из тумана *олень-патронуса* (защитное заклинание), он смог преодолеть смерть и увидеть в себе своего отца. Лексемы с корнем *fog* встречаются 17 раз (восемь из них – повторения), слова с корнем *mist* 14 раз (значительно чаще, чем в предыдущем романе), лексема *haze* – только один раз, слово *varpour* в тексте не обнаружено. Следует отметить, что в этом романе довольно сложно провести границу между физическим и метафорическим туманом, так как первый может иметь сверхъестественную природу, а второй наделен вполне физическим выражением:

1. **Туман как природное явление.** О лексеме *туман* как *природном явлении* говорится в следующей фразе: *In the chilly haze of rain that persisted into December* [21] – это единственное предложение, в котором упомянут обыкновенный, не вызванный мистическими явлениями *туман*. Во фразе *There's going to be loads of fog tonight* [Там же] следует отметить, что предположение вызвано *туманом* в хрустальном шаре, а ожидаемый *туман* может быть вызван дементорами (*темными* созданиями).

2. **Туман как явление, вызываемое дементорами.** Наиболее значимым в этой группе мы считаем *туман, проникающий в сознание* и вызывающий у героя видения о смерти его родителей. *Thick white fog* – это словосочетание регулярно используется именно с эпитетами с нейтральной коннотацией, однако действия данно-

го тумана явно враждебные: *Harry was falling again through thick white fog; fog starting to obscure his vision; White fog obscured his senses; White fog was blinding him; Fog was clouding his eyes; the fog that was drowning him; He was falling, falling through the icy mist; he groped in the mist for Sirius; Numbing, swirling white mist was filling Harry's brain.*

3. Туман как содержимое хрустального шара. Одной из сюжетных линий является предсказание будущего с помощью *хрустального шара*: *Unfogging the Future by Cassandra Vablatsky* (учебник предсказаний, упоминается восемь раз); *a crystal ball full of pearly white mist; Harry glanced into the crystal ball but saw nothing but swirling white mist; Harry bent over the crystal ball and stared, stared as hard as he could, willing it to show him something other than swirling white fog, but nothing happened.* Но из примеров видно, что герой неспособен видеть сквозь туман *хрустального шара*, и это вызывает у него раздражение. В данном случае отрицательная коннотация тумана выражена слабо.

4. Туман как характеристика персонажа. Эта группа тесно связана с предыдущей, т.к. обладательницей «туманного» голоса является *предсказательница* (долгое время считаемая всеми шарлатанкой). Этот персонаж описан иронично, поэтому отрицательная коннотация тумана выражена слабо: *a soft, misty sort of voice* (повторяется три раза); *said Professor Trelawney in her mistiest voice* (превосходная степень сравнения); *Professor Trelawney's voice suddenly became a good deal less misty* (единственный пример уменьшения тумана).

5. Туман как эффект от светлого, защитного заклинания. Это единственная группа, где туман имеет положительную коннотацию: *A thin wisp of silver escaped his wand and hovered like mist; It couldn't walk through the cloud of silver mist; not a shapeless cloud of mist, but a blinding, dazzling, silver animal.*

Далее классифицируем лексему туман в соответствии с выделенными ранее группами. Отмечаем, что мистичность может относиться практически ко всем примерам употребления тумана, что обусловлено жанром фэнтези.

6. **Туман как мистическая субстанция.** Здесь наиболее широко представлен туман, содержащийся в хрустальном шаре: *swirling white fog; crystal ball full of pearly white mist; nothing but swirling white mist.*

7. **Туман как существо, наделенное волей.** Этот вид тумана очень широко представлен в романе тоже посредством персонализации. Следует учитывать, что туман не самостоятельное явление, а продукт, порождаемый дементорами: *A thick white fog was swirling around him, inside him; White fog obscured his senses; fog starting to obscure his vision; Fog was clouding his eyes; White fog was blinding him; he fog that was drowning him.* Как видно из примеров, туман совершает исключительно негативные, угрожающие жизни действия.

8. **Туман как мистическое пространство.** Данный мотив представлен не очень широко, единственным однозначным примером можно считать *he groped in the mist for Sirius*. В следующих примерах: *through the fog; Harry was falling again through thick white fog; through the icy mist* лексему туман можно трактовать двояко – и как пространство, и как субстанцию. Однако при падении сквозь туман его можно считать пространством между жизнью и смертью. Также неоднозначно выглядит туман в хрустальном шаре – его можно считать как содержимым шара, так и особым пространством внутри него, поскольку шар является границей между миром настоящего и миром будущего.

9. **Туман как мистическая тьма.** Здесь туман косвенно выражен через эпитеты *thick* и *white* (ослепляющая белизна, выполняющая функцию темноты) и через противопоставление свету: *And then, through the fog that was drowning him, he thought he saw a silvery light growing brighter and brighter.*

10. **Туман как мистический холод** выражается в форме эпитетов (*the icy mist; chilly haze of rain*), связывания явлений тумана и холода: *He spun around, the familiar, icy cold penetrating his insides, fog starting to obscure his vision.*

11. **Туман как зло.** Зло не выражено в тексте эпитетами, но действия, совершаемые туманом, а также сам факт его происхождения

от сил зла являются достаточным свидетельством в пользу его инфернальной природы.

12. **Скрывающая функция тумана.** Она очень широко представлена в тексте через олицетворения: *White fog obscured his senses; fog starting to obscure his vision; Fog was clouding his eyes; White fog was blinding him.* Также к этому мотиву можно отнести название книги – учебника по предмету «Прорицания», *Unfogging the future*, где с помощью неологизма показаны противостояние тумана и ясности, а также хрустальный шар, в котором туман скрывает будущее.

13. **Проникающая функция тумана.** Данная функция представлена в примере *a thick white fog was swirling around him, inside him.*

В романе не фигурирует сепарирующая функция тумана, но анализ позволил выделить новую, формирующую функцию тумана. Она связана с туманом в положительном значении: *A thin wisp of silver escaped his wand and hovered like mist* (туман, как результат действий героя); *It couldn't walk through the cloud of silver mist* (туман формирует преграду между героем и его противником); *not a shapeless cloud of mist, but a blinding, dazzling, silver animal* (туман противопоставлен сформированной фигуре, которую он породил).

Лексема туман также представлена как промежуточное пространство (промежуточный этап) между настоящим и иллюзорным, между жизнью и смертью. Можно вспомнить о жизнепорождающей функции тумана, т.к. именно из него сформировался патронус Гарри. Если рассматривать роман как историю взросления (инициации) главного героя, мы вновь можем обратить внимание на эту функцию тумана. Но, пройдя через метафорическую смерть, блуждания в тумане, герой стал сильнее и взрослее, стал лучше понимать, кто он такой, пережил духовный опыт связи с предками (покойным отцом).

Выводы

Основные различия художественного образа туман в обоих романах обусловлены их жанрами. Поскольку «Гарри Поттер» – произведение фэнтези, связь тумана и тьмы, *загробного мира* подана

в нем более прямолинейно, буквально через связь с темными со- зданиями, тогда как в «Саге о Форсайтах», реалистичном произведе- нии, связь тумана и загробного мира показана с помощью слож- ных метафор. Также отмечаем бóльшую художественную ценность «Саги о Форсайтах», поскольку, являясь произведением для взрос- лых, она раскрывает образ *тумана* гораздо более сложно и глубоко. Несмотря на указанные различия, можно заключить, что в обоих произведениях *туман* символизирует одни и те же явления, а именно *смерть, инициацию и тайну*.

На основании проведенного анализа можно сделать следующие выводы:

1. При сравнении выражений, связанных с лексемой *туман* в древних представлениях, в современных романах также встречаются архетипические, мифологические, символические, ритуальные, мистические и танатологические образы лексемы *туман*.

2. Во всех упомянутых случаях лексема *туман* представляет собой нечто промежуточное между реальным и иллюзорным (либо загробным) миром.

3. Лексема *туман* обладает такими значениями, как ‘холод’, ‘темнота’, ‘влага’ и свойствами проникать всюду (в том числе и в мысли людей), изолировать людей друг от друга, не давать ясно видеть и понимать происходящее, а также обладает выраженной отрицательной коннотацией.

4. Образы *тумана* в исследованных произведениях имеют мно- го общих свойств: *природное* (физическое) явление; *пространство, тьма, холод, зло; волевое существо; скрывающая функция; проникающая функция*.

5. Лексема *туман* может иметь значение ‘*пространство*’ («The Man of Property»); ‘явление, наделенное собственной волей’ (*ту- ман как недоброе существо* в «The Man of Property» и ‘*место порождения темных существ*’ в «Harry Potter and the Prisoner of Azkaban»); хаоса, из которого рождаются новые формы (*туман, из которого появляется патронус* («Harry Potter and the Prisoner of Azkaban»)).

6. Двойственная символическая природа лексемы *туман* делает его, несмотря на отрицательную коннотацию, не только убивающим, но и формирующим пространством. *Туман* не только скрывает будущее, он также способен творить его. *Туман* способствует инициации и развитию героя.

Список литературы

1. Афанасьев А.Н. Древо жизни. М.: Современник, 1982. 464 с.
2. Березович Е.Л. Язык и традиционная культура: этнолингвистические исследования. М.: Индрик, 2007. 600 с.
3. Грамота.ru URL: <http://gramota.ru/slovari/dic/?word=%D1%82%D1%83%D0%BC%D0%B0%D0%BD&all=x> (дата обращения 05.06.2019)
4. Красильников Р.Л. Танатологические мотивы в художественной литературе. М.: Языки славянской культуры, 2015. 488 с.
5. Маковский М.М. Этимологический словарь современного немецкого языка: Слово в зеркале человеческой культуры. М.: Азбуковник, 2004. 630 с.
6. Мещерякова О.А., Шестеркина Н.В. Вербализация ритуальных моделей мифосознания в поэтике рассказа И. Бунина «Жертва» // Пушкинские чтения – 2013. СПб: ЛГУ, 2013. С. 232–239.
7. Митрофанова В.В. Загадки. Л.: Наука, Ленингр. отделение. 1968. 255 с.
8. Плотникова А.А. Мифология атмосферных и небесных явлений у балканских славян // Славянский и балканский фольклор: Народная демонология. М.: Индрик, 2000. С. 230–258.
9. Словарь символов и знаков / авт.-сост. В.В. Адамчик. М.: АСТ; Минск: Харвест, 2006. 240 с.
10. Толстая С.М. Пространство слова. Лексическая семантика в общеславянской перспективе. М.: Индрик, 2008. 528 с.
11. Топорова Т.В. О древнеисландских космологических загадках как феномене языка и культуры. М.: ИМЛИ РАН, 2002. 236 с.
12. Фесенко Т.А., Шестеркина Н.В. Концепт «свет» как константа обыденного языкового сознания русского лингвокультурного сообщества // Вопросы когнитивной лингвистики. 2005. № 2. С. 65–71.

13. Шахнович М.И. Мифы о сотворении мира. М.: Знание. Естествознание и религия, Серия 12. 1968. 62 с.
14. Шестеркина Н.В. Языческий субстрат как вербально-концептуальная константа мифорелигиозного сознания русского и немецкого языковых сообществ: дис. ... д-ра филол. наук. Саранск, 2018. 576 с.
15. Шестеркина Н.В. Сравнительно-сопоставительный анализ русских и немецких фразеосочетаний с демоническим компонентом // Магия ИННО: интегративные тенденции в лингвистике и лингводидактике: сборник научных трудов. 2019. Т. 1. М.: «МГИМО-Университет». С. 408–412.
16. Jasiūnaitė B. Ljventieji ir nelabeji frazeologijoje ir liaudies kultūroje. Vilnius: Vilniaus universiteto leidykla, 2010. 437 p.
17. Longman Dictionary <https://www.ldoceonline.com/dictionary/fog> (дата обращения 10.06.2019).
18. Masiulionyte V. Apie vieną pasaulio modelio fragmentą: orus valdančios būtybės lietuvių ir vokiečių frazeologijoje // Filologija 2007 (12), pp. 66–84.
19. Šmitek Z. Mitološko izročilo Slovencev: svetinje preteklosti. Ljubljana: Študentska založba, 2004. 429 str.
20. Tomšič M. Noč je moja, dan je tvoj. Istrske štorije. Zbirka ljudskih pravljic s področja Istre. Ljubljana: Slovenski mladinski literarni liki, 1989. 255 str.
21. Rowling J. Harry Potter and the Prisoner of Azkaban. URL: <http://www.passuneb.com/elibrary/ebooks/HARRY%20POTTER%20AND%20THE%20PRISONER%20OF%20AZKABAN.pdf> (дата обращения: 15.06.2019).
22. The Man of Property Gutenberg URL: <https://www.gutenberg.org/files/2559/2559-h/2559-h.htm> (дата обращения 15.06.2019).

References

1. Afanas'ev A.N. *Drevo zhizni* [Tree of Life]. Moscow: Sovremennik, 1982. 464 p.
2. Berezovich E.L. *Yazyk i tradicionnaya kul'tura: etnolingvisticheskie issledovaniya* [Language and traditional culture: ethnolinguistic study]. Moscow: Indrik, 2007. 600 p.

3. Gramota.ru. URL: <http://gramota.ru/slovari/dic/?word=%D1%82%D1%83%D0%BC%D0%B0%D0%BD&all=x> (дата обращения 05.06.2019)
4. Krasil'nikov R.L. *Tanatologicheskie motivy v hudozhestvennoj literature* [Thanatological motives in belles-letters]. Moscow: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2015. 488 p.
5. Makovskij M.M. *Etimologicheskij slovar' sovremennogo nemeckogo yazyka: Slovo v zerkale chelovecheskoj kul'tury* [Etymology dictionary of modern Russian language: the reflection of the word in culture]. Moscow: Azbukovnik, 2004. 630 p.
6. Meshheriakova O.A., Shesterkina N.V. *Verbalizacija ritual'nyh modelej mifosoznaniya v pojetike rasskaza I. Bunina «Zhertva»* [Verbalization of mythological cognition ritual models in the poetics of I. Bunin's short story "Sacrifice"]. Pushkinskie chtenija. St. Petersburg, 2013, pp. 232–239.
7. Mitrofanova V.V. *Zagadki* [The riddles]. Leningrad: Nauka, Leningradskoe otdelenie, 1968. 255 p.
8. Plotnikova A.A. *Mifologiya atmosferynyh i nebesnyh yavlenij u balkanskih slavyan* [The mythology of atmospheric phenomenon in the culture of the Balkan Slavs]. *Slavyanskij i balkanskij fol'klor: Narodnaya demonologiya*. Moscow: Indrik, 2000. 400 p.
9. *Slovar' simvolov i znakov* [The dictionary of symbols]. Moscow: AST; Minsk: Harvest, 2006. 240 p.
10. Tolstaya S.M. *Prostranstvo slova. Leksicheskaya semantika v obshchela-vyanskoj perspektive* [The word space. The common Slavic prospects of lexical semantics]. Moscow: Indrik, 2008. 528 p.
11. Toporova T.V. *O drevneislandskih kosmologicheskikh zagadkah kak fenomene jazyka i kul'tury* [Ancient Icelandic cosmological riddles as a cultural and language phenomenon]. Moscow: IMLI RAN, 2002. 236 p.
12. Fesenko T.A., Shesterkina N.V. *Koncept «svet» kak konstanta obydenogo yazykovogo soznaniya russkogo lingvokul'turnogo soobshchestva* [Concept 'light' as the constant of ordinary linguistic consciousness in Russian verbal and cultural message]. *Voprosy kognitivnoj lingvistiki*. 2005. № 2, pp. 5–71.
13. Shakhnovich M.I. *Mify o sotvorenii mira* [World creation myths]. Moscow: Znaniye. Estestvoznaniye i religija, Serija 12. 1968. 62 p.

14. Shesterkina N.V. *Jazycheskij substrat kak verbal'no-konceptual'naja konstanta miforeligioznogo soznanija russkogo i nemeckogo jazykovyh soobshhestv (na materiale fol'klornyh tekstov)* [Pagan substrate as verbal-conceptual constant of mythological and religious cognition of Russian and German language communities (based on folk texts)]: dis... d-ra filol. nauk. Saransk, 2018. 576 p.
15. Shesterkina N.V., Kistkina Y.M. *Vosprijatie koncepta kak perevodcheskaja problema (na materiale konceptov Religion i Macht)* [The specific features of translation of the publicistic text which contains the hybridity between languages]. *Kognitivnye issledovanija jazyka*. Tambov, 2018. № 33, pp. 759–764.
16. Jasiūnaitė B. *Įvėntieji ir nelabeji frazeologijoje ir liaudies kultūroje*. Vilnius: Vilniaus universiteto leidykla, 2010. 437 p.
17. Longman Dictionary. <https://www.ldoceonline.com/dictionary/fog> (дата обращения 10.06.2019).
18. Masiulionyte V. Apie vieną pasaulio modelio fragmentą: orus valdančios būtybės lietuvių ir vokiečių frazeologijoje. *Filologija*. 2007 (12), pp. 66–84.
19. Šmitek Z. *Mitološko izročilo Slovencev: svetinje preteklosti*. Ljubljana: Študentska založba, 2004. 429 str.
20. Tomšič M. *Noč je moja, dan je tvoj. Istrske štorije*. Zbirka ljudskih pravljic s področja Istre. Ljubljana: Slovenski mladinski literarni liki, 1989. 255 str.
21. Rowling J. *Harry Potter and the Prisoner of Azkaban*. URL: <http://www.passuneb.com/elibrary/ebooks/HARRY%20POTTER%20AND%20THE%20PRISONER%20OF%20AZKABAN.pdf>
22. *The Man of Property* E-reading club URL: https://www.e-reading.club/bookreader.php/79968/Galsworthy_1_The_Man_of_Property.html

ДАНИЕ ОБ АВТОРАХ

Кисткина Юлия Михайловна, аспирант, ассистент кафедры английского языка для профессиональной коммуникации
Мордовский государственный университет имени Н.П. Огарева
Большевиктская, 68, г. Саранск, 430005, Российская Федерация
 julia.kistkina@gmail.com

Шестеркина Наталья Викторовна, доктор филологических наук,
профессор кафедры теории речи и перевода
*Мордовский государственный университет имени Н.П. Огарева,
Большевиктская, 68, г. Саранск, 430005, Российская Федерация
nvshest@mail.ru*

DATA ABOUT THE AUTHORS

Kistkina Yuliya Mihajlovna, Teaching Assistant, Department of English for Professional Purposes Philosophy, Postgraduate Student
*N.P. Ogarev's Mordovia State University
68, Bolshevistskaya str., Saransk, Republic of Mordovia, 430005,
Russian Federation
julia.kistkina@gmail.com*

Shesterkina Natalya Victorovna, Doctor of Philological Sciences, Associate Professor
*N.P. Ogarev's Mordovia State University
68, Bolshevistskaya str., Saransk, Republic of Mordovia, 430005,
Russian Federation
nvshest@mail.ru
ORCID: 0000-0003-4905-4573*

DOI: 10.12731/2077-1770-2020-5-218-230

УДК 811.13

АНАЛИТИЧЕСКИЕ КОНСТРУКЦИИ С ГЛАГОЛОМ METTRE В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ТАМОЖЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ НА ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

Когтева Е.В.

Для достижения цели обучения французскому языку, а именно лингвистической компетенции обучаемого и его готовности к коммуникации, в процессе преподавания стоит уделять большее внимание особенностям употребления языковых единиц в различных сочетаниях и их коллокационной комбинаторике. Одной из основных характеристик французского языка является его аналитизм, поэтому именно аналитические конструкции стали объектом исследования.

Цель. *В статье выявлены и рассмотрены вербальные аналитические конструкции на основе глагола mettre, одного из самых фразеоактивных глаголов широкой семантики.*

Материалы. *Материалом для исследования послужили 14 выпусков журнала “Douane. Magazine”, печатного органа Генерального управления таможен и косвенных сборов Франции.*

Методы. *При анализе материала были использованы лексико-семантический метод, а также метод контент-анализа.*

Результаты. *Результаты исследования показали, что большинство конструкций образуется по схеме «глагол + предлог + существительное», а в качестве предлога чаще всего используется «en». В исследованных текстах выявлены несколько аналитических единиц на основе mettre, объединённых одной из доминирующих сем «выделение, значимость». Кроме этого, целый ряд конструкций употребляются в текстах для обозначения активного действия, поведения человека, причём как в положительной, так и в отрицательной коннотации. Во многих конструкциях данный глагол упо-*

требляется как фазисный с преобладанием семы «приведение в действие», две из которых (mettre en place и mettre en oeuvre) в результате контент-анализа были определены как самые частотные. В изученном текстовом массиве были обнаружены не только неразрывные аналитические единицы, но и разрывные. Большим комбинаторным потенциалом обладает глагол permettre, являющийся базой для образования наиболее частотных каузативных конструкций, причём пермиссивная каузация в этих конструкциях отражает значение «давать возможность», а не «разрешать».

Область применения результатов. *Результаты исследования могут быть использованы при составлении корпуса диспонибельной лексики при обучении студентов французскому языку по специальности «Таможенное дело».*

Ключевые слова: *аналитические конструкции; глагол; таможенный дискурс; фразеоактивность.*

ANALYTICAL CONSTRUCTIONS WITH THE VERB METTRE IN PROFESSIONAL CUSTOMS LITERATURE IN FRENCH

Kogteva E. V.

To achieve the goal of teaching French for linguistic competence of a student and their readiness for communication it is worth paying more attention to the peculiarities of the use of language units in various combinations and their collocation combinatorics in the teaching process. One of the main characteristics of the French language is its analyticism. Therefore, it is analytical constructions that are the object of the research.

Purpose: *The article finds out and considers the verbal analytical constructions based on the verb mettre, being one of the most phraseologically active verbs of wide semantic field.*

Materials: *The research material comprises 14 issues of the Douane. Magazine, the print body of the Directorate-General of Customs and Indirect Taxes of France.*

Methods: *The lexical-semantic method and content analysis were used in the analysis.*

Results: *The results of the study proved most of the constructions are formed by “verb + preposition + noun”, “en” is most frequently used preposition. In the examined texts the author found out several analytical units based on mettre united by one of the dominant semes “selection, significance”. In addition, a number of constructions are used in the texts for identifying active action, human behaviour, both in positive and negative connotation. In most constructions this verb is used as a phase one with the seme “setting in motion”, two of which, i.e. mettre en place and mettre en oeuvre, were identified as the most frequent as a result of the content analysis. There were not only continuous analytical units, but also discontinuous ones in the studied text array. The verb “permettre” being the basis for the formation of the most frequent causative constructions has a great combinatorial potential, and permissive causation in these constructions reflects the meaning of “give an opportunity” rather than “allow”.*

Practical implications. *The results of the research can be used in compiling a corpus of disponible vocabulary when teaching students French in specialty “Customs”.*

Keywords: *analytical constructions; verb; customs discourse; phraseological activity.*

Введение

Цель. Выявить в специальной таможенной литературе наиболее частотные аналитические конструкции с глаголом *mettre*, которые могли бы войти в корпус диспонибельной таможенной лексики.

Актуальность. Исследование стереотипных аналитических глагольных конструкций, используемых в аутентичной профессиональной таможенной литературе, а, соответственно, и в дискурсе позволит повысить качество обучения будущих специалистов и будет способствовать формированию их коммуникативной компетентности.

Одной из ключевых характеристик французского языка является его аналитизм, объясняющий насыщенность языка аналитическими

конструкциями, как свободными, так и фразеологизированными. Этот факт привлекал многих исследователей, в том числе О.С. Ахманову, впервые предложившую термин «аналитическое слово», А.Н. Степанову и З.Н. Левит, изучавших формирование аналитических единиц и их компонентный состав, а также других авторов.

В.Г. Гак отмечал, что наличие каузативных и аналитических глагольных сочетаний восполняет недостаток словообразовательных и морфологических средств во французском языке [2].

Аналитическая конструкция – это структура, состоящая из сочетания основного (полнозначного) и вспомогательного (служебного) слов, семантически и функционально равнозначная слову. Согласно определению Никитиной, к аналитическим структурам относятся средства различной грамматической и семантической спаянности: от сложной временной формы до перифразы, от сложного глагола до фразеологической единицы [4].

Материалы и методы

Практическим материалом для исследования послужили лексические единицы, извлечённые методом сплошной выборки из 14 выпусков (с 2014 до 2019 гг.) журнала «Douane. Magazine», официального печатного органа Генерального управления таможен и косвенных сборов Франции. При анализе материала использовались лексико-семантический метод, а также метод контент- и компонент-анализа.

Результаты и обсуждение

Французские лингвисты Ж. Гугенгейм и Р. Мишеа полагают, что задачей изучающего иностранный язык, в том числе язык специальности, является, прежде всего, овладение так называемой «диспонибельной лексикой» (*le vocabulaire disponible*), корпусом доступной лексики, имеющейся в распоряжении каждого носителя языка и возникающая в памяти при возникновении потребности осуществления акта речи. При этом чаще всего этот корпус составлен не отдельными лексическими единицами (ЛЕ), а конструкциями, харак-

теризующимися определённой связью компонентов и регулярным совместным употреблением.

М.В. Влавацкая приходит к похожему выводу, отмечая, что характерные для языка, часто встречающиеся сочетания слов обеспечивают понимание речи в процессе коммуникации. При этом их совместное появление основывается на регулярном характере взаимного ожидания и задается не грамматическими, а чисто семантическими факторами [1].

В последнее время в текстах официально-делового, научного и публицистического стиля именно глагольно-именные конструкции получили широкое распространение, а в выборе предиката предпочтение отдаётся не отдельному глаголу, а синонимичной глагольной конструкции (*valoriser -mettre en valeur l'aspect patrimonial*. (№6, с. 5), *appeler - fait appel à une connaissance parfaite...* (№12, с. 35), *décider – prendre une décision* (№7, с. 15). Даже при выражении определения, качественные и качественно-относительные прилагательные очень часто заменяются предложной конструкцией de+ Sub. (*un operateur de bonne foi – добросовестный оператор* (№12, с. 9), *des opérations d'exportation – экспортные операции* (№8, с. 5), *les données de qualité- качественные данные* (№6, с. 19), *le droit en question – сомнительное право* (№7, с. 22) *le trafic d'envergure – масштабный трафик* (№7, с. 11).

Чаще всего основой для образования аналитических глагольных конструкций во французском языке служат глаголы предельно широкой семантики, такие как *avoir, mettre, faire, prendre*. В результате исследования было выявлено, что эти глаголы чаще других входят в состав вербальных конструкций, употребляемых в профессиональном таможенном дискурсе.

При проведении лексико-семантического анализа специальных текстов, посвященных таможенному делу, было выявлено, что наиболее частотным и многозначным глаголом, обладающим высокой фразеоактивностью, является глагол *mettre*. При этом большинство конструкций образуется по схеме «глагол + предлог + существительное». Чаще всего в качестве предлога используется «*en*», напри-

мер: *Les normes SAFE ont mis en avant la nécessité d'un partenariat entre les opérateurs et la douane ...* – Стандарты SAFE выдвинули на первый план необходимость партнерства между операторами и таможеней (№4, с. 6), *La douane française va maintenant mettre en place une large campagne nationale d'information* – Французская таможня собирается запустить(развернуть) широкую информационную кампанию (№4, с. 5); *Onze axes ...seront mis en oeuvre progressivement.* – Одиннадцать направлений... будут реализованы постепенно (№9, с. 25).

Однако встречаются вербальные конструкции с предлогами «à» и «sur»: *...les marchandises sont mises à la consommation...* – товары выпущены для внутреннего потребления ... (№8, с. 3); *SOPRANO sera mis à niveau pour intégrer 20 décisions douanières* – SOPRANO будет модернизирована с учётом 20, принятых таможеней решений (№9, с. 27), *elles mettent à la charge du titulaire de droit la responsabilité juridique* – они возлагают юридическую ответственность на правообладателя (№7, с. 19), *la douane assure ...le contrôle des quantités mises sur le marché* – Таможня обеспечивает ... контроль объёмов, размещенных на рынке (№6, с. 9).

Во многих конструкциях данный глагол употребляется как фазисный с преобладанием семы «приведение в действие»: *La douane a mis en oeuvre une démarche de certification* – Таможня запустила процедуру сертификации (№1, с. 6), *...informer les opérateurs sur les dispositions qui seront mises en application dans moins d'un an.* – информировать операторов о положениях, которые начнут применяться менее чем через год (№4 с. 5), *La mise en production de Delta-X export* – ...запуск в эксплуатацию Delta-X export (№9, с. 29), *... mise en fonctionnement de la plateforme multimodale au Havre* – запуск мультимодальной платформы в Гавре (15, №8, с. 43), *être mis en libre pratique sous réserve du paiement des droits de douane...*(№4, с. 21) – быть выпущенным в свободный оборот при условии уплаты таможенных сборов.

В текстах присутствует несколько аналитических единиц на основе *mettre*, объединённых одной из доминирующих сем

«выделение, значимость»: ...*afin de mettre en évidence ce que les consommateurs par pays attendent de la gastronomie française* – для того, чтобы выявить чего ожидают потребители разных стран от французской гастрономии (№3, с. 17); ...*qui met en exergue les liens étroits – démontrant les liens étroits* – демонстрирующий тесные связи (№7, с. 31), *ce qui met en lumière les infractions qui peuvent parfois se cumuler dans les affaires de contrefaçon* – что проливает свет на нарушения, одновременно проходящие и по делам о контрафакции (№7, с.15); ... *mettre en valeur l'aspect culturel-* подчеркнуть важность культурного аспекта (№6, с. 5); ...*mettre en avant quelques points –* выделить некоторые пункты (№12, с. 8).

Целый ряд конструкций с данным глаголом употребляется в текстах для обозначения активного действия, поведения человека: ... *la solution informatique mise à disposition des opérateurs par la douane* – информационное решение, предложенное операторам таможен (№8, с. 15), *mettre en commun leurs expertises* – обобщить их экспертизы (№14, с. 33), ...*l'outil informatique qui met en relation l'application douanière DELTA avec les systèmes d'information* – информационный сервис связывающий таможенное приложение DELTA с информационными системами... (№8, с. 30.); *la dette douanière ... mise en jeu par les opérations du titulaire de l'autorisation* – таможенная задолженность, по операциям (вызванная операциями) лицензиата (№10, с. 8). Причём их использование может иметь не только положительную, но и отрицательную коннотацию: *Il risque de mettre en cause la pérennité de sa société* – Он рискует поставить под сомнение долговечность своего предприятия (№14, с. 28) ...*des emplois qui sont ainsi mis en danger* – рабочие места, которые таким образом подвергаются опасности ... (№14, с. 45).

Стоит отметить смыслообразительную функцию артикля в конструкциях *mettre à jour* и *mettre au jour*: в первом случае с опущением артикля русским эквивалентом является 1) обновить, скорректировать; 2) подытожить, подвести итог, а во втором словосочетание будет переводиться как «разоблачить, обнаружить»:

...mettre à jour les décisions prises sur la base du Code des douanes – подытожить решения, принятые на основе Таможенного кодекса (№ 4, с. 7),

la douane met au jour un atelier clandestin de fabrication de tabac à narguilé. (№11, с. 7) – Таможня обнаруживает подпольный цех по производству табака для кальяна.

Грамматической основой для построения аналитических конструкций может послужить и производные от глагола *mettre*, например: *Remettre complètement à plat notre vision de travail... Полностью пересмотреть наше представление о работе (№8, с. 14).*

В изученном текстовом массиве были обнаружены как неразрывные аналитические единицы, так и разрывные:

afin de mettre le titulaire de droits en mesure de faire cesser ce trafic – для того, чтобы дать возможность правообладателю остановить этот трафик (№8, с. 23), La douane met ses experts privilégiés à disposition des exportateurs – Таможня предоставляет в распоряжение экспортеров своих привилегированных экспертов (№8, с. 46).

По аналогичной модели образуются и конструкции на основе субстантивации данного глагола по примеру: *Afin de permettre une mise en conformité des systèmes informatiques – Для того, чтобы обеспечить приведение в соответствие информационных систем (№4, с. 7), Parmi les clés d'une fiscalité... figure la mise au point de mécanisme de rédéploiement fiscal... – Среди ключевых задач системы налогообложения... фигурирует совершенствование механизма налогового перераспределения... (№5, с. 11), ... la mise en cohérence des orientations stratégiques – согласование стратегических направлений (№11, с. 31), (information systématique du Parquet lors des mises en retenue de marchandises présumées contrefaites (№7, с. 22), La mise en scène des produits comme l'organisation d'animations de vente est essentielle pour réussir – Выкладка товаров как и организация промоакций имеют решающее значение для успеха (№1, с. 18).*

В результате проведённого синтагматического анализа практического материала было выявлено, что среди аналитических глагольных конструкций таможенного дискурса самыми употребимыми

являются коллокации с глаголом *mettre*, две из которых – *mettre en place* и *mettre en oeuvre* – являются наиболее частотными

Таблица 1.

	Выпуск №4	Выпуск №7	Выпуск №14
ГАК с <i>mettre</i>	31	21	27
<i>mettre en place</i>	16	8	8
<i>mettre en oeuvre</i>	6	8	8

ГАК – глагольные аналитические конструкции

Были выявлены случаи одновременного употребления таких конструкций в одном предложении: *En juin 2005, une stratégie globale a été élaborée par l'Organisation mondiale des douanes (OMD) et concrétisée par la mise en place du cadre de normes SAFE, socle commun de mesures à mettre en oeuvre par les États dans l'optique de faciliter et de sécuriser les flux logistiques.* – В июне 2005 года Всемирной таможенной организацией (ВТамО) была разработана общая стратегия, осуществляемая через систему стандартов SAFE и являющаяся основой для мер, предпринимаемых государствами по облегчению и обеспечению безопасности логистических потоков (№11, с. 11).

Большим комбинаторным потенциалом обладает глагол *permettre*, являющийся производным от рассматриваемого глагола. Именно данный знаменательный глагол служит базой для образования наиболее частотных каузативных конструкций, обязательным компонентом которых выступает предлог *de*.

Выявленная закономерность может быть подтверждена частотой употребления конструкции *permettre de* на страницах исследуемого журнала *Douane. Magazine* (№7 – 36 раз, №11 – 27 раз).

Заключение

Основу дискурса составляют конструкции, закреплённые в речевом обиходе, иначе говоря, воспроизводимые, а не создаваемые каждый раз в потоке речи. Именно способность верно образовывать лексические единства в соответствии с правилами лексиче-

ской сочетаемости порождает беглую, правильную и стилистически уместную речь.

Проведённый анализ аутентичных специальных текстов таможенной тематики позволил выявить наиболее частотные вербальные аналитические конструкции, использование которых в соответствии с традициями и нормами, сложившимися во французском языке, позволит будущим специалистам избежать речевых ошибок и сформировать навык естественной речи.

Поскольку обучение должно носить дискурсивный характер, то обучаемый должен работать с аутентичным материалом, грамотно отобранным с лексической, дидактической и функциональной точек зрения.

Список литературы

1. Влавацкая М.В. Комбинаторная лингвистика: аспекты изучения сочетаемости слов. Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2017. 244 с.
2. Гак В.Г. Сравнительная типология французского и русского языков. М.: Высшая школа, 1983. 274 с.
3. Левит З.Н. Аналитическое слово в современном французском языке: автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. Л.: ЛГПИ им. А.И. Герцена, 1969. 47 с.
4. Никитина М.Ю., Гончаров М.С. Роль фазисных глаголов в формировании предельности / неопределённости глагольного действия во французском языке // *Фундаментальные исследования*. 2015. №2. С. 3879–3882.
5. Николаева Э.А. Аналитические единицы во французском языке: структурные и семантические особенности вербальных единиц (на материале договоров Европейского союза) // *Русистика*. 2015. №4. С. 192–199.
6. Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М.: Наука, 1986. 144 с.
7. Ткачева А.Н. Лексико-грамматическая вариативность глаголов в современном французском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2007. 25 с.

8. Ткачева А.Н. Развитие аналитизма французских глаголов // Новая наука: Теоретический и практический взгляд. 2017. Т. 2. № 4. С. 154–157.
9. Слепцова С.В. Свободные и фразеологизированные конструкции в языке современной французской прессы: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Белгород, 2008. 19 с.
10. Сосунова Г.А. Функционирование и семантическая характеристика языковых клише во французском языке (на материале таможенного дискурса) // Язык и культура. 2014. №2 (26). С. 89–99.
11. Фукс Н.В. Каузативные конструкции с глаголом *mettre* в старофранцузском языке // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2008. №85. С. 262–267.
12. Anscombe J.-C. Un essai de caractérisation de certaines locutions verbales // *Recherches linguistiques*. Vol. 20, 1982, pp. 5–37.
13. Gross G. Les expressions figées en français: noms composés et autres locutions. Éditions Ophrys, 1996. 164 p.
14. L'Homme M.C. Caractérisation des combinaisons lexicales spécialisées par rapport aux collocations de langue générale // *Proceedings Euralex*, 1998, pp. 513–522.
15. Douane Magazine №1-14 / Editeur Direction générale des douanes et des droits indirects, France. URL: <https://www.douane.gouv.fr> (дата обращения: 01.08.2020).

References

1. Vlavackaja M.V. *Kombinatornaja lingvistika: aspekty izuchenija sochetaemosti slov* [Combinatorial linguistics: aspects of studying word collocation]. Novosibirsk: NGTU Publ., 2017. 244 p.
2. Gak V.G. *Sravnitel'naja tipologija francuzskogo i russkogo jazykov* [Comparative typology of the French and Russian languages]. Moscow: Vysshaja shkola Publ., 1983. 274 p.
3. Levit Z.N. *Analiticheskoe slovo v sovremennom francuzskom jazyke* [The analytical word in modern French]: avtoref. diss. d-ra filol. nauk. Leningrad: LGPI im. A.I. Gerzena, 1969. 47 p.
4. Nikitina M.Y., Goncharov M.S. Rol' fazisnyh glagolov v formirovanii predel'nosti / nepredel'nosti glagol'nogo dejstvija vo francuzskom ja-

- zyke [Role of phase verbs in the formation of limit / unlimit of verbal action in French]. *Fundamental'nye issledovanija*, no 2, 2015: 3879–3882.
5. Nikolaeva Je.A. Analiticheskie edinicy vo francuzskom jazyke: strukturnye i semanticheskie osobennosti verbal'nyh edinic (na materiale dogovorov Evropejskogo sojuza) [Analytical phrasemes in French: structural and semantic particularities of verbal units (on the example of the European Union treaties)]. *Rusistika*, no 4, 2015: 192–199.
 6. Telija V.N. *Konnotativnyj aspekt semantiki nominativnyh edinic* [The connotative aspect of the semantics of nominative units]. Moscow: Nauka Publ., 1986. 144 p.
 7. Tkacheva A.N. *Leksiko-grammaticeskaja variativnost' glagolov v sovremennom francuzskom jazyke* [Lexical and grammatical variability of verbs in modern French]: avtoref. diss. d-ra filol. nauk. St. Petersburg, 2007. 25 p.
 8. Tkacheva A. N. Razvitie analitizma francuzskih glagolov [The development of analyticism in French verbs]. *Novaja nauka: Teoreticheskij i prakticheskij vzgljad*. Vol. 2, no 4, 2017: 154–157.
 9. Slepčova S.V. *Svobodnye i frazeologizirovannye konstrukcii v jazyke sovremennoj francuzskoj pressy* [Free and phraseological constructions in the language of the modern French press]: avtoref. diss. d-ra filol. nauk. Belgorod, 2008. 19 p.
 10. Sosunova G.A. Funkcionirovanie i semanticheskaja karakteristika jazykovykh klishe vo francuzskom jazyke (na materiale tamozhennogo diskursa) [Functioning and semantic characteristics of language clichés in French (based on customs discourse)]. *Jazyk i kul'tura*, no 2, 2014: 89–99.
 11. Fuks N.V. Kauzativnye konstrukcii s glagolom mettre v starofrancuzskom jazyke [Causative constructions with the verb mettre in Old French]. *Izvestija Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogičeskogo universiteta im. A.I. Gercena*, no 85, 2008: 262–267.
 12. Anscombe J.-C. Un essai de caractérisation de certaines locutions verbales. *Recherches linguistiques*, vol. 20, 1982: 5–37.
 13. Gross G. Les expressions figées en français: noms composés et autres locutions. Éditions Ophrys, 1996. 164 p.

14. L'Homme M.C. Caractérisation des combinaisons lexicales spécialisées par rapport aux collocations de langue générale. *Proceedings Euralex*, 1998: 513–522.
15. Douane Magazine № 1-14. URL: <https://www.douane.gouv.fr>

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Когтева Елена Викторовна, доцент кафедры иностранных языков, кандидат социологических наук
Государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Московской области «Технологический университет имени дважды Героя Советского Союза, летчика-космонавта А.А. Леонова»
ул. Гагарина, 42, г. Королёв, Московская область, 141070, Российская Федерация
helene_kogteva@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Kogteva Elena Viktorovna, Associate Professor, Department of Foreign Languages, PhD in Sociology
University of Technology
42, Gagarin Str., Korolev, Moscow Region, 141070, Russian Federation
SPIN-code: 1384-0777
ORCID: 0000-0002-6570-7790

DOI: 10.12731/2077-1770-2020-5-231-256

УДК 811.161.1

ЦВЕТОВЫЕ МЕТАФОРЫ В РЕКЛАМНОМ ТУРИСТИЧЕСКОМ НАРРАТИВЕ

Меньшикова Е.Е.

Цель. Настоящее исследование посвящено выявлению особенностей метафоризации цветообозначений в рекламном туристическом нарративе.

Метод или методология проведения работы. Методами исследования послужили описательный метод, включающий приёмы наблюдения, обобщения, когнитивной интерпретации и классификации; метод сплошной выборки и анализа лексических единиц.

Результаты. В ходе анализа материала установлено, что вторичные цветообозначения в рекламном туристическом нарративе в большинстве своем являются адъективными метафорами цвета. Автором представлена классификация адъективных метафор по основному цвету, а также классификация цветowych метафор по мотивировочным признакам. Показано, что лексические единицы с вторичной цветовой номинацией активно используются для образования сравнительных конструкций, окказиональных цветowych метафор. Выявлено, что характерным является использование прецедентных феноменов, имеющих в своем составе вторичные цветообозначения. Сделан вывод о том, что метафора выступает продуктивным способом формирования вторичных цветообозначений в рекламном туристическом нарративе.

Область применения. Материалы могут включаться в курсы и модули преподавания языкознания и лексикологии. Практическая значимость исследования заключается также в возможности применения изложенных теоретических положений и практических результатов в лекционных курсах некоторых разделов по лингвокультурологии и межкультурной коммуникации.

Ключевые слова: рекламный туристический нарратив; цветообозначения; вторичные цветообозначения; цветовые метафоры; лексические единицы с вторичной цветовой номинацией; сравнительные конструкции; окказиональные цветовые метафоры; прецедентные феномены.

COLOR METAPHORS IN THE ADVERTISING TOURIST NARRATIVE

Menshikova E.E.

Purpose. *The article deals with the revealing of peculiarities of color terms metaphorization in the advertising tourist narrative.*

Methodology. *The study is based on the descriptive method, including observation, generalization, cognitive interpretation and classification; continuous sampling method and analysis of lexical units.*

Results. *The analysis revealed that secondary color terms in the advertising tourist narrative are mostly adjectival color metaphors. The author presents the classification of adjectival metaphors by the main color, as well as the classification of color metaphors by motivational features. Lexical units with a secondary color nomination are actively used for the formation of comparative constructions and occasional color metaphors. The article concludes that metaphor is an effective tool for forming secondary color terms in the advertising tourist narrative.*

Practical implications. *The results of the study can be applied in the teaching of linguistics and lexicology, the courses of culture-oriented linguistics and cultural studies.*

Keywords: *advertising tourist narrative; color terms; secondary color terms; color metaphors; lexical units with a secondary color nomination; comparative constructions; occasional color metaphors; precedent phenomena.*

Введение

Актуальность настоящей работы определяется вниманием современной лингвистики к исследованию сущности метафоры и про-

цессов метафоризации, а также пониманием метафоры как одного из основных инструментов, при помощи которого сознание индивидуума оперирует понятиями и выстраивает картину мира. Интерес к метафоре можно связать и с ее познавательными свойствами, позволяющими считать её мощным средством воздействия на эмоции и сознание человека, а также инструментом, способным фиксировать в языке и речи определенные образцы предметов и явлений. При этом некоторые вопросы теории метафоры или не получили до сих пор однозначной интерпретации, или недостаточно освещены в лингвистической литературе, а отдельные значимые тематические сферы – недостаточно изученными. Именно поэтому существует необходимость исследования особенностей и функционального многообразия метафоры в текстах различного типа, в частности, в текстах рекламного туристического нарратива. Недостаточное количество научных трудов в области изучения цветowych метафор также свидетельствует об актуальности данной работы.

Целью данной статьи является выявление и анализ особенностей метафоризации цветообозначений в рекламном туристическом нарративе. Достижение названной цели предполагает решение следующих исследовательских **задач**: проанализировать основные тенденции и направления развития теории метафоры в отечественных и зарубежных лингвистических трудах; изучить существующие исследования в области цветообозначения и цветowych метафор; определить и описать лексические единицы с вторичной цветовой номинацией, а также метафоризаторы семантической сферы «Цвет» в рекламном туристическом нарративе.

Научная новизна настоящей работы определяется выбором материала. Впервые материалом такого рода исследования послужили тексты рекламного туристического нарратива. Впервые исследованы и проанализированы метафорические средства репрезентации цвета в рекламном туристическом нарративе, особенности его текстовой реализации.

Теоретическим обоснованием для проведения исследования явились труды отечественных и зарубежных лингвистов, посвященные

исследованию лексических средств цветообозначения, цветовых метафор, а также проблем функционирования метафоры и вопросов метафоризации. Отметим, что в современной лингвистической науке используются различные термины для обозначения лексических единиц с цветовым значением: цветообозначение, слово-цветообозначение, цветонаименование, прилагательное/существительное со значением цвета, выражение (наименование) с цветовым компонентом, имя цвета, термин цвета, хроматоним, колороним и т.д. В данной работе мы употребляем термин «цветообозначение», под которым подразумеваем, вслед за Д.Н. Борисовой, «процесс обозначения цвета в языке, т.е. различные способы номинации цветовых оттенков» [6, с. 34].

Среди отечественных лингвистических исследований цветообозначения традиционно рассматриваются в историческом аспекте. Так, Н.Б. Бахилина рассматривает лексику цветообозначений в древнерусском языке в сопоставлении с современным русским литературным языком и останавливается на трех аспектах истории цветообозначений: происхождении, значении, употреблении [4]. Значительные результаты достигнуты в изучении лексики со значением цвета в области психолингвистики. Освещается роль, история развития и различные функции слов-цветонаименований, включая их использование в рекламе, описываются современные тенденции развития слов-цветонаименований в русском языке, создан «Каталог названий цвета в русском языке» [8; 9].

Цветообозначения исследуются как фрагмент языковой картины мира и важная часть концептуальной картины мира. Так, Е.Н. Алымова осуществляет семантико-когнитивное моделирование цветовых концептов на материале ассоциативных полей основных цветообозначений [1]. Я.А. Астахова анализирует особенности функционирования цветообозначений в обыденном, художественном и рекламном вариантах русской языковой картины мира [2]. Особенности использования цветообозначений в рекламном дискурсе рассматриваются в работе Л.В. Печенниковой [20].

Актуальными являются сравнительно-сопоставительные исследования фразеологизмов с цветовым компонентом, что позво-

ляет глубже раскрыть семантику и функциональное своеобразие цветообозначений в сопоставляемых языках. Так, Л.Р. Гатауллина выявляет универсальные и идиоэтнические особенности фразеологических единиц с цветокомпонентом в пяти языках (английском, немецком, французском, русском и татарском) [11]. Ю.В. Зольникова анализирует на материале русского и немецкого языков фразеологические единицы с компонентом цветообозначения с точки зрения их роли в идиоматической картине мира [12].

Рассмотрению особенностей метафоризации цвета посвящены исследования Г.М. Костюшкиной, которая рассматривает концептуальную метафоризацию цветообозначений [15; 49]. М.А. Кузьмина осуществляет сопоставительный структурно-семантический анализ метафорических прилагательных-цветообозначений в русском и итальянском языках, выявляет общие и специфические закономерности образования переносных значений, представляет классификацию метафоризаторов адъективных метафор-цветообозначений [17].

Т.М. Гайдукова исследует цветовые метафоры в антропоцентрической сфере: на примере немецких прозаических и поэтических произведений автор анализирует вторично-номинативные цветообозначения и отмечает, что «метафоризация – один из основных путей изменения значения цветоименований» [10, с. 68]. Е.В. Кербер и Ю.Е. Костерина рассматривают цветовую метафору в англоязычной экономической терминологии и отмечают устойчивую тенденцию к использованию прилагательных-цветообозначений в качестве терминоконпонентов для номинации экономических реалий [13].

В зарубежном языкознании цветообозначения также являются предметом специальных исследований и привлекаются в качестве иллюстративного материала в работах различной тематики. Так, изучением цветовых представлений на разных уровнях их развития в культурах народов мира, выделением базовых и периферийных цветовых категорий занимались Б. Берлин и П. Кей [23], Роберт Э. МакЛори [53]. Язык цветообозначений рассматривает в своих трудах З. Уайлер [54]. А. Стейнвал изучает использование английских цветовых терминов и их нюансов в контексте [56].

Рассматривая в настоящей работе цветочные метафоры, отметим, что метафора видится не только как языковое явление, но и как средство концептуализации действительности, как гносеологический механизм, средство отражения нового знания в языке [5]. Метафора является эффективным средством речевого воздействия и убедительности, «предполагающей то, чтобы адресат думал и действовал определенным образом» [3, с. 79], выступает стилистическим средством языковой игры как тактического инструмента в реализации экспрессивно-образной стратегии, направленной на создания экспрессивно-образного образа и экспрессивную оценку услуги [16].

Как пишет З.И. Резанова, метафора «рассматривается как феномен, имеющий сложную, не собственно лингвистическую и не собственно когнитивную природу, но обусловленный в своем существовании факторами языкового и когнитивного характера. Именно такое понимание природы феномена, обозначаемого базовым термином «метафора», предопределило максимально широкое определение границ его референции» [21, с. 8]. Е.А. Нахимова также отмечает, что «в соответствии с общими принципами когнитивной лингвистики метафора понимается максимально широко, то есть к числу метафор относятся все компаративные тропы и конструкции» [19, с. 55]. В качестве метафоры рассматриваются сравнительные обороты, составные наименования, метонимические переносы, фразеологизмы с метафорической внутренней формы, окказиональные образования, а также лексические и морфологические дериваты, построенные с использованием общих смысловых механизмов аналогического уподобления [21; 2; 14].

По мнению зарубежных ученых, сама возможность абстрактно мыслить создается благодаря метафоре [51], а в процессах концептуализации и категоризации, связанных с формированием системы знаний в виде концептов и категорий в сознании человека, метафоре принадлежит ведущая роль [50]. Отмечается, что метафора может существенно изменять способы восприятия и постижения действительности [52], «метафора пронизывает нашу повседневную жизнь, и не только язык, но и мысль и действие... наша обычная концеп-

туальная система, в терминах которой мы думаем и действуем, является метафорической по своей природе» [55, S. 126].

Материалы и методы

Исследовательским материалом являются тексты сети Интернет от имени туроператоров и турагентств. Актуальность исследования текстов рекламного туристического нарратива сети Интернет обусловлена тем, что они отличаются оперативностью представления информации; возможностью широкого географического охвата; интерактивностью (диалогической моделью коммуникации), выражающейся в осуществлении обмена информацией производителей туристских услуг с потребителями и между потребителями; широкой интертекстуальностью с использованием кодов разных семиотических систем.

Решение конкретных задач работы обусловило использование ряда конкретных методов, используемых в современной антропоцентрической лингвистике: описательный метод, включающий приёмы наблюдения, обобщения, когнитивной интерпретации и классификации; метод сплошной выборки и анализа лексических единиц.

Результаты и обсуждение

Отметим, что при описании цветовых наименований и построении модели смысловых отношений существует проблема классификации цветовых прилагательных. Традиционно в лингвистике принято подразделять цветообозначения на основные/абсолютные и оттеночные (аналитические единицы и синтетические образования). К основным относятся хроматические (не имеющие цветового тона) цветообозначения – семь основных спектральных цветов: красный, оранжевый, жёлтый, зелёный, голубой, синий, фиолетовый, а также розовый, коричневый и ахроматические (различаются степенью яркости) – чёрный, белый, серый [7]. Оттеночные цветообозначения (отличаются по светлоте, насыщенности и цветовому тону) включают в себя аналитические единицы (цветообозначения вторичной номинации (горчичный), цветообозначения, не имеющие

четкой этимологии (вороной), цветообозначения с ограниченными сочетательными связями (карие глаза), заимствованные цветообозначения (индиго), терминологические единицы (ультрамарин), неологизмы и архаизмы (кубовый), авторские новации и окказионализмы) [Там же]. Синтетические образования представлены сложными цветообозначениями, уточняющими интенсивность окраски (ярко-, светло-, темно-, нежно- и т.д.), двусоставными цветообозначениями, состоящими из основ двух цветовых прилагательных (сине-белый, желто-зеленый), словосочетаниями типа «цвета морской волны», сравнительными оборотами.

Как отмечает Л.В. Печеникова, метафора является «основным лексико-семантическим способом образования цветовой лексики», которая обладает «широкими моделирующими возможностями, проявляющимися в метафоризации «первообразных» цветообозначений» [20, с. 17]. Цветовое значение абсолютных прилагательных легко приобретает новые предметные связи, в результате чего возникают переносные значения – цветовые метафоры [18]. Согласно А.А. Брагиной, цветовые прилагательные метафоричны по своей природе и зачастую фразеологируются [7, с. 84]. В классификации цветовых метафор «номинация основного цвета выступает в качестве метаязыка для описания ПЦ» [17, с. 3].

На основе анализа иллюстративного материала нами выделены наиболее употребляемые в туристическом нарративе вторичные цветообозначения, которые в своем большинстве являются адекватными метафорами цвета. Мы классифицировали лексические единицы с вторичной цветовой номинацией, актуализируемые рекламным туристическим нарративом, по следующим основным лексико-семантическим группам:

1. Монолексемные цветовые прилагательные вторичной номинации, являющиеся вариациями основных цветообозначений: базовый цвет выражает константу цветового сектора, а вторичные цветообозначения – его нюансы:

– *красный (розовый)*: алый, вишневый, коралловый, кровавый, огненный, пламенный, рубиновый, гранатовый, кумачовый, ряби-

новый, багряный и т.д. Например: *Гоа ... роскошные пляжи на фоне грациозных пальмовых рощ, неповторимый алый закат... ласковые воды океана... насладиться теплом тропического солнца и искупаться в необыкновенном изумрудном океане... вы надолго запомните её райский океан, необыкновенно белый песок* [25];

– *жёлтый*: золотой (золотистый), песочный, абрикосовый, гороховый, соломенный, бронзовый, кремовый, лимонный, янтарный и т.д. Например: *Отдых на Сент-Китсе и Невисе приведет туристов к пляжам с белоснежным, золотым и черным песком и чистой лазурной водой Карибского моря* [44];

– *синий (голубой)*: лазурный, аквамаринный, бирюзовый, сапфировый, васильковый, небесный, ультрамаринный и т.д. Например: *Мальдивы – рай на земле. Потрясающие белоснежные пляжи, бурная изумрудная растительность, лазурный океан, домики, парящие над водой, и прекрасные коралловые рифы – это действительно мечта!* [42];

– *коричневый*: шоколадный, бежевый, бурый, бронзовый, кофейный, каштановый, горчичный и т.д. Например: *Подарите себе наслаждение живописными пляжами с видами на сине-лазурные прозрачные воды и высокие пальмы. Шоколадный загар, множество сочных фруктов, соленый бриз, потрясающе красивые рассветы и закаты...* [28];

– *зеленый*: изумрудный, малахитовый, салатный, бирюзовый и т.д. Например: *Представьте прогулку по райскому уголку земли: песчаный пляж, чистое бирюзовое море, великолепные пейзажи... Берега полуострова омывает море всех возможных цветов: от лазурного оно переходит к изумрудному, после чего вода становится насыщенного синего цвета. Шелковистый песок пляжей сплетается с ласковым морем... Халкидики...* [45];

– *оранжевый*: коралловый, абрикосовый, апельсинный, персиковый, медный, медовый, кирпичный, рыжий и т.д. Например: *Бесконечная романтика Доминиканы... картина настоящего тропического рая. Бесконечные белоснежные пляжи с коралловым песком, небесного цвета теплое Карибское море, раскидистые пальмы и яркое солнце* [42];

– *фиолетовый*: сиреневый, лиловый, лавандовый и т.д. Например: *Речной круиз... испытать радостные чувства первооткрывателя, видя, как из сиреневого тумана возникают очертания нового, еще незнакомого берега... плавное течение голубой реки и ожерелье золотых куполов в старинных городах, сочетание бескрайнего водного пространства, бездонного неба, изумительных пейзажей, серебристых рассветов и багряных закатов* [26];

– *белый*: белоснежный, жемчужный, кремовый, молочный и т.д. Например: *Прекрасные белоснежные пляжи, лазурные берега, голубые просторы, зелень оазисов и желтые пески Сахары, за которыми виднеются строгие силуэты гор* [30];

– *серый*: серебряный (серебристый), свинцовый, перламутровый, пепельный и т.д. Например: *Фукуок... бархатно-белая береговая линия с мягким песком... Реликтовые, девственно-нежные тропические леса, скрывающие тысячи ослепительно-ярких певчих птиц; скалистые горы, выныривающие из кудрявых древесных крон и рассеченные множеством кристальных ручейков с серебристыми водопадами; километры пляжей с молочно-бархатными песками, утопающие в бирюзе ласкового, прозрачного моря; коралловые рифы, нашептывающие всем желающим сказки роскошного подводного царства...* [24].

2. Сложные имена прилагательные вторичной номинации, структура которых содержит два/три корня-основы названий цветов/оттенков и их интенсивности:

– багряно-пунцовый, рубиново-красный, пурпурно-красный, огненно-красный, кроваво-красный, тёмно-малиновый, розовато-лиловый, золотисто-жёлтый, золотисто-коричневый, янтарно-золотой, сиренево-розовый, светло-лиловый, молочно-белый, матово-белый, дымчато-белый и т.д. Например: *Отдых в Карелии... тайга становится разноцветная, цвет листьев – от насыщенно-зеленых до багряно-пунцовых и янтарно-золотых* [39].

3. Сложные цветообозначения вторичной номинации со структурой «сущ. цвет + имя сущ. в родит. падеже», либо «сущ. цвет + имя сущ. в им. падеже»:

– цвет абрикоса, цвет коралл, цвет золота, цвет лаймы, цвет чая, цвет оливок, цвет янтаря, цвет васильков, цвет моря, цвет бирюза, цвет аквамарина, цвет изумруд, цвет меда, цвет персика, цвет фиалки, цвет жемчуга, цвета молока и т.д. Например: *Фантхиет поражит вас чистейшими пляжами с песком цвета молока, бирюзовыми волнами моря... Палитра красок поражает воображение: изумрудная зелень экзотических растений, море цвета аквамарина, ослепительное желтое солнце и молочный песок...* [24].

Проведенное исследование показало, что в основе семантики цветообозначений лежат разнообразные мотивировочные признаки. Появление вторичных цветообозначений, мотивированных названиями объектов-эталонов, «происходит за счет метафоризации номинаций признаков объектов, используемых в качестве эталона цвета» [17, с. 5]. Различия в выборе эталонов для названия оттенков являются основой классификации «метафоризаторов – значений, на базе которых формируется метафорическое значение цвета» [Там же, с. 6].

Анализ материала позволил классифицировать метафоризаторы и выделить следующие основные тематические группы по типам объектов, на базе которых образованы лексические единицы с вторичной цветовой номинацией, репрезентируемые рекламным туристическим нарративом:

1. Наименования осадочных горных пород, минералов и драгоценных камней

– песок, золото, серебро, бронза, изумруд, алмаз, сапфир, аквамарин, янтарь, бирюза, нефрит, лазурит и т.д. Например: *Доминикана... песок здесь имеет удивительно разнообразные оттенки: от девственно-белого до цвета античного золота... кричащие цвета буйной тропической растительности, лазурь Карибского моря* [29].

2. Наименования объектов живой природы

– фитонимы и флоронимы (названия деревьев, кустарников, травянистых растений, цветов, плодов, ягод, овощей и т.д.) с мотивационно-номинативным признаком «цвет». Например: *Закаты тут розово-багряные, а рассветы – цвета персиков и абрикосов* [47].

– зоонимы (наименования собственно животных (млекопитающих), птиц, рыб), включая их образные двухкомпонентные номинации. Например: *Вековые мудрые ели, дремлющие под снеговыми шапками, – только перепорхнет изредка птица или сбросит на искрящийся снег пустую шишку огнисто-рыжая белка* [27].

3. Наименования объектов неживой природы

– земля (ландшафт, возвышенности, луга, равнины, острова и т.д.). Например: *Домбайские приключения. Темнохвойные леса, изумрудная зелень альпийских лугов, бурные реки, ревущие водопады, вечные снега, сияющие ледники... под солнцем сверкают пики ледников, ниже зеленеют альпийские луга, тонкими нитками лазури вьются горные реки, в чашах спрятались аквамариновые озера... Вы сможете насладиться красотой альпийского луга, покрытого разноцветным ковром из ароматных цветов и разнообразных трав...* [43].

– вода и водные пространства (океаны, моря, реки, озера, подземные воды, ледники, снежники, а также состояние воды, характер и особенности движения воды). Например: *На глазах, с каждой минутой меняется цвет байкальской воды – от нежно-голубого до пронзительно-синего, а вскоре может стать серебряной, потом свинцовой или совсем черной. А то становится изумрудно-зеленой, как таинственный нефрит, в великом множестве рассыпанный по берегам озера* [35].

– небесная сфера: небо, солнце и его различные периоды активности (восход, закат), луна, звёзды, облака/тучи, радуга, млечный путь, зарница, молния). Например: *Безбрежная гладь... Великолепие выше понимания... Пурпурное солнце, ласкающее лучами скалистые горы и огнем играющее на лунных песках величественной пустыни... Вади Рам – восточный вестерн... грандиозная, с живым эхом, божественная пустыня* [38]; *Синее море, белый песок, золотисто-красные закаты... Мировой эталон роскоши – остров Маврикий... король Индийского океана... лазурные лагуны... белоснежные пляжи* [46].

4. Наименования атмосферных явлений

– гидрометеоры и литометеоры (облака, туманы, дождь, снег, иней, метель, позёмки). Например: *В феврале Крымские горы становятся зимней сказкой: деревья кутаются в серебристый иней, водопады превращаются в хрустальные арки и колонны, а склоны и вершины покрываются сверкающими снежными шапками... пляжи часто покрыты седым туманом* [31].

– электрические и оптические явления (гроза, молния, радуга, полярное/северное сияние, заря). Например: *Созерцание зеленых сполохов в темном северном небе способно свести с ума.. наблюдаются зеленые «танцы» свечения, но если повезет, то вы увидите целое представление цветов: желтого, пурпурного, фиолетового, лилового, лазурного, белого... на небе колыхается фантастический зелёный занавес, в котором мелькают красноватые сполохи... в ночном небе из ниоткуда появляются зелёные, синие или фиолетовые волны, которые непрерывно движутся, словно вода в море* [48].

5. Наименования времен года

– весна, лето, осень, зима. Например: *Горный Алтай – удивительный край, пленяющий своей красотой. Это рай для экологического туризма. Осень на Алтае пленяет особенным сибирским калоритом: леса, отливающие золотом, горные вершины, сверкающие белоснежными шапками. А в свете этих белоснежных вершин и золотых красок осени – реки и озера, играющие изумрудными, лазурными и бирюзовыми отливами – необыкновенное зрелище* [32].

6. Наименования еды и напитков. Говоря о данной тематической группе, следует выделить винные туры, репрезентируя дегустационные возможности которого, рекламный туристический нарратив использует богатую палитру цветовых оттенков и различную степень их интенсивности: *рыжий, старое/желтое/бледное/зеленое золото, позолоченный, соломенно-желтый, желто-зеленый, золотисто-желтый, бледно-желтый, бледно-желтый с оттенками зеленого, темный/светлый янтарь, топаз, медь, бронза, янтарный, терракотовый, гранат, фиолетовый, пурпурный, рубин, черешня/красная черешня, малина/розовая малина/малина с фиолетовым оттенком, грязно-белый, с розоватый блеском, оранжевый, луко-*

вая шелуха, оранжево-красный, красно-коричневый и т.д. Цветовая перцепция передают комплексное восприятие вкусовых ощущений вина, что позволяет достичь эстетического воздействия и пробудить воображение реципиента. Например: *Ribeca – темно-рубиновое, почти черное вино; живой, яркий аромат вишни, лакрицы, влажного подлеска, сахаренных фруктов... Вино... очень живое, мгновенно согревающее... женственное вино* [33].

Лексические единицы с вторичной цветовой номинацией активно используются в рекламном туристическом нарративе для формирования компаративной семантики. Структурно-семантические особенности вторичных цветообозначений позволяет отнести их к реализованным сравнениям, т.к. они демонстрируют результат сопоставления предметов, а не описывают его процесс: *кораллово-красный, дымчато-синий, оливково-жёлтый, жемчужно-белый, изумрудно-зеленый и т.д.* Например: *Острова архипелага поражают белизной песка, бирюзой вод, пурпуром кораллов... Яркий контраст идеально прозрачной воды насыщенного бирюзового оттенка и жемчужно-белого песка...* [40].

Вторичные цветообозначения в рекламном туристическом нарративе образуют и стандартные сравнительные конструкции. Как известно, полный вариант сравнения предполагает наличие объекта, эталона, основания сравнения, вспомогательного элемента, который может быть эксплицирован словами, относящимися к разным частям речи – союзами, существительными, прилагательными, глаголами: *как, будто, словно; образец, отражение, копия; подобный, похожий; походить, напоминать, казаться, а также наречиями подобно, точь-в-точь, точно; частицами как бы, лучше.* Сравнительные конструкции с вторичными цветообозначениями служат в туристическом нарративе средством создания локально-темпоральных параметров текста нарратива, репрезентируя мир локального интереса – дестинацию, средством создания образов, оценки и экспрессии, привлекают и удерживают внимание, обладая высоким прагматическим потенциалом. Например: *Гран-Канария – резиденция солнца... Песок здесь сияет на солнце, словно золото,*

а в вечерний закат переливается нежно-розовыми оттенками. Пико-де-лас-Нивесес... зимой она покрыта снегом, словно белым покрывалом [41].

Как известно, с лексико-семантической точки зрения цветообозначения могут быть узуальными (общеупотребительными согласно словарным данным) или окказиональными (незафиксированными словарями в качестве названий цвета). Окказиональные образования рассматриваются нами в функции метафоры (в широком ее определении) и определяются как окказиональные цветочные метафоры. Как отмечает Л.В. Печеникова, «многие из простых и составных цветоименований с «вторичным» значением цвета являются окказиональными», «для них характерна функциональная ограниченность и неразрывная связь с контекстом» [20, с. 19–21]. Исходя из того, что характерным признаком окказионализмов является их зависимость от контекста, в настоящем исследовании под окказиональным значением мы понимаем контекстуальное значение слова.

Окказиональные цветочные метафоры в рекламном туристическом нарративе представлены одноосновными лексическими единицами с вторичной цветочной номинацией, составными, сложными цветообозначениями и сочетаниями, которые «являются не единицами словаря, а единицами речи, образованными в соответствии со структурными схемами, по-разному наполняющимися» [Там же, с. 19]. Так, репрезентируя вино-гастрономические туры, рекламный туристический нарратив актуализирует целую палитру цветочных окказиональных слов и словосочетаний, получивших семантическое переосмысление в результате метафоризации: *нежно-лососевый цвет, соломенный цвет с золотистым блестящим оттенком, блестящий золотисто-желтый цвет, пурпурный цвет смородины, багрово-красный цвет, глубокий красный с пурпурным подтоном, рубиново-гранатовый, пурпурно-красный, лимонно-зеленый (цвета лайма), с луковичным оттенком, гранатовые и кирпично-красные тона, багровый лист, мороженая клюква, фиолетово-синева и малиновые оттенки красного цвета и др.* Например:

Bardolino... рубиново-красного цвета. Деликатно фруктовое, с нотами красных ягод (вишни, клубники, малины, смородины) и специй (корица, гвоздика, черный перец). Вино питкое, очень гастрономичное. Chiarretto... Цвет варьируется от лепестка розы до коралла [37]. Как показывает материал исследования, окказиональные цветочные метафоры, являясь приемом воздействия, построены в основном по продуктивным языковым моделям, выступают в собственно номинативной, экспрессивной и акцентной функциях.

Для рекламного туристического нарратива характерно использование прецедентных феноменов, имеющих в своем составе вторичные цветообозначения. Прецедентные феномены определяются, в частности, как феномены актуальные в когнитивном (познавательном и эмоциональном) плане, сферами-источниками которых являются социальная область, (политика, экономика, образование, развлечения, медицина, война, криминал, спорт); область искусств (литература, театр и кино, изобразительные искусства, музыка, архитектура, мифология и фольклор); область (математика, физика, химия, биология, история, география, филология); область религии [19, с. 89–90].

Анализ материала показал, что прецедентные феномены с лексическими единицами с вторичной цветочной номинацией реализуются в основном в форме прецедентных высказываний. В качестве источников прецедентности выступают цитаты из поэтических произведений и художественной литературы: *Унылая пора! Очей очарованье! Приятна мне твоя прощальная краса – Люблю я пышное природы увяданье, В багрец и в золото одетые леса [32]*; высказывания широко известного человека: *Небо, как бирюза, лазурное море и горы, как изумруд, воздух, как на небе - так писал о Майорке Шопен [34]*; фразеологизмы (идиомы, пословицы и поговорки, крылатые слова); *И хотя за окном уже полетели белые мухи, а ветер закружил в танго золотые листья, это не повод отказывать себе в отдыхе [36]*. Употребление прецедентных феноменов в рекламном туристическом нарративе способствует созданию информационно-образных, оценочных и экспрессивных эффектов, что способствует повышению эффективности функции воздействия.

Заключение

В настоящем исследовании мы обратились к проблеме функционирования цветowych метафор в рекламном туристическом нарративе. Цветообозначения составляют один из важнейших компонентов любой лингвокультуры, играют значимую лексико-семантическую и стилистическую роли. Благодаря цветообозначениям, образный строй текста (в том числе и текста рекламного туристического нарратива) приобретает особую эмоциональность и выразительность, реализуя на лексическом уровне свой эстетический потенциал.

Анализ материала позволил сделать вывод о том, что метафоризация является одним из основных путей изменения значения цветообозначений и основным способом вторичной номинации. Вторичные цветообозначения, являясь в своем большинстве адъективными метафорами цвета, характеризуются разнообразием состава, богатством значений и ассоциативных связей, символическим значением.

Классификация вторичных цветообозначений по характеру мотивировочных признаков показала, что они характеризуются высокой степенью продуктивности, а наиболее распространенными мотивационными категориями в рекламном туристическом нарративе являются наименования минералов и драгоценных камней, фитонимы и флоронимы, вода и водные пространства, небесная сфера, напитки.

Лексические единицы с вторичной цветовой номинацией активно используются в рекламном туристическом нарративе в качестве реализованных и стандартных сравнительных конструкций, окказиональных цветowych метафор. Характерным является и использование прецедентных феноменов, имеющих в своем составе вторичные цветообозначения.

Исследование показало, что лексические единицы с вторичной цветовой номинацией в рекламном туристическом нарративе содержат в своей структуре коннотативный оценочный компонент, который тесно взаимодействует с экспрессивностью и эмоциональностью, что дополнительно подчеркивает оценочность.

Список литературы

1. Алымова Е.Н. Цвет как лингвокогнитивная категория в русской языковой картине мира: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Санкт-Петербург, 2007. 18 с.
2. Астахова Я.А. Цветообозначения в русской языковой картине мира: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2014. 27 с.
3. Барбина Н.С. Аргументация как языковая деятельность (биологический подход) // Вестник СВФУ. № 1 (57). 2017. С. 78–85.
4. Бахилина Н.Б. История цветообозначений в русском языке. Москва: Наука, 1975. 288 с.
5. Боброва Е.А. Концептуальная метафора как способ категоризации окружающей действительности на примере метафоры движения по пути // Известия ИГЭА. Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2013. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptualnaya-metafora-kak-sredstvo-kategorizatsii-okruzhayushey-deystvitelnosti-na-primere-metafory-dvizheniya-po-puti> (дата обращения: 02.05.2020).
6. Борисова Д.Н. К проблеме выбора термина для названия форм цветообозначения в языке // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. Вып. 3. № 1 (122). 2008. С. 32–37.
7. Брагина А.А. «Цветовые» определения и формирование новых значений слов и словосочетаний // Лексикология и лексикография: Сборник статей / Редколлегия: С.Г. Бархударов (пред.) и др. Москва: Наука, 1972. С. 73–104.
8. Василевич А.П. Исследование лексики в психолингвистическом эксперименте: на материале цветообозначения в языках разных систем. Отв. ред. В.Н. Телия. М.: Наука, 1987. 138 с.
9. Василевич А.П., Кузнецова С.Н., Мищенко С.С. Цвет и названия цвета в русском языке. М.: КомКнига, 2005. 16 с.
10. Гайдукова Т.М. Цветовая метафора в антропоцентрической сфере (на материале немецкого языка) // Вестник ВятГУ. 2012. № 4 (2). С. 68-73. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsvetovaya-metafora-v-antropotsentricheskoy-sfere-na-materiale-nemetskogo-yazyka> (дата обращения: 04. 04. 2020).

11. Гагауллини Л.Р. Роль цветообозначений в концептуализации мира (На материале фразеологизмов английского, немецкого, французского, русского и татарского языков): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2005. 24 с.
12. Зольникова Ю.В. Цветовые фразеологизмы как фрагмент идиоматической картины мира русского и немецкого языков: на материале лексикографических источников: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тюмень, 2010. 23 с.
13. Кербер Е.В., Костерина Ю.Е. Цветовая метафора в англоязычной экономической терминологии // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2017. № 6 (72). В 3-х ч. Ч. 1. С. 89–91. URL: <https://www.gramota.net/materials/2/2017/6-1/26.html> (дата обращения: 06.03.2020).
14. Кобозева И.М. К формальной репрезентации метафор в рамках когнитивного подхода // Диалог-2002. М.: РосНИИИИ, 2002. Т. 1. С. 188–196. URL: <http://www.dialog-21.ru/digest/2002/articles/kobozeva/> (дата обращения: 19.07.2020).
15. Костюшкина Г.М., Козлова Н.Н. Концептуальная метафоризация цветообозначения // Внутренний мир человека: эмоции, когниция, коммуникация: сборник научных статей. Абакан: Изд-во ХГУ им. Н.Ф. Катанова, 2017. С. 119–125.
16. Костюшкина Г.М., Ван Чжо. Роль языковой игры в реализации экспрессивно-оценочной стратегии в рекламном слогане // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2018. № 5(83). Ч. 2. С. 336–341.
17. Кузьмина М.А. Метафорические прилагательные-цветообозначения в русском и итальянском языках (на материале толковых словарей) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2008. Т. 7. Вып. 2. С. 3–9. URL: <https://nsu.ru/xmlui/handle/nsu/5647> (дата обращения: 05.06. 2020).
18. Макеенко И.В. Семантика цвета в разноструктурных языках: Универсальное и национальное: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 1999. 20 с.
19. Нахимова Е.А. Прецедентные имена в массовой коммуникации: монография. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2007. 207 с.

20. Печеникова Л.В. Цветообозначения в рекламном дискурсе (на материале англо-американской и российской рекламы предметов быта): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2006. 23 с.
21. Резанова З.И. Метафорический фрагмент русской языковой картины мира: идеи, методы, решения // Вестник Томского государственного университета. Томск, 2010. № 1(9). С. 6–43. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metaforicheskiy-fragment-russkoy-yazykovoy-kartiny-mira-idei-metody-resheniya> (дата обращения: 01.04.2020).
22. Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000). Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2001. 38 с.
23. Berlin B., Kay P. Basic Color Terms: their Universality and Evolution. Berkeley; Los Angeles: U. of California Press, 1969. 178 p.
24. http://art-travel.ru/countries/Vietnam/otdyh_na_more (дата обращения: 01.03.2020).
25. <http://atlantistk.kiev.ua/start/home/country/id/10> (дата обращения: 11.06.2020).
26. <http://clubtravel-vg.ru/rechnye-kruizy> (дата обращения: 16.05.2020).
27. <http://guide.travel.ru/slovakia/3706.html> (дата обращения: 01.06.2020).
28. <http://kmp.ru/tours/plyazhnyy-otdykh/?nav-more=page-2> (дата обращения: 12.04.2020).
29. <http://latintour.ru/dominikanskaya-respublika/do-info/vibor-turoperatora.html> (дата обращения: 19.04.2020).
30. <http://svsvb.tomsk.ru/28/> (дата обращения: 17.05.2020).
31. <http://www.atorus.ru/news/operatorsnews/new/45872.html> (дата обращения: 2.05.2020).
32. <http://www.sovet-turistu.ru/advice/sovety/general/115-kuda-poehat-osenu-10-samyh-krasivyh-mest.html> (дата обращения: 18.04.2020).
33. <http://www.tris.travel/italy/sicilia/index.php?link=22> (дата обращения: 16.05.2020).
34. <http://www.tsvet-tur.ru/> (дата обращения: 03.06.2020).
35. <http://www.visitburiatia.ru/baikal/> (дата обращения: 30.05.2020).
36. <https://almanhsidorov.ru/kuda-poehat-otdyhat-v-noyabre/> (дата обращения: 05.06.2020).

37. <https://gastrotravel.club/blog/lake-garda-wines> (дата обращения: 05.06.2020).
38. <https://jordan.tury.ru/resort/2807> (дата обращения: 01.05.2020).
39. <https://lukomorie.ru/kareliya-odno-iz-luchshih-mest-v-rossii-dlya-otdyha-osenyu/> (дата обращения: 02.06.2020).
40. <https://travel-times.ru/strany/maldivy> (дата обращения: 15.05.2020).
41. <https://www.atlantravel.ru/strany/ispaniya/goroda-i-kurorty/morskije-kurorty/gran-kanariya.html> (дата обращения: 03.04.2020).
42. <https://www.coral.ru/elite-service/idei-otdyha/plyazhnyy-otdih/> (дата обращения: 14.05. 2020).
43. <https://www.delfin-tour.ru/tours/3148.html> (дата обращения: 09.06.2020).
44. <https://www.mouzenidis-travel.ru/greece/article/santorini-greece> (дата обращения: 19.05.2020).
45. <https://www.mouzenidis-travel.ru/greece/article/chalkidiki-greece> (дата обращения: 04.06. 2020).
46. <https://www.sodis.ru/disps?s=typetravel&id=427223> (дата обращения: 07.05.2020).
47. <https://34travel.me/post/rassvety-zakaty-kyiv> (дата обращения: 01.06.2020).
48. <https://xn--d1ahbkp1a5gd.xn--plai/aziya/severnoe-siyanie-v-murmanske-foto-kogda-byvaet-gde-uidet-posmotret-tury-na-severnoe-siyanie-v-murmansk.html> (дата обращения: 11.06.2020).
49. Kostyushkina G.M., Kozlova N.N. Conceptual Metaphorization of Colour Terms // *International Journal of Innovation, Creativity and Change*. 2019. Vol. 8. Issue 10, pp. 141–152. URL: https://www.ijcc.net/images/vol8iss10/81018_Kostyushkina_2019_E_R.pdf. (accessed June 08, 2020).
50. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live By*. Chicago: University of Chicago Press, 1980. 242 p.
51. Lakoff G. *The Contemporary Theory of Metaphor* // *Metaphor and Thought*. Edited by Andrew Ortony. Cambridge; N.Y.: Cambridge University Press, 1993, pp. 202–251.
52. MacCormack E.R. *Cognitive Theory of Metaphor*. Cambridge, Mass.: MIT Press, 1985. 245 p.

53. MacLaury R.E. Color and cognition in Mesoamerica: constructing categories as vantages. Austin: University of Texas Press, 1997. 616 p.
54. Wyler S. Colour and language: colour terms in English. Tübingen: Gunter Narr Verlag, 1992. 203 p.
55. Roos E. Idiom und Idiomatik: Ein sprachliches Phänomen im Lichte der kognitiven Linguistik und Gestalttheorie. Aachen: Shaker, 2001. 357 S.
56. Steinvall, A. English Colour Terms in Context. PhD Dissertation. Umea: Umea universitet, 2002. 277 p.

References

1. Alymova E.N. *Tsvet kak lingvokognitivnaya kategoriya v russkoy yazykovoy kartine mira* [Color as a linguo-cognitive category in the Russian language picture of the world]. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. St. Petersburg, 2007. 18 p.
2. Astakhova Ya.A. *Tsvetooboznacheniya v russkoy yazykovoy kartine mira* [Color designations in the Russian linguistic picture of the world]. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Moscow, 2014. 27 p.
3. Barebina N.S. Argumentatsiya kak yazykovaya deyatel'nost' (biokognitivnyy podkhod) [Argumentation as languaging (a biocognitive view)]. *Vestnik SVFU*. № 1 (57). 2017, pp. 78–85.
4. Bakhilina N.B. *Istoriya tsvetooboznacheniy v russkom yazyke* [The history of color designations in the Russian language]. Moscow: Nauka, 1975. 288 p.
5. Bobrova E.A. Kontseptual'naya metafora kak sposob kategorizatsii okruzhayushchey deystvitel'nosti na primere metafory dvizheniya po puti [Metaphorical concept as a way of categorizing the outside world by the example of the metaphor of travel]. *Izvestiya IGJeA*. Irkutsk: Izd-vo BGUJeP, 2013. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptualnaya-metafora-kak-sredstvo-kategorizatsii-okruzhayushchey-deystvitelnosti-na-primere-metafory-dvizheniya-po-puti>.
6. Borisova D.N. K probleme vybora termina dlya nazvaniya form tsvetooboznacheniya v yazyke [The problem of choosing the term for forms of color terms in the language]. *Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. Iskusstvovedenie*. Issue 3. № 1 (122). 2008, pp. 32–37.

7. Bragina A.A. Tsvetovye opredeleniya i formirovanie novykh znacheniy slov i slovosochetaniy [Colour designations and the formation of new word meanings and phrases]. *Leksikologija i leksikografija: Sbornik statej*. Moscow, Nauka, 1972, pp. 73–104.
8. Vasilevich A.P. *Issledovanie leksiki v psikholingvisticheskom eksperimente: na materiale tsvetooboznacheniya v yazykakh raznykh sistem* [Study of the vocabulary in a psycholinguistic experiment: on the material of color terms in the languages of different systems]. Moscow, Nauka, 1987. 139 p.
9. Vasilevich A.P., Kuznetsova S.N., Mishchenko S.S. *Tsvet i nazvaniya tsveta v russkom yazyke* [Color and color names in Russian]. Moscow: KomKniga, 2005. 16 p.
10. Gaydukova T.M. Tsvetovaya metafora v antropotsentricheskoy sfere (na materiale nemetskogo yazyka) [Colour metaphor in anthropocentric sphere (on material of the German language)]. *Vestnik VjatGU*. 2012. № 4 (2), pp. 68–73. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsvetovaya-metafora-v-antropotsentricheskoy-sfere-na-materiale-nemetskogo-yazyka>.
11. Gataullina L.R. *Rol' tsvetooboznacheniy v kontseptualizatsii mira (Na materiale frazeologizmov angliyskogo, nemetskogo, frantsuzskogo, russkogo i tatarskogo yazykov)* [The role of color terms in the conceptualization of the world: on the material of the phraseological units of the English, German, French, Russian and Tatar languages]: Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Ufa, 2005. 24 p.
12. Zol'nikova Yu.V. *Tsvetovye frazeologizmy kak fragment idiomaticheskoy kartiny mira russkogo i nemetskogo yazykov: na materiale leksikograficheskikh istochnikov* [Color phraseological units as a fragment of the idiomatic picture of the world of the Russian and German languages: by the material of lexicographic sources]: Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Tyumen, 2010. 23 p.
13. Kerber E.V., Kosterina Yu.E. Tsvetovaya metafora v angloyazychnoy ekonomicheskoy terminologii [Colour metaphor in the English economical terminology]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. Tambov, Gramota, 2017. № 6 (72). V 3-h ch. Ch 1, pp. 89–91. URL: <https://www.gramota.net/materials/2/2017/6-1/26.html>.

14. Kobozeva I.M. K formal'noy reprezentatsii metafor v ramkakh kognitivno-go podkhoda [To the formal representation of metaphors in the framework of cognitive approach]. *Dialog-2002*. Moscow: RosNIIMI, 2002. V. 1, pp. 188–196. URL: <http://www.dialog-21.ru/digest/2002/articles/kobozeva/>
15. Kostyushkina G.M., Kozlova N. N. Kontseptual'naya metaforizatsiya tsvetoobo-znacheniya [Conceptual Metaphorization of Colournomination]. *The inner world of a person: emotions, cognition, communication*. Abakan, 2017, pp. 119–125.
16. Kostyushkina G. M., Van Chzho. Rol' yazykovoy igry v realizatsii ehkspressivno-otsenochnoy strategii v reklamnom slogane [Role of word play in implementation of expressive evaluative strategy in advertising slogan]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. Tambov: Gramota, 2018. № 5(83). Part 2, pp. 336–341.
17. Kuz'mina M.A. Metaforicheskie prilagatel'nye-tsvetooboznacheniya v russkom i ital'yanskom yazykakh (na materiale tolkovykh slovarey) [Metaphorical color adjectives in Russian and Italian (on the material of explanatory dictionaries)]. *Vestnik NGU. Seriya: Istorija, filologija*, 2008. V. 7 №. 2, pp. 3–9. URL: <https://nsu.ru/xmlui/handle/nsu/5647>.
18. Makeenko I.V. *Semantika tsveta v raznostrukturnykh yazykakh: Universal'noe i natsional'noe* [Color semantics in multi-structural languages: universal and national]. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Saratov, 1999. 20 p.
19. Nakhimova E.A. *Pretsedentnye imena v massovoy kommunikatsii* [Precedent names in mass communication]. Yekaterinburg: Ural. gos. ped. un-t, 2007. 207 p.
20. Pechennikova L.V. *Tsvetooboznacheniya v reklamnom diskurse (na materiale anglo-amerikanskoy i rossiyskoy reklamy predmetov byta)* [Color designation in the advertising discourse (by the material of the Anglo-American and Russian advertising household items)]. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Saratov, 2006. 23 p.
21. Rezanova Z.I. Metaforicheskiy fragment russkoy yazykovoy kartiny mira: idei, metody, resheniya [Metaphorical fragment of the Russian language picture of the world: ideas, methods, solutions]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. Tomsk, 2010. № 1(9), pp. 6–43. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metaforicheskiy-fragment-russkoy-yazykovoy-kartiny-mira-idei-metody-resheniya>.

22. Chudinov A.P. *Rossiya v metaforicheskom zerkale: kognitivnoe issledovanie politicheskoy metafory (1991–2000)* [Russia in the metaphorical mirror: cognitive study of the political metaphor (1991–2000)]. Yekaterinburg: Ural. gos. ped. un-t, 2001. 238 p.
23. Berlin B., Kay P. Basic Color Terms: their Universality and Evolution. Berkeley; Los Angeles: U. of California Press, 1969. 178 p.
24. http://art-travel.ru/countries/Vietnam/otdyh_na_more.
25. <http://atlantistk.kiev.ua/start/home/country/id/10>.
26. <http://clubtravel-vg.ru/rechnye-kruizy>.
27. <http://guide.travel.ru/slovakia/3706.html>.
28. <http://kmp.ru/tours/plyazhnyy-otdykh/?nav-more=page-2>.
29. <http://latintour.ru/dominikanskaya-respublika/do-info/vibor-turoperatora.html>.
30. <http://vsvsb.tomsk.ru/28/>.
31. <http://www.atorus.ru/news/operatorsnews/new/45872.html>.
32. <http://www.sovet-turistu.ru/advise/sovety/general/115-kuda-poehat-osenyu-10-samyh-krasivyh-mest.html>.
33. <http://www.tris.travel/italy/sicilia/index.php?link=22>.
34. <http://www.tsvet-tur.ru/>.
35. <http://www.visitburyatia.ru/baikal/>.
36. <https://almanahsidorov.ru/kuda-poehat-otdyxat-v-noyabre/>.
37. <https://gastrotravel.club/blog/lake-garda-wines>.
38. <https://jordan.tury.ru/resort/2807>.
39. <https://lukomorie.ru/kareliya-odno-iz-luchshih-mest-v-rossii-dlya-otdyha-osenyu>.
40. <https://travel-times.ru/strany/maldivy>.
41. <https://www.atlantravel.ru/strany/ispaniya/goroda-i-kurorty/morskie-kurorty/gran-kanariya.html>.
42. <https://www.coral.ru/elite-service/idei-otdyha/plyazhnyy-otdih/>.
43. <https://www.delfin-tour.ru/tours/3148.html>.
44. <https://www.mouzenidis-travel.ru/greece/article/santorini-greece>.
45. <https://www.mouzenidis-travel.ru/greece/article/chalkidiki-greece>.
46. <https://www.sodis.ru/disp?s=typetravel&id=427223>.
47. <https://34travel.me/post/rassvety-zakaty-kyiv>.

48. <https://xn--d1ahbkkp1a5gd.xn--p1ai/aziya/severnoe-siyanie-v-murmanske-foto-kogda-byvaet-gde-uidet-posmotret-tury-na-severnoe-siyanie-v-murmansk.html>.
49. Kostyushkina G.M., Kozlova N.N. Conceptual Metaphorization of Colour Terms [Electronic resource]. *International Journal of Innovation, Creativity and Change*. 2019. Vol. 8. Issue 10, pp. 141–152. URL: https://www.ijicc.net/images/vol8iss10/81018_Kostyushkina_2019_E_R.pdf.
50. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live By*. Chicago: University of Chicago Press, 1980. 242 p.
51. Lakoff G. *The Contemporary Theory of Metaphor. Metaphor and Thought*. Edited by Andrew Ortony. Cambridge; N.Y.: Cambridge University Press, 1993, pp. 202–251.
52. MacCormack E.R. *Cognitive Theory of Metaphor*. Cambridge, Mass.: MIT Press, 1985. 245 p.
53. MacLaury R.E. *Color and cognition in Mesoamerica: constructing categories as vantages*. Austin: University of Texas Press, 1997. 616 p.
54. Wyler S. *Colour and language: colour terms in English*. Tübingen: Guntner Narr Verlag, 1992. 203 p.
55. Roos E. *Idiom und Idiomatik: Ein sprachliches Phänomen im Lichte der kognitiven Linguistik und Gestalttheorie*. Aachen: Shaker, 2001. 357 S.
56. Steinvall, A. *English Colour Terms in Context*. PhD Dissertation. Umea: Umea universitet, 2002. 277 p.

ДАнные ОБ АВТОРЕ

Меньшикова Екатерина Евгеньевна, доцент кафедры иностранных языков, кандидат филологических наук
Байкальский государственный университет
ул. Ленина, 11, г. Иркутск, 664003, Российская Федерация
canoe@list.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Menshikova Ekaterina Evgen'evna, Senior Lecturer, Foreign Languages Department, Candidate of Philology
Baikal State University
11, Lenin St., Irkutsk, 664003, Russian Federation
canoe@list.ru

DOI: 10.12731/2077-1770-2020-5-257-271

УДК 811.111

**ОСОБЕННОСТИ
СТИЛИСТИЧЕСКОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ
И ЭКСПРЕССИВНЫХ СРЕДСТВ АНГЛИЙСКОГО
ЯЗЫКА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ У. ШЕКСПИРА
И Э. ДИКИНСОН**

*Мосолкова (Костицына) М.Г.,
Марданишина Р.М., Калганова Г.Ф.*

***Цель.** В данной статье рассматривается проблема языковой эквивалентности, роль и степень воздействия сонетов и пьес Уильяма Шекспира на лексический и идейный контент поэзии Эмили Дикинсон. Анализируются возможные совпадения, идентичные замыслы, ключевые образы в поэзии обоих авторов.*

В рамках данного исследования:

- показывается влияние творчества У. Шекспира на формирование языковой личности и картины мира Э. Дикинсон;*
- проводится синхронный анализ сонетов У. Шекспира и стихов Э. Дикинсон;*
- выделяются темы и ключевые образы, повторяющиеся в творчестве обоих авторов;*
- анализируются особенности стилистического воздействия и экспрессивных средств английского языка на примере произведений У. Шекспира и Э. Дикинсон.*

***Объектом исследования** являются произведения У. Шекспира и стихи Э. Дикинсон.*

***Метод и методология проведения работы.** Основу исследования составляет лингвистический, сравнительно-сопоставительный и переводческий анализ. Контекстный анализ применён для рассмотрения экспрессивной лексики в стихотворной речи.*

***Актуальность исследования** обусловлена недостаточной изученностью языковой личности Э. Дикинсон отечественными исследователями.*

дователями, в то время как феномен данного автора и ее творчество всегда остаются в фокусе зарубежного языкознания и литературоведения. Требуется дополнительный анализ идейно-образной переклички произведений У. Шекспира и Э. Дикинсон.

Научная новизна. Раскрывается мир языковой личности Э. Дикинсон, её картина мира; предлагается свой вариант перевода. Посредством синхронного анализа (сопоставительного анализа) идентифицируется совпадение идей, образов, стилистических приёмов, экспрессивных средств изучаемых авторов.

Результаты. Авторами обосновано создание единой театральной картины мира, выявлены схожие экспрессивные средства, трактовки тем, образов и метафор в произведениях Э. Дикинсон и У. Шекспира. Инверсия, повтор, использование эпистолярный как художественного жанра в тексте произведений Э. Дикинсон являются результатом стилистического воздействия творчества великого У. Шекспира.

Область применения результатов. Полученные результаты могут быть использованы в курсах по переводоведению и языкознанию.

Ключевые слова: Э. Дикинсон; У. Шекспир; языковая личность; английский язык; экспрессивные средства; идеи; стилистические приёмы.

FEATURES OF STYLISTIC INFLUENCE AND EXPRESSIVE MEANS OF THE ENGLISH LANGUAGE IN THE POETRY OF W. SHAKESPEARE AND E. DICKINSON

*Mosolkova (Kostitsyna) M.G.,
Mardanshina R.M., Kalganova G.F.*

Purpose. This article considers the problem of language equivalence, influence of William Shakespeare's sonnets and plays on the lexical and ideological content of Emily Dickinson's poetry, her language personality and world picture; analyses possible coincidences, identical ideas, and key images in the poetry of both authors; undertakes simultaneous analysis

of W. Shakespeare's sonnets and E. Dickinson's poems; highlights themes and key images that are repeated in the work of both authors; researches the peculiarities of stylistic influence and expressive means of the English language on the example of works by W. Shakespeare and E. Dickinson.

The object of research is the sonnets and plays of W. Shakespeare and poems by E. Dickinson.

Method and methodology of the work. The research is based on linguistic, comparative and translation analysis. Contextual analysis is applied to the consideration of expressive vocabulary in poetic speech.

The relevance of the research is due to the insufficient study of E. Dickinson's language personality by domestic researchers, while the creative phenomenon of E. Dickinson and her work always remain in the focus of foreign linguistics and literary studies. An additional analysis of the ideological and figurative roll – call of the works of W. Shakespeare and E. Dickinson is required.

Scientific novelty. The authors reveal the world of E. Dickinson's linguistic personality, her worldview, and propose their own version of the translation. By means of comparative analysis, the coincidence of ideas, images, stylistic techniques, and expressive means of the studied authors are identified.

Results. The authors substantiate the creation of a unified theatrical picture of the world, identify similar expressive means, interpretations of themes, images and metaphors in the works of E. Dickinson and W. Shakespeare. Inversion, repetition, and the use of epistolary as an artistic genre in the text of E. Dickinson's works are the result of the stylistic influence of the great W. Shakespeare's work.

Practical implications. The results obtained can be used in translation and linguistics courses.

Keywords: E. Dickinson; W. Shakespeare; language personality; English; expressive means; ideas; stylistic techniques.

Экспрессивность является в настоящее время одной из наиболее активно исследуемых лингвистических категорий. Интерес к проблеме экспрессивности объясняется вниманием к “языковой

личности”’. Под языковой личностью мы понимаем носителя языка, использующего средства данного языка для отражения окружающей действительности, трактуемой как картина мира, а экспрессивность выступает как феномен языковой личности и ее субъективных интенций.

Эмили Дикинсон (1830–1886) жила и творила в период, когда имя Уильяма Шекспира было хорошо известно в американской культуре. Его произведения широко обсуждались в разных социальных кругах, а его жизнь порой становилась объектом горячих обсуждений и порождала многочисленные домыслы. Амхерст, городок в округе Хэмпшир, штат Массачусетс, США, где родилась и жила Э. Дикинсон, не стал исключением. Судя по многочисленным цитатам в её корреспонденции и стихах, очевидно, что девушке, рожденной в 19 в. в Новой Англии и воспитывавшейся строгим и требовательным отцом, было хорошо известно творчество У. Шекспира не только по полным версиям его произведений, не адаптированным и цензурированным, как того требовали правила воспитания юных леди того времени. В 1850-х гг. наряду со студентами, выпускниками и тьюторами колледжа Амхерст Дикинсон являлась активным участником Клуба Шекспира, где проходили чтения и обсуждения произведений английского автора. Известен случай, когда на одном из заседаний клуба тьютором было предложено отмечать «сомнительные отрывки» (the questionable passages) в произведениях Шекспира, участницы Клуба отказались делать это, а Эмили горделиво покинула встречу со словами, что у Шекспира нет злого умысла, а если даже и есть, она не хочет знать об этом («There is nothing wicked in Shakespeare, and if there is I don't want to know about it» [16, p. 254]. Его творчество также широко обсуждалось в публикациях литературных периодических изданий *The Indicator* и *Amherst Collegiate Magazine*. Являясь большим поклонником его произведений, поэтесса никогда не подвергала сомнению авторство работ Шекспира и выступала против цензуры его текстов. Он стал для неё абсолютной величиной и непревзойденной фигурой в мировой культуре. В 1873 г. в знаменитом письме Франклину Бен-

джамину Санборну, редактору газеты the Springfield Republican, новоанглийская поэтесса пишет: «... тот обрёл своё будущее, кто открыл для себя Шекспира» [15, p. 78–94].

Существует ряд значимых зарубежных исследований, посвященных разным аспектам влияния произведений У. Шекспира на творчество поэтессы. Особого внимания заслуживает книга профессора английской и американской литературы П. Финнерти «Шекспир Эмили Дикинсон» («Emily Dickinson's Shakespeare»). Восприятие творчества английского поэта и драматурга рассмотрено через призму американской культуры 19 в. по трем направлениям: афористичность Шекспира; исполнение шекспировских произведений; и комично-преувеличенное подражание Шекспиру в литературном или драматическом произведении [15].

В фокусе исследований А. Шеврие-Боссо – влияние шекспировской театральности на формирование её лирического Я [11].

Говоря об отечественном литературоведении и языкознании, нельзя не упомянуть статью Г. Кружкова «Таинственный придаток»: Эмили Дикинсон и интертекстуальность». По утверждению автора, в письмах Дикинсон цитируются или упоминаются имена более ста писателей и поэтов, некоторые из которых ей были особенно дороги – Дж. Китс, Э. Баррет Браунинг и её супруг Р. Браунинг. Но особая тема – Дикинсон и Шекспир, учеба у английского драматурга стала решающим фактором ее поэтического роста, поэтому в её стихах чувствуется шекспировская афористичность, парадоксальность, театральность [5].

Свою картину мира Шекспир выразил в знаменитом изречении: «All the world's a stage, and all the men and women merely players» [9, с. 10] (Весь мир – одна большая сцена. В нём играют роли женщины, мужчины (перевод М. Мосолковой)).

Дикинсон сохраняет данную модель, по-своему ее интерпретируя, делая акцент на человеческое сердце, что свидетельствует о наличии идейной переклички обоих авторов, единой картины мира. Присутствие шекспировских образов (Гамлет, Ромео и Джульетта) подчеркивает театральность поэзии Э. Дикинсон:

“Hamlet” to Himself were Hamlet –
Had not Shakespeare wrote –
Though the “Romeo” left no Record
Of his Juliet,

It were infinite enacted
In the Human Heart –
Only Theatre recorded
Owner cannot shut –

Гамлет – все Гамлет – сам для себя –
Спор его – тот же спор.
Когда говорит Ромео с Джульеттой –
Не суфлирует Шекспир.

Человеческое сердце –
Сцена для вечной игры –
И только этот Театр
Владелец не вправе закрыть.

(Перевод В. Марковой) [1]

Традиционная в поэзии тема любви трактуется У. Шекспиром и Э. Дикинсон в одном ключе: настоящая любовь немногословна, любит тишину, уединение. В сонете № 102 Уильяма Шекспира прослеживается следующая мысль:

«My love is strengthened, though more
weak in seeming,
I love not less, though less the show
appear ...
I sometime hold my tongue, because I
would not dull you with my song» [10]

..Любовь сильнее с каждым днём,
хоть кажется слабее.
Чем больше любим мы, –
растёт желанье скрыть.
Молчу, чтоб скуку ненароком
не навеять.
Люблю сильнее, но сказав,
боюсь я разлюбить!

(Перевод М. Мосолковой)

Э. Дикинсон продолжает эту идею:

The words the happy say
Are paltry melody
But those the silent feel
Are beautiful [3, с. 226]

В устах счастливых о любви слова
так мизерны,
Услышать красоту мелодии
её мы можем лишь в тиши.

(Перевод М. Мосолковой)

Одним из центральных образов темы поэта и поэзии у Шекспира является образ птицы (жаворонка), который олицетворяет самого поэта. Он раскрывается в сонете № 29 Шекспира:

Naply I think on thee, and then my state
(Like to **the lark** at break of day arising
From sullen earth) sings hymns at
heaven’s gate [10]

При мысли о тебе
Душа как птица
Поёт свой гимн
В небесные врата

(Перевод М. Мосолковой)

Аналогичную трактовку этого образа мы находим у Э. Дикинсон в стихотворениях № 1265 и № 861 и её эпистолярных:

Split the lark – and you'll find the Music!	Раскройте жаворонка –
Bulb after Bulb, in silver rolled –	Музыка польётся!
Scantily dealt to the Summer Morning	За трелью трель из серебра.
Saved for your Ear when Lutes be old.	Он сохранил её для слуха,
Стихотворение № 861 [14, p.71].	Летним утром
	Скупо расплатился,
	Чтоб старость лютни
	Не была страшна.

(Перевод М. Мосолковой)

Речь идёт о жаворонке, серебряная трель которого звучала всё лето с раннего утра. В своих письмах Дикинсон называла себя жаворонком, осознавая своё предназначение быть поэтом [12]. Она предлагает вскрыть жаворонка, чтобы посмотреть, есть ли у него внутри музыка, совершенно не боясь физиологических подробностей и возможных обвинений в кощунстве.

С темой смерти связан образ *небесных врат*, свидетельствующий о бессмертии души. Он встречается в приведенном отрывке из сонета № 29 У. Шекспира и повторяется в поэзии и письмах Э. Дикинсон: «I hope ... **the heavenly gates** will be opened...» (Letter to Abiah Root, 31 January 1846) [12, p. 27]. «Indeed it is God's house – and these are **gates of Heaven** (Letter to recipient unknown, about 1858) [там же, p. 333]. Стихотворение № 49, 1858: «Twice have I stood a beggar before **the door of God!**» [13, p. 54]. Стихотворение № 158, 1860: «Somebody run to **the great gate**» [там же, p. 163].

Таким образом, ключевые темы любви, смерти, поэта и поэзии, образы жаворонка, небесных врат совпадают у Шекспира и Дикинсон.

Способом организации высказывания, усиливающим его выразительность, являются стилистические приёмы – метафоры, инверсия, повторы и др. Наиболее существенным языковым средством выражения образного восприятия действительности выступает метафора.

Выделяют несколько функций индивидуально-авторских метафор:

а) эмоционально-оценочную, цель которой: передать субъективное отношение автора к изображаемому;

б) образную, при этом особенности авторского видения мира могут носить как категоричный, так условный характер [7].

Сравнивая метафорические образы обоих авторов в поэтическом контексте, мы также обнаружили совпадения, например, дом – место для души, времени рука, метафорическое определение слова «sweet» как «милый», метафорическое сравнение достоинств и мыслей с океаном и морем и т.д. Проиллюстрируем их на примерах.

В трактовке У. Шекспира и Э. Дикинсон душа живёт в доме (т.е. теле), который она покидает после смерти человека. В сонете № 146 У. Шекспир называет его (дом) наёмным:

Poor soul...	О, бедная душа!..
Why so large cost having so short a lease,	Зачем такую цену ты тратишь на
Dost thou upon thy fading mansion spend?	наёмный дом, на краткий срок?
[10]	(Перевод М. Мосолковой)

Э. Дикинсон в стихотворении № 132 уточняет:

The Props assist the House	Леса – опора Дому –
Until the House is built	Покуда строят Дом –
And then the Props withdraw	Затем их убирают –...
And adequate, erect,	Вот так и наша Жизнь
The House support itself	С рожденья не спеша
And cease to recollect	Растет – но падают леса
The Auger and the Carpenter –	И предстает Душа [1].
Just such a retrospect	
Hath the perfected Life –	
A past of Plank and Nail	
And slowness – then the Scaffolds drop	
Affirming it a Soul [1].	

У обоих авторов речь идет о недолговечности существования человека, о его временном пребывании в качестве гостя.

В творчестве обоих поэтов мы также находим метафорическое сравнение *времени* с силой рук.

В сонете № 64 У. Шекспир пишет:

When I have seen by Time's fell hand	Я был свидетелем,
defaced	Как времени рука
The rich proud cost of outworn buried	Стирает ценности
age [10]	Изношенного века.
	(Перевод М. Мосолковой)

В стихотворении Э. Дикинсон *образ времени* конкретизируется как мышцы рук и ног, придавая анатомический оттенок, характерный творчеству поэтессы:

They say that “time assuages”, –
Time never did assuage;
An actual suffering strengthens,
As sinews do, with age [3, с. 294]

Говорят, что время лечит.
Нет, оно не лечит.
А как мышцы рук и ног
Лишь с годами крепче.

(Перевод М. Мосолковой)

Еще одним стилистическим приемом, объединяющим поэзию У. Шекспира и Э. Дикинсон, выступает инверсия. «В основе инверсии лежит стремление рассказчика (или писателя) ярче выделить какой-либо элемент предложения путём постановки его на необычное место с тем, чтобы привлечь к нему внимание слушателя (или читателя). Начало предложения, естественно, больше всего фиксирует внимание слушателя, и, поэтому, при инверсии выделяемый элемент, как правило, передвигается на фронтальную позицию» [2, с. 206].

Например, в сонете У. Шекспира № 1 «From fairest creatures we desire increase...» [10] инверсия усиливает тему обращения к лучшим, светлейшим творениям, и сонет звучит как призыв не растратить свою красоту. В сонете № 13 выделяется образ смерти (coming end): «Against this coming end you should prepare...» [10], уточняется, объясняется цель нашего временного пребывания – нужно готовиться к приближающемуся концу, именно к нему. Обращаясь к творчеству Э. Дикинсон, в стихотворении «There’s a certain slant of light» в строке «Heavenly hurt it gives us» фронтальная позиция «Heavenly hurt» смягчает ниспосланную небесами рану [3, с. 86], а в четверостишии «Forbidden fruit a flavor has» [там же, с. 218] читатель ещё раз убеждается, в том, что у запретного плода особый вкус.

Дополнительную информацию эмоциональности, экспрессивности, стилизации передают повторы, которые служат важным средством связи внутри текста, так как выступают в качестве смыслового и эмоционального усилителя. Намеренное повторение одинаковых элементов поэтического текста характерно для обоих поэтов. Приведенные ниже примеры (Таблица 1) – свидетельство единоначалия или анафоры, которая состоит в повторе отдельных коротких слов (предлоги, артикли, союзы, вопросительные слова) для более точного выражения мысли или для придания ей большей выразительности и экспрессивной окраски.

Таблица 1.

Повторы

Лексические повторы	У. Шекспир	Э. Дикинсон
For	For shame! deny that thou bear'st love to any... For thou art so possess'd with murderous hate [10].	For whom I robbed the dingle, For whom betrayed the dell [3, с. 78].
Then, that	Then let not winter's ragged hand deface In thee thy summer... That use is not forbidden usury, Which happies those that pay the willing loan; That's for thyself to breed another thee, Or ten times happier, be it ten for one... Then what could death do, if thou shouldst depart...	The soul selects her own society, Then shuts the door; On her divine majority Obtrude no more... Then close the valves of her attention Like stone
When	When I do count the clock that tells the time... When I behold the violet past prime... When lofty trees I see barren of leaves	When Plato was a certainty, And Sophocles a man; When Sappho was a living girl...
But	... But not to tell of good or evil luck, Of plagues, of dearths, or seasons' quality... But from thine eyes my knowledge I derive...	I tried to match it, seam by seam, But could not make them fit. The thought behind I strove to join Unto the thought before, But sequence ravelled out of reach Like balls upon the floor
And	... And wear their brave state out of memory... And all in war with Time for love of you...	... And then, excuse from pain; And then, those little anodynes That deaden suffering...
If	If it were fill'd with your most high deserts... If I could write the beauty of your eyes...	If I can stop one heart from breaking, I shall not live in vain; If I can ease one life the aching...
A	A woman's face... A woman's gentle heart... A man in hue...	A sepal, petal, and a thorn Upon a common summer's morn, A flash of dew, a bee or two, A breeze A caper in the trees, – And I'm a rose!

Вслед за У. Шекспиром Э. Дикинсон вводит письмо в художественное произведение. Оно приобретает стихотворную форму, становясь значимым компонентом художественной литературы, его составной частью, имитирует живую разговорную речь, придаёт ей особую эмоционально-экспрессивную окраску.

В эпистолярном жанре различают переписку, предполагающую конкретного адресата и письмо как литературное произведение с обращением к читателю. У. Шекспир является одним из основоположников эпистолярного жанра как художественного произведения, а не только как способа переписки. Например, письмо Гамлета к Офелии [9, с. 172]:

Doubt thou the stars are fire;	Ты можешь не верить, что звёзды огонь,
Doubt that the sun doth move;	И солнце всё время в движенье,
Doubt truth to be a liar;	И в правде есть ложь.
But never doubt I love.	Но, пожалуйста, верь в любовь мою – Нет в ней сомненья!

(Перевод М. Мосолковой)

Письма в художественных произведениях служат средством экспрессивности для имитации живой разговорной речи. Введение элементов разговорной речи в художественный текст вызывает разрушение стандартных схем предложения. Подобный приём использует и Э. Дикинсон. Например, её стихотворение № 1320 эмоционально окрашено приветствием и речевым клише, принятым в письме. Появляется доверительный, дружеский тон [14, P. 112].

Dear March –...	...Дорогой март!
How glad I am –...	Как я рада...
I have so much to tell –	Я так много тебе хочу рассказать
I got your Letter	Я получила твоё письмо.

(Перевод М. Мосолковой)

В результате сравнительно-сопоставительного анализа мы пришли к выводу, что воздействие сонетов и пьес У. Шекспира как в образной палитре, так и в стилистических приёмах оказало значительное влияние на идейный контент поэзии Э. Дикинсон и ее стиль изложения. В частности, это выражается в театральности, использовании шекспировских образов, традиционных поэтических тем любви, поэта и поэзии. Э. Дикинсон заимствует ключевые образы

У. Шекспира, привнося при этом свою коннотацию при их трактовке и одновременно усиливая их большим драматизмом, что объясняется своеобразием языковой личности Э. Дикинсон. Последний феномен выступает индивидуальным инструментом взаимодействия личности поэтессы с окружающим миром, который ей видится в более острых красках человеческого бытия, что подтверждается анализом источников. Шекспировские стилистические приёмы (инверсия, повтор) органично вписаны в поэзию Э. Дикинсон. Они усиливают повествовательность её стихов, устремлённость во внутренний мир поэтессы, демонстрируя при этом мастерское владение данными языковыми средствами и сформированность языковой личности автора под влиянием творчества великого предшественника.

Список литературы

1. Английская поэзия. Emily Elizabeth Dickinson (Эмили Дикинсон). URL: <http://eng-poetry.ru/PoemE.php?PoemId=9415> (дата обр.: 25.07.2020).
2. Аристов Н.Б. Основы перевода. М.: Изд. лит. на иностр. яз., 1959. 263 с.
3. Дикинсон Э. Стихотворения. СПб.: Symposium, 2000. 339 с.
4. Костицына М.Г. Мир поэтической личности Эмили Дикинсон (Поэзия и эпистолярный): Дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2004, 208 с.
5. Кружков Г. Таинственный придаток: Эмили Дикинсон и интертекстуальность. URL: https://magazines.gorky.media/nov_yun/2018/6/tainstvennyj-pridatok-emili-dikinson-i-intertekstualnost.html (дата обращения: 20.07.2020).
6. Сонеты У. Шекспира в переводах С. Маршака. М.: Худож. лит., 1964. 191 с.
7. Стефанишина Я.Н. Стилистические выразительные средства в романе Дж. Голсуорси “Собственник” и их перевод на русский язык: Сопоставительный анализ подлинника и переводов: дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2005. 200 с.
8. Цитаты известных личностей. URL: <https://ru.citaty.net/> (дата обращения: 20.07.2020).
9. Шекспир В. Весь мир – театр. Монологи. П.: Пермская книга, 1994. 221 с.
10. Шекспир Уильям – сонеты, стихи на английском языке. URL: <https://www.stihi-rus.ru/World/Shekspir/> (дата обращения: 03.08.2020).

11. Chevrier-Bosseau A. The Influence of Shakespearean Theatricality on Emily Dickinson's Lyrical Self. *Transatlantica* [En ligne], 1, 2010, mis en ligne le 27 septembre 2010, consulté le 28 mai 2020. URL: <http://journals.openedition.org/transatlantica/4901> (дата обращения: 15.07.2020).
12. Dickinson E. *Letters of Emily Dickinson*. NY: Grosset and Dunlap, 1962. 708p.
13. Dickinson E. *The complete poems*. London: Faber and Faber, 1975. 770 p.
14. Dickinson E. *Selected poems*. NY: Gramercy Books, 2001. 255 p.
15. Finnerty P. *Emily Dickinson's Shakespeare*. Amherst: University of Massachusetts Press, 2006. 267 p.
16. Habegger A. *My Wars Are Laid Away in Books. The Life of Emily Dickinson*. NY: Random House, 2001. 764 p.
17. Shakespeare W. Sonnet 102. URL: <http://eng-poetry.ru/PoemE.php?PoemId=626> (дата обращения: 27.08.2020).

References

1. *Anglijskaja poezija. Emily Elizabeth Dickinson (Jemili Dikinson)* [English poetry. Emily Elizabeth Dickinson]. URL: <http://eng-poetry.ru/PoemE.php?PoemId=9415>
2. Aristov N.B. *Osnovy perevoda* [Translation principles]. Moscow: Izd-vo lit. na inostr. yaz., 1959. 263 p.
3. Dikinson E. *Stihotvorenija* [Poems]. St. Petersburg: Symposium, 2000. 339 p.
4. Kosticyna M.G. *Mir pojeticheskoy lichnosti Jemili Dikinson (Poezija i jepistoljarii)* [World of Emili Dikinson's poetry personality (Poetry and epistolary)]: Dis. ... kand. filol. n. Kazan, 2004, 208 p.
5. Kruzhkov G. *Tainstvennyj pridatok: Jemili Dikinson i intertekstual'nost'* [Mysterious appendage: Emili Dikinson and intellectuality]. URL: https://magazines.gorky.media/nov_yun/2018/6/tainstvennyj-pridatok-emili-dikinson-i-intertekstualnost.html
6. *Sonety U. Shekspira v perevodah S. Marshaka* [W. Shakespeare's sonnets translated by Marshak]. Moscow: Hudozh. lit., 1964. 191 p.
7. Stefanishina Ya.N. *Stilisticheskie vyrazitel'nye sredstva v romane Dzh. Golsuorsi "Sobstvennik" i ih perevod na russkij yazyk: Sopostavitel'nyj analiz podlinnika i perevodov* [Stylistic means of expression in J. Gals-

- worthy's novel *The Owner* and their translation into Russian: Comparative analysis of the original and translations]: Dis. ... kand. filol. n. Moskva, 2005. 200 p.
8. *Citaty izvestnyh lichnostej* [Quotes of famous people]. URL: <https://ru.citaty.net/>.
 9. Shakespeare W. *Ves' mir – teatr. Monologi* [All the world's a stage. Monologs]. Perm: Permskaja kniga, 1994. 221 p.
 10. *Shekspir Ul'jam. Sonety, stihi na anglijskom jazyke* [William Shakespeare. Sonets and poems in English]. URL: <https://www.stihi-rus.ru/World/Shekspir/>.
 11. Chevrier-Bosseau A. The Influence of Shakespearean Theatricality on Emily Dickinson's Lyrical Self. *Transatlantica* [En ligne], 1, 2010, mis en ligne le 27 septembre 2010, consulté le 28 mai 2020. URL: <http://journals.openedition.org/transatlantica/4901>
 12. Dickinson E. *Letters of Emily Dickinson*. NY: Grosset and Dunlap, 1962. 708 p.
 13. Dickinson E. *The complete poems*. London: Faber and Faber, 1975. 770 p.
 14. Dickinson E. *Selected poems*. NY: Gramercy Books, 2001. 255 p.
 15. Finnerty P. *Emily Dickinson's Shakespeare*. Amherst: University of Massachusetts Press, 2006. 267 p.
 16. Habegger A. *My Wars Are Laid away in Books. The Life of Emily Dickinson*. NY: Random House, 2001. 764 p.
 17. Shakespeare W. Sonnet 102. URL: <http://eng-poetry.ru/PoemE.php?PoemId=626>

ДААННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Мосолкова Марина Германовна, доцент, кандидат филологических наук

Казанский федеральный университет

Бутлерова 4, Казань, 420012, Российская Федерация

Марданшина Римма Марсельевна, доцент, кандидат педагогических наук

Казанский федеральный университет

*Бутлерова 4, Казань, 420012, Российская Федерация
rimylja@mail.ru*

Калганова Гульнара Фаритовна, доцент, кандидат филологических наук
*Казанский федеральный университет
Бутлерова 4, Казань, 420012, Российская Федерация*

DATA ABOUT THE AUTHORS

Mosolkova Marina Germanovna, Associate Professor, Candidate of Philological Sciences
*Kazan Federal University
4, Butlerov Str., Kazan, 420012, Russian Federation
SPIN-code: 3494-7711
ORCID: 0000-0003-3444-506X
ResearcherID: L-3853-2013
Scopus Author ID: 5658240500*

Mardanshina Rimma Marselevna, Associate Professor, Candidate of Pedagogical Sciences
*Kazan Federal University
4, Butlerov Str., Kazan, 420012, Russian Federation
rimylja@mail.ru
ORCID: 0000-0003-0277-0407
ResearcherID: L-3594-2013
Scopus Author ID: 56582424400*

Kalganova Gulnara Faritovna, Associate Professor, Candidate of Philological Sciences
*Kazan Federal University
4, Butlerov Str., Kazan, 420012, Russian Federation
SPIN-code: 5371-8003
ORCID: 0000-0002-2091-3638
ResearcherID: L-4857-2013
Scopus Author ID: 56582304300*

DOI: 10.12731/2077-1770-2020-5-272-283

УДК 81-13

АВТОРИТАРНЫЕ И МИНОРИТАРНЫЕ ЯЗЫКОВЫЕ ЛИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ ПЕДАГОГИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Палий Т.П., Багиян А.Ю.

Цель. *Статья посвящена актуальным в условиях стремительно меняющейся реальности тенденциям развития и изменения педагогической коммуникации в частности и образовательной парадигме в целом. Предметом анализа выступает современный педагогический дискурс, а также комплекс прагма-коммуникативных характеристик метаречевой деятельности субъектов коммуникации. Цель исследования заключается в выявлении характерных особенностей функционирования субъектов педагогического дискурса на основе прагма-коммуникативного подхода.*

Методология проведения работы. *Основу исследования образуют дескриптивный, конвергентный и феноменологический методы, а также принцип дискурсивного моделирования педагогической коммуникативной ситуации.*

Результаты. *В ходе исследования было установлено, что институциональный характер педагогического дискурса предполагает особый характер взаимодействия коммуникантов в рамках метадиалогового общения. Категории адресанта и адресата носят ключевой характер здесь, т.к. каждая категория отличается особым набором прагматических установок, которые помогают коммуникантам достигнуть основной цели общения. Также следует отметить, что функции адресата и адресанта не являются статичными и могут передаваться, сливаться, меняться в рамках одной педагогической коммуникативной ситуации в том или ином социальном контексте.*

Область применения результатов. *Результаты исследования могут быть применены в качестве лекционного теоретико-практи-*

ческого материала по курсам теории дискурса, межкультурной коммуникации теории и практике перевода, аксиологии, стилистики.

Ключевые слова: дискурс; коммуникативная ситуация; адресат; адресант; прагматический подход; конвергентность; фасцинация.

AUTHORITY AND MINORITY LINGUISTIC IDENTITIES IN MODERN PEDAGOGICAL DISCOURSE

Paliy T.P., Bagiyan A.Yu.

Purpose. *The article is devoted to the development trends of pedagogical communication in particular and the educational paradigm in general, as being relevant to a rapidly changing reality. The subject of the analysis is modern pedagogical discourse, as well as the complex of pragma-communicative characteristics of metadiologue activity of communication subjects. The purpose of the study is to identify the characteristic features of the pedagogical discourse subjects functioning on a pragma-communicative approach.*

Methodology. *The research is based on the descriptive, convergent and phenomenological methods, as well as the principle of discursive modeling of a pedagogical communicative situation.*

Results. *The institutional nature of pedagogical discourse implies a special nature of the interaction of communicants in the framework of metadiologue communication. The categories of addressee and addresser are essential here, since each category has a special set of pragmatic units that helps participants achieve the main goal of communication. It should also be noted that the functions of the addressee and addresser are not static and can be transferred, merged, changed within the framework of one pedagogical communicative situation in a particular social context.*

Practical implications. *The results of the study can be applied as a theoretical and practical material in courses on the theory of discourse, intercultural communication theory and practice of translation, axiology and stylistics.*

Keywords: *discourse; communicative situation; addressee; addresser; pragmatic approach; convergence; fascination.*

Актуальность анализа таких различных видов коммуникации, как познавательная, экспрессивная, суггестивная, конфликтогенная и т.д., в современном педагогическом дискурсе выходит на первый план в контексте стремительно меняющегося общества и трансформации самой системы образования – от очной к дистанционной. Для успешной классификации и анализа прагмакоммуникативных установок требуется выявить основные характеристики субъектов коммуникации. Исходя из институционального характера педагогического дискурса, категории адресанта и адресата интерпретируются реальными участниками коммуникативной ситуации.

Адресант – это авторитарная языковая личность (индивидуальная или коллективная), носитель легитимной и облигаторной для конкретного социального контекста информации. В рамках педагогического дискурса адресантом чаще всего выступает учитель, преподаватель, лектор, а также родитель, ведущий образовательную беседу с ребенком. Традиционно, в большинстве случаев слово учителя или родителя является непреложной истиной, обладающей исключительной авторитетностью и привилегией, не подлежащей сомнению или дополнению, следовательно – не предполагающая диалога. Информация, транслируемая адресантом, как правило, изъята из социокультурного контекста и преподносится как универсальное, неизменное и беспристрастное суждение. Коррелируя с прагмаустановками педагогической коммуникативной ситуации, подобный процесс характеризуется отсутствием двусмысленности, амбивалентности и, как следствие, риторики.

Говоря о языковых средствах, представляющих категорию адресантности, А.Р. Габидуллина выделяет следующие метаречевые компоненты:

1. локутивные глаголы (глаголы говорения), (*А теперь погорим о синонимах и антонимах*) [Здесь и далее примеры авторов – Т.П., А.Б.];
2. иллокутивные глаголы (глаголы, отражающие речевую интенцию), (*А сейчас я докажу вам, что дословный перевод фразеологизмов не является верной переводческой стратегией*);

3. имена существительные, прилагательные, причастия и наречия того же глагольного корня, (*Выбор глагольно-временной формы зависит от намерений говорящего*);
4. эллиптические глагольные сочетания с семой продолжения действия, где глагол опущен (*Далее (поговорим – Т.П., А.Б.) о степенях сравнения прилагательных*);
5. глаголы ментального восприятия, используемые с интенцией проверки и подтверждения (*Вы действительно полагаете, что диалектизмы – это лексика суб-стандарта?*) [4, с. 121].

Также встречаются и своеобразные речевые окказионализмы, т.е. единицы любой другой, отличной от метаречевой семантики, ставшие таковыми в силу контекстуальных причин (*Ну что, поехали к следующему случаю употребления перфектных инфинитивов*). Некоторые ученые называют их «неформально речевыми» или «потенциально метаречевыми» единицами [14, с. 27].

С помощью метаречевых высказываний адресант структурирует свой поток информации, используя их как своеобразные навигационные средства, которые указывают адресату путь к правильному пониманию текста и конкретной речевой композиции. Они также призваны дать понять адресату, каким образом должно быть распределено его внимание, чтобы усвоить новую информацию максимально эффективно.

Таким образом, по мнению А.Р. Габидуллиной функции метаречевых конструкций адресанта сводятся к следующим:

1. указание темы дискурса;
2. обоснование выбранной стратегии и тактики (*Сегодня мы проведем урок в виде ролевой игры для того, чтобы...*);
3. номинация жанра (*Сформулируем определение..., Представим доказательство...*);
4. упорядочивание изложения (*Начнем с примера..., Далее остановимся на ...*);
5. определение последовательности информации (*Что нам нужно проанализировать в первую очередь?*);
6. ранжирование основной, дополнительной и пояснительной информации (*А сейчас – самое главное...*);

7. указание на логическую связь данного высказывания с предыдущим (*Итак, какие видовременные формы мы употребляем в придаточных предложениях условия и времени?*);
8. поддержание структурности информации (*Разберем несколько примером...*);
9. добавление информации (*Следует добавить, что...*);
10. указание на текущее информационное состояние участников общения (*Мы с вами уже разбирали частные случаи использования модальных глаголов*) [4, с. 117].

Проектируя свою речесмысловую деятельность, учитель (родитель) как адресант либо авторитарно декларирует порцию новой информации, либо выбирает полноправный диалог адресанта и адресата, либо же предпочитает промежуточную форму взаимодействия, оставляя за собой доминирующую и контролирующую роль. Потенциально конфликтогенный характер носит именно диалогический вид взаимодействия, так как он осуществляется на личностном уровне коммуникации и подразумевает равноправный характер сотрудничества коммуникантов. Подобное взаимодействие в психологии принято называть конвергентным. Конвергенция – род коммуникации, при котором уникальные языковые личности стремятся к одной точке, несмотря на самобытность внутренних личностных «я».

З.А. Каргина в своей работе «Конвергентный подход в образовании: новый виток спирали развития» выделяет следующие признаки конвергентного типа педагогической коммуникативной ситуации:

1. структурной единицей подобной коммуникации является задача, которую решают вместе;
2. излагаются разные точки зрения, иногда – прямо противоположные, но на одну проблему;
3. участники коммуникации сами ставят задачу, организуют поиски решения и выносят оценку найденному решению;
4. вектор коммуникации направлен на рефлекссию;
5. получение знаний носит линейный характер, где каждое новое звено информации опирается на предыдущее и дает воз-

возможность достижения общей цели путем сложения промежуточных результатов;

6. в приоритете находятся задачи без определенного алгоритма решения; участникам самим предлагается найти пути решения;
7. задачи часто носят межпредметный характер, для их решения необходимы знания из разных областей знаний;
8. форма предъявления учебного содержания носит признаки фрагментарности; фрагменты могут принадлежать к разным жанрам, при этом каждый внутренне завершен и самостоятелен.
9. характерна множественность языков представления информации, наряду с текстами используются схемы, графики таблицы и т.д.;
10. визуальная организация подачи материала осуществляется коммуникантами самостоятельно [9, с. 32].

Адресатность – это миноритарная категория, отражающая направленность определенного информационного потока на конкретного человека или конкретный круг людей с их знаниями, мнениями, интересами, приоритетами и т.д. В педагогическом дискурсе адресатом чаще всего является ученик студент, ребенок (по отношению к родителю), но также и учитель может быть адресатом (особенно начинающий). Адресатность учителя всегда подразумевает диалог с виртуальным или реальным собеседником, и нередко, диалогичность приводит к столкновению смысловых позиций.

Анализ работ М.М. Бахтина и В.И. Карасика позволил прийти к выводу, что диалогическими характеристиками ориентации на адресата служат:

1. предполагаемая степень знакомства с адресантом;
2. предполагаемый уровень фоновых (исходных) знаний адресата;
3. предполагаемая степень вовлеченности адресата в коммуникативное событие (сторонний наблюдатель, судья, активный или пассивный участник и т.д.);
4. предполагаемая степень общности для адресата и адресанта ценностных установок (союзники, оппоненты, противники и т.д.);

5. особенности гендерной, возрастной, национальной ориентированности адресата с точки зрения приятия/неприятия сообщений и установок;
6. предполагаемый тип восприятия адресата: эмоционально-интуитивный, интеллектуально-логический, интеллектуальный, аналитический и т.д.;
7. предполагаемая степень эмоционального сопереживания с адресатом;
8. предполагаемые доминантные психологические характеристики адресата (интроверт, экстраверт, флегматик, холерик и т.д.);
9. предполагаемое действительное психоэмоциональное состояние адресата на момент коммуникативной ситуации;
10. предполагаемая способность адресата реагировать на юмор, сатиру, сарказм и т.д. [3, с. 351; 7, с. 62–63].

Метадиалоговые высказывания, которые формируют коммуникативную ситуацию, имеют как общие, так и частные функции [14, с. 31]. К общим относятся: детерминация речевого поведения и мыслительной активности адресата; структурирование диалога как целостного образования. К частным функциям: предложение адресату модели поведения, влияние на мотивацию собеседника к совершению конкретных действий, выявление психологической готовности адресата воспринимать ту или иную информацию, детерминация пространственно-временных и социально-ролевых параметров диалога, противодействие психологической агрессии, побуждение к осознанию неуместности своего поведения, побуждение к прекращению коммуникативного акта.

В языковом оформлении метадиалоговых высказываний для наилучшего достижения поставленных целей часто используются фасциативные приемы [6, с. 61]. Наиболее распространенный из них – использование различных тропов и фигур речи: метафор, олицетворения (персонификации), аллегорий, гипербол, сравнений как средств адаптации научного знания.

А.А. Пушкин формулирует следующие прагматические установки метадиалогового общения:

1. отступление от изложения основного материала (создание искусственных пауз в подаче новой информации. Эти паузы стратегически расставлены и носят эмоциональный характер. Не нарушая последовательности высказывания, они призваны передать адресату оценку и отношение говорящего к предмету повествования);
2. экскурсы в историю (стимулируют познавательный процесс слушателей, позволяют выстроить логическую цепь исканий и свершений на пути к конечной точке);
3. создание проблемных ситуаций (постановка познавательных задач призвана воодушевить адресата на самостоятельный поиск решения поставленной задачи) [13, с. 8].

Таким образом, можно утверждать, что, несмотря на установленную регулятивность и даже некоторую ритуальность ролей адресата и адресанта в педагогическом дискурсе, данные категории не являются статичными. Диалоговый подход к реализации педагогической коммуникативной ситуации позволяет всем участникам «примерить» и ту, и другую роль. По словам М.М. Бахтина: «Учитель должен стать другим по отношению к себе самому, взглянуть на себя глазами другого» [3, с. 437], чтобы создать в сознании слушателей образ, адекватный преподаваемому предмету и осуществляемой педагогической цели. Ученик же в подобной дискурсивной модели имеет возможность ощутить себя полноправным членом коммуникативной ситуации со всеми вытекающими отсюда правами и обязанностями.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-00364 А (руководитель – Багиян А.Ю.)

The reported study was funded by RFBR according to the research project № 20-012-00364 А (project executive – Alexander Y. Bagiyany)

Список литературы

1. Акулова Л.А. Особенности лингвистического общения // Теория коммуникации, 2001. [Электронный ресурс] URL: http://www.norma-tm.ru/lang_education6.html (дата обращения: 02.07.2019).

2. Багиян А.Ю. Дискурсивные механизмы популяризации элементов научного знания: когниолингвистический аспект (на материале английского языка) // Научный диалог. 2017. № 6. С. 9–28.
3. Бахтин М.М. Проблема речевых жанров / Литературно-критические статьи. М.: Художественная литература, 1986. С. 428–472.
4. Габидуллина А.Р. Учебно-педагогический дискурс: категориальная структура и жанровое своеобразие: дисс. ... д-ра филол. наук (10.02.19). Донецк, 2009. 463 с.
5. Голев Н.Д. Толерантность как вектор антиномического бытия языка // Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности: Коллективная монография / Отв. ред. Н.А. Купина и М.Б. Хомяков. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2003. С. 174–191.
6. Даниленко В.П. Общее языкознание и история языкознания: курс лекций. М.: ФЛИНТА: Наука, 2009. 279 с.
7. Карасик В.И. Дискурсивное проявление личности. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2016. Т. 20. № 4. С. 56–77.
8. Карасик В.И. Нарративное измерение лингвокультурных ценностей // Язык и культура. 2019. № 47. С. 59-75.
9. Каргина З.А. Конвергентный подход в образовании: новый виток спирали развития // Про_дОд. 2020. № 2 (26). С. 29–35.
10. Лабзина П.Г. Оценка как основная категория прагматики // Альманах современной науки и образования. 2012. № 11(66). С. 130–132.
11. Лобанов А.А. Основы профессионально-педагогического общения. М.: Академия, 2004. 189 с.
12. Олешков М.Ю. Моделирование коммуникативного процесса: Монография. Нижний Тагил: Нижнетагильская гос. социально-пед. акад., 2006. 335 с.
13. Пушкин А.А. Прагмалингвистические характеристики авторитарной языковой личности: автореф. дисс. ... канд. филол. наук (10.02.19). Чебоксары, 1992. 16 с.
14. Ракитина С.В. Когнитивно-дискурсивное пространство научного текста: автореф. дисс. ... д-ра филол. наук (10.02.01). Волгоград, 2007. 44 с.

15. Родионов Б.А. Коммуникация как социальное явление. Ростов-на-Дону: Изд-во Рост. ун-та, 1984. 143 с.
16. Ширяева Т.А., Авшаров А.Г. Социокогнитивное моделирование как методологическая основа изучения делового дискурса // Вопросы когнитивной лингвистики. 2018. № 1 (54). С. 94–102.
17. Shiryayeva T., Trius L. A call for cultural awareness and tolerance in higher education. // Revista de Cercetare si Interventie Sociala. 2013, T. 43, pp. 255–265.

References

1. Akulova L.A. Osjbennosti lingvisticheskogo obscheniya [The peculiarities of linguistic communication]. *Teoriya kommunikatsii*, 2001. URL: http://www.norma-tm.ru/lang_education6.html.
2. Bagiyan A.Yu. Diskursivnye mekhanizmy populyarizatsii elementov nauchnogo znaniya: kogniolingvisticheskiy aspekt [Discursive techniques of scientific knowledge elements' popularization: cognitive linguistic approach]. *Nauchnyi dialog*. 2017, no 6, pp. 9–28.
3. Bakhtin M.M. *Problema rechevykh zhanrov* [The problem of speech genres]. Moscow: Khudozhestvennaya literature, 1986, pp. 428–472.
4. Gabidullina A.R. *Uchebno-pedagogicheskiy diskurs: kategorialnaya struktura i zhanrovoe svoeobrazie* [Educational-pedagogical discourse: categorical structure and genre identity]. diss. ... d-ra. filol. nauk (10.02.19). Donetsk, 2009. 463 p.
5. Golev N.D. Tolerantnost' kak vector antinomicheskogo bytiya yazyka [Tolerance as the main vector of antinomiative language existence]. *Filosofskie i lingvokulturologicheskie problem tolerantnosti*. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 2003, pp. 174–191.
6. Danilenko V.P. *Obshee yazykoznanie i istoriya yazykoznaniya* [General linguistics and the history of linguistics]. M.: FLINTA: Nauka, 2009. 279 p.
7. Karasik V.I. Diskursivnoe proyavlenie lichnosti [Discursive manifestation of personality]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov*. V. 20, no 4, pp. 56–77.
8. Karasik V.I. Narrativnoe izmerenie lingvokulturnykh tsennostei [Narrative measurement of linguocultural values]. *Yazyk i kultura*. 2019, no 47, pp. 59–75.

9. Kargina Z.A. Konvergentnyi podkhod v obrazovanii: novyi vitok spirali rzhvitya [Convergent approach to education: a new round of the development spiral]. *Pro_dOd*. 2020, no 2 (26), pp. 29–35.
10. Labzina P.G. Otsenka kak osnovnaya kategoriya pragmatiki [Assessment as the main pragmatic category]. *Almanakh sovremennoi nauki i obrazovaniya*. 2012, no 11(66), pp. 130–132.
11. Lobanov A.A. *Osnovy professionalno-pedagogicheskogo obscheniya* [Basis of professional pedagogical communication]. M.: Akademiya, 2004. 189 p.
12. Oleshkov M. Yu. *Modelirovanie kommunikativnogo protsessa* [Communicative process modeling]: Monografija. Nizhny Tagil: Nizhnetagil'skaja gos. social'no-ped. akad., 2006. 335 p.
13. Pushkin A.A. *Pragmalingvisticheskie kharakteristiki avtoritarnoy yazykovoï lichnosti* [Pragmatic linguistic peculiarities of authoritative linguistic identity]: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk (10.02.19). Cheboksary, 1992. 16 p.
14. Rakitina S.V. *Kognitivno-diskursivnoe prostranstvo nauchnogo teksta* [The pragmatic discursive sphere of scientific text]: avtoref. diss. ... d-ra filol. nauk (10.02.01). Volgograd, 2007. 44 p.
15. Rodionov B.A. *Kommunikatsiya kak sotsialnoe yavlenie* [Communication as a social phenomenon]. Rostov-na-Dony: Izd-vo Rost. un-ta. Rostov-on-Don, 1984. 143 p.
16. Shiryayeva T.A., Avsharov A.G. Sotsiokognitivnoe modelirovanie kak metodologicheskaya osnova izucheniya delovogo diskursa [Cognitive modeling as the methodology for business discourse studying]. *Voprosy kognitivnoi lingvistiki*. 2018, no 1 (54), pp. 94–102.
17. Shiryayeva T., Trius L. A call for cultural awareness and tolerance in higher education. *Revista de Cercetare si Interventie Sociala*. 2013, T. 43, pp. 255–265.

ДААННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Палий Татьяна Павловна, кандидат филологических наук, доцент
ФГБОУ ВО *Пятигорский государственный университет*
пр. Калинина, 9, г. Пятигорск, Ставропольский край, 357500,
Российская Федерация
tanya303@mail.ru

Багиян Александр Юрьевич, кандидат филологических наук,
доцент
*ФГБОУ ВО Пятигорский государственный университет
пр. Калинина, 9, г. Пятигорск, Ставропольский край, 357500,
Российская Федерация
alexander.0506@mail.ru*

DATA ABOUT THE AUTHORS

Paliy Tatyana Pavlovna, candidate of philological sciences, associate
professor
*Pyatigorsk State University
9, Kalinina Av., Pyatigorsk, Stavropol reg., 357500, Russian Fe-
deration
tanya303@mail.ru
ORCID: 0000-0002-6334-1780*

Bagiyan Alexander Yurevich, candidate of philological sciences, as-
sociate professor
*Pyatigorsk State University
9, Kalinina Av., Pyatigorsk, Stavropol reg., 357500, Russian Fe-
deration
alexander.0506@mail.ru
ORCID: 0000-0002-3455-0516
Researcher ID: N-9069-2016
SPIN-code: 3709-4715*

DOI: 10.12731/2077-1770-2020-5-284-304

УДК 811.11

ЗНАЧЕНИЕ РЕЧЕВОГО ЭТИКЕТА В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОТРУДНИКА МВД

Перепелицына Ю.Р., Нарыкова Н.А., Хатагова С.В.

Цель: определить роль речевого этикета, его специфику и функции в профессиональной деятельности сотрудников МВД; показать взаимосвязь понятий «речь», «речевой этикет» и «культура речи»; подчеркнуть значимость принципа вежливости и принципа кооперации в речевой практике представителей правоохранительных органов. Материалом исследования послужили словари и справочники по речевому этикету, официальные документы, регламентирующие деятельность сотрудника МВД, служебные и процессуальные документы, составляемые сотрудниками МВД, а также личные наблюдения. **Предметом исследования** являются этикетные формулы и оптимальные языковые средства, используемые в устной и письменной речи сотрудников МВД.

Методы исследования. Для осмысления проблемы речевого этикета в профессиональной деятельности сотрудников МВД в статье применяются следующие методы исследования: метод анализа, метод классификации, метод наблюдения. С помощью системного подхода обеспечивается аналитическое описание проблемы речевого этикета в деятельности представителей охраны правопорядка.

Результаты работы. Доказано, что речевой этикет предполагает высокий уровень культуры речи, владение нормами русского языка, а также соблюдение принципа вежливости и принципа кооперации и в целом является одним из основных компонентов профессиональной деятельности сотрудников МВД, будучи связан с компетенциями профессионального общения представителей правоохранительных органов.

Область применения результатов. Материалы статьи могут быть полезны для слушателей, обучающихся по программам профессионального образования, дополнительной профессиональной подготовки, переподготовки и повышения квалификации сотрудников МВД, и могут использоваться в процессе овладения нормами речевого этикета, на практических занятиях по устной речи, профессиональной этике, служебному этикету и риторике.

Ключевые слова: речевой этикет; культура речи; принцип вежливости; принцип кооперации; позитивная коммуникация.

IMPORTANCE OF SPEECH ETIQUETTE IN PROFESSIONAL ACTIVITY OF LAW ENFORCEMENT POLICE OFFICERS

Perepelitsyna Y.R., Narykova N.A., Khatagova S.V.

Purpose: to determine the role of speech etiquette, its specificity and functions in the professional activities of law enforcement police officers; to show the correlation between speech, speech etiquette and speech culture; to emphasize the importance of the principle of courtesy and the principle of cooperation in the speech practice of law enforcement officials. The material of the study was dictionaries and speech etiquette reference, official documents regulating the activities of law enforcement police officers, official and procedural documents drawn up by employees of the Ministry of Internal Affairs, as well as personal observations. **The subject of the study** is etiquette formulas and optimal language means used in oral and written speech of employees of the Ministry of Internal Affairs.

Research methods. To understand the problem of speech etiquette in the professional activities of law enforcement police officers, the following research methods are used in the article: analysis method, method of classification, observation method. The system approach provides an analytical description of the speech etiquette problem in the activities of law enforcement officials.

Results of work. *It has been proved that speech etiquette involves a high level of speech culture, mastery of the norms of the Russian language, as well as observance of the principle of courtesy and the principle of cooperation, and in general is one of the main components of the professional activities of law enforcement police officers, being associated with the competencies of professional communication of representatives of law enforcement agencies.*

Practical implications. *The materials of the article can be useful for students studying in vocational education programs, additional professional training, retraining and advanced training of law enforcement police officers and can be used in the process of mastering the standards of speech etiquette, in practical classes of oral speech, professional ethics and official etiquette, rhetoric.*

Keywords: *speech etiquette; culture of speech; courtesy principle; principle of cooperation; positive communication.*

Актуальность темы данного исследования обусловлена тем, что в современном обществе наблюдается утрата норм речевого этикета, снижение культуры общения в различных сферах профессиональной деятельности. Несмотря на то, что ведется довольно активная научная работа в русле данной проблематики, тема не исчерпала себя, а остается злободневной и заслуживает постоянного пристального внимания как со стороны ученых, так и со стороны самих сотрудников МВД. Деятельность представителей правоохранительных органов регламентируется Кодексом профессиональной этики сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации [18]. Кодекс представляет собой свод профессионально-этических норм, регулирующих поведение сотрудника полиции в различных ситуациях как с гражданами, соблюдающими закон, так и с правонарушителями. В рамки этих правил входят также правила речевого этикета, которые обязан соблюдать каждый сотрудник МВД. Принимая во внимание тот факт, что успешность профессионального общения сотрудника МВД зависит от ряда условий, обеспечивающих достижение коммуникативной цели, авторы данной статьи

подчеркивают необходимость создания позитивного коммуникационного климата, способствующего установлению контакта и взаимоотношений в процессе общения с начальством, с коллегами, с гражданами, в числе которых как законопослушные, так и лица, нарушающие закон: мошенники, аферисты, наркоманы, серийные убийцы, люди без определённого места жительства и другие. В свою очередь условия этого позитивного коммуникационного климата создаются посредством соблюдения требований речевого этикета, который в деятельности сотрудников МВД имеет свои особенности и функции.

Теоретической базой исследования послужили работы В.Е. Гольдина [7], Г.Л. Грайса [8], А.Н. Литвина [12], И.А. Стернина [19], Н.И. Формановской [22; 23; 24], К.М. Шилихиной [26], Дж. Лича [27], в которых объектом изучения является «нормативный аспект речевого этикета, анализируются выражения речевого этикета, используемые образованными и грамотными носителями русского языка» [23, с. 152], «усвоившими разнообразные формы современного русского литературного языка: грамматическую правильность, лексический выбор, стилистически уместное применение, прагматически оправданные ситуативные предпочтения» [24, с. 152], описываются его особенности, функции и признаки, многообразие элементов речевого этикета, принципы выбора этих элементов в зависимости от условий общения, принципы вежливости и кооперации как основополагающие в культуре общения, освещается история речевого этикета и его изменения под влиянием меняющихся общественных отношений. Профессиональная культура сотрудников МВД, в частности, их речевая культура, в последнее время привлекают внимание многих исследователей в области языка, культуры речи, риторики. Проблемам культуры речи и речевого этикета сотрудника МВД посвящено немало современных научных исследований. В качестве заслуживающих внимания работ по этой теме можно назвать статьи М.С. Баликовой [2], Ю.А. Воронцовой, Е.Ю. Хорошко [5], Е.И. Бегловой и О.Г. Красиковой [4], М.О. Хабарина [25]. Однако фундаментальные труды, посвященные про-

блеме речевого этикета сотрудников МВД, на сегодняшний день отсутствуют.

Понятия «речь», «речевой этикет», «культура речи» можно считать едва ли не ключевыми в профессиональной деятельности сотрудника МВД. Являясь одним из видов коммуникативной деятельности человека, речь выступает своего рода визитной карточкой представителей правоохранительных органов: она не только помогает выразить мысли, чувства, эмоции, отношение к кому-либо или чему-либо, но и показывает уровень культуры, образования, воспитания, интеллекта, умственных способностей сотрудника данной сферы, демонстрирует его желание и способность работать над собой, заниматься непрерывным саморазвитием, нравственным и духовным ростом.

Речь – это способ общения людей, передачи определённой информации путём языковых конструкций, создаваемых на основе правил, зародившихся ещё в далеком прошлом [15, с. 68]. С давних времён речь помогала людям взаимодействовать друг с другом, оказывать воздействие на адресата, разрешать конфликтные ситуации, совместно принимать важные решения. Именно поэтому вопросы, связанные с культурой речи в профессиональной деятельности, всегда актуальны. В последнее время в коммуникационном процессе всё чаще можно наблюдать такую проблему, как нарушение правил речевого этикета в деятельности должностных лиц. В связи с этим следует помнить, что культурой речи должен обладать каждый человек, деятельность которого включает в себя общение с людьми, оказание им различного рода услуг или помощи: педагоги, медики, юристы, журналисты, управленцы, социальные работники, продавцы, парикмахеры, водители общественного транспорта и многие другие. Деятельность защитников правопорядка также сопряжена с активным общением с людьми, поэтому знание норм речевого этикета является непременным условием успешной профессиональной практики.

Под этикетом понимается совокупность правил поведения, которые начали появляться еще во времена формирования общества в государство. Создавались эти правила для того, чтобы регулиро-

вать взаимоотношения между людьми в различных ситуациях [19, с. 3]. Этикет диктует, как нужно двигаться, разговаривать, одеваться и как поступать в той или иной ситуации.

Одним из элементов этикета является способность логично, грамотно и корректно строить свою речь, т.е. владение речевым этикетом. Под речевым этикетом понимается «совокупность правил речевого поведения людей, определяемых взаимоотношениями говорящих и отражающих вежливые отношения между людьми» [2, с. 4]. Соблюдая нормы речевого этикета, представители правоохранительных органов будут чувствовать себя уверенно даже в самых сложных и непредсказуемых коммуникативных ситуациях.

С понятиями «речь» и «речевой этикет» тесно связано другое, не менее важное понятие – «культура речи». Этикет напрямую зависит от культуры речи: именно она является показателем интеллектуального, морально-нравственного и духовного развития человека. Речь сотрудника МВД должна отличаться такими коммуникативными качествами, как смысловая точность, грамматическая правильность, выразительность, чистота, логичность, богатство словарного запаса. Такая речь называется нормированной, т.е. в ней соблюдаются все нормы русского языка. Между тем, анализ служебных и процессуальных документов «позволяет выделить некоторые типичные нарушения норм русского литературного языка, приводящие к различным ошибкам и недочетам» [5, с. 75]. В качестве наиболее часто встречаемых ошибок в письменной речи сотрудником МВД можно назвать нарушение орфографических норм. Например: *Для выполнения служебных обязанностей прошу прибыть в указанное время ниже перечисленный личный состав...* В «Словаре трудностей русского языка» под редакцией Д.Э. Розенталя отмечено слитное написание слова «нижеперечисленный»: *ниже* – это составная часть сложных слов, обозначающих «*далее, позже в тексте*» [19, с. 401]. Большие трудности у сотрудников МВД вызывает написание производных предлогов *в течение, ввиду, насчет, навстречу, несмотря на, вследствие, в заключение, в продолжение* и др. Например: *В следствии нарушения водителем автомобиля правил*

ПДД предусмотрено наказание в виде административного штрафа. Производный предлог *вследствие* пишется слитно [Там же, с. 108]. Нередко сотрудники МВД допускают ошибки в употреблении паронимов: командированный – командировочный, пребывать – прибывать, дипломант – дипломат. Например: *Курсантам первого курса своевременно пребывать на построение.* В данном контексте необходимо использовать слово *прибывать*, т.е. «приходить, приезжать, прибавляться» [Там же, с. 534].

Довольно часто сотрудниками МВД нарушаются пунктуационные нормы. Отсутствие запятых и, наоборот, постановка лишних встречается почти в каждом служебном документе. «Наиболее частотными пунктуационными ошибками являются: пропуск запятых после причастного или деепричастного оборота, необособление вводных слов, лишние запятые между главными членам предложения, отсутствие обязательных запятых между частями сложного предложения и др.» [5, с. 75]. Например: *Прошу Вас, назначить командиром курса Зленко А.Д.; Прошу предоставить сведения о личном составе, согласно прилагаемым спискам; Ввиду плохой видимости, водитель совершил ДТП.* В данных примерах нет основания для постановки запятых, т.к. слова *прошу Вас, согласно, ввиду* не являются вводными или вставными конструкциями.

Ясность и доступность профессиональной речи сотрудника МВД зависит от точного выбора слова, т.е. от соблюдения лексических норм современного русского языка. К сожалению, в последнее время можно констатировать факт частого нарушения лексических норм представителями охраны правопорядка. Наиболее распространенными нарушениями лексических норм являются:

- употребление слова в несвойственном ему значении: *Преступление совершено в районе 8 часов;*
- нарушение лексической сочетаемости: *Данная функция поручается следственному отделу;*
- смешение паронимов: *Суд представил слово прокурору;*
- смысловая избыточность: *Вступив в брак, обвиняемый рано овдовел, так как супруга его умерла;*

- плеоназм: *После совершения преступления обвиняемый быстро поднялся вверх по лестнице;*
- тавтология: *Обвиняемая умерла от смертельной болезни.*

Нарушения норм русского языка можно наблюдать и в устной речи сотрудников МВД. Примерами нарушений орфоэпических и акцентологических норм могут послужить следующие слова: *афёра* вместо *афера*, *опёка* вместо *опека*, *маневры* вместо *манёвры*, *одноименный* вместо *одноимённый*, *возбУждено* вместо *возбужденО*, *осУжденный* вместо *осуждЁнный* и т.д.

Сотрудник МВД должен понимать, что «профессиональная речь сотрудника полиции — это форма литературного языка, поэтому обязательным требованием выступает строгое соблюдение норм, что является главным условием культуры речи» [5, с. 75].

Таким образом, взаимосвязь речи, этикета, речевого этикета и культуры речи очевидна: сотрудник МВД, который не имеет представления о морально-этических нормах, окажется не способным соблюдать речевой этикет. Причинами для этого могут являться следующие факторы: отсутствие образования и грамотности, узкий кругозор, отсутствие коммуникативного навыка, наличие в речи нелитературных элементов (жаргонизмов, диалектизмов, просторечий, профессионализмов, нецензурной лексики) и лексических ошибок.

В то же время следует понимать, что иногда одно лишь знание этикета, правил поведения и общения еще не гарантирует успешного общения. В некоторых случаях это вопрос личностных качеств собеседника, типа его темперамента, а также условий, в которых он рос и воспитывался. Тем не менее, каждый сотрудник МВД должен стремиться к самосовершенствованию, т.к. на него возложена большая миссия – защищать граждан и охранять порядок страны, в которой он живет.

Каждый день сотрудники полиции вступают в процесс общения с населением: допросы, выяснение фактов о месте происшествия, диалог с очевидцами случившегося. Поэтому роль речевого этикета особенно важна для сотрудника МВД, ведь без знания фундамен-

тальных норм культуры речи и правил поведения сотрудник не сможет добиться чёткого и точного выполнения возложенных на него обязанностей. Этикетной нормой общения для сотрудника МВД является вежливость. Современными исследователями вежливость рассматривается как «социокультурный компонент общения, получивший отражение в языке и представляющий собой прагмалингвистическую категорию, опирающуюся на экстралингвистические правила вежливости и на функционально-семантическое поле языковых единиц, выражающих вежливость» [20, с. 240]. Принцип вежливости, разработанный Дж. Личем, основан на совокупности шести максим: такта, великодушия, одобрения, скромности, согласия, симпатии [27]. Этот принцип включает в себя ряд важнейших правил ведения диалога, руководствуясь которыми представители правоохранительных органов смогут извлечь из коммуникационного процесса наибольшую для профессиональной деятельности пользу:

1. Соблюдение границ личного пространства собеседника (выбирая речевую стратегию, сотрудник МВД должен демонстрировать предельную осторожность, чтобы не задеть чужие интересы и не навредить себе).
2. Предотвращение доминирования в процессе разговора (сотрудник МВД не должен навязывать свою точку зрения собеседнику или вынуждать его принять выгодную для себя позицию).
3. Объективная самооценка (сотрудник МВД не должен завышать свою самооценку, переоценивать свои возможности и результаты своей деятельности, идеализировать собственную личность).
4. Недопустимость самовосхваления и самолюбования (сотрудник МВД не должен прославлять, восхвалять и рекламировать самого себя, преувеличивать свои достоинства, заслуги и успехи, привлекать излишнее внимание к своей личности).
5. Неоппозиционность, т.е. «поиск согласия с целью продуктивного завершения речевого акта» [17, с. 59].

6. «Уход от конфликта и благожелательность» [Там же] (независимо от того, с кем приходится вступать в диалог, сотрудник МВД должен стремиться к избежанию конфликтной ситуации и сохранению доброжелательного и позитивного настроения по отношению к собеседнику). Несоблюдение этих шести максимумов сотрудниками МВД может стать причиной псевдокоммуникации [17, с. 59], барьером на пути к установлению контакта с собеседником, привести к отсутствию обратной связи и взаимопонимания между собеседниками, в целом направить общение в неблагоприятное русло.

Другим важным принципом в деятельности полиции является принцип кооперации. Основам кооперации органов внутренних дел с различными органами государственной власти в сфере обеспечения общественной безопасности посвящено большое количество трудов, авторы которых предлагают всесторонний анализ способов и направлений взаимодействия органов отраслевого управления, представленных в лице полиции, с иными органами государственной и муниципальной власти общей компетенции для охраны общественного порядка [16, с. 272]. В данной статье принцип кооперации рассматривается как один из принципов коммуникативного кодекса, регулирующих поведение коммуникантов в ходе коммуникативного акта. Данный принцип разработан Г.П. Грайсом и суть ее заключается в том, что «...коммуникативный вклад на данном этапе диалога должен быть таким, какого требует совместно принятая цель (направление) этого диалога» [8, с. 218]. Т.е., «если принцип вежливости – это принцип взаиморасположения говорящих в структуре речевого акта, то принцип кооперации характеризует порядок совместного оперирования информацией в структуре коммуникативного акта» [17, с. 59]. Обеспечение общественной безопасности – это трудоемкая и комплексная задача, которая требует от сотрудников полиции совместной деятельности, эффективного взаимодействия, достигнуть которого помогает принцип кооперации, представляющий собой единство четырех максимумов:

- максима полноты информации (информации должно быть ровно столько, сколько ее требуется для осуществления коммуникативного акта);
- максима качества информации (информация должна быть проверенной и достоверной, все используемые аргументы – истинными);
- максима релевантности (нельзя уходить от заданной темы);
- максима манеры (следует избегать неоднозначности высказываний, двусмысленности в построении фраз, не употреблять слова с непонятным или неизвестным значением) [7].

Для сотрудников МВД принцип вежливости и принцип кооперации имеют особое значение. Поняв суть этих принципов, представители охраны правопорядка смогут овладеть рядом необходимых для общения в профессиональной сфере постулатов:

1. Ориентир на собеседника (т.е. учитываются его социальная и психологическая роль, возрастные и гендерные признаки, его коммуникативные намерения).

2. Доверие к собеседнику и сотрудничество с ним (использование в речевом поведении техники, вызывающей доверие собеседника и позволяющей правильно понять его: стимулирующие реплики и действия, расспрашивание, активное видение, осуществление и контроль обратной связи и т.д.).

3. Соблюдение вежливости, следование правилам речевого этикета (тактично соглашаться на просьбу, не употреблять сниженную лексику и обращения на «ты»).

4. Обоснованность речи (использование речевых приемов, которые позволят достичь поставленных целей в конкретной ситуации, с применением, например, следующих видов речевых тактик: контактоустанавливающей, эмоционально настраивающей, тактики «контроль над темой», тактики самопрезентации и др.).

Полицейский, соблюдающий принцип вежливости и принцип кооперации, обладающий высокой речевой культурой, отличается следующими качествами:

1. Выдержкой при общении с разными категориями и типами людей.

2. Тактичностью в ходе взаимодействия с населением (ведет себя в соответствии с принятым этикетом и этическими нормами, умеет понимать собеседника, не допускает неприятных для других людей ситуаций).
3. Грамотностью, т.е. соблюдением всех языковых норм.
4. Деликатностью в общении (способностью проявлять мягкость, вежливость, предупредительность, осторожность по отношению к собеседнику).
5. Сдержанностью в проявлении эмоций и корректностью в разговоре с людьми.

Лишь следуя вышеназванным максимам и постулатам, развивая в себе вышеперечисленные качества, сотрудник МВД сможет стать настоящим профессионалом своего дела.

Для того, чтобы понять всю значимость речевого этикета в профессиональной деятельности сотрудника МВД, следует обозначить функции, которые выполняет речевой этикет. На основе изученных научных работ по данной проблеме можно сформулировать следующие основные функции речевого этикета:

1. Во-первых, речевой этикет позволяет обеспечить благоприятный моральный и психологический климат в служебном коллективе, способствует его сплочению, укреплению, поддерживает дисциплину, что непременно окажет положительное воздействие на трудоспособность сотрудника МВД.
2. Во-вторых, речевой этикет способствует успешному выполнению служебной деятельности сотрудниками МВД. «С социально-психологической точки зрения сотруднику ОВД приходится сталкиваться с межличностным конфликтом как наиболее острым способом разрешения значимых противоречий, возникающих в процессе взаимодействия между людьми, – столкновения мнений, вплоть до силового противостояния» [9, с. 30]. В связи с этим необходимо вспомнить такие понятия, как позитивная коммуникация [11, с. 164] и позитивная личность [13, с. 178]. Поскольку успешная деятельность сотрудника полиции во многом зависит от его умения разре-

шать споры и конфликтные ситуации, то наряду с выдержкой и самообладанием для него «ключевыми чертами <...> считаются оптимизм, положительное отношение к окружающим, активность, лидерские качества, неординарность, гармония с собой и интеллект» [13, с. 178]. Кроме вышеназванных черт, избежанию конфликта способствуют следующие правила, которые должны быть известны каждому сотруднику МВД: «необходимо всегда внимательно слушать партнера по общению, задавать уточняющие вопросы, повторять сказанное своими словами, в процессе беседы следует избегать слова «нет» и частицы «не» (т.е. отказ нужно стараться сформулировать в виде предложения-альтернативы, т.к. прямой и резкий отказ повлечет за собой негативную, а порой даже агрессивную реакцию и подтолкнет собеседника к ответному негативу, что создаст, в свою очередь, ситуацию конфликта), грамотно использовать невербальные элементы коммуникации, соблюдать дистанцию, не сжимать кулаки, не нависать над собеседником; смотреть следует собеседнику в глаза, не прикрывать лицо руками, не отводить взгляд в сторону») [3, с. 229-230]. Сотрудник МВД обязательно должен следить за своими жестами: избегать движений, которые могут расцениваться как проявление агрессии.

3. В-третьих, речевой этикет позволяет наладить работу в команде: если руководитель коллектива в структуре МВД обладает высокой культурой речи, знает правила речевого этикета и умеет использовать их на практике, то он, несомненно, будет иметь авторитет у подчиненных.
4. В-четвертых, знание правил речевого этикета способствует развитию интеллектуальных и духовных качеств сотрудников МВД, что имеет особенно важное значение в работе с людьми.
5. В-пятых, речевой этикет гарантирует развитие у должностного лица быстрой адаптации к разнообразной деятельности.
6. И, наконец, речевой этикет развивает у сотрудников МВД умение вести диалог и управлять им.

Каждый сотрудник МВД должен понимать значение и важность этих функций в своей профессиональной деятельности, т.к. в процессе его общения с другими людьми необходимо создавать речь (текст) с определенной смысловой нагрузкой, использовать подходящие слова и выражения, соответствующие данной ситуации и этапу общения. С помощью этих функций формируется правильное отношение со стороны собеседника.

Умения контролировать свою культуру речи, «направлять диалог в соответствии с потребностями профессиональной деятельности, соблюдение этических норм и требований этикета» довольно часто анализируется в современных исследованиях [10] и составляют речевой этикет сотрудников МВД. Для успеха в профессиональной деятельности современному сотруднику МВД «необходимо в совершенстве владеть навыками культуры речи, обладать лингвистической, коммуникативной и поведенческой компетенцией в профессиональном общении» [11, с. 32]. Для этого необходимо:

1. Владеть нормами всех функциональных стилей русского языка.
2. Овладеть следующими коммуникативными качествами речи: точностью, логичностью, богатством, чистотой, выразительностью и правильностью.
3. В совершенстве владеть профессиональной терминологией, знать соответствующую правовую базу.
4. Уметь оценивать ситуацию и быстро адаптироваться к ней.
5. Учитывать социальные и индивидуальные черты каждого человека.
6. Уметь прогнозировать развитие диалога, эмоций или реакций собеседника.
7. Уметь создавать и поддерживать благоприятный климат общения.
8. Контролировать свое и чужое эмоциональное состояние.
9. Уметь направлять диалог в нужное русло в соответствии с целями служебной деятельности.
10. Знать основные нормы этикета, прежде всего, речевого.

Вышеизложенные знания и умения позволяют сотруднику МВД избежать основных проблем, связанных с культурой речи и речевым этикетом, а также найти пути их решения.

Итак, речевой этикет сотрудника МВД Российской Федерации является одним из основных компонентов его профессиональной деятельности, лежит в основе служебного этикета, а также является показателем его личностно-интеллектуальных, духовных и моральных качеств. Сотруднику МВД необходимо знать нормы и функции речевого этикета, понимать его роль в профессиональной деятельности. Требования к современному сотруднику МВД таковы, что он должен быть грамотным (владеть нормами современного русского литературного языка) и культурным человеком, отличаться хорошими манерами, тактичностью, осведомленностью, быть коммуникабельным, легко вступать в диалог и правильно его вести, быстро устанавливая контакт с разными категориями людей. В связи с этим особую значимость в речевой практике сотрудника МВД приобретают принцип вежливости и принцип кооперации, основные положения которых должны быть усвоены каждым представителем правоохранительных органов.

Список литературы

1. Бакалай А.Г. Словарь русского речевого этикета. М.: АСТ-ПРЕСС, 2001. 672 с.
2. Баликова М.С. Культура речи и ее роль в профессиональном общении сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Том 12. Выпуск 7. С. 120–124.
3. Баялиева Д. Развитие навыков профессионального общения // Alaroo Academic Studies. 2017. №2. С. 228–232.
4. Беглова Е.И., Красикова О.Г. Особенности профессиональной речи сотрудников органов внутренних дел // Вестник Уфимского юридического ин-та МВД России. 2019. №3 (85). С. 108–111.
5. Воронцова Ю.А., Хорошко Е.Ю. Типичные ошибки в письменной речи сотрудников полиции // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2018. №1(72). С. 74–78.

6. Головин Б.Н. Основы культуры речи: учебное пособие. М: Высшая школа, 1991. 320 с.
7. Гольдин В.Е. Речь и этикет. М.: Просвещение, 1983. 109 с.
8. Грайс Г.Л. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. М., 1985. С. 217–237.
9. Запевалова О.В., Бабурин В.В. Профилактика конфликтных ситуаций в служебном коллективе // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2018. №2(73). С. 30–34.
10. Зорина Е.Б. Технология формирования профессионально-речевой культуры у студентов аграрного университета: дисс. ... канд. пед. н. Ставрополь. 2004. 308 с.
11. Культура русской речи. Учебник для вузов / Граудина Л.К., Ширяева Е.Н.. М.: Издательская группа НОРМА-ИНФРА, 1999. 560 с.
12. Леонтович О.А. Позитивная коммуникация: постановка проблемы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2015. №1. С. 164–177.
13. Леонтович О.А. Позитивная личность: коммуникативные особенности и поведенческие характеристики // Известия ВГПУ. Филологические науки. 2019. С. 178–184.
14. Литвин А.Н. Деловой этикет. Ростов н /Д: Феникс, 2002. 224 с.
15. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка / Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. М.: ИТИ Технологии; Изд.4-е, доп., 2015. 944 с.
16. Панькина И.Ю., Захарова Н.Ю. Основы кооперации органов внутренних дел с различными органами государственной власти в сфере обеспечения общественной безопасности // Молодой ученый. 2019. № 48 (286). С. 272–275.
17. Пономарева И.В. Нарушение принципа вежливости как признак псевдокоммуникации (на материале английской диалогической речи) // Мир лингвистики и коммуникации. 2015. № 42. С. 58–63.
18. Приказ МВД РФ от 24 декабря 2008 г. № 1138 «Об утверждении Кодекса профессиональной этики сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/1257019/> (дата обращения: 16.06.2020).
19. Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь трудностей русского языка. 3-е изд. М.: Айрис-пресс, 2003. 832 с.

20. Стернин И.А. Русский речевой этикет. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1996. 126 с.
21. Сусов И.П. Лингвистическая прагматика. Винница: Нова Книга, 2009. 272 с.
22. Теория и практика профессиональной коммуникации на русском языке: практикум / авт.-сост. Перепелицына Ю.Р. Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2016. 186 с.
23. Формановская Н.И. Речевое общение: коммуникативно-прагматический подход: монография. М.: Русский язык, 2002. 216 с.
24. Формановская Н.И. Речевой этикет и культура общения. М.: Высшая школа, 1989. 156 с.
25. Формановская Н.И. Русский речевой этикет: нормативный социокультурный контекст. М.: Рус. яз., 2002. 160 с.
26. Хабарин М.О. Профессиональная речевая культура сотрудника органов внутренних дел // Вестник экономической безопасности. 2018. №3. С. 212–216.
27. Шилихина К.М. Вежливость и коммуникация // Язык и национальное сознание. Вып. 5. Воронеж, 2004. С. 129–136.
28. Leech G.N. Principles of Pragmatics. London: Longman, 1983. 250 p.

References

1. Bakalay A.G. *Slovar' russkogo rechevogo jetiketa* [Dictionary of Russian speech etiquette]. Moscow: AST-PRESS, 2001. 672 p.
2. Balikova M.S. Kul'tura rechi i ee rol' v professional'nom obshhenii sotrudnikov organov vnutrennih del Rossijskoj Federacii [Culture of speech and its role in professional communication of employees of the internal affairs bodies of the Russian Federation]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 2019. V. 12. № 7, pp. 120–124.
3. Bayalieva D. Razvitie navykov professional'nogo obshhenija [Development of professional communication skills]. *Alatoo Academic Studies*. 2017. No 2, pp. 228–232.
4. Beglova E.I., Krasikova O.G. Osobennosti professional'noj rechi sotrudnikov organov vnutrennih del [Features of professional speech of employees of internal affairs bodies]. *Vestnik Ufmskogo juridicheskogo in-ta MVD Rossii*. 2019. No 3 (85), pp. 108–111.

5. Vorontsova Yu.A., Khoroshko E.Yu. Tipichnye oshibki v pis'mennoj rechi sotrudnikov policii [Typical errors in the written speech of police officers]. *Psihopedagogika v pravoohranitel'nyh organah ytical errors in the written speech of police officers*. 2018. No1 (72), pp. 74–78.
6. Golovin B.N. *Osnovy kul'tury rechi: uchebnoe posobie* [Fundamentals of speech culture: a training manual]. Moscow: Vysshaja shkola, 1991. 320 p.
7. Goldin V.Ye. *Rech' i jetiket* [Speech and etiquette]. Moscow: Prosveshhenie, 1983. 109 p.
8. Grice G.L. Logika i rechevoe obshhenie [Logic and verbal communication]. *Novoe v zarubezhnoj lingvistike*. Issue XVI. Moscow, 1985, pp. 217–237.
9. Zapevalova O.V., Baburin V.V. Profilaktika konfliktnyh situacij v sluzhebnom kollektive [Prevention of conflict situations in the service team]. *Psihopedagogika v pravoohranitel'nyh organah*. 2018. No2 (73), pp. 30–34.
10. Zorina Ye.B. *Tehnologija formirovanija professional'no-rechevoj kul'tury u studentov agrarnogo universiteta* [Technology for the formation of professional speech culture among students of an agricultural university]: Diss. ... kand. ped. n. Stavropol. 2004. 308 p.
11. *Kul'tura russkoj rechi. Uchebnik dlja vuzov* [The culture of Russian speech. Textbook for high schools]. Moscow: Izdatel'skaja gruppа NOR-MA-INFRA, 1999. 560 p.
12. Leontovich O.A. Pozitivnaja kommunikacija: postanovka problemy [Positive communication: statement of the problem]. *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Serija: Lingvistika*. 2015. No 1, pp. 164–177.
13. Leontovich O.A. Pozitivnaja lichnost': kommunikativnye osobennosti i povedencheskie karakteristiki [Positive personality: communicative characteristics and behavioral characteristics]. *Izvestija VGPU. Filologicheskie nauki*. 2019, pp. 178–184.
14. Litvin A.N. *Delovoj jetiket* [Business etiquette]. Rostov n/D: Feniks, 2002. 224 p.
15. Ozhegov S.I. *Tolkovyj slovar' russkogo jazyka* [Explanatory dictionary of the Russian language]. Moscow: ITI Tehnologii; Izd. 4-e, dop., 2015. 944 p.

16. Pankina I.Yu., Zakharova N.Yu. Osnovy kooperacii organov vnutrennih del s razlichnymi organami gosudarstvennoj vlasti v sfere obezpechenija obshhestvennoj bezopasnosti [Fundamentals of cooperation of internal affairs bodies with various public authorities in the field of ensuring public safety]. *Molodoj uchenyj*. 2019. No 48 (286), pp. 272–275.
17. Ponomareva I.V. Narushenie principa vezhливosti kak priznak psevdokommunikacii (na materiale anglijskoj dialogicheskoj rechi) [Violation of the principle of politeness as a sign of pseudo-communication (based on English dialogical speech)]. *Mir lingvistiki i kommunikacii*. 2015. No. 42, pp. 58–63.
18. *Prikaz MVD RF ot 24 dekabrya 2008 g. № 1138 «Ob utverzhenii Kodeksa professional'noj jetiki sotrudnika organov vnutrennih del Rossijskoj Federacii»* [The order of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation dated December 24, 2008 No. 1138 “On the approval of the Code of Professional Ethics for an employee of the internal affairs bodies of the Russian Federation”]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/1257019/>.
19. Rosenthal D.E. Telenkova M.A. *Slovar' trudnostej russkogo jazyka* [Dictionary of difficulties of the Russian language]. 3-e izd. Moscow: Ajris-press, 2003. 832 p.
20. Sternin I.A. *Russkij rechevoj jetiket* [Russian speech etiquette]. Voronezh: Izd-vo Voronezhskogo un-ta, 1996. 126 p.
21. Susov I.P. *Lingvisticheskaja pragmatika* [Linguistic pragmatics]. Vinnitsa: Nova Knyga, 2009. 272 p.
22. *Teorija i praktika professional'noj kommunikacii na russkom jazyke: praktikum* [Theory and practice of professional communication in Russian: workshop]. Stavropol: Izd-vo SKFU, 2016. 186 p.
23. Formanovskaya N.I. *Rechevoe obshhenie: kommunikativno-pragmaticheskij podhod* [Speech communication: communicative-pragmatic approach]: monografija. Moscow: Russkij jazyk, 2002. 216 p.
24. Formanovskaya N.I. *Rechevoj jetiket i kul'tura obshhenija* [Speech etiquette and communication culture]. Moscow: Vysshaja shkola, 1989. 156 p.

25. Formanovskaya N.I. *Russkij rechevoj jetiket: normativnyj sociokul'turnyj kontekst* [Russian speech etiquette: normative sociocultural context]. Moscow: Rus. yaz., 2002. 160 p.
26. Khabarin M.O. Professional'naja rechevaja kul'tura sotrudnika organov vnutrennih del [Professional speech culture of an employee of the internal affairs bodies]. *Vestnik jekonomicheskoj bezopasnosti*. 2018. No 3, pp. 212–216.
27. Shilikhina K.M. Vezhlivost' i kommunikacija [Politeness and communication]. *Jazyk i nacional'noe soznanie*. Issue 5. Voronezh, 2004, pp. 129–136.
28. Leech G.N. Principles of Pragmatics. London: Longman, 1983. 250 p.

ДАнные ОБ АВТОРАХ

Перепелицына Юлия Ростиславовна, старший преподаватель кафедры социально-экономических и гуманитарных дисциплин, кандидат филологических наук
Ставропольский филиал Краснодарского университета МВД России
пр. Кулакова, 43, г. Ставрополь, 355000, Российская Федерация

Нарыкова Наталья Алексеевна, доцент кафедры социально-экономических и гуманитарных дисциплин, кандидат филологических наук
Ставропольский филиал Краснодарского университета МВД России
пр. Кулакова, 43, г. Ставрополь, 355000, Российская Федерация
narnata@rambler.ru

Хатагова Светлана Викторовна, преподаватель кафедры социально-экономических и гуманитарных дисциплин, кандидат педагогических наук
Ставропольский филиал Краснодарского университета МВД России
пр. Кулакова, 43, г. Ставрополь, 355000, Российская Федерация
khatagova.swetlana@yandex.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Perepelitsyna Yuliya Rostislavovna, senior teacher of chair of social and economic and humanitarian disciplines, candidate of pedagogical sciences

Stavropol branch of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russian Federation

43, Kulakova ave., Stavropol, 355000, Russian Federation

ORCID: 0000-0001-7391-9892

Narykova Natalija Alekseevna, senior lecturer of chair of social and economic and humanitarian disciplines, Cand.Phil.Sci.

Stavropol branch of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russian Federation

43, Kulakova ave., Stavropol, 355000, Russian Federation

narnata@rambler.ru

ORCID: 0000-0001-8187-0734

Khatagova Svetlana Viktorovna, teacher of chair of social and economic and humanitarian disciplines, candidate of pedagogical sciences

Stavropol branch of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russian Federation

43, Kulakova ave., Stavropol, 355000, Russian Federation

ORCID: 0000-0001-9691-1914

khatagova.swetlana@yandex.ru

DOI: 10.12731/2077-1770-2020-5-305-319

УДК 81'42

ЯЗЫКОВАЯ ЭКОНОМИЯ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛОЯЗЫЧНОМ ИНТЕРНЕТ-ПРОСТРАНСТВЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ПУБЛИКАЦИЙ О ПРЕДВЫБОРНОЙ КАМПАНИИ В США)

Самборук Л.А.

Взаимодействие медиакультурных маркеров в контексте межкультурной коммуникации оказывает влияние как на расширение тематики публикаций в социальной сети, так и на распространение англоязычных тенденций с целью успешной адаптации к условиям иностранной коммуникативной реальности, что требует подробного изучения в терминах современной науки о языке, включая закон экономии языковых средств.

Цель. *В статье содержится описание итогов научного осмысления роли и места средств языковой экономии в определенном типе англоязычного текстового интернет-пространства, которое базируется на взаимодействии лингвокультурных маркеров в контексте социальной сети TWITTER.*

Метод или методология проведения работы. *В настоящем исследовании используются следующие общенаучные методы исследования: описательный метод, метод наблюдения, методы количественной оценки и классификации, сопровождаемые такими специальными методами, как системный подход к лингвистическому и семантическому анализу, элементы дискурсивного анализа.*

Результаты. *Анализ средств ускорения передачи информации в англоязычных интернет текстах Твиттера позволил сделать вывод о том, что основными видами компрессии информации в текстах сети являются различные виды телескопии, аббревиации и словообразования. В настоящее время изучение экономии распространяется в наибольшей степени на лексику. Способы актуа-*

ции закона экономии языковых средств выполняют определенные функции в различных типах дискурса, и играют особенно важную роль в интернет-коммуникации.

Область применения результатов. Результаты исследования могут быть применены для развития науки о языке в терминах когнитивной лингвистики и прагмалингвистики, теории дискурса, социолингвистики и стилистики английского языка.

Ключевые слова: текстинг; интернет-коммуникация; средства языковой экономии; дискурсивные маркеры; компрессия информации.

LAW OF LANGUAGE ECONOMY IN MODERN ENGLISH VIRTUAL SPACE (BASED ON AMERICAN PRESIDENTIAL CAMPAIGN PUBLICATIONS)

Samboruk L.A.

The interaction of media-cultural markers within the cross-cultural communication context causes both the expansion of the publications topical space and the spread of English-language trends aimed at adapting to foreign communicative reality. All these things require a detailed study of the English virtual textual space in terms of language economy.

Purpose. *The attempt to trace the role and place of language economy means in a certain type of English textual virtual space, based on the interaction of linguo-cultural markers in the context of the social network TWITTER is discussed in the present article.*

Methodology. *In the present study the following general scientific methods of research are used: descriptive method, method of observation, quantification and classification methods accompanied by such special methods as systematic approach to linguistic and semantic analysis, and elements of discourse analysis.*

Results. *The scientific analysis of the language economy means and ways shows that the processes of telescoping, abbreviation, and word formation are the most typical patterns of word building functioning within the communicative space under research which gained a wide*

popularity among social network users. These days the principle of linguistic economy is reflected mostly in vocabulary. The language economy means perform specific functions in various types of discourse as well as play a particularly important role in the Internet communication.

Practical implications. *The results of the study can be applied in the sphere of cognitive linguistics and pragmalinguistics, discourse theory, sociolinguistics, and stylistics of the English language.*

Keywords: *texting; Internet-communication; language economy means; discursive markers; compression of information.*

Современное общение сложно представить без постоянно расширяющихся и обновляющихся медийных каналов интернет-коммуникации, которые отличаются разнообразными лингвистическими форматами, характерными для эпохи глобализации, поэтому логично предположить, что в современной научной исследовательской практике особенности такого рода обычно трактуются в терминах интернет-дискурса. Следует подчеркнуть, что специфика современной on-line коммуникации заключается в использовании текста в качестве главенствующего способа организации коммуникативного пространства: “Every message is made up of two parts: information called text, vested in a language code, and everything that surrounds the message (e.g., physical surrounding), called context” [13, pp. 139–140]. Обращаясь к описанию обновленного англоязычного общения в эпоху медийных технологических инноваций, А.А. Харьковская признает текстинг наиболее приемлемой версией существования и функционирования виртуальной информации, подчеркивая, что в современных условиях лингвистический анализ текстов социальных сетей отличается высокой перспективностью в научном плане благодаря, во-первых, своеобразию содержательных и формальных характеристик англоязычных интернет-текстов, размещенных в социальных сетях, во-вторых, из-за молниеносных изменений, благоприятно воздействующих на распространение этого метода словесного описания коммуникативных практик [10, с. 139]. Актуальность изучения интернет-текстов также подтверждается тем, что

современная интернет-аудитория не ограничивается молодежью, количество пользователей старшего поколения очевидно растет, а мода на активное использование этого медийного канала приобретает межкультурный характер, адаптируя англоязычные тенденции к условиям иностранной коммуникативной реальности. Исходя из этого, следует признать весьма актуальной проблему выявления и систематизации структурно-семантических особенностей текстов, выполненных на английском языке, который сегодня доминирует в различных типах глобальных сетей. Кроме того, необходимо отметить повышенную информативность и сжатость текста в языке интернет-сети, где объективно существуют условия и причины для языковой экономии. Важность изучения явления экономии в языке обусловлена особой ролью и значимостью закона экономии в свете новых реалий глобализации, которая является одной из наиболее показательных тенденций и характерных черт современной цивилизации, постоянно стимулирующих интерес научной общественности к выявлению и систематизации средств ускорения передачи информации.

С учетом этих обстоятельств представляется целесообразным сформулировать цель настоящего исследования как попытку научного осмысления средств языковой экономии в определенном типе англоязычного текстового интернет-пространства для определения их роли и места в процессе взаимодействия с дискурсивными маркерами лингвокультурной парадигмы современного англоязычного социума. Материалом настоящего исследования послужил конкретный источник сетевой интернет-коммуникации, получившей название TWITTER (от англ. tweet – «щебетать», «чирикать», «болтать»), что в переводческой практике транслируется как терминологическое обозначение социальной сети, которая позволяет пользователям отправлять текстовые заметки с помощью веб-интерфейса, SMS, службы мгновенных сообщений или твитов, а также других малоформатных посланий. В рамках настоящей работы были проанализированы 300 сообщений пользователей из микроблога TWITTER.

Лимитированный объем текстовых отправлений в этой социальной сети объективно предполагает действие закона языковой экономии, что подкрепляется рекомендациями размещать в одном посте (twit – твите) не более 140 символов (на легитимном уровне эти цифры были увеличены до 280 знаков лишь в 2017 г. после серии исследований, посвященных детальному изучению вербальных аспектов твитов, с одной стороны, а с другой, – ограничения распространяются и на невербальные средства, сопровождающие текстовые сообщения, которые могут быть представлены фотографиями (не более 4), одним видео или одним графическим изображением растрового формата. Вместе с тем, следует заметить, что сегодня практически все пользователи могут читать или комментировать сообщения, написанные в TWITTER, что обеспечивает доступ к информации для безграничной аудитории пользователей независимо от их социального, возрастного и образовательного статуса, гендерных и культурных параметров, уровня владения английским языком и т.п.

Статистические отчеты свидетельствуют о том, что в рейтинге самых популярных сетей и мессенджеров в 2019 г. TWITTER занимал 7-ю позицию, что стимулировало исследователей к поискам путей и способов надежного распознавания данных о взаимодействии лексических и синтаксических составляющих твитов с их количественными параметрами, потребовало детального изучения буквенных обозначений и паравербальных средств в рамках служебных и знаменательных частей речи, а также в границах предложений, оформляющих твит-сообщения. С другой стороны, лингвистическое осмысление текстового пространства TWITTER потребовало использования методов и приемов анализа текста, с помощью которых определяется частотность расположенных в алфавитном порядке языковых единиц, состоящих из двух символов, что традиционно ассоциируется с достоверной интерпретацией текстов TWITTER, толкованием присутствующих в них текстизмов и определением структурного профиля предложений, оформляющих текстовое пространство TWITTER. Исследователи отме-

чают противоречивые тенденции в содержательном наполнении современного TWITTER, увеличивших свои объемы от 140 до 280 знаков: с одной стороны, в процессе анализа увеличенных по объему твит-сообщений обнаруживается сравнительно меньшее количество текстизмов в формате сокращений и паравербальных символов, а с другой, – более заметное место в текстовом пространстве обновленного формата TWITTER отводится прилагательным, наречиям, артиклям, предлогам и союзам, что объясняется необходимостью в вербализации дополнительной информации о причинно-следственных связях между смысловыми элементами, которые входят в содержательную матрицу сообщений в современной сети TWITTER.

Представителей властных структур в Британии и США сегодня можно считать активными пользователями платформы TWITTER, поскольку социальный и возрастной состав её клиентов в настоящее время может рассматриваться как перспективная площадка для апробации разнообразных инновационных проектов, распространения и внедрения политических и идеологических программ в массовом масштабе. Вместе с тем, следует заметить, что именно политические лидеры чаще других признают свои, иногда поспешные, а поэтому несколько ошибочные суждения по поводу различных резонансных тем, которыми они делятся в своих твит-сообщениях. Так, образцы публичного покаяния в Твиттере достаточно широко практикуются Дональдом Трампом в период предвыборной кампании 2020 г. Ограниченный формат твит-сообщений, сравнительно молодой состав и гендерные особенности аудитории пользователей этой социальной сети стимулируют креативный подход к созданию лингвистических инноваций в англоязычной информационной интернет-среде.

Декодирование сокращённых лексических единиц опирается на контекст виртуальной коммуникации, включающей сопоставительный анализ исходного текста с текстами аналогичной тематики. Опора на виртуальный текст предполагает отсутствие у партнеров по общению возможности воспринимать интонационные

оттенки и видеть эмоциональное состояние собеседника. Однако преимущество виртуальной коммуникации заключается в типологическом характере сокращенных новообразований, которые функционируют в различных социальных сетях.

Общими сокращенными единицами для различных социальных сетей можно считать *hashtag*, *tweet*, *DM (Direct Message)*, *RT (retweet)*, *mention*, *feed*. Итак, *hashtag* – это символ #, за которым следует слово или фраза без пробелов между словами. Образованные слиянием слов *hashtags* употребляются как ключевые слова для упрощения поиска сообщений, а также используются в целях обозначения темы или определенных мероприятий: *picoftheday*; *ihaveathing4* или *iDoit2 (I do it too)*; *dontbeshocked (Don't be shocked)*; *ihatequotes (I hate quotes)*; *imsohigh (I'm so high)*; *LetsBeClear (Let's be clear)*.

Например, пользователи сети используют *#firstworldproblems* для определения важности наличия современных благ, привычных для представителей развитых стран: «*I wish my town had a statue of a shitty historical figure that i could topple #firstworldproblems*» (@ChuckRossDC).

В письменной речи становится предпочтительнее употребление ёмких содержательных знаков, чем использование объемных полнозначных слов, что подтверждает действие закона экономии усилий. С помощью краткого креативного хештега послание увидят тысячи заинтересованных людей, что дает возможность автору в кратчайшие сроки при минимальных языковых затратах привлечь масштабную читательскую аудиторию (*followers*) к своей странице в социальной сети. Общей чертой современных лексико-грамматических единиц, получивших распространение в интернет-коммуникации, является их слитное написание [15, p. 435].

Сокращение лексических единиц в текстинге базируется на процессе аббревиации [14, p. 210]: *DM (Direct Message)*; *RT (Retweet)*. Для языка сети TWITTER также характерно использование экспрессивных аббревиатур, связанных с утверждением или описанием, а также с выражением чувств. Кроме того, речевые акты

данной группы включают понятие ответной реакции получателя на сообщение отправителя [2, с. 102]: *IAWTC/I agree with this comment; WOMBAT/waste of money, brains and time; QT/quite time; ROFL/Rolling on the floor; EZ/Easy; SCOTUS/Supreme Court Of The United States; POTUS/ the President of the United State; Ky/ Kentucky; IDK/I don't know:*

1) "[@HaloOneForTrump](https://twitter.com/HaloOneForTrump) *foxnews takes #YUGE hit on advertising revenues by screwing with @realDonaldTrump ROFL!*" (@realDonaldTrump)

2) "*Spend some QT with dad. Love these ideas on @britandco: <http://buff.ly/1BjsPxx> #fathersday*" (@IvankaTrump).

3) "*If Republicans recklessly & reprehensibly force a SCOTUS vote before the election – nothing is off the table*" (@SenBlumenthal).

Аббревиатуры являются одним из главных средств речевой экономии, заключающемся в компрессии высказываний и обобщении содержания новых языковых единиц, в повышении степени эффективности коммуникативной функции языка [12, р. 69]. Экономия время и речевые усилия партнеров по коммуникации, аббревиация (58% от общего объема материала) является одновременно средством концентрации информации, поскольку как полная, так и аббревиатурная записи передают одинаковую информацию.

Тенденция к краткости информативного содержания и цельно-оформленности породила слова-слитки. Появление в современном английском языке таких слов является результатом одного из самых неординарных и сложных словообразовательных процессов, при котором происходит слияние усеченных основ двух или более лексических единиц [9, с. 5]. По мнению Н.А. Ахреновой, самым частотным словом, участвующим в порождении слов-слитков, является английское существительное *twitter*: *twaffic* (*twitter + traffic*); *twoops* (*twitter + oops*); *twupe* (*twitter + type*) и др. [3, с. 120]

В рассмотренном материале принцип экономии в структуре телескопических единиц (14,5%) проявляется весьма очевидно (*edutainment, affluenza, pollutician, paytriotism, republicrat, dopelomat*):

1) “*Patriotism, often pronounced ‘paytriotism’ in the UK, without irony*” (@medialens). Paytriotism = pay + patriotism - ‘показной патриотизм в корыстных целях’;

2) “*And he’s not owned by the Republicrat duopoly, so he should definitely invite @Jorgensen4POTUS and @HowieHawkins to participate in the debate*” (@KahC) Republicrat = Republican + Democrat – ‘человек, голосующий то за республиканцев, то за демократов’.

Следует заметить, что для обозначения компрессивных способов словообразования ученые пользуются различными терминами. В.М. Лейчик данные лексические единицы называет телескопными словами [5, с. 66]; Ю.А. Бельчиков – контаминациями [4, с. 238]; А.Ю. Мурадян использует такие термины, как слова-слитки и словослияния [7, с. 201]. Сам способ создания новых слов называется блендингом [1, с. 85; 11, р. 69], контаминацией [8, с. 75], словослиянием и телескопией (телескопическими словами) [6, с. 80].

Особой популярностью во всех интернет-сетях пользуются такие «экономные» языковые модели, как контрактуры (*txt, bc, plz, hrs, mins*), сокращения клиповой модели (*acc. – according to; hav – have; goin – going*), символы (& (and), *X* (kiss), *XOXO* (hugs and kisses)) и др. В нашем материале данные типы сокращений составляют 12% от общего количества примеров.

В текстинге весьма распространены сокращения, в которых редуцируется либо конечная часть языковой единицы, либо её начало (8% от всего объема проанализированного материала). Приведем примеры: *resp/responsibility; Rona (also Corona)/ Coronavirus; Flu/influenza:*

1) “*Malcolm Rifkind, last foreign sec resp for aid before DfID created in 1997, favours its being reabsorbed.*” (@JohnRentoul);

2) “*Why should we believe opinion polls about attitudes to corona?*” (@JohnRentoul)

Другим интересным для нашего исследования явлением стало использование буквенно-слогового и буквенно-цифрового написания слов в Твиттере (5,5%): *2day/today; F2F/face to face; GR8/great и др.* Например:

“2day the Senate confirmed the 200th federal judge since @realDonaldTrump was elected” (@ChuckGrassley).

Ещё одним способом экономии языковых усилий является – обратное словообразование (2% общего числа примеров). Наиболее часто встречаются глаголы с опущенными послесловами, например: *“I mean you can’t just **break** a country because you lost an election” (@JohnRentoul)* (Вместо I mean you can’t just **break up** a country because you lost an election).

Итак, интернет-коммуникация, несомненно, стала неотъемлемой составляющей современного общения. В эпоху глобализации on-line коммуникация традиционно использует текст как главенствующий способ организации нынешнего коммуникативного пространства. В современной лингвистике становится весьма актуальной проблема изучения структурно-семантических особенностей английского интернет-общения, направленного на конденсацию содержания в минимуме вербальных знаков. Возрастает необходимость детального анализа языка сети для формирования в конечном итоге систематизированного, многоуровневого, фундаментального исследования, посвященного английской интернет-коммуникации в условиях минимизации усилий в процессе пользования языком. Следовательно, изучение лингвистических средств языковой экономии представляется исключительно значимым для исследования различных видов дискурса в лингвокультурной парадигме современного социума.

В ходе проведённого исследования были сделан вывод о том, что пользователи микроблога Твиттер научились креативно обходить жесткие ограничения на количество символов, используя разного рода сокращения, получившие широкое распространение в других социальных сетях. Вместе с тем, объяснение данного явления только посредством закона экономии усилий явно недостаточно. Данная система коммуникации носит масштабный характер, высказываниям такого типа свойственны семиотичность и ребусность, которые, несомненно, ассоциируются с древнейшими обществами с идеографическим и словесно-слоговым типом письменности. Вы-

сокая частотность использования телескопических единиц, различных словообразований, таких языковых моделей, как контрактуры, аббревиатуры, сокращения клиповой модели, краткие символы и акронимы демонстрирует современную тенденцию экономии речи. Основная роль в процессе появления лексических новообразований данного типа принадлежит английскому языку как языку международного общения, который активно используется в межкультурных диалогах.

Таким образом, компактные лексические единицы как обширное явление современной интернет-коммуникации представляют большой интерес для нашего исследования, поскольку выводы, полученные выводы могут найти применение в лекционных курсах, спецкурсах и семинарах по лингвистике при изучении проблем словообразования в современном английском языке, на занятиях по практическому курсу английского языка и в процессе овладения англоязычной виртуальной коммуникацией. Научная значимость проведенного исследования заключается в дальнейшем анализе действия закона экономии языковых средств в условиях современной англоязычной интернет-коммуникации.

Список источников фактического материала

1. Blumenthal R. «@SenBlumenthal». Twitter.com. URL: <https://twitter.com/SenBlumenthal/status/1307378591097815040> (дата обращения: 14.07.2020).
2. Grassley Ch. «@ChuckGrassley». Twitter.com. URL: <https://twitter.com/ChuckGrassley/status/127591866633327366> (дата обр.: 08.08.2020).
3. Kahn4Congress «@KahC» Twitter.com. URL: <https://twitter.com/Kahn4C/status/1306053613148688389> (дата обращения: 20.09.2020).
4. Media Lens «@medialens» Twitter.com. URL: <https://twitter.com/medialens/status/208887876233076736> (дата обращения: 11.09.2020).
5. Rentoul J. «@JohnRentoul». Twitter.com. URL: <https://twitter.com/JohnRentoul/status/1310486096371949569> (дата обращения: 11.09.2020).
6. Rentoul J. «@JohnRentoul». Twitter.com. URL: <https://twitter.com/JohnRentoul/status/1273281064853737473> (дата обращения: 17.09.2020).

7. Rentoul J. “@JohnRentoul”. Twitter.com. URL: <https://twitter.com/John-Rentoul/status/1297932555908526080> (дата обращения: 17.09.2020).
8. Ross Ch. “@ChuckRossDC”. Twitter.com. URL: <https://twitter.com/ChuckRossDC/status/409763566602813440> (дата обр.: 08.06.2020).
9. Trump D. “@realDonaldTrump” Twitter.com. URL: <https://twitter.com/realDonaldTrump/status/692673284563935232> (дата обр.: 17.06.2020).
10. Trump I. “@IvankaTrump”. Twitter.com. URL: <https://twitter.com/Ivanka-Trump/status/611283970165198848> (дата обращения: 08.06.2020).

Список литературы

1. Адмони В.Г. Введение в синтаксис современного немецкого языка. М.: Изд-во лит. на ин. яз., 1955. 392 с.
2. Алексеев А.В., Ленец А.В. Директивные аббревиатуры как компонент современной виртуальной коммуникации (на материале английского и немецкого языков) // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. №1. Новосибирск: 2017. С. 98–110.
3. Ахренова Н.А. Лингвистические особенности микроблогов // Альманах современной науки и образования. № 9 (52). 2011. С. 119–122.
4. Бельчиков Ю.А. Контаминация // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. 238 с.
5. Лейчик В.М. Люди и слова. М.: Наука, 1982. 176 с.
6. Лейчик В.М. Об одном малоизученном способе словообразования («Телескопные слова» современного французского языка) // Филологические науки. 1966. № 3. С. 1421.
7. Мурадян А.Ю. Словослияние в современном английском языке (специфика, динамика, теория): Автореф. дисс. ... ст. канд. филол. наук. М., 1978. 26 с.
8. Пауль Г. Принципы истории языка. М.: Иностран. лит-ра, 1960. 500 с.
9. Сухова Е.А. Эволюция видов лексической компрессии в истории функциональных стилей французского языка (на материале языка прессы): Дисс. ... ст. канд. филол. наук. М., 2003. 202 с.
10. Харьковская А.А. Трансформация англоязычного коммуникативного пространства в эпоху медийных технологических инноваций

- // Эволюция и трансформация дискурсов. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2016. С. 137–144.
11. Alekseev A.V. Experience of taxonomy of shortened lexemes in English and German // 2nd International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences and Arts SGEM 2015. Conference Proceedings, 2015. Book 1. Vol. 2, pp. 423–430.
 12. Brown S.W. From unregistered words to OED3. Birmingham: CogSci Librarian, 2007. Vol. 17. № 10, pp. 64–82.
 13. Klyukanov I. Principles of Intercultural Communication. Boston, etc.: Pearson Education, Inc., 2005. 290 p.
 14. Passy P. Etude sur les changements phon&iques et leurs caractfres gendraux. Paris, 1891. 270 p.
 15. Tat M.J., Azuma T. Remembering txt but not text: The effect of context and lexicality on memory for text message abbreviations // Applied Psycholinguistics. 2016. Vol. 37, Issue 2, pp. 435–459.

References

1. Admoni V.G. *Vvedenie v sintaksis sovremennogo nemeczkogo yazy`ka* [Introduction to the syntax of the modern German language]. Moscow: lit. na in. yaz., 1955. 392 p.
2. Alekseev A.V., Lenecz A.V. Direktivny`e abbreviatury` kak komponent sovremennoj virtual`noj kommunikacii (na materiale anglijskogo i nemeczkogo yazy`kov) [Directive abbreviations as a component of modern virtual communication (based on English and German)]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. No 1. Novosibirsk: 2017: 8–110.
3. Axrenova N.A. Lingvisticheskie osobennosti mikroblogov [Linguistic features of microblogs]. *Al`manah sovremennoj nauki i obrazovaniya*. No 9 (52). 2011: 119–122.
4. Bel`chikov Yu.A. Kontaminaciya [Contamination]. *Lingvisticheskij jenciklopedicheskij slovar`*. Moscow: Sovetskaya enciklopediya, 1990. 238 p.
5. Lejchik V.M. *Lyudi i slova* [People and words]. Moscow: Nauka, 1982. 176 p.

6. Lejchik V.M. *Ob odnom maloizuchennom sposobe slovoobrazovaniya («Teleskopny`e slova» sovremennogo francuzskogo yazy`ka)* [On a little-studied method of word formation (“Telescope words” of the modern French language)]. *Filologicheskie nauki*. No 3. 1966: 14–21.
7. Muradyan A.Yu. *Slovoqliyanie v sovremenom anglijskom yazy`ke (specifika, dinamika, teoriya)* [Word Combination in modern English (specifics, dynamics, theory)]: Avtoref. diss. ... st. kand. filol. nauk. Moscow, 1978. 26 p.
8. Paul` G. *Principy` istorii yazy`ka* [Principles of the history of language]. Moscow: Inostr. lit-ra, 1960. 500 p.
9. Suxova E.A. *E`volyuciya vidov leksicheskoj kompressii v istorii funkcional`ny`x stilej francuzskogo yazy`ka (na materiale yazy`ka pressy`)* [Evolution of types of lexical compression in the history of functional styles of the French language (on the material of the press language)]: Diss. ... st. kand. filol. nauk. Moscow, 2003. 202 p.
10. Khar`kovskaya A.A. *Transformaciya angloyazy`chnogo kommunikativnogo prostranstva v e`poxu medijny`x texnologicheskix innovacij* [English communicative space transformations in the epoch of media technological innovations]. Samara: Izd-vo «Samarskij universitet», 2016: 137–144.
11. Alekseev A.V. *Experience of taxonomy of shortened lexemes in English and German*. 2nd International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences and Arts SGEM 2015. Conference Proceedings, 2015. Book 1. Vol. 2: 423-430. ISSN: 2367–5659.
12. Brown S.W. From unregistered words to OED3. Birmingham: CogSci Librarian, 2007. Vol. 17. No 10: 64–82.
13. Klyukanov I. Principles of Intercultural Communication. Boston, etc. Pearson Education, Inc., 2005. 290 p.
14. Passy P. Etude sur les changements phon&iques et leurs caractfres gendraux. Paris, 1891. 270 p.
15. Tat M. J., Azuma T. Remembering txt but not text: The effect of context and lexicality on memory for text message abbreviations. Vol. 37, Issue 2. 2016: 435-459. doi. 10.1017/S0142716415000065.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Самборук Людмила Александровна, аспирант кафедры английской филологии
Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева
Московское шоссе, 34, г. Самара, 443086, Российская Федерация
lsamboruk@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Samboruk Liudmila Aleksandrovna, postgraduate student of the Department of English Philology
Samara National Research University
34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation
lsamboruk@mail.ru
SPIN-code: 7694-1770
ORCID: 0000-0003-2334-604X

DOI: 10.12731/2077-1770-2020-5-320-332

УДК 811.512. 1

АСПЕКТУАЛЬНЫЕ ПАРАМЕТРЫ ТУРЕЦКОГО ГЛАГОЛА

Такоева Т.А.

Несмотря на давние традиции в изучении видовых характеристик турецкого глагола, грамматическая категория аспектуальности продолжает оставаться дискуссионной и заслуживает самого пристального внимания со стороны лингвистов. В трудах ученых-тюркологов можно встретить самые разные толкования статуса глагольных форм, отягощенных аспектуальным значением.

Цель исследования. *Выявить аспектуальные параметры турецкого глагола в пределах функционально-семантической категории аспектуальности, синтезировав воззрения известных лингвистов-тюркологов и собственные наблюдения.*

Методологической базой исследования стал диалектический принцип единства формы и содержания в его двух наиболее существенных ипостасях: семасиологический и ономасиологический.

Результаты. *В статье делается вывод о том, что функциональная роль морфологической категории вида и лексико-грамматической категории способов действия идентична, т.к. обе упомянутые категории объединяет их аспектуальная ориентированность. Однако при этом не следует забывать и об их существенном различии: облигаторности распространения морфологической категории вида практически на всю парадигму глагольного спряжения и необязательности такого рода требования к лексико-грамматической категории способов действия.*

Область применения результатов. *Результаты проведенного анализа могут найти применение в повседневных дидактических процессах: способствовать совершенствованию методики преподавания турецкого языка.*

давания соответствующих разделов теоретической и практической грамматики турецкого языка.

Ключевые слова: функционально-семантическая категория аспектуальности; глагольная парадигма; вид; способ действия.

ASPECTUAL CHARACTERISTICS OF THE TURKISH VERB

Takoeva T.A.

In spite of long traditions in the study of the specific characteristics of the Turkish verb, the grammatical category of aspectuality continues to be debatable and deserves the closest attention of linguists. In the works of turkologists, one can find a variety of interpretations of the status of verb forms, conjugated with aspectual meaning.

*The analysis is **aimed at** revealing the aspectual characteristics of the Turkish verb within the functional-semantic category of aspectuality, synthesizing the views of famous linguists-turkologists and the own observations.*

***The methodological basis of the study** is the dialectical principle of the unity of form and content in its two most essential hypostases: semiological and onomasiological.*

***Results.** The article concludes that the functional role of the morphological category of the aspect and the lexical-grammatical category of the aktionsart are identical, since both of these categories are united by their aspectual orientation. At the same time, one should not forget about their significant difference: the obligatory spread of the morphological category of the aspect to almost the whole paradigm of verbal conjugation and the optional nature of this requirement for the lexical-grammatical category of aktionsart.*

***Practical implications.** The results of the analysis can find application in everyday didactic processes contributing to the improvement of the teaching methods of the relevant sections of the theoretical and practical grammar of the Turkish language.*

***Keywords:** functional-semantic category of aspectuality; verb paradigm; aspect; aktionsart.*

Исследование функционально-семантической категории аспектуальности (ФСК аспектуальности): собственно морфологической категории вида и способов действия как категории лексико-грамматического порядка имеет давнюю традицию в языкознании в целом и в тюркологии, в частности. Определяемая А.В. Бондарко как «внутренняя характеристика протекания и распределения действия во времени» [4, с. 40-41] аспектуальность является, по мнению ряда лингвистов, категорией даже более универсальной чем категория времени и находится с последней в самой тесной взаимосвязи. Исследование любой грамматической категории, ближайшим импликатором которой является одна из форм глагольного спряжения, уже а priori должно учитывать присутствие в ней значения времени [8, с. 195].

Вопрос о ФСК аспектуальности в турецком языке и сегодня остается открытым, а лингвистический статус глагольных форм с аспектуальным значением до конца не установленным. Трудности такого рода исследований в турецком языке отчасти обусловлены агглютинативной установкой последнего: сложно устроенной временной системой глагола, где каждая временная форма несет в себе не только темпоральную, но одновременно с этим и ту или иную аспектуальную нагрузку, а значение корневой морфемы, по справедливому замечанию А.Н. Кононова, всегда нейтрально в отношении вида [9, с. 207]. И лишь парное сравнение глаголов выявляет различия аспектуального порядка. Сравним: *okumak* – читать, *okuur durmak* – почитывать. Во втором из приведенных примеров реализация значения итеративной длительности протекания процесса достигается посредством актуализации сложновербальной формы, состоящей из деепричастия *(y)ip/(y)ip/(y)ip/(y)ip* и вспомогательного глагола *durmak* – стоять, оставаться.

Видовая категория в турецкой языковой системе остается предметом непрекращающихся дискуссий. Ученые-аспектологи дифференцируют *вид* (*aspect*) и *способы действия* (*aktionsart*) [5, с. 36]. Под *видом* понимается категория глагола, обозначающая характер протекания действия/процесса в субъективном восприятии го-

ворящего; *акционал* же предлагает объективную характеристику процесса, выводя на первый план такие аспектуальные смыслы как *длительность, прерывистость, быстрота, внезапность* и т.д. В системе турецкого глагола акционал образует один из ранговых классов и к системе функционала отношения не имеет [11, с. 51]. *Вид и способы глагольного действия* (СД) в совокупности составляют содержательную сторону категории *аспектуальности*. Однако эти две аспектуальные парадигмы характеризуют современный турецкий глагол под разным углом зрения. И непреложным становится то обстоятельство, что понятие *аспектуальность* является более широким, чем понятие *вид*. Носителями видовых и акционсартовых значений являются также сложнoverбальные образования (перифрастические и аналитические), которые связывают общие функционально-семантические взаимосвязи [13; 14; 15].

Проведем небольшой экскурс в историю вопроса и попытаемся проанализировать воззрения ученых на затрагиваемую нами проблематику. Дело в том, что достаточно длительное время существование грамматической категории *вида* в качестве самостоятельной морфологической категории в турецком языке не признавалось. Одни исследователи утверждали, что в той разветвленной схеме, в которой она актуализируется в славянских языковых системах, грамматической категории *вида* в тюркских языках нет. Сведения об этом находим в трудах Н.А. Баскакова, Д.М. Насилова, А.Н. Кононова, Б.А. Серебренникова и других исследователей. Так, в частности, Н.А. Баскаков любые действия глагола определяет как *видовые*. Ученый относит *вид* к словообразованию лексического порядка. По мнению исследователя, «вид указывает на характер процесса действия без отношения к нему действующего лица и является объективной характеристикой действия» [1, с. 306–308, 352–386]. Другие лингвисты, признавая существование *вида* в тюркских лингвокультурах, акцентируют внимание на особенностях словоформ с аспектуальным значением, а также на несоответствии этих последних формам совершенного/несовершенного *вида* глагола в славянских языках [3; 9 и др.]. В.А. Богородицкий, например, счи-

тает, что в тюркских языках глагольные категории, такие как залог, вид, наклонение, время, число и лицо в значительной мере аналогичны русским, но эксплицируются эти последние несколько иначе, в соответствии с агглютинативно-постпозиционным характером этих языков. А именно – суффиксами и отчасти вспомогательными глаголами [3, с. 170–171].

А.Н. Кононов отмечает, что категория вида включает такие глагольные образования, которые содержат в себе лексические, морфологические и синтаксические характеристики процесса/действия по признакам его протекания: *повторяемости, длительности, многократности, мгновенности, динамичности, направленности* и т.д. или же по таким особенностям как *результативность, завершенность/незавершенность, предположительность, намерение* и т.д. [9, с. 206–208]. То есть подобно оппозиции совершенности/несовершенности, зафиксированной в славянских языковых системах, турецкий глагол создает свои, подчас более распространенные аспектуальные корреляции.

Б.А. Серебренников предлагает свою классификацию *видовых образований*: 1) собственно вида – речь идет о таких образованиях, показатели которых имеют тотальное распространение; 2) видовые классы – «своего рода осколочные виды», которые «явно тяготеют к образованиям лексического порядка». От *видов* следует отличать так называемое видовое значение, которое не связано с облигаторным наличием в языке грамматического вида. В турецкой лингвокультуре, по мнению исследователя, нет «собственно видов» и, как следствие этого, отсутствует деление глаголов по аспектологическим классам. Сочетание деепричастий со вспомогательными глаголами хотя и обладают видовыми значениями, но не образуют категории грамматического порядка, поскольку завершенность или длительность действия в них всегда осложнена дополнительным смысловым оттенком [17, с. 24–30].

Обращает на себя внимание и то, что среди ученых-аспектологов, признающих существование *вида* как отдельной грамматической категории в турецкой языковой системе, нет единого истолкования

видовременной организации, видовых оппозиций, статуса лексико-грамматических категорий. Также нет и единого понимания способов действия, категории предельности/непредельности как основополагающей при определении статуса глагольных образований, роли аспектологического контекста. Бытует мнение, что ключевой категорией турецкого глагола является *вид*, который не смешивается со способами действия, а объектом лингвистических разысканий в турецкой языковой культуре становятся сегменты, которые присоединяются к глагольной основе, образуя, таким образом, финитную глагольную словоформу [18, S. 19]. П.И. Кузнецов, в свою очередь, подразделяет все возможные схемы аспектуальных образований на виды, подвиды, видовые подсистемы (в том числе видовые разряды, входящие в эти подсистемы), видовые классы и видовые аспекты, где термин «видовой» употребляется в значении акционсарт [10, с. 71].

Существует убеждение, согласно которому глагольные лексемы, сочетающиеся с всевозможными вспомогательными глаголами, следует скорее обозначать как видовые классы, но не виды. Такого рода образования имеют в своей семантике аспектуальное значение, но не формируют категории *вида* [17, с. 23–26]. Безусловно, морфологическая категория вида и лексико-грамматическая категория способов действия очень близки по своему значению. Различие между ними может быть сведено к облигаторности распространения первой грамматической категории практически на всю глагольную систему и отсутствию такого требования для второй. В турецкой лингвосистеме следует дифференцировать лексический, морфологический (лексико-морфологический) и синтаксический способы выражения аспектуальных значений. В первом случае основа турецкого глагола, нейтральная в изолированном употреблении, в парном соотношении приобретает видовое значение *demek-говорить/сказать*, во втором – в качестве аспектуальных коррелятов выступают глагольные формы, обслуживающие одну временную плоскость. Например, настоящее время: *yazıyorum* – я пишу (в момент речи), *yazarım* – я пишу (вообще), *yazmaktayım* – я пишу (длительно). В последнем приведенном примере действие представлено как дли-

тельное, но протекает оно в плоскости настоящего времени: синтезированием деепричастий на $-(y)a/-(y)ip$ и модифицирующего глагола (*vermek-быстрота, стремительность, durmak-длительность, yazmak-предположительность* и т.д.) [9, с. 207–212]. В тюркских языках основой аспектуальности выступают специализированные формы способов действия, представленные моделью: деепричастие + глагол аспектуализатор, различные видовременные формы, связанные с качественной и квантитативной аспектуальностью [15].

Большинство исследователей представляют категорию аспектуальности в турецком языке как совокупность так называемых перифрастических и аналитических глагольных форм, имеющих как акционсартовые значения, формирующие *способы действия*, так и *видовые*, закрепленные за теми или иными глагольными формами, в пределах которых носители данного конкретного языка получают возможность представлять действие при осуществлении акта коммуникации [12]. В рамках перифрастических форм выделяют начинательный вид, завершительный вид, предположительный вид, длительный вид, результативный вид, вид намерения [9]. При этом аспектуальность как самостоятельная глагольная словоизменительная категория вполне оправданно обозначает одновременно как *видовые*, так и *акциональные (акционсартовые)* значения, а также совокупность сложно вербальных форм. И лишь две сложновербальные словоформы могут быть истолкованы как носители видовых значений. Речь идет о 1) - *miş ol/-miş bulun* и 2) - *makta ol/-maktâ bulun- u (i)yor ol /-(i)yor bulun*. [7, с. 145–151].

Первая из приведенных языковых моделей приобретает значение послепредельного (посттерминального) вида, она весьма близка по своему значению к совершенному виду русского глагола. Примеров, подтверждающих высказанное суждение, достаточно много. Приведем лишь некоторые из них:

Akrabalarım ve köylülerim benim hayatta ve rehlin alınmış olduğumu öğrenirlerse beni kurtarmak için hiç bir şey esirgemezler [2, с. 60] – *Мои родственники и односельчане если узнают, что я жив и взят в плен, ничего не пожалеют, чтобы меня спасти.*

Nartlar, sürülerinin eksiksiz ve iyi beslenmiş olarak geri döndüğünü görünce çok mutlu oldular ve Soslan onların gözündə daha da büyüdü [2, с. 90] – *Нарты были очень рады видеть, что их стада вернулись целы, хорошо откормлены, Сослан еще более вырос в их глазах.*

Вторая лингвистическая комбинация имеет внутрипредельное (интратерминальное) описывающее действие, называемое исходной основой как процесс, осуществляемый безотносительно к начальной или конечной фазе своего предела. Речь идет о дуративном, курсивном, прогрессивном и других значениях, например:

Soslan nehir boyunca aşağılara doğru inmeye devam etti ve balık tutmakta olan bir başka balıkçının yanına geldi [2, с. 72] – *Отправился Сослан дальше, вниз по реке. Идет и видит: сидит на берегу реки рыбац, удилщицем ему служит дерево еще большей величины, а на крючке висит туша коровы* [1, с. 124] (досл. Сослан продолжал спускаться вниз по реке и подошел к другому рыбаку, который ловил рыбу).

Gerçekten, dağların ardında batmakta olan güneş orada biraz daha kaldı [2, с. 53] – *И по молитве ее на высоких горных снегах долго горело, не погасая, холодное, тусклое солнце мертвых* [1, с. 89] – (досл. Действительно, солнце, заходящее за горы, задержалось на какое-то время).

К перифрастическим формам с акционсартовым фазовым значением относим также:

-(a)r ol- начало постоянно совершаемого или длительного действия (инцептивное, инхотативное, ингрессивное, начинательное, дуративно-инцептивное значение)

-maz ol- прекращение длительно совершавшегося действия.

-(y)a dur- форму выражающую просьбу продолжать действовать, пока говорящий будет отвлечен другим действием

-(y)ip dur- форму длительности или многократной повторяемости действия,

-(y)a/-(y)ip gel – форму диахронической протяженности действия из прошлого в настоящее. А также некоторые другие словоформы, которые, безусловно, заслуживают самого пристального внимания и могут стать предметом дальнейшего лингвистического анализа.

В заключение отметим, что аспектуальные значения в турецкой лингвосистеме, агглютинативной по своему типологическому устройству, представлены аналитическими, перифрастическими и редуцированными языковыми фигурами. *Аспектуальные характеристики* получают синтаксическое выражение в виде аналитических конструкций или же морфологическое воплощение, когда речь заходит о передаче видовых значений отдельными временными словоформами. Бесспорно, что функциональная значимость морфологической категории *вида* и лексико-грамматической категории *способов действия* идентична, т.к. обе упомянутые парадигмы объединяет их аспектуальная направленность. Однако не следует забывать и о существенном различии между этими последними. А именно: об облигаторности распространения грамматической категории *вида* практически на всю систему глагольного спряжения и необязательности такого рода требования, когда речь заходит о лексико-грамматической категории *способов действия*.

Источники языкового материала

1. Сказания о нартах. Осетинский эпос. Изд. переработанное и дополненное. / Пер. с осет. Ю. Либединского. М.: Советская Россия, 1978. 512 с.
2. Nartlar Oset Halk Destanlari. Translated from French translation by George Dumezil into Turkish by Hayri Ata. Ankara: OwnPub, 2014. 254 p.

Список литературы

1. Баскаков Н.А. Каракалпакский язык. Фонетика и морфология. М.: Изд-во АН СССР, 1952. 542 с
2. Баскаков Н.А. Историко-типологическая морфология тюркских языков. М.: Наука, 1979. 273 с.
3. Богородицкий В.А. Введение в татарское языкознание в связи с древними тюркскими языками. Казань: Татгосиздат, 1953. 220 с.
4. Бондарко А.В. Содержание и типы аспектуальных отношений // Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Л.: Наука, 1987. С. 40–45.

5. Вопросы глагольного вида // Под редакцией Маслова Ю.С. М.: Издательство иностранной литературы, 1962. 438 с.
6. Гузев В.Г. О категории аспектуальности (на материале староосманско-тюркского языка) // Советская тюркология, 1988. С. 3–12.
7. Гузев В.Г. Теоретическая грамматика турецкого языка // Под ред. А.С. Аврутиной, Н.Н. Телицина. СПб: Издательство С.-Петербург. гос. ун-та, 2015. 320 с.
8. Калабекова Л.Т. Ведущая роль категории времени в функциональной значимости парадигмальных форм глагольного спряжения (во французском, русском и осетинском языках) // Вестник Адыгейского госуниверситета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2012. № 1. С. 192–196.
9. Кононов А.Н. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. 569 с.
10. Кузнецов П.И. Аспект и акционал в турецком языке (к выходу в свет монографии Л. Юхансона) // Советская тюркология, 1975. № 3. С. 68–82.
11. Кузнецов П.И. Система функциональных форм глагола в современном турецком языке: дисс. ... ст. д-ра филол. н. Москва, 1982. 375 с.
12. Маслов Ю.С. Вопросы глагольного вида в современном зарубежном языкознании // Вопросы глагольного вида. М.: Издательство иностранной литературы, 1962. С. 38–41.
13. Михайлов М.С. Исследования по грамматике турецкого языка. Перифрастические формы турецкого глагола. М.: Наука, 1965. 132 с.
14. Юлдашев А.А. Аналитические формы глагола в тюркских языках. М.: Наука, 1965. 275 с.
15. Насилов Д.М. Проблемы тюркской аспектологии. Акциональность. Л.: Наука, 1989. 208 с.
16. Насилов Д.М. Еще раз о виде в тюркских языках (к истории вопроса) // Turcologica. К семидесятилетию академика А.Н. Кононова / Отв. ред.: С.Г. Кляшторный, Ю.А. Петросян, Э.Р. Тенишев. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1976. С. 111–120.
17. Серебренников Б.А. Категория времени и вида в финно-угорских языках пермской и волжской групп. М.: Наука, 1960. 290 с.

18. Johanson L. *Aspekt im Türkischen. Vorstudien zu einer Beschreibung des türkeitürkischen Aspektsystems*. Uppsala, 1971. 333 S.

Language material sources

1. *Skazaniya o Nartah. Osetinskij epos* [Nartae tales. Ossetian epic.] Moscow: Sovetskaya Rossiya, 1978. 512 p.
2. *Nartlar Oset Halk Destanlari* [Nartae Tales. Ossetian epic]. Ankara: OwnPub, 2014. 254 p.

References

1. Baskakov N.A. *Karakalpakskij yazyk. Fonetika i morfologiya* [The Karakalpak language. Phonetics and morphology.] Moscow: Izd-vo AN SSSR, 1952. 542 p.
2. Baskakov N.A. *Istoriko-tipologicheskaya morfologiya tyurkskih yazykov* [Historical and typological morphology of the Turkic languages]. Moscow: Nauka, 1979. 273 p.
3. Bogorodickij V.A. *Vvedenie v tatarskoe yazykoznanie v svyazi s drevnimi tyurkskimi yazykami* [An introduction to Tatar linguistics in connection with the ancient Turkic languages]. Kazan': Tatgosizdat, 1953. 220 p.
4. Bondarko A.V. *Soderzhanie i tipy aspektual'nyh otnoshenij* [Content and types of aspectual relations]. *Teoriya funkcional'noj grammatiki: Vvedenie. Aspektual'nost'. Vremennaya lokalizovannost'. Taksis*. Leningrad: Nauka, 1987: 40–45.
5. *Voprosy glagol'nogo vida* [Problems of verbal aspect]. Moscow: Izdatel'stvo inostrannoj literatury, 1962. 438 p.
6. Guzev V.G. *O kategorii aspektual'nosti (na materiale staroosmansko-tyurkskogo yazyka)* [On the category of aspectuality (based on the old Ottoman-Turkic language)]. *Sovetskaya tyurkologiya*, 1988: 3–12.
7. Guzev V.G. *Teoreticheskaya grammatika tureckogo yazyka* [Theoretical grammar of the Turkish language.]. St. Petersburg: Izdatel'stvo S.-Peterb. gos. un-ta, 2015. 320 p.
8. Kalabekova L.T. *Vedushchaya rol' kategorii vremeni v funkcional'noj znachimosti paradigmal'nyh form glagol'nogo spryazheniya (vo francuzskom, russkom i osetinskom yazykah)* [The leading role of the cat-

- egory of tense in the functional significance of the paradigm forms of verb conjugation (in French, Russian and Ossetian]. *Vestnik Adygejskogo gos-universiteta. Seriya 2: Filologiya i iskusstvovedenie*. 2012. No 1: 192–196.
9. Kononov A.N. *Grammatika sovremennogo tureckogo literaturnogo yazyka* [Grammar of the Modern Turkish literary language]. Moscow – Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 1956. 569 p.
 10. Kuznecov P.I. Aspekt i akcional v tureckom yazyke (k vyhodu v svet monografii L. Yuhanssona) [Aspect and action in Turkish]. *Sovetskaya tyurkologiya*, 1975. No 3: 68–82.
 11. Kuznecov P.I. *Sistema funkcional'nyh form glagola v sovremennom tureckom yazyke* [The system of functional verb forms in modern Turkish]: diss. ... st. d-ra filol. n. Moscow, 1982. 375 p.
 12. Maslov Yr.S. Voprosy glagol'nogo vida v sovremennom zarubezhnom yazykoznanii [Problems of verbal aspect in modern foreign linguistics]. *Voprosy glagol'nogo vida*. Moscow, 1962: 38–41.
 13. Mihajlov M.S. *Issledovaniya po grammatike tureckogo yazyka. Perifrasticheskie formy tureckogo glagola* [Studies on the grammar of the Turkish language. Periphrastic forms of the Turkish verb]. Moscow: Nauka, 1965. 132 p.
 14. Yuldashev A.A. *Analiticheskie formy glagola v tyurkskih yazykah* [Analytical verb forms in the Turkic languages.] Moscow: Nauka, 1965. 275 p.
 15. Nasilov D.M. *Problemy tyurkskoj aspektologii. Akcional'nost'* [Problems of Turkic Aspectology. Actionality]. Leningrad: Nauka, 1989. 208 p.
 16. Nasilov D.M. Eshche raz o vide v tyurkskih yazykah (k istorii voprosa) [Once again about the aspect in the Turkic languages (to the history of the issue)]. *Turcologica*. Leningrad: Nauka, Leningradskoe otdelenie, 1976: 111–120.
 17. Serebrennikov B.A. *Kategoriya vremeni i vida v finno-ugorskih yazykah permskoj i volzhskoj grupp* [The category of time and aspect in the Finno-Ugric languages of the Permian and Volga groups]. Moscow: Nauka, 1960. 290 p.
 18. Johanson L. Aspekt im Türkischen. Vorstudien zu einer Beschreibung des türkeitürkischen Aspektsystems. Uppsala, 1971. 333 S.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ**Такоева Тамара Астановна**, ассистент

*Северо-Осетинский государственный университет им.
К.Л. Хетагурова
ул. Ватутина, 44-46, г. Владикавказ, Республика Северная
Осетия-Алания, 362025, Российская Федерация
takoevat@yandex.ru*

DATA ABOUT THE AUTHOR**Takoeva Tamara Astanovna**, assistant

*North-Ossetian State University named after K.L. Khetagurov
44-46, Vatutin st., Vladikavkaz, Republic North Ossetia-Alania,
362025, Russian Federation
takoevat@yandex.ru
SPIN-6597-9976*

DOI: 10.12731/2077-1770-2020-5-333-350

УДК 81

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ С АНТОНИМИЧНЫМИ КОМПОНЕНТАМИ В АНГЛИЙСКОМ И КАЗАХСКОМ ЯЗЫКАХ

Тукешова Н.М.

***Актуальность.** Фразеологические единицы с антонимичными компонентами двух исследуемых языков ранее не были исследованы. Поскольку английский и казахский языки являются неродственными и разноструктурными языками, определение их схожести и различия, а также специфических характеристик требует тщательного изучения.*

***Цель.** Сопоставление фразеологических единиц с антонимичными компонентами двух неродственных языков с точки зрения их лексико-грамматических особенностей и выявление их сходств и различий. Для достижения этой цели нами были поставлены следующие задачи: выявить изученность фразеологических единиц с антонимичными компонентами в сопоставительном аспекте в английском и казахском языках; определить различия и сходства фразеологических единиц с антонимичными компонентами двух разноструктурных языков, выявить специфические черты каждого языка.*

***Методы исследования.** Работа опирается на следующие методы: метод фразеологического описания, лексико-грамматический анализ, компонентный анализ. Методом сплошной выборки из лексикографических источников английского, казахского и русского языков были найдены фразеологические единицы с антонимичными компонентами.*

***Результаты.** Фразеологические единицы с антонимичными компонентами отражаются во всех лексико-грамматических разрядах языка, также анализ выявил, что фразеологические единицы в двух рассматриваемых языках могут различаться по способу образова-*

ния связей между компонентами. Антонимичные компоненты в их составе влияют на целостное значение фразеологических единиц.

Область применения результатов. Материалы исследования могут быть использованы в разработке курсов по лексикологии и фразеологии.

Ключевые слова: фразеологическая единица; антоним; сопоставительный анализ; английский язык; казахский язык.

COMPARATIVE STUDY OF THE PHRASEOLOGICAL UNITS WITH ANTONYMOUS COMPONENTS IN THE ENGLISH AND KAZAKH LANGUAGES

Tukeshova N.M.

Relevance. *Phraseological units with antonymous components of the two studied languages have not been previously studied. Since the English and Kazakh languages are unrelated and different-structured languages, determining their similarities and differences, as well as specific characteristics, requires careful study.*

Purpose. *Comparison of phraseological units with antonymous components of two unrelated languages from the point of view of their lexical and grammatical features and identification of their similarities and differences. To achieve this goal, we set the following tasks: to reveal the study of the comparative aspect of phraseological units with antonymous components in the English and Kazakh languages; to determine the differences and similarities of phraseological units with the antonymous components of two different-structured languages, to identify the specific features of each language.*

Methods. *The work is based on the following methods: method of phraseological description, lexical and grammatical analysis, component analysis. The method of continuous sampling from lexicographic sources of the English, Kazakh and Russian languages was used to find phraseological units with antonymous components.*

Results. *Phraseological units with antonymous components are reflected in all lexical and grammatical categories of the language, and the analysis also revealed that phraseological units in the two languages under consideration can differ in the way of forming connections between components. Antonymous components in the phraseological units affect their integral meaning.*

Practical implications. *Research materials can be used in the development of courses in lexicology and phraseology.*

Keywords: *phraseological unit; antonym; comparative analysis; English; Kazakh.*

Введение

Как и во многих языках, в английском и казахском языках имеются фразеологические единицы. Фразеологические единицы столь же разнообразны по составу, как и по соотношению компонентов. В данном случае предметом нашего исследования являются фразеологические единицы с антонимичными компонентами. Хотя их объем не настолько велика. В настоящее время были исследованы отдельно и фразеологические единицы, и антонимы в рассматриваемых языках, однако фразеологические единицы с антонимичными компонентами в сопоставительном аспекте не изучались, поэтому это определяет новизну данной статьи.

В настоящее время сопоставительное изучение фразеологических единиц неродственных языков приобретает все больший интерес многих ученых. Как отмечают Е.Ф. Арсентьева сопоставительное исследование можно проводить с фразеологическими единицами, которые имеют однотипные структуры, функции и компоненты [2, с. 3]. На сегодняшний день есть немало работ по фразеологическим единицам в сопоставительном аспекте таких исследователей как, Г.М. Полькина, Е.Ф. Арсентьева, Ф.Х. Тарасова, Л.Т. Мифтахутдинова. Они изучали фразеологические единицы с разных аспектов. Например, в работе Е.Ф. Арсентьевой рассматривались структурно-грамматические, семантические особенности фразеологических единиц, а также фразеологические эквиваленты, аналоги и их безэк-

вивалентность [2]. Ф.Х. Тарасова проводит анализ английских и татарских фразеологических единиц с компонентом пища, определяя их этимологическую, семантико-грамматическую классификацию [18]. В своей диссертационной работе Л.Т. Мифтахутдинова проводит сопоставительный анализ в плане выражения и содержания фразеологических единиц с компонентом прилагательным, а также выясняет их системные связи в английском и турецком языках и т.д. Она также отмечает, что исследование фразеологических единиц с общим компонентом способствует решению обсуждаемого вопроса во фразеологии о функции компонентов в образовании значений, а также выяснить языковые универсалии, присущие всем языкам [12, с. 3].

Фразеологические единицы, как замечает Г.Б. Антрушина, являются самыми красочными, живописными и выразительными частями словарного запаса любого языка [1, с. 225]. Хотя на сегодняшний день есть немало исследовательских работ по фразеологическим единицам, еще нет их точной классификации и устоявшего мнения о них. И. Кенесбаев отметил, что фразеологических единиц можно рассматривать только с точки зрения синтаксических, семантических характеристик, частей речи, семантической классификации слов и подобных характеристик [6, с. 617]. В зависимости от сложности структурных, семантических аспектов, а также из-за наличия какого-либо компонента в составе фразеологических единиц направления методов исследования могут различаться. Фразеологические единицы с антонимичными компонентами недостаточно подвергались изучению именно в сопоставлении английского и казахского языка. Однако имеется работа Г.М. Полькиной, которая совпадает с направлением нашего исследования. В её работе изучались английские фразеологические единицы с антонимичными компонентами в сопоставлении с татарским языком. В казахском языке же подобное исследование вовсе не проводилось. Компоненты-антонимы в составе фразеологических единиц в понимании Г.М. Полькиной, являются отдельными элементами фразеологизма, которые обладают характерным употреблением [13, с. 55]. То есть, наше восприятие значения фразеологических единиц может

зависеть от их компонентов. Учитывая формальные характеристики антонимичности, можно отметить, что компоненты-антонимы играют роль сигнальных устройств внутреннего сопротивления в значении фразеологических единиц, как принято, они выступают в роли смыслового центра, то есть компонента фразеологических единиц, который определяет целостное значения фразеологических единиц [16, с. 45].

Для проведения анализа методом сплошной выборки из лексикографических источников английского, казахского и русского языков были найдены фразеологические единицы с антонимичными компонентами. В основу нашего анализа была положена классификация фразеологических единиц А.В. Кунина [9].

Согласно классификации А.В. Кунина, среди исследуемых фразеологических единиц с антонимичными компонентами мы отмечаем субстантивные, адъективные, адвербиальные, глагольные, междометные и модальные фразеологические единицы.

И. Кенесбаев отмечает, что классификация фразеологических единиц по частям речи является одной из основных задач, однако невозможно заявить, что в этих фразеологических единицах есть твердо сформированные части речи [6, с. 617].

Субстантивные фразеологические единицы обозначают предмет или субстантивированное действие. Они функционально соотносимы с существительным, то есть их стержневым компонентом являются существительные и обозначают предметность или понятие [5, с. 169]. Субстантивные фразеологические единицы с антонимичными компонентами встречаются в наибольшем количестве в английском языке, а в казахском их количество мало среди обнаруженных нами фразеологических единицах с антонимичными компонентами: *beauty and the beast* – красавица и чудовище [8, с. 72]; *the beginning of the end* – начало конца [Там же, с. 75]; *power of life and death* – власть над жизнью и смертью; обладать силой жизни и смерти [Там же, с. 600]; *kөзінің ағы мен қарасы* – единственное утешение, одна радость в глазу [6, с. 263]; *ақ сақал, қара сақал* – старые и молодые [Там же, с. 25].

В исследуемых языках найдены фразеологические единицы с антонимичными компонентами с сочинительной (соединительно-сочинительная, разделительно-сочинительная, соединительно-противительная) и подчинительной связью.

В английском языке можно встретить фразеологические единицы с антонимичными компонентами с подчинительной связью, образованные при помощи предлогов:

A sheep among wolves – овечка среди волков [8, с. 675].

The beginning of the end – начало конца [Там же, с. 75].

В этих примерах лексемы *sheep*, *beginning* и лексемы *wolves*, *end* соединяются с помощью предлогов *among* и *of*.

A big frog in a little pond – большая лягушка в маленьком пруду [Там же, с. 300].

В этом примере сочетание лексем *big frog* и сочетание лексем *little pond* соединены при помощи предлога *in*. В исследуемых фразеологических единицах самыми распространенными предлогами считаются *in* и *of*.

В казахском языке подчинительная связь образуется при помощи добавления окончаний падежей, так как в казахском языке нет предлогов: *Ораздының ұлы*, *Жиырлының қызы* – сын счастливого, дочь несчастного [17, с. 137].

Среди рассматриваемых фразеологических единиц обоих языков можно найти двухкомпонентные и трехкомпонентные, многокомпонентные фразеологические единицы: *bouquets and brickbats* – захваливание и поношение [8, с. 102]; *cross questions and crooked answers* – игра в вопросы и ответы [9, с. 614]; *көзінің ағы мен қарасы* – единственное утешение, одна радость в глазу [6, с. 263]; *өмір я өлім мәселесі* – дело жизни и смерти [3, с. 36].

В английском языке двухкомпонентных субстантивных фразеологических единиц можно выделить с точки зрения числа, в котором стоят компоненты фразеологических единиц, например,

Likes and dislikes – симпатии и антипатии [8, с. 458].

В этом примере оба компонента стоят во множественном числе.

Pro and con – за и против [Там же, с. 605].

В этом же примере оба компонента стоят в единственном числе. Хотя была найдена фразеологическая единица, где оба компонента стоят во множественном числе *the pros and cons*.

В казахском языке была обнаружена одна двухкомпонентная фразеологическая единица, компоненты которой стоят в единственном числе:

Ақ пен қара – белое и черное; правильное и неправильное [6, с. 25].

Сочинительная связь субстантивных фразеологических единиц с антонимичными компонентами в английском языке могут образоваться при помощи союзов *or*, *and*, а в казахском языке при помощи союзов “пен, я, мен, әрі”: *heads or tails* – орел или решка [19, с. 24]; *ins and outs* – подробности чего-либо [8, с. 408]; *өмір я өлім мәселесі* – дело жизни и смерти [3, с. 36]; *ақ пен қара* – правильное и неправильное [6, с. 25].

Также среди исследуемых фразеологических единиц встречаются сложные фразеологические единицы, где две лексемы с подчинительной связью соединены сочинительной связью с помощью союза *and*: *Bone of one's bone and flesh of one's flesh* – кость от кости и плоть от плоти [8, с. 96].

Что касается антонимичных компонентов в составе субстантивных фразеологических единиц, то можно сказать, что наблюдается наличие узуальных антонимов: *long hair and short wit* – волос долог, да ум короток [8, с. 343], *еңкейген кәрі, еңбектеген жас* – старые и молодые [7, с. 66]; окказиональных антонимов: *bouquets and brickbats* – хвала и поношение [8, с. 102], *әрі күлкі, әрі түрпі* – и смех, и грех [3, с. 82].

К тому же в рассматриваемых фразеологических единицах английского и казахского языков встречаются случаи с двойным противопоставлением в составе одной фразеологической единицы. К примеру, *cross questions and crooked answers* – игра в вопросы и ответы [9, с. 614], в данном случае внутри фразеологической единицы противопоставляются прилагательные *cross* – *crooked* (поперечный – кривой), существительные *questions* – *answers* (вопросы – ответы). *Ораздының ұлы, Жиырлының қызы* – сын счастливого,

дочь несчастного [17, с. 137], здесь противопоставляются прилагательные *Ораздының – Жыырлының* (счастливый – несчастный), существительные *қызы – ұлы* (дочь – сын). Можно сказать, что если убрать хоть один из этих компонентов, то их значение теряют свою усиленную выразительность. Эти фразеологические единицы в своем целостном значении относятся к существительным, поэтому мы отнесли их к субстантивным фразеологическим единицам. Таким образом, можно отметить, что фразеологические единицы с антонимичными компонентами могут быть аналогичны существительным, прилагательным, наречиям, глаголам по своему лексико-грамматическому значению, несмотря на то, что антонимичные компоненты в их составе могут выступать в совсем других.

Адъективные фразеологические единицы функционально соотносимы с прилагательными, имеют значение качественной характеристики и выступают в функции определения. Стержневым компонентом является прилагательное [2, с. 30]. Адъективные фразеологические единицы бывают компаративными и некомпаративными. Компаративные фразеологические единицы возникают, когда существует необходимость в дополнительной информации, кроме информации, получаемой через первые компоненты сравнения [9, с. 139]. К компаративным фразеологическим единицам можно отнести: *as clear as mud* – совершенно непонятный, неясно [10, с. 64]; *more dead than alive* – смертельно усталый [8, с. 203]. В примере *as clear as mud* первый компонент употребляется в буквальном смысле, а второй компонент определяет характер оценки, также ей присуща преувеличение для экспрессивности. Сравнение идет при помощи союза *as ... as*, однако можно встретить фразеологические единицы без начального союза *as*: *clear as mud*. То есть их можно считать квантитативными вариантами. А в примере *more dead than alive* можно увидеть, что в английском языке также имеются компаративные фразеологические единицы с прилагательными в сравнительной степени.

В казахском языке: *ай мен күндей* – красивый; как солнце и луна [6, с. 21]; *есік пен төрдей* – длинный, большой [7, с. 70]. В этих

примерах фразеологических единиц казахского языка сравнение осуществляется при помощи суффиксов “-дай, -дей”.

К некомпаративным фразеологическим единицам относятся: *open and shut* – простейший, несложный [8, с. 554]; *black or white* – черное или белое [Там же, с. 87]; *ұзында өшті, қысқада кекті* – враждующие [17, с. 541]; *іші өлген, сырт сау* – разочарованный в жизни [6, с. 587].

Адъективные фразеологические единицы с антонимичными компонентами в основном относятся к человеку, а также могут иметь как положительный характер оценки, так и отрицательный: *nothing but skin and bones* – очень худой [20, с. 458]; *more dead than alive* – смертельно усталый [8, 203]; *ай мен күндей амбеге бірдей* – прекрасный [6, с. 21]; *пайдасынан зияны көп* – себе дороже стоит; причиняющий больше вреда, чем пользы [3, с. 180]. В адъективных фразеологических единицах также наблюдается наличие фразеологических единиц с двойным противопоставлением в составе одной фразеологической единицы. К примеру в английском языке: *penny wise and pound foolish* – рискующий большим ради малого [8, с. 572]. В этом примере имеются две антонимичной пары, противопоставляются существительные *penny – pound* (пенни, монета в 1 цент – фунт) и прилагательные *wise – foolish* (мудрый – глупый). В казахском языке : *ағам жезгем сай, апам жездем сай* – два сапога пара [6, с. 10]. В этом примере точно также имеется две антонимичной пары, в котором противопоставляются существительные: *аға – ана* (старший брат – старшая сестра) и *жеңге – жезде* (сноха – зять). Однако целостное значение этих фразеологических единиц соотносится с прилагательным, поэтому мы отнесли их к адъективным фразеологическим единицам. Целостное значение этих фразеологических единиц возможно предположить по смыслу компонентов в их составе.

Адвербиальные фразеологические единицы функционально соотносимы с наречием, их стержневым компонентом является наречие. Адвербиальные фразеологические единицы включаются в общее значение или качественную характеристику действия, состояния или признака [21, с. 52]. Адвербиальные фразеологические

единицы бывают качественные и обстоятельственные. Качественные адвербиальные фразеологические единицы характеризуют их с качественной стороны, то есть по признакам образа действия, степени, меры. К ним можно отнести: *by hook or by crook* - всеми правдами и неправдами [9, с. 145], *әне-міне дегенше* – незаметно, быстро [3, с. 188]. Обстоятельственные адвербиальные фразеологические единицы обозначают условия, в которых совершается действия [9, с. 146]. К ним относятся: *From John o'Groat's to Land's End* – с одного конца страны до другого [8, с. 417], *көзді ашып-жұмғанша* – моментально, в мгновение ока [3, с. 85], *басынан бастап, қара бақайына шейін* – с головы до ног [Там же, с. 179]. Адвербиальные фразеологические единицы с антонимичными компонентами в английском и казахском языках бывают как с подчинительной связью, так и с сочинительной связью. К адвербиальным фразеологическим единицам с подчинительной связью можно отнести следующие фразеологические единицы: *from soup to nuts* – от начала до конца [20, с. 270]; *as night follows day* – неизбежно [8, с. 534]; *көзді ашып-жұмғанша* – в мгновение ока [3, с. 85]; *басынан аяғына дейін* – от начала до конца [Там же, с. 118]. С сочинительной связью: *more or less* – более или менее [8, с. 465]; *here and there* – там и сям [Там же, с. 384]; *sooner or later* – рано или поздно [Там же, с. 703]; *өлі мен тірінің арасында* – между жизнью и смертью [6, с. 432]; *өң мен түстей* – не верить глазам [Там же, с. 435].

Что касается антонимичных компонентов в составе адвербиальных фразеологических, они в основном употребляются для сравнения одного объекта, качества, признака с другим. Адвербиальные фразеологические единицы с двойным противопоставлением имеются в казахском языке, однако не встретились в английском: *астыңғы ерні жер тіреп, үстіңгі ерні көк тіреп* – злой (один из видов преувеличения в народной литературе казахского языка) [6, с. 54]. В этом примере *астыңғы* – *үстіңгі* (верхний – нижний) являются служебными именами, а *жер* – *көк* (земля – небо) существительными. Как и в других группах, мы отнесли фразеологическую единицу к адвербиальным по ее значению в целом.

Глагольные фразеологические единицы с антонимичными компонентами занимают наибольшее количество исследуемых фразеологических единиц, как в английском, так и в казахском языке: *bind smb. hand and foot* – связать кого-то по рукам и ногам [8, с. 346]; *be a drop in the ocean* – быть каплей в море, маленькое количество [19, с. 70]; *blow hot and cold* – быть непостоянным, все время менять точку зрения [8, с. 93]; *аны кіріп, күні шықты* – толкотня, беготня [6, с. 43]; *жерден алып, жерге салды* – проклинать, оскорблять [Там же, с. 199]; *кең дүние тар болды* – разочароваться в мире [Там же, с. 247].

В обоих языках встречаются компаративные и некомпаративные глагольные фразеологические единицы. Компаративные фразеологические единицы в английском языке образуются посредством предлога *like*, а в казахском посредством суффиксов, таких как – дай, дей: *to fight like cat and dog* – драться как кошка с собакой [8, с. 271]; *түймедейді түйедей ету* – много шума из ничего [3, с. 78].

В английском языке некомпаративные фразеологические единицы образуются посредством предлогов: *wait on smb. hand and foot* – делать всё возможное для кого-то [10, с. 356]; *to judge in black and white* – делить все на черное и белое [Там же, с. 56].

В казахском же могут употребляться окончания падежей: *алды артына қаратпай қашыру* – убежать необдуманно, неосмотрительно [4, с. 43]; *өмірдің ащы-тұщысын тату* – испытать немало горя [3, с. 74].

Специфической чертой английского языка является то, что в нем может использоваться артикль, в то время как артикль в казахском языке отсутствует: *throw out a minnow to catch a whale* – рискнуть пустяком ради большого [8, с. 508]; *not able to see the forest for the trees* – упускать главное из-за мелочей [22, с. 454].

Касательно антонимичного компонента можно сказать, что в глагольных фразеологических единицах значение глагола может изменяться в зависимости от компонента, то есть образование антонимичных отношений зависит от этого компонента. В английском языке антонимичные компоненты в основном стоят в постпозитив-

ном положении, а в казахском языке в препозитивном. В английском и казахском языках в глагольных фразеологических единицах в антонимичные отношения вступают наречия, прилагательные, существительные, а также сами глаголы: *come high, come low* – будь что будет, что бы ни было. [8, с. 165], *blow hot and cold* – быть непостоянным, все время менять точку зрения [Там же, с. 93], *play cat and mouse with smb.* – играть с кем-либо как кошка с мышью [Там же, с. 134], *make or break* – возвеличить или погубить кого-либо [Там же, с. 477], *кең дүние тар болды* – разочароваться в мире [6, с. 247], *жерден алып, жерге салды* – проклинать, оскорблять [Там же, с. 199], *ішінен кіріп, сыртына шықты* – льстить [Там же, с. 586].

В исследуемых глагольных фразеологических единицах также встречаются фразеологические единицы с двойным противопоставлением: *heads I win, tails you lose* – говорится о ситуации, в которой вы выиграете, что бы ни случилось [8, с. 368], где антонимичные компоненты являются существительными *head – tail* (голова – хвост), глаголами *win – lose* (выиграть – проиграть). *Ауырдың үсті, жеңілдің астымен жүр* – избегать трудную сторону дела [6, с. 72]. В этом примере противопоставляются субстантивированные прилагательные *ауыр – жеңіл* (тяжелый – легкий), служебные имена *үсті – асты* (верх – низ). Однако, как и в других группах, мы отнесли их к глагольным фразеологическим единицам по их значению в целом.

Междометные и модальные фразеологические единицы с антонимичными компонентами. Междометные фразеологические единицы передают специфику языка, степень экспрессивности, уровень эмоциональности говорящего на том или ином языке [14, с. 78]. Междометная фразеологическая единица встретила только одна в английском языке, а в казахском вовсе отсутствовало: *dog my cats* – ей-богу (выражает удивление) [8, с. 133]. В этом примере *dog my cats* может употребляться как отдельное предложение или обособленный член предложения, так как междометные фразеологические единицы не могут сочетаться с другими словами. Здесь антонимичными компонентами являются *dog – cat* (собака – кошка), они являются окказиональными антонимами, то есть вне фразеоло-

логической единицы антонимами не являются. Они в сознании говорящего способствуют формированию ассоциации по контрасту, поэтому в синтагматическом сближении противоположность значений проявляется полностью [13, с. 70].

Модальные фразеологические единицы характеризуют отношение говорящего к теме высказывания [11, с. 32]. Модальные фразеологические единицы с антонимичными компонентами в рассматриваемых фразеологических единицах с антонимичными компонентами двух языков не встретились, однако в казахском языке были найдены фразеологические единицы субъективно модальные по значению. К ним Г. Смагулова в своей работе относит фразеологические единицы, включающие в свой состав вопросительные частицы [15, с. 31]: аз *ба*, көп *пе?* – более или менее, сколько-нибудь [4, с. 28]; не анда *жоқ*, не мұнда *жоқ* – ни туда, ни сюда [3, с. 33]; күлейін бе, жылайын ба? – смеяться или плакать, и смех и горе [Там же, с. 82]. В этих примерах встречаются вопросительные частицы.

Заключение

Таким образом, исходя из вышеуказанного можно сделать вывод: 1) фразеологические единицы с антонимичными компонентами очень разнообразны, поэтому безусловно заключают в себе все грамматические структуры языка, такие как субстантивные, адъективные, адвербиальные, глагольные, междометные и модальные; 2) существуют сходства и различия фразеологических единиц с антонимичными компонентами, а именно в способах образования связей между компонентами фразеологических единиц посредством предлогов, союзов в английском языке; посредством падежных окончаний в казахском языке; а также наличие и отсутствие артиклей. Что касается, антонимичных компонентов в составе рассматриваемых фразеологических единиц, то можно сказать, что фразеологические единицы с антонимичными компонентами выражают противоположность в составе одной фразеологической единицы. Они в основном употребляются для сравнения одного объекта, качества, признака с другим. В исследуемых фразеологических единицах ан-

тонимичные компоненты влияют на их целостное значение. Однако для определения лексико-грамматического значения фразеологических единиц следует смотреть на общий смысл самих фразеологических единиц, а не его компонентный состав в отдельности.

Словарный состав английского и казахского языков имеет достаточное количество фразеологических единиц, которые употребляются в любом контексте, в любых обстоятельствах. Хотя фразеологических единиц с антонимичными компонентами в английском и казахском языках меньше, это можно объяснить недостатком или отсутствием исследований. К примеру в казахском языке мало лексикографических источников, посвященных фразеологическим единицам.

Фразеологические единицы с антонимичными компонентами являются универсальным явлением, и рассматривать эти фразеологические единицы как детерминированные только в одном языке нецелесообразно, поскольку они встречаются в составе фразеологических единиц обоих исследуемых языков.

В продолжение изучения фразеологических единиц с антонимичными компонентами в английском и казахском языках планируется расширение фактического материала, подробное изучение с разных аспектов.

Список литературы

1. Антрушина Г.Б., Афанасьева О.В., Морозова Н.Н. Лексикология английского языка. М.: Дрофа, 2001. 288 с.
2. Арсентьева Е.Ф. Сопоставительный анализ фразеологических единиц. Казань: Изд-во Казанского университета, 1989. 125 с.
3. Балакаев М.Б., Кенесбаев С.К., Копыленко М.М. Русско-казахский фразеологический словарь. Алма-Ата: Наука, 1985. 224 с.
4. Бектаев К. Большой казахско-русский словарь. Алматы: Казахстанский проект разв. гос. языка, 1995. 697 с.
5. Зайнидинов Х.Р. Структурные особенности субстантивных фразеологических единиц в английском и таджикском языках // Ученые записки Худжанского государственного университета им.

- акад. Гафурова Б. Серия гуманитарно-общественных наук, 2016. С. 168–173.
6. Кенесбаев И. Қазақ тілінің фразеологиялық сөздігі. Алматы: Изд-во Гылым, 1977. 712 с.
 7. Кожаметова Х.К., Жайсакова Р.Е., Кожаметова Ш.О. Казахско-русский фразеологический словарь. Алма-Ата: Мектеп, 1988. 224 с.
 8. Кунин А.В. Англо-русский фразеологический словарь. М.: Русс. яз., 1984. 944 с.
 9. Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка. М.: Высш. шк., Дубна: Изд. центр Феникс, 1996. 381 с.
 10. Литвинов П.П. 3500 английских фразеологизмов и устойчивых словосочетаний. М.: Астрель, 2007. 285 с.
 11. Лупанова Е.В. фразеологические единицы военной тематики в английском языке // Международный научно-исследовательский журнал, 2017. С. 30–34.
 12. Мифтахутдинова Л.Т. Сопоставительный анализ фразеологических единиц с компонентом-прилагательным в английском и турецком языках: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Казань, 2003. 23 с.
 13. Полькина Г.М. Сопоставительный анализ фразеологических единиц с антонимичными компонентами в английском и татарском языках: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Казань, 2002. 241 с.
 14. Поцелуева Н.В., Федуленкова Т.Н. Сопоставительный анализ вербализации эмоций посредством междометных фразеологических единиц (на материале русской, английской и казахской анималистической фразеологии) // Язык и культура. 2012. С. 72–79.
 15. Смагулова Г. Фразеологизмдердің варианттылығы. Алматы: Санат, 1996. 128 с.
 16. Соловьева Н.В., Шабанова В.П. Антонимия фразеологизмов: формальное и семантическое сходство как критерий противопоставленности единиц // Вестник МГОУ. Серия: Лингвистика. 2015. С. 41–46.
 17. Сыздыкова Р. Сөздер сөйлейді. Алматы: Ел-шежіре, 2014. 412 с.
 18. Тарасова Ф.Х. Сопоставительный анализ фразеологических единиц английского и татарского языков с компонентами, относящимися к

- фразеосемантическому полю “пища”: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Казань, 1999. 193 с.
19. McCarthy M., O'Dell F. *English Idioms in Use. Intermediate*. Cambridge University Press, 2017. 178 p.
 20. *Oxford dictionary of idioms*, / edit. by Siefring J. Oxford: Oxford University Press, 2004. 340 p.
 21. Sakaeva L.R., Nurullina A.G. Comparative Analysis of Verbal, Adjectival, Adverbial and Modal Phraseological Units with a Lexeme “Devil” in English and Russian Languages // *Middle-East Journal of Scientific Research*, 2013, pp. 50–57.
 22. Spears R.A. *McGraw-Hill's dictionary of American idioms and phrasal verbs*. The McGraw-Hill Companies, Inc, 2005. 1080 p.

References

1. Antrushina G.B., Afanas'eva O.V., Morozova N.N. *Leksikologiya anglijskogo yazyka* [English lexicology]. Moscow.: Drofa, 2001. 288 p.
2. Arsent'eva E.F. *Sopostavitel'nyj analiz frazeologicheskikh edinic* [The comparative analysis of phraseological units]. Kazan': Izd-vo Kazanskogo universiteta, 1989. 125 p.
3. Balakaev M.B., Kenesbaev S.K., Kopylenko M.M. *Russko-kazahskij frazeologicheskij slovar'* [Russian-Kazakh phraseological dictionary]. Alma-Ata: Nauka, 1985. 224 p.
4. Bektaev K. *Kazahsko-russkij slovar'* [Kazakh-Russian dictionary]. Almaty: Kazahstanskij proekt razv. gos. yazyka, 1995. 697 p.
5. Zajnidinov H.R. Strukturnye osobennosti substantivnyh frazeologicheskikh edinic v anglijskom i tadzhikskom yazykah [Structural and grammatical peculiarities of substantive phraseological units in English and Tajik languages]. *Uchenye zapiski Hudzhanskogo gosudarstvennogo universiteta im. akad. Gafurova B. Seriya gumanitarno-obshchestvennyh nauk*, 2016, pp. 168–173.
6. Kenesbaev I. *Kazak tilinin frazeologiyalyk sozdigi* [Phraseological dictionary of the Kazakh language]. Almaty: Izd-vo Gylym, 1977. 712 p.
7. Kozhahmetova H.K., Zhajsakova R.E., Kozhahmetova SH. O. *Kazahsko-russkij frazeologicheskij slovar'* [Kazakh-Russian phraseological dictionary]. Alma-Ata: Mektep, 1988. 224 p.

8. Kunin A.V. *Anglo-russkij frazeologičeskij slovar'* [English-Russian phraseological dictionary]. Moscow.: Russ. yaz., 1984. 944 p.
9. Kunin A.V. *Kurs frazeologii sovremennogo anglijskogoazyka* [Course of Phraseology in Modern English]. Moscow: Vyssh. shk., Dubna: Izd. centr Feniks, 1996. 381 p.
10. Litvinov P.P. *3500 anglijskikh frazeologizmov i ustojchivyh slovosochetanj* [3500 English phraseologisms and collocations]. Moscow: As-trel', 2007. 285 p.
11. Lupanova E.V. Frazeologičeskie edinicy voennoj tematiki v anglijskomazyke [English military phraseological units]. *International research journal*, 2017, pp. 30–34.
12. Miftahutdinova L.T. *Sopostavitel'nyj analiz frazeologičeskikh edinic s komponentom-prilagatel'nym v anglijskom i tureckomazykah* [Comparative analysis of phraseological units with an adjective component in the English and Turkish languages]: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk. Kazan', 2003. 23 p.
13. Pol'kina G.M. *Sopostavitel'nyj analiz frazeologičeskikh edinic s antonimichnymi komponentami v anglijskom i tatarskomazykah* [Comparative analysis of phraseological units with antonymous components in the English and Tatar languages]: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk. Kazan', 2002. 241 p.
14. Pocelueva N.V., Fedulenkova T.N. Sopostavitel'nyj analizverbalizacii emocij posredstvom mezhdometnyh frazeologičeskikh edinic (na materiale russkoj, anglijskoj i kazahskoj animalističeskoj frazeologii) [Comparative analysis of verbalization of emotions by means of interjection phraseological units (based on the material of Russian, English and Kazakh animalistic phraseology)]. *Jazyk i kul'tura*. 2012, pp. 72–79.
15. Smagulova G. *Frazeologizmderdin variantylygy* [Variation of phraseologisms]. Almaty: Sanat, 1996. 128 p.
16. Solov'eva N.V., Shabanova V.P. Antonimiya frazeologizmov: formal'noe i semantičeskoe skhodstvo kak kriterij protivopostavlenosti edinic [Antonymy of phraseologisms: formal and semantic similarity as a criterion for the opposition of units]. *Vestnik MGOU. Seriya: Lingvistika*. 2015, pp. 41–46.
17. Syzdykova R. *Sezder seylejdi* [Words speak]. Almaty: El-shezhire, 2014. 412 p.

18. Tarasova F.H. *Sopostavitel'nyj analiz frazeologicheskikh edinic anglijskogo i tatarskogo yazykov s komponentami, otnosyashchimisya k frazeosemanticheskomu polyu "pishcha"* [Comparative analysis of phraseological units of the English and Tatar languages with components relates to the phraseosemantic group "food"]: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk. Kazan', 1999. 193 p.
19. McCarthy M., O'Dell F. *English Idioms in Use. Intermediate*. Cambridge University Press, 2017. 178 p.
20. *Oxford dictionary of idioms*. Oxford: Oxford University Press, 2004. 340 p.
21. Sakaeva L.R., Nurullina A.G. Comparative Analysis of Verbal, Adjectival, Adverbial and Modal Phraseological Units with a Lexeme "Devil" in English and Russian Languages // *Middle-East Journal of Scientific Research*, 2013, pp. 50–57.
22. Spears R.A. *McGraw-Hill's dictionary of American idioms and phrasal verbs*. The McGraw-Hill Companies, Inc, 2005. 1080 p.

ДАнные ОБ АВТОРЕ

Тукешова Нургул Максетовна, аспирант кафедры романо-германской филологии Института филологии и межкультурной коммуникации
Казанский (Приволжский) федеральный университет
ул. Кремлевская 18, г. Казань, 420008, Российская Федерация
tukeshova_nurgul@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Tukeshova Nurgul Maxetovna, postgraduate student of the Department of Romance and Germanic Philology, Institute of Philology and Intercultural Communication
Kazan (Volga region) federal university
18 Kremlyovskaya Str., Kazan, 420008, Russian Federation
tukeshova_nurgul@mail.ru
SPIN-code: 4369-3397
ORCID: 0000-0002-1654-3056
Scopus Author ID: 57216807247

DOI: 10.12731/2077-1770-2020-5-351-371

УДК 811

ПОРТРЕТ И ЕГО ФУНКЦИЯ В РАССКАЗАХ Н.М. КОНОНОВА

Унгуриянова Е.А.

Цель. Настоящая статья посвящена рассмотрению стилистических особенностей портретного описания в рассказах Н.М. Кононова «Гений Евгении» (1998), «ЕГЭ в два этапа» (2012), «Светотомия» (2002). Цель исследования – выявить основные функции портретных описаний в заявленных произведениях. В соответствии с поставленной целью в работе решаются следующие задачи: 1. дать определение литературного портрета; 2. описать наиболее распространенные типы и виды портретных характеристик; 3. выявить главные черты художественного портрета в произведениях Н.М. Кононова.

Метод или методология проведения работы. Исследование опирается на методы и приемы сравнительно-сопоставительного описания, структурно-семантического анализа лексических единиц, на анализ словарных дефиниций, а также привлекаются интертекстуальный анализ, метод контекстуального анализа.

Результаты. Исследование выявило, что Н.М. Кононов отдает предпочтение динамическому минимизированному, реже развернутому портрету-описанию, содержащему авторскую оценку внешности и поведения персонажа. Установлено, что характер и поведение человека в рассказах не соответствуют его внешнему облику. Автор приходит к выводу, что в произведениях Кононова художественное описание внешности и поведения человека подчинено одной цели – раскрытию личности персонажа, подчеркивая кризис нравственности и морали современного общества.

Область применения результатов. Результаты данного исследования могут быть полезны при изучении когнитивных особенно-

стей художественных текстов, в интерпретационной лингвистике, при чтении спецкурсов, посвященных современному российскому постмодернизму, а также при разработке лекционных и практических курсов по лингвистике текста.

Ключевые слова: Николай Кононов; «Гений Евгении»; «ЕГЭ в два этапа»; «Светотомия»; портрет; андрогин; интертекстуальность.

PORTRAIT AND ITS FUNCTION IN TALES BY N.M. KONONOV

Unguryanova E.A.

Purpose. *The article considers the stylistic features of the portrait description in the stories Eugenia's Genius (1998), USE in Two Stages (2012), Svetotomy (2002) by N.M. Kononov. The purpose of the study is to identify the main functions of portrait descriptions in the above-mentioned works. In accordance with the purpose, the following tasks are solved in the work: 1. to give a definition of the literary portrait; 2. to describe the most common types and kinds of portrait characteristics; 3. to identify the main features of the artistic portrait in the works of N.M. Kononov.*

Method or methodology of the work. *The study relies on the methods and techniques of the contrastive-comparative description, structural and semantic analysis of lexical units, as well as on the analysis of vocabulary definitions, intertextual analysis and contextual analysis method.*

Results. *The study revealed that N.M. Kononov prefers a dynamic minimized portrait description over an extensive one that contains the author's assessment of the character's appearance and behaviour. It is found that in the stories, the character's personality and behaviour do not correspond to their appearance. The author comes to the conclusion that in Kononov's works, the artistic description of the character's appearance and behaviour serves a sole goal, i.e. disclosing the character's personality, emphasizing the crisis of morality in modern society.*

***Practical implications.** The results of this study can be used in studying the cognitive features of literary texts, in interpretive linguistics, in reading special courses on contemporary Russian postmodernism, as well as in developing lectures and practical courses on text linguistics.*

***Keywords:** Nikolay Kononov; Eugenia's Genius; USE in Two Stages; Svetotomy; portrait; androgyne; intertextuality.*

Лауреат многочисленных премий и конкурсов Николай Михайлович Кононов (р. 1985) по праву считается яркой фигурой современного отечественного постмодернизма. Прозаическое творчество писателя изначально было тесно связано с концептуализмом («Похороны кузнечика» (2003), «Нежный театр» (2004)); эта связь прослеживается и в более поздних произведениях («Фланер» (2011), «Парад» (2015)), хотя современный этап творчества Кононова выходит за рамки концептуалистского канона. Произведения Н.М. Кононова посвящены современной действительности. Описание современного человека демонстрирует философскую концепцию писателя, с позиций которой он поднимает ряд «вечных», но актуальных для современного общества проблем: понимание физического и духовного в целом, и их соотношение в человеческом облике; проблемы восприятия гендерных норм, осмысление любви.

Творчество писателя привлекает многих исследователей [9; 15; 16; 17; 22]. Однако на сегодняшний день специальных работ, посвященных изучению портретной характеристики героев и её функций в произведениях Н.М. Кононова, нет. В известных нам исследованиях данная проблема рассматривается эпизодически (см., например, М.А. Дмитриовская, Е.Т. Иванова [10]), что говорит о недостаточной изученности данной проблемы.

На примере портретных описаний героев рассказов «Гений Евгении» (1998), «Светотомия» (2002), «ЕГЭ в два этапа» (2012) рассмотрим, как в прозе Николая Кононова отражаются гендерные идеалы, стереотипы и предпочтения нашего времени. При изучении портрета и его функций в творчестве Кононова мы опираемся на теорию и типологию портрета в современном литературоведении,

разработанную В.Е. Хализевым [29], что позволяет понять особенность портретных характеристик Н.М. Кононова и квалифицировать их типы и функции.

Известно, что *портрет* изначально был термином изобразительного искусства. В живописи, согласно художественной энциклопедии под ред. В.М. Полевого, *портрет* определяется как «изображение (образ) какого-либо человека либо группы людей, существующих или существовавших в действительности» [20, с. 136]. *Портрет* как термин получил широкое распространение и впоследствии был заимствован теорией литературы.

Портрет является одним из важных средств характеристики художественного образа в литературном произведении. В литературоведении существует множество определений данного термина, приведем некоторые из них.

Так, М.Г. Уртминцева под портретом понимает «изображение внешности персонажа, соединяющее в себе фиксацию как постоянных, так и ситуативных черт облика, в котором проявляется точка зрения другого, запечатленная в визуальном образе, и обладающая энергией смыслопорождения на всех уровнях литературного произведения» [27, с. 50]. Более широкое понимание этого термина находим у В.Е. Хализева: под портретом понимается не только «описание наружности: телесных, природных и, в частности, возрастных свойств персонажа», но и фиксация его поведения, сформированного под влиянием социальной среды, культурной традиции, собственной индивидуальности [29, с. 181].

На сегодняшний день степень изученности феномена портрета в художественной литературе достаточно высока [1; 3; 7; 8; 13]. Несмотря на то, что исследователи в принципе едины в понимании портрета, общепринятая типология еще не выработана. Это объясняется особенностью самого понятия, содержание которого зависимо от разнообразия литературных образов, а это означает, что в основу классификации данного термина могут быть положены различные основания. В настоящей статье приводится краткая характеристика наиболее распространенных типов портрета.

Ряд исследователей выделяют два типа портрета: 1) экспозиционный (статичный), который включает в себя подробное описание внешности (рост, особенности телосложения, цвет глаз, волос и т.д.), обычно представленное при первом появлении героя; и 2) динамический (функциональный) портрет, который не предполагает подробного описания внешности героя, а складывается из отдельных деталей (поведения, особенностей походки и пластики тела, речевой манеры, жестикуляции и т.д.), раскрывая внутренний мир и характер персонажа [4; 24; 30].

По количеству передаваемой информации портретное описание, как отмечает А.Н. Беспалов, может быть подробным и фрагментарным (кратким) [2]. Е.В. Михайлова предлагает более развернутую типологию и вводит следующие типы: минимизированный портрет, включающий имя персонажа и наличие одного портретного признака; развернутый портрет, состоящий из двух и более деталей, характеризующих персонажа; и, наконец, – гипертрофированный портрет, включающий значительное количество портретных описаний [18].

Некоторые исследователи, например, [1; 21; 23], в качестве самостоятельных типов выделяют портреты-описания и портреты-впечатления. Наиболее актуальной формой портретной характеристики является портретное описание. Данный тип содержит не только элементы внешней характеристики героя, но также может включать дополнительные компоненты, например, авторскую оценку характера персонажа. Портрет-впечатление, как отмечает А.Б. Есин, отражает «впечатление, производимое внешностью героя на стороннего наблюдателя или на кого-нибудь из персонажей произведения» [11, с. 51]. Своеобразие данного типа портрета заключается в отсутствии портретных черт и деталей как таковых.

Следует отметить, что отношение к феномену литературного портрета менялось на протяжении мирового историко-литературного процесса. Это обусловлено сменой социальной реальности и научно-философской парадигмы, эстетического направления и художественного стиля. На разных стадиях развития художественной литературы приемы портретных описаний претерпевают зна-

чительные изменения: от обобщенной характеристики к индивидуализации.

В.Е. Хализеев пишет о том, что в литературе ранних стадий развития, например, фольклоре, индивидуальность была выражена чрезвычайно слабо, поэтому герои не имели каких-либо конкретных портретных характеристик, представлялись шаблонно. Для создания обобщенного образа персонажа чаще всего использовались эпитеты, подчеркивающие общественный статус (*Иван крестьянский сын, царь-девица*), внешние (*красная девица, красавица писаная*) и внутренние (*добрый молодец, злая мачеха*) качества героя [29].

Позднее на смену условности изображения постепенно приходит детализация. Персонаж становится носителем одного, ярко выраженного, качества. Исходя из этого выделяется два типа портрета: 1) идеализирующий, сосредоточенный на духовном начале человека и характерный для традиционных высоких жанров; 2) гротескный, используемый в произведениях комедийно-фарсового характера и сосредоточенный на материально-телесном начале. Описанные портретные изображения, в особенности идеализирующий, господствовали в литературе вплоть до эпохи романтизма [Там же].

Со временем на смену гротескному и идеализирующему приходит статичный экспозиционный портрет, при котором дается подробная характеристика внешности героя: описываются черты лица, жесты, особенности фигуры и одежды. Портрет появляется в тексте один раз – в момент первого появления персонажа: представив внешний вид героя, автор, как правило, больше к нему не возвращается.

С развитием реализма структура литературного портрета усложняется. Описание внешности нередко сочетается с описанием внутреннего мира героя, благодаря чему статичный портрет дополняется социально-психологической характеристикой. В литературе критического реализма второй половины XIX в. появляется динамичный портрет, в котором, как отмечают О.Б. Кунавин и И.И. Кунавина, «портретные характеристики персонажа растворяются

в подвижной и изменчивой пластике их действий...» [14, с. 204]. Данный тип портрета, как правило, не дает развернутой характеристики, а «отмечает какую-то важную черту наружности персонажа» [29, с. 226].

Во многих литературных направлениях конца XIX – нач. XX вв., например, в символизме, намечается тенденция к депортретизации. Портрет персонажа «предстает у символистов как знак тайного, непознаваемого, мистического, а не как облик конкретного действительного человека» [14, с. 205].

Портретное описание в литературе постмодернизма характеризуется объединением в рамках одного произведения художественных приемов, традиций, стилей, образных мотивов, заимствованных из разных эпох и направлений. По нашим наблюдениям, в постмодернизме не существует единого метода портретного описания героя. Внешность персонажей может быть представлена подробно или лаконично. Портретная характеристика героев может находиться в начале произведения или быть рассредоточенной по всему тексту. Внешность персонажа раскрывается с разных точек зрения: её описывает повествователь, сам герой и другие персонажи и т.д.

Портретные характеристики героев Н.М. Кононова выполняют специфическую функцию. По нашим наблюдениям, писатель отдает предпочтение динамическому портрету-описанию, содержащему авторскую оценку внешности, характера и поведения персонажа. Для портретного описания характерен принцип повторяемости, когда схожие виды художественных образов обладают схожими по описанию характеристиками. Так, в художественной системе писателя выделяем три повторяющихся образа – два женских и мужской.

Один из женских повторяющихся образов – это внешне привлекательные женщины с пышными формами. Так, например, описывая Евгению, героиню рассказа «Гений Евгении», автор подчеркивает, что женщина имеет роскошное тело. Это подчеркивается с помощью следующих характеристик: «пышный стан» [12, с. 328], «мягкие округлые движения» [Там же, с. 328], «мягкие плечи» [Там

же, с. 331]. Света из рассказа «Светотомия» также обладательница пышных форм, что неоднократно подчеркивается автором: «пышная, словно взбитая рисовой метелкой в сливочнике...» [Там же, с. 409], «чудная...сливочная...женственная и обаятельно теплая, словно сошедшая с кустодиевского порнобезобразия» [Там же, с. 414], «лукаво-дебелая» [Там же]. Света – «стоцентная женщина» [Там же], обладающая эротической притягательностью и роскошным телом.

Отметим, что внешне привлекательные женщины рассказов Кононова, – как правило, интеллектуально ограниченные и легко поддающиеся чужому влиянию особы. У Евгении «мутный ум» [Там же, с. 335], готовясь к квалификационному экзамену, «она тупо смотрит в чужие конспекты» [Там же, с. 328]. Героиня безвольна, легко поддается влиянию: «сама по себе была податлива...» [Там же, с. 325], «она поддавалась только потому, что была не в силах отказать в любезном приеме своим гостям» [Там же, с. 333]. Тоже самое можно сказать и о Свете: «она никогда ничего не знала», «не могла ответить ни на один самый простой вопрос, но свою тупость осеяла почти детским ненаказуемым улыбчивым простодушием, как кукла» [Там же, с. 414–415], «экзамены насилу сваливала с шестого захода, ничего не вкладывая в свою пластмассовую голову между четвертым и пятым» [Там же, с. 415], «даже простого диктанта она не написала бы, не говоря уже о каких-то там науках» [Там же]. Глупая простодушная Света попадает под влияние своей подруги Томи: «Тома ... ею [Светой – Е.У.] крутила как юлой, а безвольная Света – крутилась или делала вид» [Там же, с. 414].

Характеризуя Свету, Кононов использует такие определения: *чудная, загадочная, душевная, простодушная*. Внешность и характер Светы напоминают нам Ольгу Семеновну Племянникову – героиню рассказа А.П. Чехова «Душечка». И Ольга Семеновна, и Света – внешне привлекательные женщины, смысл существования которых заключается в безвозмездном служении кому-либо. Ольга Племянникова живет жизнью своих мужей, возлюбленного и его сына, переживает их проблемы как свои. Подобное характерно для

Светы: женщина, не имея своей семьи, живет заботами своей подруги Тома и её сына.

Отметим, автор не дает детального описания портретов Евгении и Светы, но характерно то, что он активно использует цветовую лексику при создании образов своих героинь. Евгения и Света описаны светлыми красками, акцентируется внимание на их белотелости. У Евгении *белые* волосы, *белые* руки, светлые прядки, автор называет её «*белая* Евгения» [Там же, с. 327], «*белотелая* Женя» [Там же, с. 329]. То же самое находим и в описании Светы: автор называет её *белокожей* [Там же, с. 409], *белокурой* [Там же, с. 414]. Известно, что белый цвет – «абсолютный цвет света и поэтому символ чистоты, истины, невинности, божественности и духовности» [25, с. 23]. Преобладание белого цвета ассоциативно рождает в сознании читателя образы, связанные с духовной чистотой, благодаря чему героини представляются непорочными, обладающими возвышенной светлой сущностью, лёгкостью. Создается впечатление, что Евгения и Света двигаются беззвучно, не ходят, а левитируют, что подтверждается примерами из текста. Однако эта лёгкость особого свойства.

Как уже отмечалось нами ранее [16], лёгкость присутствует во всех сферах жизни Евгении, её жизнедеятельность не оставляет никаких следов: «её существование виделось... абсолютно бесследным» [12, с. 339]. Николай Кононов говорит о телесной воздушности и лёгкости героини: «ее сносили воздушные потоки туда, где она становилась невидимой или вовсе не существовала» [Там же, с. 328], «[Евгения – Е.У.] стояла... будто левитировала» [Там же, с. 332]. Подчеркивая лёгкость героини, писатель также использует интерконтекстуальный метод. Кононов сравнивает Евгению с вилисой из фантастического балета «Жизель, или Вилисы» (фр. Giselle, ou les Wilis). Вилисы – это одетые в подвенечные платья призраки умерших до свадьбы девушек. Отождествление героини с призраком подчеркивает её воздушность. Писатель сравнивает женщину с «изумительным видением, равным робкому свету, который ее пестовал» [Там же]. Героиня источает свечение, что неоднократно подчеркивается в тексте: «[Евгения – Е.У.] шла, озаряя двор белым

сиянием...» [Там же, с. 327], «стояла...почти просвечивая, будто она была изношена и светла на просвет» [Там же, с. 332], «всегда светила... невиновностью» [Там же, с. 333].

Подобные описательные приемы используются и для создания портрета Светы. Женщина источает свечение, теряет вес, становится легче воздуха: «[Света – Е.У.] загорается от странных нисходящих на нее лучей, никому, кроме нее, не видимых» [Там же, с. 421], «порхает, вынимая тарелки-рюмки» [Там же, с. 420].

Использование подобных метафор и сравнений подчеркивает светлую сущность героинь. Под влиянием этих характеристик читатель может представить образ прекрасной женщины, обладающей высокими нравственными качествами. Однако, такой образ – лишь фикция, поскольку женская красота и воздушность героинь Кононова никак не соотносятся с их внутренним миром и социальным поведением. Евгения и Света не только глупы, не развиты, не самостоятельны, но также безнравственны, их можно характеризовать как «женщины *легкого* поведения».

Второй тип повторяющихся женских портретов Н.М. Кононова – это образ энергичной, высокой, стройной женщины. Подобные женщины, как правило, умны, властолюбивы, независимы, с жестким волевым характером, что приводит к черствости и утрате женственности. Героини этого типа обычно непривлекательны для мужчин. Такова Тома из рассказа «Светотомия», она «стройная, с точеными долгими ногами, тонкокостная, по-особому изящная с какой-то немного запинаящейся стыдливой походкой» [Там же, с. 409], однако несмотря на такие внешние данные, она, как пишет Кононов, «никогда не считалась красавицей» [Там же]. Рассказчик не воспринимает её как женщину: «в сумме она мне нравилась, но где-то так же, как мне мог бы нравиться и мужчина» [Там же, с. 413]. При создании образа Тома используется лексика, характеризующая «двойственность» героини – наличие у нее как мужских, так и женских качеств. В рассказе находим такие имена-характеристики: *кавалерист-девица, андрогин-знаменосец*. Писатель называет Тому *несгибаемая, усердная, жесткая* и использует «мужские» харак-

теристики – *шалопай, товарищ (2), хороший парень, свой парень*, подчеркивая преобладание маскулинного начала героини.

Героиню рассказа «ЕГЭ в два этапа» К., также как и Тому, можно отнести к «сухолядому типуажу» [Там же, с. 116]. В тексте нет подробных описаний внешности героини, однако автор подчеркивает, что женщина ведет активный образ жизни, постоянно следит за своей фигурой – занимается ритмической гимнастикой, посещает бассейн: «шейпинг, попочка, жакетик грудь жмет, бассейн в обед...» [Там же, с. 120]. Примечательно, что героиня безымянна. При характеристике женщины писатель использует экономическую терминологию: *экономистка, старший менеджер-коллектор департамента, коллекторша (2)*, а также прозвища, содержащие ироническую авторскую оценку: *прыткая коза, бодрое существо экономического чина, дреза, коза-экономистка*. Данные обозначения, с одной стороны, подчеркивают энергичность героини: она всегда в движении, всегда чем-то занята – работой, спортом, построением личной жизни, приготовлением пищи, выяснением отношений и т.д., а с другой – отсылают нас к персонажу русской народной сказки – Козе-дерезе. Сказочная коза-дереза получила своё прозвище неслучайно. Согласно толковому словарю В.В. Даля «дерезой» обозначается «группа растений, среди которых есть колючие кустарники и безобидные травы» [5, с. 67]. Исходя из этого можно выдвинуть три версии происхождения данного прозвища: 1) возникло по причине того, что коза является травоядным животным; 2) в народной сказке у козы вредный, «колючий» характер, что сопоставимо с колючими кустарниками; 3) по М. Фасмеру, *дереза* как растение «по народному поверью, использовалась для того, чтобы посеять раздор в доме» [28, с. 502], что и делает героиня сказки. Наиболее интересной представляется последняя версия. Героиня рассказа Кононова, подобно героини русской народной сказки, сеет раздор в семье (вступает в любовную связь с несовершеннолетним сыном своего сожителя, конфликтует со свекровью и т.д.).

Таким образом, несмотря на физические различия, героини Н. Кононова молоды и прекрасны. Однако внешняя красота не от-

ражает внутренний мир женщин. С позиций современных социальных и этических норм героини Кононова аморальны; для их характеристики уместно, думается, использовать «цитату-аргумент» – «мертвые души».

В творчестве Николая Кононова находим также повторяющийся мужской образ, для которого характерно сочетание феминных и маскулинных качеств. В рассказах «Воплощение Леонида», «Мраморный таракан», «Роковой визит волшебницы» и др. писатель акцентирует внимание на женственности героев мужского пола, не исключением становятся герои рассказов «Гений Евгении» (сын Евгении – гений) и «Светотомия» (сын Тома).

Сын Евгении в рассказе фигурирует под прозвищем «гений», при этом подчеркивается его телесность – прекрасная внешность: «яростный красавец» [Там же, с. 334], «прекрасный белокурый эфеб» [Там же, с. 335], «прекрасный статный белокурый парень» [Там же, с. 337]. Кононов обращается к интерконтекстуальному приему, сравнивая «гения» с советским и российским актером В.Б. Корневым. Подобное сравнение помогает читателю визуально представить литературного героя: «красавец походил челом и гибкой изысканной статью на молодого киноартиста Коренева. Только тот – брюнет, а этот наш блондин. Влажные зализы шевелюры, подбритые в косой угол баки, развратные мутные глаза блаженного беззрачков, ленивая, но целеустремленная походка» [Там же, с. 338]. Однако импозантность героя не мешает ему быть женоподобным; Кононов пишет об этом так: «надменно протягивал узкую ленивую немужскую ладонь» [Там же, с. 339].

Герой Кононова не наделен именем собственным, в различных контекстах писатель прибегает к именам-характеристикам – *красавец* (3), *эфеб*, *парень*, *отпрыск* (2), *сынуленька*, *кроха* (3), *дитячко* (2), *юнец*, *живодер*, *сиделец*, и, наконец, *гений*.

Слово *гений* (лат. *genius*) имеет корень *gen-, «образующий во многих языках название рода, а также глаголы со значением «порождать», «рождать(ся)», тесно связанные с термином родства» [26, с. 108]. В античной культуре гением называли духа-хранителя, ко-

торый заботился о человеке с самого рождения. Каждый мужчина имел своего гения, поэтому гений, как правило, изображался в виде прекрасного юноши. Можно предположить, что прозвище «гений» подчеркивает андрогинную сущность героя, у которого женская ипостась проявляется через связь с женщиной и родами, а мужская – через использование номинаций мужского рода и личного местоимения *он*: «он приносил» [12, с. 330], «он многому успевал меня научить» [Там же], «жаловался он, сверкая звериными глазами» [Там же, с. 332], «он с наслаждением поворовывал» [Там же, с. 334], «ровно в срок посреди лета он вернулся» [Там же, с. 337], «он по-прежнему где-то там туманно обитал» [Там же, с. 339] и т.д., а также через отождествление с духом-хранителем – гением.

В русском языковом сознании, как отмечают М.А. Дмитриовская и А.В. Скрябина, «слово *гений* обладает сверхположительной коннотацией» [9, с. 77], что никак не соотносится с социальным статусом героя Кононова. Гений – маргинальный тип: в детстве он издевался над животными, повзрослев, занимается воровством и сбытом краденных вещей, состоит в инцестуозных отношениях с матерью.

При создании портрета «гения» Кононов прибегает к излюбленному приему – цветовой лексике. И если при описании портрета Евгении автор прибегает к белому цвету, то при характеристике ее сына преобладает лексика со значением ‘черный/темный цвет’: «ровно в срок он вернулся *потемневшим* с исподу неистовым гением» [12, с. 337], «но было как-то ясно, что изнутри он стал совершенно темен, может даже черен» [Там же, с. 338]. Черный цвет имеет негативную коннотацию, символизирует «тьму, смерть, невежество, отчаяние, горе, желание, скорбь и зло (сатану называют князем тьмы)» [25, с. 410]. Преобладание этого цвета подчеркивает несовершенство героя. Гений – это злой дух, Люцифер. О сходстве героя с Люцифером пишут М.А. Дмитриовская и А.В. Скрябина: «светящаяся татуировка в виде звезды на груди гения напоминает пентаграмму. Если белый свет, который исходил от белого тела Евгении, уподобляет ее святой, то сияние гения напоминает низвергнутого в преисподнюю «ангела света» – Люцифера» [9, с. 84].

Подобные приемы создания портрета обнаруживаются и в образе сына Тома, имя которого не заявлено в рассказе. Его будущая профессия – акушер-гинеколог. Части составного сложного слова семантически близки и восходят к фр. *accoucher* (в знач. родить, принимать роды) [19, с. 35] и к греч. *γυνή* (в знач. женщина) и *γυνάω* (в знач. рожать) [6, с. 540]. Заметим, профессия, связанная с сугубо женскими заболеваниями, родами, нетипична для современного молодого человека. Также писатель сравнивает героя с юной девушкой, девочкой: «акушер должен быть по-девичьи милым...» [12, с. 422]. По мнению М.А. Дмитриховской и А.В. Скрыбиной, писатель «играет на паронимическом сближении слов с корнем *дев* (*дева*) и лат. *devio* ‘уклоняться в сторону, сбиться с пути’ (откуда *deviatio* ‘отклонение’)» [9, с. 86]. Авторы подчеркивают, что такой принцип «сдвигает в сторону нормального распределения полов гомо-эротические отношения между персонажами и, с другой стороны, ставит под сомнение девственность, то есть чистоту дев. В сумме этот прием работает на последовательное введение принципа андрогинности по отношению ко всем персонажам» [Там же]. Можно предположить, что такое паронимическое сближение слов могло быть использовано писателем с целью подчеркнуть девиантность героя. Поведение сына Тома не отвечает общепринятым нормам. Он плохо воспитан, о чем свидетельствуют манеры общения и поведения: «нагло говоря со мной, годящимся ему в отцы-наставники, на «ты»» [12, с. 422], «тезка маму Тому звал по имени – «Тома», а тетю Свету – просто «Ты». [Там же, с. 423], «нагло распоряжаясь ими (Томой и Светой – Е.У.)...» [Там же], «этот вуйяер-панасоник... сказал, что хочет снимать нас и дальше, и что мы можем раздеваться...» [Там же]. Сын Тома страдает психическим расстройством – вуйяеризмом, что проявляется в непреодолимом желании подсматривать за обнаженными людьми, их сексуальной жизнью.

Сын Тома в рассказе представляется как *акушер* (2), *тезка* (3), *оно* (4). Личное местоимение среднего рода «оно» выполняет в данном случае неизосемическую функцию – андрогинную: «[оно] стояло» [Там же, с. 422], «сказало гнусно оно» [Там же], «оно при-

стально снимало» [Там же], «сказало... оно» [Там же], «оно требовательно заказывало...» [Там же, с. 423]. Использование данного местоимения подчеркивает мужское и женское начало героя, его андрогинную сущность.

Эквивалентом местоимения *оно* является английское местоимение *it*, которое заменяет неодушевленное существительное среднего рода. Представляется, что такой мультязыковой переход, с одной стороны, поясняет андрогинную сущность героя, а с другой – достраивает переход к прецедентному тексту, роману Стивена Кинга «It». Произведение было опубликовано в 1986 г. На русский язык роман впервые переведен С. Ледневым, но наиболее издаваемой версией является перевод Ф. Постовалова 1993 г. В 1990 г. роман был экранизирован Томми Ли Уоллесом в формате двухсерийного мини-сериала. Перевод романа и его экранизация, как можно предположить, были известны Н. Кононову до написания рассказа.

Герой романа Стивена Кинга – злой дух, не наделенный какими-либо гендерными признаками. С помощью этого образа Стивен Кинг сублимирует и показывает недостатки современного общества. Подобное видится нам в рассказах Н. Кононова «Светотомия» и «Гений Евгении». На примере своих героев, лишенных каких-либо моральных принципов, писатель говорит о нездоровом, нравственно-разлагающемся обществе. Примечательно, что данные рассказы были опубликованы в составе сборника с характерным названием – «Магический бестиарий» (2002 г.), в статье тексты цитируются по более позднему изданию – «Саратов» (2012 г.). Под бестиарием (от лат. *bestia* «зверь») понимается распространенный в Средние века тип книг, описывающих реальных и вымышленных животных и существ. Метафорическое сравнение кононовских героев со зверьем подчеркивает их бесовскую сущность. Подобные герои с позиций современной нравственности и морали могут характеризоваться как «монстры».

Таким образом, в художественной системе Н.М. Кононова можно выделить единый метод портретного описания героев. По нашим наблюдениям, писатель отдает предпочтение динамическому минимизированному, реже развернутому портрету-описанию, со-

держашему авторскую оценку внешности, характера и поведения персонажа. Для портретного описания характерны принципы повторности и рассредоточенности по всему тексту.

Литературные портреты Николая Кононова – это не только описание внешности героев, но также характеристика их поведения, воспитания, нравственных качеств и моральных норм, а также представление социального статуса (образование, профессия, возраст, социальное положение и др.). Глубокий подход к созданию образов героя, акцентирование на деталях, интертекстуальная и интерконтекстуальная игра дают читателю представление не только о внешних, телесных качествах, но и о внутренних, психических и интеллектуальных свойствах современного человека.

Портретное описание героев содержит в себе гендерные идеалы, стереотипы и предпочтения современного общества. Многие герои Кононова, наделенные как маскулинными, так и феминными качествами, имеют андрогинную природу. В произведениях Кононова миф об андрогинах подвергается переработке с позиции современных этических и социальных норм. Платоновский андрогин – человек совершенный, исполненный чистоты и непорочности, творчески переосмыслен Николаем Кононовым и предстает безнравственным и аморальным типом. Полагаем, использование древнего мифа помогает писателю обозначить нравственный облик человека и привлечь внимание к этическим проблемам современного общества.

Список литературы

1. Барахов Б.С. Искусство литературного портрета (истоки, поэтика, жанр). Л.: Наука, 1985. 312 с.
2. Беспалов А.Н. Структура портретных описаний в художественном тексте среднеанглийского периода. Дис. ... канд. филол. Наук. М., 2001. 160с.
3. Галанов Б.Е. Живопись словом. Портрет. Пейзаж. Вещь. М.: Сов. писатель, 1974. 343 с.
4. Гончарова Е.А. Пути лингвистического выражения категорий автор-персонаж. Томск: Издательство Томского университета, 1984. 149 с.

5. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Рипол классик, 2006.
6. Дворецкий И.Х. Древнегреческо-русский словарь в 2-х т. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей. 1958.
7. Дмитриева Н.А. Изображение и слово. М.: Искусство, 1962. 314 с.
8. Дмитриевская Л.И. Пейзаж и портрет: проблема определения и литературного анализа (пейзаж и портрет в творчестве З.Н. Гиппиус). М.: Литера, 2005. 136 с.
9. Дмитриевская М.А., Скрыбина А.В. Андрогинность «Гения чистой красоты»: об одном концепте у Николая Кононова // LITERATŪRA. Vilnius. 2013. №55(2). С. 75–89.
10. Дмитриевская М.А., Иванова Е.Т. От экфрасиса к автобиографии (рассказ Николая Кононова «Светотомия») // Вестник Балтийского федерального ун-та им. И. Канта. Калининград. 2019. № 1. С. 51–60.
11. Есин А.Б. Принципы и приемы анализа литературного произведения: учебное пособие. М.: Флинта.: Наука, 2000. 163 с.
12. Кононов Н.М. Саратов. М.: Галеев-Галерея, 2012. 568 с.
13. Кричевская Л.И. Портрет героя. М.: Наука, 1994, 110 с.
14. Кунавин О.Б., Кунавина И.И. Проблема портрета в художественной литературе // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. Владикавказ. 2017. № 2. С. 202–206.
15. Кучина Т.Г. Поэтика русской прозы конца XX – начала XXI в: Перволичные повествовательные формы: Автореф. дис. ... д-ра. филол. наук. Ярославль, 2009. 45 с.
16. Лазарева Е.А. Соотношение концептов «Душа-Тело» в рассказе Н. Кононова «Гений Евгении»: уровни явной и скрытой семантики // Слово.ру: Балтийский акцент. Калининград. 2016. №2. С. 31–40.
17. Лихина Н.Е. «Остров Цейлон» Н. Кононова: Поэтика Мистификации. // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Калининград. 2020. № 1. С. 88–97.
18. Михайлова Е.В. Дидактическая модель совершенствования речевых умений учащихся на материале словесного портрета как жанра. // Ученые записки Института непрерывного педагогического образования. Новгород. 2000. №. 2. С. 177–180.

19. Михельсон А.Д. 30000 иностранных слов, вошедших в употребление в русский язык, с объяснением их корней. По словарям: Гейзе, Рейфа и др. М.: Собственное издание автора, 1866. 771 с.
20. Полевой В.М. Популярная художественная энциклопедия: в 2-х т. М.: Советская энциклопедия, 1986.
21. Родионова Н.А. Типы портретных характеристик в художественной прозе И.А. Бунина: Лингвостилистический аспект: Дис. ...канд. филол. наук. Самара, 1999. 201 с.
22. Свиридов С.В. «Трехчастный сиблинг» Н. Кононова: Предпосылки интертекстуальности // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Калининград, 2015. № 8. С. 51–58.
23. Сизова К.Л. Типология портрета героя (на материале художественной прозы И.С. Тургенева): Автореф. дис. ...канд. филол. наук. Воронеж, 1995. 16 с.
24. Страхов И.В. Психологический анализ в литературном творчестве: пособие для студентов педагогических институтов. Ч. 1. Саратов: Изд-во гос. пед. ин-та, 1973. 57 с.
25. Тресиддер Дж. Словарь символов. М.: Фаир-пресс, 1999. 448 с.
26. Трубочев О.Н. История славянских терминов родства и некоторых терминов общественного строя. М.: АН СССР, 1959. 215 с.
27. Уртминцева М.Г. Литературный портрет в русской литературе второй половины XIX века. Генезис, поэтика, жанр: Монография. Н. Новгород.: ННГУ, 2005. 232 с.
28. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4-х т. М.: Прогресс, 1986.
29. Хализеев В.Е. Теория литературы, М.: Высшая школа, 1999. 398 с.
30. Юркина Л.Ю. Портрет // Литературоведение под ред. Чернец Л.В. М.: Высшая школа, 1997. С. 199–208.

References

1. Barakhov B.S. *Iskusstvo literaturnogo portreta (istoki, poetika, zhanr)* [The art of literary portrait (origins, poetics, genre)]. L.: Nauka, 1985. 312 p.
2. Bepalov A.N. *Struktura portretnykh opisaniy v khudozhestvennom tekste sredneangliyskogo perioda* [The structure of portrait descriptions in

- fictional text of the Middle English period]. Dis. ... kand. filol. Nauk. M., 2001. 160 p.
3. Galanov B.E. *Zhivopis' slovom. Portret. Peyzazh. Veshch'* [Painting with a word. Portrait. Scenery. Thing]. M.: Sov. pisatel', 1974. 343 p.
 4. Goncharova E.A. *Puti lingvisticheskogo vyrazheniya kategoriy avtor-personazh* [Ways of linguistic expression of author-character categories]. Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo universiteta, 1984. 149 p.
 5. Dal' V.I. *Tolkovyy slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka: v 4 t* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]. M.: Ripol klassik, 2006.
 6. Dvoretzkiy I.Kh. *Drevnegrechesko-russkiy slovar' v 2-kh t* [Ancient Greek-Russian dictionary in 2 volumes]. M.: Gos. izd-vo inostr. i nats. slovarey. 1958.
 7. Dmitrieva N.A. *Izobrazhenie i slovo* [Image and word]. M.: Iskusstvo, 1962. 314 p.
 8. Dmitrievskaya L.I. *Peyzazh i portret: problema opredeleniya i literaturnogo analiza (peyzazh i portret v tvorchestve Z.N. Gippius)* [Landscape and portrait: the problem of definition and literary analysis (landscape and portrait in the work of Z.N. Gippius)]. M.: Litera, 2005. 136 p.
 9. Dmitrovskaya M.A., Skryabina A.V. *LITERATŪRA. Vilnius*. 2013. №55(2), pp. 75–89.
 10. Dmitrovskaya M.A., Ivanova E.T. *Vestnik Baltiyskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta*. Kaliningrad. 2019. № 1. pp. 51-60.
 11. Esin A.B. *Printsipy i priemy analiza literaturnogo proizvedeniya: uchebnoe posobie* [Principles and methods of analysis of a literary work: a tutorial]. M.: Flinta.: Nauka, 2000. 163 p.
 12. Kononov N.M. *Saratov* [Saratov]. M.: Galeev-Galereya, 2012. 568 p.
 13. Krichevskaya L.I. *Portret geroya* [Hero portrait]. M.: Nauka, 1994, 110 p.
 14. Kunavin O.B., Kunavina I.I. *Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki*. Vladikavskaz. 2017. № 2, pp. 202–206.
 15. Kuchina T.G. *Poetika russkoy prozy kontsa XX – nachala XXI v: Pervolichnye povestvovatel'nye formy* [Poetics of Russian prose of the late XX – early XXI century: Primary narrative forms]: Avtoref. dis. ... d-ra. filol. nauk. Yaroslavl', 2009. 45 p.

16. Lazareva E.A. *Slovo.ru: Baltiyskiy aktsent*. Kaliningrad. 2016. №2, pp. 31–40.
17. Likhina N.E. *Vestnik Baltiyskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta*. Kaliningrad. 2020. № 1, pp. 88–97.
18. Mikhaylova E.V. *Uchenye zapiski Instituta nepreryvnogo pedagogicheskogo obrazovaniya*. Novgorod. 2000. № 2, pp. 177–180.
19. Mikhel'son A.D. *30000 inostrannykh slov, voshedshikh v upotreblenie v russkiy yazyk, s ob'yasneniem ikh korney. Po slovaryam: Geitze, Reif, etc*. [30,000 foreign words that have come into use in the Russian language, with an explanation of their roots. According to dictionaries: Geise, Reif, etc]. M.: Sobstvennoe izdanie avtora, 1866. 771 p.
20. Polevoy V.M. *Populyarnaya khudozhestvennaya entsiklopediya: v 2-kh t* [Popular art encyclopedia: in 2 volumes]. M.: Sovetskaya entsiklopediya, 1986.
21. Rodionova N.A. *Tipy portretnykh kharakteristik v khudozhestvennoy proze I.A. Bunina: Lingvostilisticheskiy aspekt* [Types of portrait characteristics in the fiction of I.A. Bunina: Lingvo-stylistic aspect]: Dis. ... kand. filol. nauk. Samara, 1999. 201 p.
22. Sviridov S.V. *Vestnik Baltiyskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta*. Kaliningrad. 2015. № 8, pp. 51–58.
23. Sizova K.L. *Tipologiya portreta geroya (na materiale khudozhestvennoy prozy I.S. Turgeneva)* [Typology of the portrait of the hero (based on the fictional prose of I.S. Turgenev)]: Avtoref. dis. ...kand. filol. nauk. Voronezh, 1995. 16 p.
24. Strakhov I.V. *Psikhologicheskiy analiz v literaturnom tvorchestve: posobie dlya studentov pedagogicheskikh institutov* [Psychological analysis in literary creativity: a guide for students of pedagogical institute]. Part 1. Saratov: Izd-vo gos. ped. in-ta, 1973. 57 p.
25. Tresidder Dzh. *Slovar 'simvolov* [Dictionary of symbols]. M.: Fair-press, 1999. 448 p.
26. Trubachev O.N. *Istoriya slavyanskikh terminov rodstva i nekotorykh terminov obshchestvennogo stroya* [History of Slavic terms of kinship and some terms of the social system]. M.: AN SSSR, 1959. 215 p.
27. Urtmintseva M.G. *Literaturnyy portret v russkoy literature vtoroy poloviny XIX veka. Genesis, poetika, zhanr* [Literary portrait in Russian

- literature of the second half of the 19th century. Genesis, poetics, genre]. N. Novgorod.: NNGU, 2005. 232 p.
28. Fasmer M. *Etimologicheskiy slovar' russkogo yazyka: v 4-kh t* [Etymological dictionary of the Russian language: in 4 volumes]. M.: Progress, 1986.
29. Khalizeev V.E. *Teoriya literatury* [Theory of Literature]. M.: Vysshaya shkola, 1999. 398 p.
30. Yurkina L.Yu. *Literaturovedenie* [Literary criticism] / ed. Chernets L.V. M.: Vysshaya shkola, 1997, pp. 199–208.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Унгурьянова Елена Александровна, аспирант Института гуманитарных наук
Балтийский федеральный университет им. И. Канта
ул. Невского А., 14, г. Калининград, 236016, Российская Федерация
elena.lazareva-el@yandex.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Unguryanova Elena Aleksandrovna, Post-Graduate Student, Institute of Humanities
Immanuel Kant Baltic Federal University
14, Nevsky Str., Kaliningrad, 236016, Russian Federation
elena.lazareva-el@yandex.ru

DOI: 10.12731/2077-1770-2020-5-372-384

УДК 81. 367

СРЕДСТВА СОЗДАНИЯ ЭКСПРЕССИВНОГО СИНТАКСИСА В ТЕКСТАХ НЕМЕЦКОЙ ПОЭЗИИ

Чайко Н.Н.

Цель. В настоящей статье рассматриваются средства создания экспрессивного синтаксиса, которые определяют синтаксическую специфику текстов немецкой поэзии. Актуальность исследования обусловлена тем, что поэтические тексты эпохи романтизма всегда вызывают большой интерес у языковедов, так как язык синтаксиса, а именно синтаксические выразительные средства позволяют поэтам максимально раскрывать свои творческие возможности.

Метод или методология проведения работы. Основу исследования образуют метод сплошной выборки при подборе практического материала, а также описательный метод лингвостилистического анализа.

Результаты. Проведенный анализ показал, что поэты-романтики проявляют большой интерес к вариативности синтаксических структур в текстах поэзии. Возникновение синтаксической выразительности реализуется путем использования различных приемов. Так, основу экспрессивного синтаксиса в текстах немецкой поэзии составляют такие стилистические приемы выразительности, как анафора, синтаксический параллелизм, антитеза, хиазм, асиндетон, полисиндетон, которые служат для сильного синтаксико-стилистического выделения членов в простом предложении и придания особой экспрессивной окраски всему поэтическому тексту. Традиционным поэтическим средством экспрессивного синтаксиса является также инверсия. Путем намеренного изменения порядка слов достигается стилистическая выразительность и привлекается особое внимание читающего или слушающего. К

числу выразительных синтаксических средств в поэзии романтиков относятся риторическое восклицание и риторическое обращение. Путем выражения утверждения в восклицательной форме усиливается эмоциональное восприятие высказывания. А употребление риторического обращения выражает эмоциональное отношение автора к разным адресатам речи.

Область применения. Результаты исследования могут быть использованы в курсах «Стилистика немецкого языка», «Интерпретация текста» в семинарах по изучению особенностей языка немецкой поэзии, синтаксической организации стихотворных произведений, а также при чтении спецкурсов по синтаксису поэтического текста.

Ключевые слова: поэтический текст; анафора; антитеза; параллелизм; хиазм; инверсия; риторическое восклицание; обращение.

MEANS OF CREATING EXPRESSIVE SYNTAX IN GERMAN POETRY

Chaiko N.N.

Purpose. In this article, means of creating expressive syntax are considered, which determine the syntactic specificity of German poetry. The relevance of the research is due to the fact that the poetic texts of the epoch of romanticism have always been of great interest to linguists, since the syntax of language, namely the syntactic expressive means, enable poets to reveal their creative potential as much as possible.

Methods or methodology of the work. The basis of the research is formed by the continuous sampling method in the selection of practical material as well as the method of descriptive linguo-stylistic analysis.

Results. The analysis shows that romantic poets have been greatly interested in the variability of the syntactic structures of poetic texts. The emergence of syntactic expressiveness is realized through the use of various techniques. Thus, the basis of expressive syntax in texts of German poetry comprises such stylistic techniques as anaphor, expressive syntac-

tic parallelism, antithesis, chiasm, asyndeton, polysyndeton, which serve as a strong syntactic and stylistic means of highlighting parts of a simple sentence and give a special expressive coloring to the entire poetic text. Inversion is also one of the traditional poetic means of expressive syntax. Stylistic expressiveness is achieved by means of intentional change of the order of syntax, it also serves to attract the reader's or listener's special attention. Expressive syntactic means in the poetry of romantics include rhetorical exclamation and rhetorical appeal. The emotional perception of the statement is enhanced by expressing the statement in an exclamatory form. As for the use of rhetorical treatment, it expresses the author's emotional attitude to different addressees of speech.

Practical implications. *The results of the study can be used at courses of language of German poetry, syntactic organization of poetic works, as well as at special courses on the syntax of poetic text.*

Keywords: *poetic text; anaphor; antithesis; parallelism; chiasm; inversion; rhetorical exclamation; appeal.*

Язык немецкой поэзии всегда оставался главным предметом научных поисков авторов. Этот интерес проявляется в том, что в языке поэзии новые тенденции в развитии языка раскрывают максимально свои творческие возможности. Как пишет М.М. Бахтин, «ни одной из культурных областей, кроме поэзии, язык весь не нужен, познанию совершенно не нужно сложное своеобразие звуковой стороны слова в ее качественной и количественной стороне, не нужно многообразие возможных интонаций, не нужно чувство движения артикуляционных органов и прочее» [2, с. 78]. Многогранность и универсальность языка полностью раскрывается в поэзии. Раскрывая свои чувства, автор точно и ярко подбирает слова, тем самым стремясь полностью реализовать весь потенциал возможности языка.

Стихотворная речь особый вид художественной речи, характер которой определяется спецификой ее структурной организации. «Поэтический текст подчиняется всем правилам данного языка. Однако на него накладываются новые, дополнительные по отно-

шению к языку ограничения: требование соблюдать определенные стиховые нормы, организованность на фонологическом, рифмовом, лексическом и идейно-композиционном уровнях» [10, с. 35].

Стихотворная речь отличается от прозаической прежде всего своей специфической организованностью, упорядоченностью. Основой этой организованности является ритм.

Многие исследователи стихотворной речи считают ритм и синтаксис основными отправными моментами при изучении поэтических произведений. В.М. Жирмунский отмечал: «Первоначальными факторами композиции в стихотворении мы считаем ритм и синтаксис» [8, с. 433]. Так, в поэтических текстах поэтов-романтиков большая часть выразительности заключена в синтаксисе. Для усиления выразительности речи и выделения членов предложения, поэты используют различные синтаксические экспрессивные средства.

Целью предлагаемой статьи является анализ языковых средств выразительности на уровне синтаксиса в немецком языке на материале поэзии поэтов-романтиков. Поставленная цель реализуется с помощью выполнения следующих задач: методом сплошной выборки определить корпус различных синтаксических средств выразительности в языке поэзии, установить частотность употребления стилистических приемов, анализ функционирования синтаксических средств выразительности.

Актуальность темы обусловлена общим интересом к проблемам различных синтактико-стилистических приемов выражения экспрессивности, которые находят наиболее яркое отражение в поэтическом тексте. Анализу возможных приемов экспрессивного синтаксиса посвящено много работ в различных аспектах (Н.Е. Шальнова, 1961; А.И. Волокитина, 1970; И.И. Ковтунова, 1980; В.В. Бабанина, 1994; М.А. Гончарова, 1999; Е.А. Ивойлова-Кифер, 2001; О.А. Кострова, 2004; М.В. Емнова, 2005; Дж.М. Дреева, 2006 и др). Теоретическую основу исследования составили теоретические положения, разработанные в трудах многих отечественных и зарубежных исследователей в области синтаксиса немецкого языка В.Г. Адмони [1], О.И. Москальской [11], и др, а также труды по стилистике,

поэтике, стиховедению и литературоведению В.В. Виноградова [4; 5], В.М. Жирмунского [8], Э. Ризель [16, 17], М.П. Брандес [3], Ю.М. Лотмана [10], Л.И. Тимофеева [12], Б.В. Томашевского [13], Ю.Н. Тынянова [14], W. Schneider [18], B. Sowinski [19] и др.

Материалом исследования послужили стихотворные произведения поэтов-романтиков 19 в. [7]. Выбор поэтических текстов в качестве материала позволяет по-новому представить синтаксические средства экспрессивного выделения членов в простом предложении и предъявить максимально полный корпус синтаксических выразительных средств. Достоверность результатов исследования обеспечивается объемом привлеченного для анализа фактического материала. Общий объем исследованных поэтических произведений составил около 1200 страниц. Методом сплошной выборки было отобрано около 368 примеров.

Анализ языковых средств выразительности на уровне синтаксиса выявил следующие приемы, которые были использованы в языке поэзии:

Таблица 1.

Синтаксические средства выразительности	Кол-во примеров данного приема
Анафора	78
Синтаксический параллелизм	71
Инверсия	59
Асиндетон	24
Полисиндетон	19
Антитеза	31
Хиазм	27
Императивные предложения	17
Риторическое обращение	20
Риторическое восклицание	22

Как явствует из таблицы, проведенный статистический анализ фактического материала обнаружил, что наиболее частотным и ярким средством синтаксической выразительности выступает анафора, которая является базой синтаксического оформления текстов

немецкого романтизма. Анафорический повтор, выдвигая наиболее важный повторяющийся элемент на первое место, позволяет сосредоточить на нем свое внимание и служит смысловому и эмоциональному усилению высказывания, задает определенный темп и мелодику, например:

*Wohl sprang der Hund zur Rettung hinzu,
Wohl heult'er die Schiffer aus ihrer Ruh,
Wohl zog er sie winselnd und zerrend her,-
Wie sie ihn fanden, da war er nicht mehr.
(A. von Chamisso, *der Bettler und sein Hund*)*

Приведенный фрагмент наглядно иллюстрирует характер выразительности повтора. Синтаксически выделяя модальное наречие *wohl*, поэт так ярко показывает рвение преданного пса спасти своего хозяина, который вместо того, чтобы утопить пса в пруду, сам бросается в воду и тонет.

Как средство выделения и подчеркивания какой-либо части высказывания в поэзии романтизма находит широкое применение такой стилистический прием как синтаксический параллелизм. При одинаковом синтаксическом расположении сходных членов предложения в соседних строках усиливается экспрессивная насыщенность всего высказывания. Так например, во фрагменте стихотворения «Der Gott und die Bajadere» И.В. Гете при помощи симметричного повтора соседних синтаксических конструкций мастерски насыщает четверостишие экспрессивностью и привлекает внимание читающего к тем действиям индийского Бога Магадева в облике человека, при помощи которых он проверяет чувства к нему индийской храмовой танцовщицы Баядеры:

*Und er küßt die bunten Wangen,
Und sie fühlt der Liebe Qual,
Und das Mädchen steht gefangen,
Und sie weint zum erstenmal;*

Инверсия (намеренное изменение порядка слов) – традиционное поэтическое средство, которое выполняет в языке поэзии выделительную и ритмическую функции. Статус стилистической инверсии

приобретает необычная постановка на первое и последнее место в предложении главных и второстепенных членов предложения. Рассмотрим следующий пример:

Schweigt der Menschen laute Lust:

Rauscht die Erde wie in Träumen

Wunderbar mit allen Bäumen... (*J. von Eichendorff, der Abend*)

Первые две строки приведенного примера иллюстрируют постановку на первое место спрягаемого глагола при последующем подлежащем, которая выступает как синтактико-стилистический прием поэзии для придания высказыванию стилового тона народной разговорной речи.

Распространенным выразительным средством стилистического синтаксиса в текстах поэзии является повторение однородных синтаксических единиц разного объема в рамках законченного высказывания при помощи асиндетона (бессоюзия) или полисиндетической связи. Так, асиндетическая сочинительная связь во втором четверостишии стихотворения «Die Musik kommt» Л. Лилиенкрона стилистически выделяет и подчеркивает наиболее значимые инструменты и участников музыкального шествия (тромбон, литаврист, геликон, корнет и т.д). Асиндетон является стилистическим средством создания сжатой, компактной, динамичной речи, ср.:

Brumbum, das große Bombardon,

Der Beckenschlag, das Helikon,

Die Piccolo, der Zinkenist,

Die Türkentrommel, der Flötist,

Und dann der Herre Hauptmann.

Полисиндетон – следующее экспрессивное синтаксическое средство, которое соединяет перечислительные элементы, сопровождая каждый союзом *und*. Так, в третьем четверостишии стихотворения «Mein Herz, mein Herz ist traurig» Г. Гейне, перечисляя однородные подлежащие, стремится создать эффект уравнищенности, размеренности высказывания, передавая грустные воспоминания поэта о прошлой жизни, ср.:

Jenseits erheben sich freundlich,
In winziger, bunter Gestalt,
Lusthäuser, und Gärten, und Menschen,
Und Ochsen, und Wiesen, und Wald.

Антитеза является ярким примером контрастного выражения понятий и суждений. Антитеза представляет собой параллельные синтаксические конструкции, стилистически значимые компоненты которых выражены одними и теми же членами предложения и которые располагаются в одинаковом порядке. При помощи контрастной экспрессии поэты усиливают внимание читающего к таким насущным темам как богатство и бедность, господство и рабство, радость и тоска, надежда и разочарование, ср:

Armut ist die die größte Plage.
Reichtum ist das höchste Gut! (*J.W. Goethe, der Schatzgräber*)
So bin ich der Herr, so bist du der Knecht.
(*A. von Chamisso, der Graf und der Leibeigene*)

Следующим приемом синтаксического выделения членов в предложении является хиазм. Поэты-романтики прибегают к параллельному перекрестному повтору синтаксических структур, чтобы эмоционально выразить свои чувства, переживания и тем самым привлечь внимание читающего. Так, отрывок из произведения И.В. Гете «Vor Gericht» иллюстрирует употребление автором хиастического повтора, тем самым пытаясь заслужить у читающего поддержку и понимание к беременной женщине, которая зачала ребенка вне брака и пытается отстаивать свои права перед судом, укаывая на то, что это дело только двоих (ее и ее возлюбленного), ср.:

Soll Spott und Hohn getragen sein,
Trag ich allein den Hohn.
Ich kenn ihn wohl, er kennt mich wohl,
Und Gott weiß auch davon.

Императивные предложения в текстах немецкой поэзии характеризуются высокой степенью эмоциональности, побуждая имплицитного собеседника к какому-либо действию и создавая тем самым впечатление прямого общения, ср.:

Hör, es klagt die Flöte wieder,
Und die kühlen Brunnen rauschen.
Golden wehn die Töne nieder,
Stille, stille, laß uns lauschen! (*C. Brentano, Abendständchen*)

Риторическое восклицание – особое средство стилистического выделения в языке поэзии в форме более короткого предложения. Выразительные возможности такого восклицания заключаются в яркой передаче воспоминаний и помогают передать силу чувства, бурную любовь, как например у Э. Мерики в его отрывке из «Nimmersatte Liebe», ср.:

So ist die Lieb! So ist die Lieb!
Mit Küssen nicht zu stillen:
Wer ist der Tor und will ein Sieb
Mit eitel Wasser füllen?

К числу выразительных средств языка поэзии относится также риторическое обращение. Обращение в языке поэзии имеет ряд синтаксических особенностей: обращения с притяжательным местоимением *mein*, как например, ставшие традиционными обращения *mein Schatz*, *mein Freund*, *mein Lieb*, *mein Mädchen* и другие, обращения, сопровождаемые местоимениями второго лица *du* и *ihr*, – *du lieb grau Männchen* (H. Heine), *ihr guten Seelen* (J.W. Goethe), а также обращения-повторы – *Stolz, mein Stolz* (A. von Chamisso), представляющие собой формы обращений, характерные только или преимущественно для поэтического стиля. Сильным стилистическим выделением характеризуются обращения к возлюбленной, матери, другу, богам, природе, Родине. Рассмотрим пример, который наглядно отражает тот круг явлений и персонажей (разговор матери и сына), с которыми поэт вступает в диалог, так как диалог в поэзии является одним из способов постижения вещей и выражения эмоционального отношения к ним, ср.:

Mein Sohn, o schone der Mutter dein,
Und laß das Gericht nur Gottes sein!
(*A. von Chamisso, Der Gesellen Heimkehr*)

Итак, как свидетельствует проведенное исследование, синтаксические средства выразительности составляют основу экс-

прессивного синтаксиса в языке поэзии 19 в. Самыми частотными являются анафорический повтор и синтаксический параллелизм, которые выступают как мощное экспрессивное средство для выделения особо важных и значимых слов в простом предложении. Инверсия является характерной особенностью языка поэзии романтиков, увеличивая смысловой вес стилистически выделяемых членов предложения, стремится максимально приблизиться к народному творчеству или придать возвышенную окраску предложению, а также действует в совокупности со стихотворными средствами (рифмой) и выполняют метрическую, стилистическую, ритмоорганизующую функции. Как средство стилистического выделения и подчеркивания наиболее значимых слов асиндетон, полисиндетон, антитеза и хиазм показывают различие в эмоциональном воздействии. Выразительные возможности риторического обращения и риторического восклицания заключаются в передаче восторженности, радости, разочарования. Смысловое и эмоциональное усиление основных предметных типов обращений помогает раскрыть мир поэта, его творческое восприятие.

Список литературы

1. Адмони В.Г. Синтаксис современного немецкого языка. Л.: Наука, 1973. 366 с.
2. Бахтин М.М. К эстетике слова // Контекст 1973. Литературно-теоретические исследования. М.: Наука, 1974. 416 с.
3. Брандес М.П. Стилистика немецкого языка. М.: Высш. шк., 1983. 271 с.
4. Виноградов В.В. Основные вопросы синтаксиса предложения // Вопросы грамматического строя. М.: АН СССР, 1955. 482 с.
5. Виноградов В.В. Стилистика. Теория поэтической речи. М.: АН СССР, 1963. 225с.
6. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: КомКнига, 2007. 144 с.
7. Дмитриев А.С. Немецкая поэзия XIX века. М.: Радуга, 1984. 704 с.

8. Жирмунский В.М. Теория стиха. Л.: Сов. Писатель, 1975. 664 с.
9. История зарубежной литературы XIX века. Под. ред. Н.А. Соловьевой. М.: Высш. Шк., 1991. 637 с.
10. Лотман Ю.М. Анализ поэтического текста: Структура стиха. Л.: Просвещение, 1972. 271 с.
11. Москальская О.И. Проблемы системного описания синтаксиса на материале немецкого языка. М.: Высш. шк., 1981. 173 с.
12. Тимофеев Л.И. Слово о стихе. М.: Сов. писатель, 1982. 344 с.
13. Томашевский Б.В. Теория литературы: Поэтика. М.: Аспект Пресс, 2002. 334 с.
14. Тынянов Ю.Н. Проблема стихотворного языка. М.: Академия, 1965. 301 с.
15. Engel U. Deutsche Grammatik. 3., Aufl. Heidelberg: Julius Groos, 1996. 888 S.
16. Riesel E. Theorie und Praxis der linguostilistischen Textinterpretation. M.: Hochschule, 1974. 182 S.
17. Riesel E., Schendels E. Deutsche Stilistik. M.: Hochschule, 1975. 315 S.
18. Schneider W. Stilistische deutsche Grammatik. Basel-Wien: Herder, 1963. 521 S.
19. Sowinski B. Textlinguistik: Eine Einführung. Berlin: Erich Schmidt Verlag, 2010. 160 S.

References

1. Admoni V.G. *Sintaksis nemeckogo jazyka* [Syntax of the German language]. Leningrad: Nauka, 1973. 366 p.
2. Bahtin M.M. К эстетике слова [On the aesthetics of the word]. *Kontekst 1973. Literaturno-teoreticheskie issledovaniya*. Moscow: Nauka, 1974. 416p.
3. Brandes M.P. *Stilistika nemeckogo jazyka* [Stylistics of the German language]. Moscow: Vyssh. shk., 1983. 271p.
4. Vinogradov V.V. Osnovnije voprosi sintaksisa predlozenija [The main issues of sentence syntax]. *Voprosy grammaticheskogo stroja*. Moscow: AN SSSR, 1955. 482 p.

5. Vinogradov V.V. *Stilistika. Teoriya poeticheskoy rechi* [Stylistics. Theory of poetic speech]. Moscow: AN SSSR, 1963. 225 p.
6. Galperin I.R. *Tekst kak object lingvisticheskogo issledovaniya* [Text as an object of linguistic study]. Moscow: KomKniga, 2007. 144 p.
7. Dmitriyev A.S. *Nemetskaya poeziya veka* [German poetry of the XIX century]. Moscow: Raduga, 1984. 704 p.
8. Zhirmunskiy V.M. *Teoriya stikha* [Theory of verse]. Leningrad: Sov. Pisatel, 1975. 664 p.
9. *Istoriya zarubezhnoy literatury XIX veka*. [History of foreign literature of the XIX century]. Pod. red. N.A. Solovyevoy. Moscow: Vyssh. Shk., 1991. 637 p.
10. Lotman Yu.M. *Analiz poeticheskogo teksta: Struktura stikha* [Analysis of the poetic text: The structure of the verse]. Leningrad: Prosveshchenije, 1972. 271 p.
11. Moskalskaya O.I. *Problemy sistemnogo opisanija sintaksisa na materiale nemeckogo jazyka* [Problems of the system description of syntax using the German language material]. Moscow: Vyssh. shk, 1981. 173 p.
12. Timofeyev L.I. *Slovo o stikhe* [Word on the verse]. Moscow: Sov. pisatel, 1982. 344 p.
13. Tomashevskiy B.V. *Teoriya literatury: Poetika* [Theory of literature: poetics]. Moscow: Aspekt Press, 2002. 334 p.
14. Tynyanov Yu.N. *Problema stikhotvornogo yazyka* [The problem of poetic language]. Moscow: Akademija, 1965. 301 p.
15. Engel U. *Deutsche Grammatik*. 3., Aufl. Heidelberg: Julius Groos, 1996. 888 S.
16. Riesel E. *Theorie und Praxis der linguostilistischen Textinterpretation*. M.: Hochschule, 1974. 182 S.
17. Riesel E., Schendels E. *Deutsche Stilistik*. M.: Hochschule, 1975. 315 S.
18. Schneider W. *Stilistische deutsche Grammatik*. Basel-Wien: Herder, 1963. 521 S.
19. Sowinski B. *Textlinguistik: Eine Einführung*. Berlin: Erich Schmidt Verlag, 2010. 160 S.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Чайко Наталья Николаевна, доцент кафедры немецкого языка,
кандидат филологических наук
*Северо-Осетинский государственный университет им.
К.Л. Хетагурова*
*ул. Ватутина, 44-46, г. Владикавказ, 362025, Республика
Северная Осетия-Алания, Россия*
n.tchaiko @yandex.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Chaiko Natalja Nikolaevna, Associate Professor, Department of Ger-
man Language, Ph. D. in Philology
North-Ossetian State University after K.L. Khetagurov
*44-46 Vatutina Str., Vladikavkaz, 362025, Republic of North
Ossetia, Russia*
n.tchaiko @yandex.ru

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

(<http://soc-journal.ru/submissions.html>)

В журнале публикуются оригинальные статьи на русском и английском языках, содержащие результаты фундаментальных и теоретико-прикладных исследований в области филологии, истории и философии, а также обзорные статьи ведущих специалистов по тематике журнала.

Требования к оформлению статей

Объем рукописи	7–24 страницы формата А4, включая таблицы, иллюстрации, список литературы; для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук – 7–10.
Поля	все поля – по 20 мм
Шрифт основного текста	Times New Roman
Размер шрифта основного текста	14 пт
Межстрочный интервал	полуторный
Отступ первой строки абзаца	1,25 см
Выравнивание текста	по ширине
Автоматическая расстановка переносов	включена
Нумерация страниц	не ведется
Формулы	в редакторе формул MS Equation 3.0
Рисунки	по тексту
Ссылки на формулу	(1)
Ссылки на литературу	[2, с. 5], цитируемая литература приводится общим списком в конце статьи в порядке упоминания

ЗАПРЕЩАЕТСЯ ИСПОЛЬЗОВАТЬ ССЫЛКИ-СНОСКИ ДЛЯ УКАЗАНИЯ ИСТОЧНИКОВ

Обязательная структура статьи

УДК

ЗАГЛАВИЕ (на русском языке)

Автор(ы): фамилия и инициалы (на русском языке)

Аннотация (на русском языке)

Ключевые слова: отделяются друг от друга точкой с запятой
(на русском языке)

ЗАГЛАВИЕ (на английском языке)

Автор(ы): фамилия и инициалы (на английском языке)

Аннотация (на английском языке)

Ключевые слова: отделяются друг от друга точкой с запятой
(на английском языке)

Текст статьи (на русском языке)

1. Введение.
2. Цель работы.
3. Материалы и методы исследования.
4. Результаты исследования и их обсуждение.
5. Заключение.
6. Информация о конфликте интересов.
7. Информация о спонсорстве.
8. Благодарности.

Список литературы

Библиографический список по ГОСТ Р 7.05-2008

References

Библиографическое описание согласно требованиям журнала

ДАнные ОБ АВТОРАХ

Фамилия, имя, отчество полностью, должность, ученая степень, ученое звание

Полное название организации – место работы (учебы) в именительном падеже без составных частей названий организаций, полный юридический адрес организации в следующей последовательности: улица, дом, город, индекс, страна (на русском языке)

Электронный адрес

SPIN-код в SCIENCE INDEX:

DATA ABOUT THE AUTHORS

Фамилия, имя, отчество полностью, должность, ученая степень, ученое звание

Полное название организации – место работы (учебы) в именительном падеже без составных частей названий организаций, полный юридический адрес организации в следующей последовательности: дом, улица, город, индекс, страна (на английском языке)

Электронный адрес

AUTHOR GUIDELINES

(<http://soc-journal.ru/submissions.html>)

The journal publishes original articles in Russian and English, containing the results of fundamental and theoretical and applied research in the field of philology, history and philosophy, as well as review articles by leading experts on the subject of the journal.

Requirements for the articles to be published

Volume of the manuscript	7–24 pages A4 format, including tables, figures, references; for post-graduates pursuing degrees of candidate and doctor of sciences – 7–10.
Margins	all margins –20 mm each
Main text font	Times New Roman
Main text size	14 pt
Line spacing	1.5 interval
First line indent	1,25 cm
Text align	justify
Automatic hyphenation	turned on
Page numbering	turned off
Formulas	in formula processor MS Equation 3.0
Figures	in the text
References to a formula	(1)
References to the sources	[2, p. 5], references are given in a single list at the end of the manuscript in the order in which they appear in the text

**DO NOT USE FOOTNOTES
AS REFERENCES**

Article structure requirements

TITLE (in English)

Author(s): surname and initials (in English)

Abstract (in English)

Keywords: separated with semicolon (in English)

Text of the article (in English)

1. Introduction.

2. Objective.

3. Materials and methods.

4. Results of the research and Discussion.

5. Conclusion.

6. Conflict of interest information.

7. Sponsorship information.

8. Acknowledgments.

References

References text type should be Chicago Manual of Style

DATA ABOUT THE AUTHORS

Surname, first name (and patronymic) in full, job title, academic degree, academic title

Full name of the organization – place of employment (or study) without compound parts of the organizations' names, full registered address of the organization in the following sequence: street, building, city, postcode, country

E-mail address

SPIN-code in SCIENCE INDEX:

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

ПОСТМОДЕРНИСТСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ В ТВОРЧЕСТВЕ Э. ЕЛИНЕК Акашева Т.В., Рахимова Н.М.	14
ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ЗООНИМОВ ТЕМАТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ <i>ОБЕЗЬЯНА</i> В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ Болгова Е.В.	38
ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ АВТОРСКОЙ СКАЗКИ (НА МАТЕРИАЛЕ СКАЗОК О. УАЙЛЬДА) Боровкова Е.Р.	63
КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПРИЗНАКИ ГИПЕРБОЛИЗАЦИИ ЮМОРА В АМЕРИКАНСКОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ Вержинская И.В.	74
ВЕРБАЛЬНЫЕ И НЕВЕРБАЛЬНЫЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ НЕДООЦЕНКИ В РОМАНЕ С. КИНСЕЛЛЫ «Я – ТВОЙ ДОЛЖНИК»: СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА) Власова Е.В., Тисленкова И.А.	84
СРАВНЕНИЕ В РЕЧИ ПРЕДСТАВИТЕЛЬНИЦ СРЕДНИХ КЛАССОВ АНГЛИЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ (НА МАТЕРИАЛЕ СОВРЕМЕННОГО АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА) Власова Е.В., Тисленкова И.А.	98
ПОЛИСЕМИЯ, КОНТЕКСТ И ТРАНСЛЯЦИЯ СМЫСЛОВ Воркачев С.Г., Воркачева Е.А.	112

КАЛЬКИРОВАНИЕ АНГЛИЙСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ НА ТАТАРСКИЙ ЯЗЫК Гарипова А.А.	126
ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЕ И СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПАРАМЕТРЫ АНГЛИЙСКОЙ ЛЕКСИЧЕСКОЙ ЕДИНИЦЫ ‘MEDICINE’ Голубых А.А.	140
ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА СОСЛАГАТЕЛЬНОГО НАКЛОНЕНИЯ В АНГЛИЙСКОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ Емец Т.В., Барышникова Ю.В., Емец А.В.	153
РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО СОСТОЯНИЯ «СТРАХ» В ТАТАРСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ Исмагилова Л.И.	169
КОММУНИКАТИВНЫЕ ИНФОРМАЦИОННЫЕ СТРАТЕГИИ ЦИФРОВОЙ ДИПЛОМАТИИ ВЕЛИКОБРИТАНИИ Кауфова И.Б., Кауфова Л.А.	178
ОБРАЗ ТУМАНА В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ Кисткина Ю.М., Шестеркина Н.В.	193
АНАЛИТИЧЕСКИЕ КОНСТРУКЦИИ С ГЛАГОЛОМ <i>METTRE</i> В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ТАМОЖЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ НА ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ Когтева Е.В.	218
ЦВЕТОВЫЕ МЕТАФОРЫ В РЕКЛАМНОМ ТУРИСТИЧЕСКОМ НАРРАТИВЕ Меньшикова Е.Е.	231

ОСОБЕННОСТИ СТИЛИСТИЧЕСКОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ И ЭКСПРЕССИВНЫХ СРЕДСТВ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ У. ШЕКСПИРА И Э. ДИКИНСОН Мосолкова (Костицына) М.Г., Марданшина Р.М., Калганова Г.Ф.	257
АВТОРИТАРНЫЕ И МИНОРИТАРНЫЕ ЯЗЫКОВЫЕ ЛИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ ПЕДАГОГИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ Палий Т.П., Багян А.Ю.	272
ЗНАЧЕНИЕ РЕЧЕВОГО ЭТИКЕТА В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОТРУДНИКА МВД Перепелицына Ю.Р., Нарыкова Н.А., Хатагова С.В.	284
ЯЗЫКОВАЯ ЭКОНОМИЯ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛОЯЗЫЧНОМ ИНТЕРНЕТ-ПРОСТРАНСТВЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ПУБЛИКАЦИЙ О ПРЕДВЫБОРНОЙ КАМПАНИИ В США) Самборук Л.А.	305
АСПЕКТУАЛЬНЫЕ ПАРАМЕТРЫ ТУРЕЦКОГО ГЛАГОЛА Такоева Т.А.	320
СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ С АНТОНИМИЧНЫМИ КОМПОНЕНТАМИ В АНГЛИЙСКОМ И КАЗАХСКОМ ЯЗЫКАХ Тукешова Н.М.	333
ПОРТРЕТ И ЕГО ФУНКЦИЯ В РАССКАЗАХ Н.М. КОНОНОВА Унгурьянова Е.А.	351
СРЕДСТВА СОЗДАНИЯ ЭКСПРЕССИВНОГО СИНТАКСИСА В ТЕКСТАХ НЕМЕЦКОЙ ПОЭЗИИ Чайко Н.Н.	372
ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ	385

CONTENTS

LANGUAGE STUDIES

POSTMODERN TENDENCIES IN THE WORKS OF E. JELINEK Akasheva T.V., Rakhimova N.M.	14
FUNCTIONING OF ZOONYMS OF THE <i>MONKEY</i> THEMATIC GROUP IN MODERN RUSSIAN Bolgova E.V.	38
LINGUISTIC AND STYLISTIC FEATURES OF THE AUTHOR FAIRY TALE (BASED ON O. WILDE'S FAIRY TALES) Borovkova E.R.	63
CONCEPTUAL FEATURES OF HUMOR HYPERBOLIZATION IN AMERICAN ARTISTIC DISCOURSE Verzhinskaya I.V.	74
VERBAL AND NONVERBAL MEANS OF EXPRESSING UNDERSTATEMENT IN «I OWE YOU ONE» BY S. KINSELLA: SOCIO-CULTURAL ASPECT (BASED ON THE ENGLISH LANGUAGE MATERIAL) Vlasova E.V., Tislenkova I.A.	84
SIMILE IN THE SPEECH OF THE MIDDLE-CLASS WOMEN IN THE ENGLISH LINGUISTIC CULTURE (BASED ON THE MODERN ENGLISH LANGUAGE) Vlasova E.V., Tislenkova I.A.	98
POLYSEMY, CONTEXT AND MEANINGS TRANSFERENCE Vorkachev S.G., Vorkacheva E.A.	112

LOAN-TRANSLATION OF ENGLISH PHRASEOLOGICAL UNITS IN THE TATAR LANGUAGE Garipova A.A.	126
ETYMOLOGICAL AND SEMANTIC CHARACTERISTICS OF ‘MEDICINE’ IN MODERN ENGLISH GOLUBYKH A.A.ETYMOLOGICAL AND SEMANTIC CHARACTERISTICS OF ‘MEDICINE’ IN MODERN ENGLISH Golubykh A.A.	140
PECULIARITIES OF CONJUNCTIVE INCLINATION TRANSLATION IN THE ENGLISH LITERARY TEXT Emets T.V., Baryshnikova I.V., Emets A.V.	153
REPRESENTATION OF THE EMOTIONAL STATE «FEAR» IN TATAR PHRASEOLOGY Ismagilova L.I.	169
COMMUNICATIVE INFORMATION STRATEGIES IN DIGITAL DIPLOMACY OF GREAT BRITAIN Kaufova I.B., Kaufova L.A.	178
THE IMAGE OF FOG IN THE ENGLISH BELLES-LETTRES TEXTS Kistkina Y.M., Shesterkina N.V.	193
ANALYTICAL CONSTRUCTIONS WITH THE VERB <i>METTRE</i> IN PROFESSIONAL CUSTOMS LITERATURE IN FRENCH Kogteva E.V.	218
COLOR METAPHORS IN THE ADVERTISING TOURIST NARRATIVE Menshikova E.E.	231
FEATURES OF STYLISTIC INFLUENCE AND EXPRESSIVE MEANS OF THE ENGLISH LANGUAGE IN THE POETRY OF W. SHAKESPEARE AND E. DICKINSON Mosolkova (Kostitsyna) M.G., Mardanshina R.M., Kalganova G.F.	257

AUTHORITY AND MINORITY LINGUISTIC IDENTITIES IN MODERN PEDAGOGICAL DISCOURSE Paliy T.P., Bagiyan A.Yu.	272
IMPORTANCE OF SPEECH ETIQUETTE IN PROFESSIONAL ACTIVITY OF LAW ENFORCEMENT POLICE OFFICERS Perepelitsyna Y.R., Narykova N.A., Khatagova S.V.	284
LAW OF LANGUAGE ECONOMY IN MODERN ENGLISH VIRTUAL SPACE (BASED ON AMERICAN PRESIDENTIAL CAMPAIGN PUBLICATIONS) Samboruk L.A.	305
ASPECTUAL CHARACTERISTICS OF THE TURKISH VERB Takoeva T.A.	320
COMPARATIVE STUDY OF THE PHRASEOLOGICAL UNITS WITH ANTONYMOUS COMPONENTS IN THE ENGLISH AND KAZAKH LANGUAGES Tukeshova N.M.	333
PORTRAIT AND ITS FUNCTION IN TALES BY N.M. KONONOV Unguryanova E.A.	351
MEANS OF CREATING EXPRESSIVE SYNTAX IN GERMAN POETRY Chaiko N.N.	372
RULES FOR AUTHORS	385

Подписано в печать 30.10.2020. Дата выхода в свет 30.10.2020. Формат 60x84/16. Усл. печ. л. 28,21. Тираж 5000 экз. Свободная цена. Заказ SISP125/020. Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии «Издательство «Авторская Мастерская». Адрес типографии: ул. Пресненский Вал, д. 27 стр. 24, г. Москва, 123557 Россия.